

~~VI 15~~
2

A $\frac{139}{36}$

802-11
283

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1852.

ИМПЕРАТОРСКОМУ
УЧЕБНОМУ
ЗАВЕДЕНІЮ
1852
948-ХСХІІ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 Октября 1852 года.

Ценсоръ *Н. Елашинъ.*

У/Р
96

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Дипломатическіе обычаи древней Россіи. *А. Сахарова.* 1—36

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Путешествіе Высочайшихъ особъ (стр. 1). Высочайшіе рескрипты (6), Приказъ Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній (9), Правительственные распоряженія: По министерствамъ: Военному (10), Государственныхъ Имуществъ (13), Финансовъ (15), Юстиціи (19), Внутреннихъ Дѣлъ (24); Кавказскому Комитету (25), Вѣдомству Путей Сообщенія (27). Опредѣленіе и назначеніе (28). Пожалованіе орденами (29). 1—30

Извѣстiя съ Кавказа.	30—32
Разныя извѣстiя. Доходы, расходы и городское хозяйство въ С.-Петербургѣ (32). Нижегородская ярмарка (36). Пароходство по Каспiю (40). Сильныя бури и грозы (41). Замѣчательныя пожары (42). Смерть отъ неосторожности (45). Смерть отъ живаго окуня (45). Богатыри (46).	32—46
Некрологъ.	47—
ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТIЯ. Францiя (48). Англiя (60). Германiя (72). Австрiя (74). Пруссiя (77). Италiя (79). Испанiя (81). Грецiя (82). Турцiя (82). Азiя (84). Африка (85). Америка (86).	47—87
Новости ученаго мiра. Новая планета (87). Громалный телескопъ (88).	87—88
Желѣзныя дороги и пароходство.	88—89
Разныя извѣстiя. Изверженiе Этны (90). Путешественница (91). Джонъ Франклинъ (91). Новый городъ (92). Всемирная выставка въ Нью-Йоркѣ (92). Всемирная выставка въ Дублинѣ (93). Осушка Гарлемскаго озера (93). Болѣзнь картофеля (93). Кохъ-и-нуръ (93). Памятникъ Рембрандту, въ Амстердамѣ (94). Памятникъ Тициану (95). Рукописи Коломба (95). Новая опера (95). Говорящiй глухо-нѣмой (95).	90—95
Некрологъ.	96—

РУССНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТЕПИ. (Эпизодъ изъ романа «Собиратель земли Русской». Н. В. КУКОЛЬНИКА	1—36
---	------

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Францирка ван-Рузмаль. (Повѣсть Генриха Консианса). Переводъ съ фламандскаго	1—48
--	------

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Исторiя парохода. В. Карелна.	1—21
Путевыя замѣтки по Финляндiи. В. Войта.	22—38

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФIЯ.

71. Городское или среднее состоянiе русскаго народа. Л. О. Плошинскаго. С.Пб. 1852 г.	по восточной европейской Россiи. Юсифа Бѣлова. Москва 1852 г.
72. Fables de Kryloff. С.Пб. 1852 г.	76. Последняя гривна. С.Пб. 1852г.
73. Путевыя замѣтки и впечатлѣнiя по Московской и Тверской губернiямъ. Юсифа Бѣлова Москва 1852г.	77. Грамматика старославянскаго языка. Изданная Петромъ Перевлѣскимъ. С.Пб. 1852 г.
74. Путевыя замѣтки и впечатлѣнiя по западной Сибири. Юсифа Бѣлова. Москва 1852 г.	78. Поученiя къ сельскимъ прихожанамъ. Протоіеря Тульской губернiи, Ефремовскаго уѣзда, села Благодати, Юанна Пискарева, изд. второе. С.Пб. 1852 г.
75. Путевыя замѣтки и впечатлѣнiя	

СМѢСЬ.

Сѣверо-Американскiе Штаты.	1—9
Финляндiя.	9—20

IV

УДРЯКЪ-БАШЪ, или 22 АВГУСТА въ Мещерякскомъ кантонѣ. В. З-ф-р-ва.	20—27
ПЕРВОЕ КНИГОПЕЧАТАНІЕ. (Изъ Voleur—Cabinet de Lecture).	27—36
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИЗНИ И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ Ѳ. Н. МЕНЦОВА.	36—46

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Модная картинка.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

(Посвящено брату Николаю Александровичу Сахарову.)

Мы предприняли познакомить публику съ дипломатическими обычаями древней Россіи. Подъ дипломатическими обычаями мы разумѣемъ тѣ правила и формы, которыя приняты были у насъ въ періодъ до единодержавія Петра Великаго относительно права посольства вообще, веденія переговоровъ и заключенія государственныхъ трактатовъ; короче, относительно орудій дипломатіи — пословъ, и ихъ дѣятельности—заключенія договоровъ. Если подъ именемъ дипломатіи понимать взаимныя, договорами, обычаями или соглашениями опредѣленныя и на идеѣ правды основанныя отношенія народовъ или государствъ, то, соотвѣтственно этому, послами дипломатическими въ строгомъ смыслѣ должно признавать только такихъ лицъ, которыя посылаются отъ одного народа или государства къ другому на-

роду или государству съ цѣлью осуществленія этихъ отношеній, что, дѣйствительно, принимается и въ теоріи и въ практикѣ народнаго права. Но дипломатія въ такомъ объемѣ и въ такой обширности является у одной какой-либо націи только въ позднѣйшее время, какъ одно изъ высшихъ проявленій ея разумной жизни и какъ свидѣтельство успѣховъ ея на поприщѣ цивилизаціи. Необходимо государству внутренне окрѣпнуть, развить въ-самомъ-себѣ начала правды, чтобы, во имя ея, вступать въ сношенія съ другими государствами. Такимъ-образомъ, держась въ предѣлахъ этихъ понятій, пришлось бы въ исторіи дипломатіи пропускать цѣлые періоды изъ жизни народа. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, мы должны были бы исключить изъ нашего разсужденія удѣльную эпоху, замѣчательную по совершенному почти отсутствію истинно-дипломатическихъ событій, и начать исторію русскихъ дипломатическихъ обычаевъ съ царствованія Іоанна III. Между-тѣмъ всеобщая исторія указываетъ намъ на множество примѣровъ, изъ которыхъ видно, что права и обязанности, принадлежащія только дипломатическимъ агентамъ, принадлежали и такимъ посламъ, которые не были послами въ смыслѣ права народовъ, но тѣмъ неменѣе пользовались ихъ привилегіями и имѣли одинаковыя съ ними правила для дѣйствій. Геніальный основатель науки права народовъ, во второй книгѣ своего знаменитаго творенія: *De jure belli et pacis*, слѣдующими словами опредѣляетъ право посольства. «Сочиненія древнихъ писателей»,—говоритъ онъ,—«наполнены выраженіями и мыслями о томъ, что послы суть лица священныя; здѣсь постоянно признается, что по отношенію къ нимъ надо соблюдать право народовъ, что это право есть право божественное и человѣческое, какъ называетъ его Цицеронъ. Каковы бы ни были преимущества этого рода права народовъ, они принадлежатъ единственно посламъ, посылаемымъ отъ государя къ государю. Что-же касается до депутатовъ городскихъ или провинціальныхъ, или другихъ имъ подобныхъ, которые не акредитуются при иностран-

ныхъ державахъ, то они находятся не подъ защитою права народовъ, по законовъ своего отечества. Такъ у Тита Ливія одинъ посолъ называетъ себя публичнымъ вѣстникомъ римскаго народа. По словамъ того же Ливія, сенатъ римскій однажды объявилъ, что привилегіи пословъ принадлежатъ иностранцамъ, а не гражданамъ или подданнымъ государства. Спрашивается: кого же надо считать иностранцемъ? Лучшій отвѣтъ на это даетъ намъ *Виргилій*: по его мнѣнію, иностранною землею должно считать ту, которая независима отъ насъ. Поэтому, какъ въ неравномъ союзѣ, ислѣдующій союзникъ не перестаетъ чрезъ то быть независимымъ, то онъ также имѣетъ право посылать пословъ къ союзнику высшему. Даже тѣ, которые, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, суть подданные своего союзника, пользуются этимъ правомъ по отношенію къ такимъ дѣламъ, по которымъ они отъ него независимы. Государя, побѣжденные въ формальной войнѣ, лишеныя своего государства, теряютъ, вмѣстѣ съ другими принадлежностями верховной власти, право посылать пословъ.—Народное право иногда, хотя противъ правила, имѣетъ примѣненіе и въ гражданской войнѣ, когда, напримѣръ, народъ раздѣлился на двѣ почти равныя партіи, такъ что неизвѣстно, которой сторонѣ принадлежитъ верховная власть, или когда есть два претендента какой-нибудь короны. Въ этомъ случаѣ одинъ и тотъ же народъ разсматривается какъ бы состоящій изъ двухъ народовъ» *. Мы нарочно выписали подлинныя слова *Гуго*

* *Passim enim legimus sacra legationum, sanctimoniam legatorum, jus gentium illis debitum, jus divinum humanumque: sanctum inter gentes jus legationum, foedera sancta gentibus, foedus humanum: sancta corpora legatorum: Papinio,*

Sanctum populis per saecula nomen.

Cicero de Haruspicum responsis: Sic enim sentio, jus legatorum cum hominum praesidio munitum, tum etiam divino jure esse vallatum.

Гроція, чтобъ прикрыть себя эгидою великаго авторитета: если кто-либо будетъ возражать противъ нашего изслѣдованія объ удѣльномъ періодѣ. Итакъ основаніемъ права посылать пословъ служитъ *независимость* того, кто посылаетъ, по отношенію къ тому, къ кому онъ посылаетъ. Это опредѣленіе весьма важно и, что еще лучше, почерпнуто изъ глубокаго изученія исторической дипломатіи. Напримѣръ, въ удѣльную эпоху, князья, общины и дружины посылали пословъ другъ къ другу, и заключали взаимные договоры, потому-что были совершенно самостоятельны сами по себѣ и независимы другъ отъ друга. Ни ихъ пословъ, ни ихъ

Itaque hoc violare non injustum tantum esse sed impium omnium confessione, ait Philippus in epistola ad Athenienses — Sed primum sciendum est, qualecunque est hoc jus gentium de quo videbimus, ad eos legatos pertinere, quos mittunt qui summi imperii sunt compotes inter se: nam qui extra hos legati sunt provinciales, municipales atque alii, non jure gentium, quod inter gentes est diversas, sed jure civili reguntur. Legatus apud Livium publicum se nuntium populi Romani vocat. Apud eundem Livium alibi senatus Romanus jus legationis externo, non civi comparatum ait: et Cicero ut ostendat non esse legatos mittendos ad Antonium: Non enim, inquit, cum Annibale res est hoste rei publicae, sed cum cive. Qui autem externi habendi sint ita clare exposuit Virgilius, ut nemo Jurisconsultorum possit clarius:

Omnem equidem sceptris terram quae libera nostris
Dissidet, externam reor.

Qui ergo impari junguntur foedere, cum sui juris esse non desinant, jus habebunt legationis: imo et hi qui ex parte subditi sunt, ex parte non sunt, pro ea parte qua non sunt subditi. At reges qui bello solenni victi regnoque exuti sunt, cum aliis regni bonis et jus legandi perdidērunt. Ideo Persei a se victi caduceatores retinuit P. Aemilius. In bellis vero civilibus necessitas interdum locum huic juri facit extra regulam, puta cum ita divisus est populus in partes quasi aequales, ut dubium sit ab utra parte stet jus imperii; aut cum jure admodum controverso de regni successione duo decertant. Nam hoc eventu gens una pro tempore quasi duae gentes habetur. На Flavianos accusat Tacitus quod sacrum etiam inter exteris gentes legatorum jus in Vitellianis civili rabie temerassent. — Hugonis Grotii. De jure belli et pacis, libri tres, liber II, caput XVIII, § I и II.

договоровъ нельзя назвать дипломатическими, но тѣмъ не менѣе, опираясь на сказанное нами выше, мы избрали ихъ однимъ изъ главныхъ предметовъ нашего изслѣдованія. Удѣльная эпоха именно отличается политическимъ равновѣсіемъ этихъ трехъ элементовъ нашей цивилизаціи, изъ коихъ ни одинъ не преобладалъ надъ другимъ до времени Іоанна III. Если мы признаемъ за ними право посольства и переносимъ на пословъ ихъ характеръ дипломатическій, то, не дѣлая насилія логикѣ, мы не можемъ не считать дипломатическими и ихъ взаимныхъ договоровъ, ибо договоры суть результаты дѣятельности пословъ, и тѣсно связаны съ самымъ понятіемъ о послѣднихъ. Къ тому же обоюдные договоры нашихъ князей вполне сходны съ позднѣйшими договорами Царей Московскихъ съ иностранными государями; а договоры Новгорода съ русскими князьями съ такими же договорами его съ королями польскими, такъ что князья русскіе и Новгородъ смотрѣли на свои отношенія къ русскимъ же князьямъ точно также, какъ на свои отношенія къ государямъ иностраннымъ*.

Мы раздѣлимъ исторію дипломатическихъ обычаевъ древней Россіи до единоподержавія Петра Великаго на слѣдующіе три періода.

Періодъ первый, обнимающій собою время отъ основанія государства до образованія княжествъ, при первенствѣ великаго князя, отъ 862 года до половины XI столѣтія, или періодъ варяжскій. — Мы назовемъ его періодомъ происхожденія обычаевъ народныхъ, разумѣя подъ обычаями народными—дипломатію *внутреннюю*, дипломатію, опредѣ-

* См. «Памятники дипломатическихъ сношеній», стр. 37, и 38, также исторію договоровъ московскаго періода, въ концѣ нашего разсужденія: договоръ Новгорода, съ Казимиромъ Литовскимъ, помѣщенный при изслѣдованіи Соловьева; «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ», въ Читеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, книжка. 1 Москва. 1846, стр. 149.

лявшую отношенія князей, общинъ и дружинъ, въ отличіе отъ дипломатіи *вышней*, или дипломатіи въ смыслъ права народовъ.

Второй періодъ—отъ образованія княжествъ, при первенствѣ великаго князя, до введенія монархіи, отъ половины XI до половины XVI вѣка, періодъ удѣльный, періодъ полного развитія обычаевъ народныхъ.

Третій періодъ—отъ введенія монархіи до единой державы Петра Великаго, отъ половины XVI вѣка до 1689 года, періодъ московскій, періодъ господства истинно-дипломатическихъ обычаевъ, съ явнымъ заимствованіемъ большей части ихъ изъ Византіи, и къ концу этого періода сливающихся съ европейскими.—Первая мысль о дипломатическихъ заимствованіяхъ изъ Византіи явилась почти за сорокъ лѣтъ передъ симъ, и принадлежитъ Успенскому. Но онъ указалъ на одинъ только случай этихъ заимствованій, именно тотъ, что во-время представленія иностранныхъ пословъ русскимъ государямъ, предъ престоломъ послѣднихъ стояли тѣлохранители,—церемонія, употреблявшаяся у Грековъ *. Ближайшее знакомство съ византійскими писателями позволяетъ дѣлать сравненія еще далѣе, и открываетъ много другихъ отчасти измѣненныхъ, отчасти вполнѣ принятыхъ заимствованій, на сколько они были возможны для тогдашней Россіи и примѣнимы къ ея историческому положенію. Въ настоящее время многостороннее вліяніе Византіи на нравы, искусства и образованность древней Россіи уже не новость для нашей публики; она давно познакомилась съ нимъ изъ сочиненій извѣстнѣйшихъ нашихъ юристовъ и историковъ, и потому указываемыя нами заимствованія служатъ только необходимымъ и какъ бы само-со-

* Успенскій, «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ». Харьковъ, 1818 года, стр. 270, прим. а.

бою разумѣющимся дополненіемъ къ изслѣдованіямъ послѣднихъ *.

* Важнѣйшія сочиненія о вліяніи Византіи на древнее русское право суть слѣдующія: «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго», сочиненіе К. Неволіна, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1847 г. ч. 55, отд. 2. «Исторія Россійскихъ Гражданскихъ законовъ», его же, Спб. 1851 года, 3 тома. «Изслѣдованія о Русской правдѣ» Калачова. Москва. 1846 г. «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права», его же. Въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс., засѣд. 25 окт. и 29 нояб. 1847 г. «Рѣчь объ историческомъ значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ», произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета Н. Крыловымъ, 11 июня 1838. Москва 1838 г. «Разсужденіе о вліяніи грекоримскаго права на Россійскіе гражданскіе законы», соч. Рождественскаго, напечатанное въ Актѣ С.-Петербургскаго Университета, 1843 г.—Сверхъ-того мы ожидаемъ еще любопытное сочиненіе г. Калачова «О вліяніи Византіи на юридическій бытъ древней Россіи».

Мы означимъ здѣсь сочиненія, въ которыхъ болѣе или менѣе излагался предметъ нашего разсужденія.

«Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ» Гавріила Успенскаго. Харьковъ 1818 года. Глава III «О посольствахъ и государственномъ гербѣ» заключаетъ въ себѣ болѣею частию переводъ Герберштейна.

Рѣчи и отчетъ, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 17 июня 1847 года. «Рѣчь о древней Русской Дипломатіи» Пр. В. Лешкова, есть первый и притомъ прекрасный опытъ научнаго обработыванія нашего предмета.

Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Спб. 1851 года. Предисловіе XI—XXV.

Москвитянинъ 1851 года. № 15. Августъ. Книга первая. Критика и Библиографія. Рецензія на предъидущую книгу г. Лешкова, стр. 311—330.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ НАЧАЛА ГОСУДАРСТВА ДО ОБРАЗОВАНІЯ КНЯЖЕСТВЪ, ПРИ ПЕРВЕНСТВѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

ОТЪ ПОЛОВИНЫ ІХ ДО ПОЛОВИНЫ ХІ ВѢКА.

Большая часть нынѣшней европейской Россіи въ началѣ ІХ-го столѣтія заселена была славянскими племенами, отличавшимися особностію своей жизни, чуждostí, даже враждебностію другъ-къ-другу, нравами, обычаями и образомъ устройства, такъ что каждое племя было совершенно замкнутымъ въ самомъ-себѣ міромъ. Но между ними много было и общаго: во-первыхъ, всѣ они были основаны на началѣ осѣдлости; во-вторыхъ, имѣли патріархально-родовой бытъ въ тѣхъ или другихъ формахъ его. Такъ Несторъ, называя вообще Славянъ насельниками, говоритъ, что они селились или при рѣкахъ, или въ лѣсахъ, или на горахъ, и получали названіе свое или отъ мѣстностей, занятыхъ ими, или отъ своихъ родоначальниковъ. Племена состояли изъ общинъ, общины — изъ соединенія родовъ. Такъ возникъ, напримѣръ, Кіевъ: три брата родоначальника, занимавшіе съ своими родами три горы, соединились вмѣстѣ и «створиша градъ». Города тогда были ничто иное, какъ укрѣпленные села или деревни; для безопасности они

обводились деревянными высокими стѣнами, внутри которыхъ насыпали землю и камень; по стѣнамъ находились высокія четверугольныя башни, чтобъ съ нихъ удобнѣе было бросать камень и другія тяжести на непріятелей.— Эта военно-земледѣльческая физіономія городовъ достаточно указываетъ на недостатокъ безопасности и бѣдность общественной жизни въ то время. А такъ построены были всѣ города, основанные Славянами и упоминаемые лѣтописью: Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Ростовъ, Черниговъ, Переяславль, Искоростень.— Главными промыслами племенъ, населявшихъ ихъ, были: хлѣбопашество, скотоводство, звѣриная и рыбная ловля. Но и эти бѣдныя средства къ существованію не были ничѣмъ обеспечены. Племена враждовали другъ-съ-другомъ, да и внутри cadaго племени происходила борьба. Старѣйшины родовъ управляли общинами; но какъ они защищали интересы своего рода, не хотя уступить другимъ, то отсюда происходили вѣчные споры и несогласія. Съ другой стороны, съ распространеніемъ родовъ, съ запамятованіемъ родовыхъ связей, съ распаденіемъ родоваго союза, появилось много людей, не принадлежавшихъ ни къ какому первоначальному роду и потому долженствовавшихъ сгруппироваться въ особенные малые союзы, общины, называемыя улицами, концами, десятнями, сотнями и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ принесшихъ въ среду свою враждебность прежнихъ родовъ, которая еще увеличилась по большимъ поводамъ къ столкновенію, по большей запутанности этихъ новыхъ отношеній и интересовъ, снятыхъ съ родоваго союза. Оттого съ одной стороны, иноплеменные народы пользовались этими обстоятельствами, легко покоряли Славянъ и налагали на нихъ тяжкую дань, какъ, напримѣръ, Хозары; а съ другой стороны—жители самыхъ общинъ, почему либо недовольные патріархальнымъ порядкомъ вещей, оставляли эту общину и основывали другую: примѣромъ могутъ служить — Вятка, колонія новгородской вольницы, и Влади-

міръ, который Новгородъ называлъ своимъ пригородомъ «то суть наши холопѣ каменници», говорилъ онъ (Ип., стр. 116). Все это не могло благоприятствовать мирнымъ сношеніямъ съ другими народами. Но зато мы встрѣчаемъ у всѣхъ славянскихъ племенъ чрезвычайное уваженіе къ личности иностранцевъ, занесенныхъ случаемъ, любопытствомъ или выгодой къ Славянамъ, уваженіе, твердо укоренившееся въ народномъ убѣжденіи. «Всѣ Славяне»,—замѣчаетъ Гельмольдъ,—«какъ бы по врожденному чувству, съ такимъ радушіемъ принимаютъ всякаго странника, что никогда не надо требовать у нихъ пристанища. Все, что приобрѣтаютъ они отъ земледѣлія, рыбной ловли и охоты, все это они берегутъ для угощенія путешественника. Если кто-либо, что случается очень рѣдко, не принималъ и не угощалъ гостя, всѣ называли единодушно такого человека безчестнымъ». (Lib. 11 cap. XII). Профессоръ Соловьевъ прекрасно, по нашему мнѣнію, объясняетъ причину такого гостепрѣимства. «Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе»,—говоритъ онъ,—«чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ народъ обязанность гостепрѣимства; слѣдовательно, Славяне, народъ болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ, и съ своими и съ чужими, безпрестанно подвергавшійся нападенію и изгнанію, долженствовалъ быть однимъ изъ самыхъ гостепрѣимныхъ народовъ. Но кромѣ состраданія, гостепрѣимство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ правотѣ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ; сколько наслажденій могъ онъ доставить разказомъ о своихъ похожденияхъ! Съ другой стороны, человекъ, много странствовавшій, слѣдовательно, много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; отъ такого человека можно было многому научиться; оскорбить его считалось ненавистнымъ божеству и людямъ. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище,

очагъ каждаго дома былъ мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ, странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человекѣ и цѣломъ племени гостепрѣимномъ».

Первые признаки права посольства появляются въ половинѣ IX столѣтія. «Въ 862 году,—говоритъ преподобный Несторъ,—Чудь, Славяне и Кривичи изгнали Варяговъ за море, не дали имъ дани и сами начали владѣть собою; тогда не стало у нихъ правды, родъ возсталъ на родъ, начались усобицы и войны. Они послали къ Варягамъ за море и сказали имъ: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; ступайте княжить и владѣть нами». И избраны были три брата съ родами своими, взяли съ собою всю Русь и пришли; старѣйшій Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, другой—Синеусъ на Белоозерѣ, а третій—Труворъ въ Изборскѣ (Лавр. Л., стр. 8 и 9)». — Такъ первое по времени посольство современно основанію государства, и даже предпринято было во имя этого основанія! Мы, однакожъ, дозволимъ себѣ еще дополнить разказъ лѣтописи, слишкомъ кратко изображающій такой важный фактъ. Слѣдствіемъ посольства бывають договоры; потому намъ кажется, что Рюрикъ заключилъ словесный договоръ съ избравшими его племенами, тѣмъ болѣе, что примѣры первыхъ Варяговъ, изгнанныхъ тѣми же самыми племенами, и изгнанныхъ, конечно, не безъ повода; примѣры послѣдующихъ князей, періодически избираемыхъ и изгоняемыхъ Новгородомъ, независимость положенія обѣихъ сторонъ, равно какъ любовь къ свободѣ, замѣчаемая у всѣхъ необразованныхъ народовъ,—даютъ нашему предположенію вѣроятность истины. Это посольство—первое звѣно, хотя далеко нетвердое, соединившее правительство и народъ въ Россіи и приготовившее впоследствии государственную ея будущность, и первая грамота, запечатлѣвшая сначала свободу старыхъ вѣчевыхъ городовъ и главнаго изъ

нихъ великаго Новгорода. Вотъ откуда, по нашему мнѣнію, начались привилегіи ихъ!—Варяги находники, какъ называетъ ихъ Несторъ, пришедшіе въ Русь, были совершенно противоположны Славянамъ. Варяги съ ихъ дружинами были обществомъ бродячимъ; оно было составлено изъ воиновъ, подъ начальствомъ князя; жило грабежомъ, разбоемъ, походами, хотя въ тоже время отличалось храбростію и независимостью; князь совѣщался съ своей дружиной, раздѣлялъ съ ней добычу, раздавалъ ей земли; однимъ-словомъ въ противоположность территориальному характеру Славянъ, Варяги носили чисто личный, индивидуальный типъ. Первымъ дѣломъ ихъ, кромѣ покоренія славянскихъ племенъ, неучаствовавшихъ въ призваніи и платившихъ дань Хозарамъ, были частые набѣги на Грецію, оканчивавшіеся всегда, послѣ полученія съ нея дани, миромъ. Мы сказали, что Россія составилаь изъ двухъ элементовъ—Варяговъ и Славянъ, различныхъ по образу своей жизни. Воинственность однихъ, тоѣно также какъ осѣдность и стремленіе къ торговымъ занятіямъ другихъ, были главнымъ поводомъ къ основанію сношеній съ Греціею. О сношеніяхъ съ нею лѣтопись упоминаетъ довольно рано. Изъ договора Олега видно, что изъ Россіи посылались въ Грецію послы и гости въ значительномъ числѣ; а изъ договора Игоря—что первые, какъ знакъ своего званія, носили золотыя печати, а вторые—серебряныя. Такимъ-образомъ послы совершенно равнялись гостямъ, или, лучше сказать послы были послами князя и его дружины, а гости—послами городовъ. Этихъ послѣднихъ никакъ нельзя смѣшивать съ обществомъ купцовъ, отправлявшихся въ Грецію для своихъ торговыхъ занятій и неимѣвшихъ вовсе дипломатическаго характера. Обычай посылать пословъ вмѣстѣ съ купцами сохранялся и въ позднѣйшее время; мы увидимъ впослѣдствіи, что приѣзжавшіе въ Россію съ иностранными послами торговые люди содержались на счетъ царскій.—Два извѣстныхъ договора съ Греціею носятъ на себѣ отпечатокъ представи-

тельства двухъ главныхъ самостоятельныхъ элементовъ Руси. Обыкновенно послы князя и дружины его клянутся только въ сохраненіи мира и получаютъ дань и особенное содержаніе «посольское», между тѣмъ какъ гости заключаютъ условія о гражданскихъ и уголовныхъ отношеніяхъ съ Греками, наравнѣ съ послами получаютъ содержаніе «мѣсячное» и подписываются на договоръ какъ самостоятельныя дипломатическія лица, какъ представители торговыхъ интересовъ осѣдлаго населенія, что впослѣдствіи времени развилось вполнѣ въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ, заключавшихъ договоры съ Ганзою и готскими Нѣмцами именемъ князей и посадниковъ своихъ; и это же объясняетъ то равнодушіе, съ какимъ князья смотрѣли на право посольства вѣчевыхъ городовъ. Оттого эта часть, т. е. часть о гражданскихъ и уголовныхъ отношеніяхъ съ Греціею, имѣетъ большое сходство съ договорами вольныхъ городовъ позднѣйшаго времени*.

* Въ пользу рѣзко-опредѣляемаго нами различія между гостями-послами и гостями-частными лицами, отправлявшимися вмѣстѣ съ посольствомъ, различіи живо характеризующемъ древнюю Русь, мы приводимъ еще слѣдующія доказательства:

Въ договорѣ Игоря сказано: «Мы отъ рода Русскаго съли и госте, Иворъ, соль Игоревъ великаго Князя Рускаго, и обѣчи сли: Вуефастъ, Святъславль, сынъ Игоревъ, Искусеви Ольги Княгини, Слуды Игоревъ, неги Игоревъ, Улѣбъ Володиславль Каницарь Передъславинъ Шихъбернъ, Сфанъдръ, жены Улѣблѣ, Прастѣнъ, Турдуви, Либкаръ, Фастовъ Гримъ, Сфирьновъ, Прастѣнъ, Акунъ, неги Игоревъ, Кары, Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егриевлисковъ, Воиновъ Истръ, Аминодовъ, Прастѣнъ, Берновъ, Явтягъ, Гунаревъ, Шибридъ, Алданъ, Кольклековъ, Стеггистоновъ, Сфирна, Алваль Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мугуръ, Утинъ, купецъ Алуны, Алулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ Фрутавъ, Гамоль, Куци, Емигъ, Туръбилъ, Фуръстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелдъ, Туръбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубксаръ, Вудлѣвъ, Слико, Бѣричь, послани 1) отъ Игоря великаго князя Рускаго, и 2) отъ всякой княжы и 3) отъ всѣхъ людей Рускія земли. Здѣсь во-первыхъ

Въ 907 г. Олегъ, опекунъ Игоря, сына Рюрика, истый каждый изъ общественныхъ разрядовъ древней Руси — князь, дружина и города—имѣеть своихъ представителей. Слово «купецъ» поставленное здѣсь въ единственномъ числѣ, надо понимать во множественномъ, т. е. что всѣ слѣдующія за этимъ словомъ имена суть имена купцовъ, такъ что въ числѣ 63 послонъ приходится считать 24 посла городскихъ. Въ этомъ же договорѣ сказано, чтобы Русскіе входили въ Константинополь въ числѣ не болѣе 50 человекъ, для избѣжанія тѣсноты; стало быть Русскихъ при посольствѣ было такъ много, что каждый разъ надо было раздѣлять ихъ на маленькія группы въ числѣ 50 человекъ; всего же было послано 63 посла, остальное за тѣмъ число русскихъ принадлежитъ купцамъ, ѣхавшимъ въ Грецію для своихъ дѣлъ и принимавшимъ дипломатическаго характера, что видно уже изъ того, что они не упоминаются въ началѣ договора.

Далѣе говорится въ лѣтописи:

1) Созва Володимеръ *боллры своя и старцы градскіи* и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ Болгаре, рѣкуще: прими законъ нашъ; по семъ же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣ же придоша Грци, хуляще вси законы, свой же хваляще и много глаголиша и т. д. Да что ума придаете? Что отвѣщаете? — И рѣша бояре и старцы: «вѣси, княже, яко своего никтоже не хулитъ, но хвалитъ; аще хоцещи испытати горздо, то имаше у себе мужи: пославъ испытай кождо ихъ службу и како служить Богу». Л. Лавр. г. 6495 стр. 45, 46.

2) Святополкъ и Володимеръ посласта къ Ольгови, глаголюща сиче: и поили Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣи земли, предъ епископы и предъ игумены и *предъ мужи отець нашихъ и предъ люди градскими*. да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ», Л. Л. г. 6604, стр. 98.

3) Наутрѣ же Святополкъ созва *боллрѣ и Кыля* и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: яко «брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хотять тя убити и грады твои зяти». И рѣша *бояре и люди*: «тобѣ, княже, достонитъ блюсти голову своею; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметъ Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметъ мечь отъ Бога и отвѣчаетъ предъ Богомъ». Л. Л. г. 6605 стр. 110.

Этихъ доказательствъ, кажется, вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть господствующее мнѣніе о томъ, будто гости не были послами; мнѣніе, защищаемое въ настоящее время г. Лешковымъ въ рѣчи его: «О древней Русской дипломатіи» Москва 1847 г.

Норманнъ по энергическому характеру и страсти къ завоеваніямъ, лицо высоко-поэтическое въ нашихъ лѣтописяхъ, предпринимаетъ уже походъ въ Грецію. Когда онъ, предварительно варварски опустошивъ прекрасныя окрестности Константинополя, подступилъ къ самому городу, устрешенные Греки выслали къ нему послонъ, съ просьбою: «не губить города, но взять дань сколько ему угодно». Но подъ этою мнимою покорностію таилась хитрость цивилизованнаго, но стараго народа, какъ подъ гостепримнымъ брашномъ и виномъ, для Олега вынесеннымъ, скрывался ядъ. Когда герой русскій не принялъ такого дара, проникнувъ ихъ хитрость, то Греки, думали, что на нихъ посланъ былъ Богомъ св. Димитрій. Между-тѣмъ Олегъ взял съ нихъ известную дань. Заливъ золотомъ жажду добычи Олега, Греки стали просить мира. Олегъ послалъ къ нимъ любимыхъ своихъ воиновъ, первыхъ по времени послонъ русскихъ, Карла, Фарлафа, Рулава и Стемида. Главнымъ условіемъ этого мира была дань. Самый договоръ былъ словесный. — Условія сильнаго предлагали побѣдители—Руссы; условія слабаго побѣжденные—Греки, или, какъ говоритъ Несторъ—«оба царя Леонъ и Мександръ и боярство все». Послѣ договоръ этотъ законченъ былъ клятвою съ обѣихъ сторонъ: Греки цаловали крестъ по христіанскому обыкновенію, а Руссы клялись по язычески: оружіемъ своимъ, Перуномъ и Волосомъ, скотымъ богомъ. Самый договоръ происходилъ въ Константинополь, на вратахъ котораго Русскіе, въ знакъ побѣды, повѣсили щиты свои. (Л. Л. стр. 12 и 13). Но договоръ этотъ, какъ только словесный, казался недостаточнымъ, и въ 911 г. заключенъ былъ новый договоръ, *письменный*, первый дипломатическій договоръ свѣжаго возникающаго Государства Русскаго съ одряхлѣвшею, образованною Греціею. Договоръ этотъ заключить съ русской стороны посланы были отъ Олега и отъ всѣхъ подъ рукою его свѣтлыхъ боярѣ, члены его дружины. Этотъ «миръ» написанъ былъ на двухъ хартіяхъ

или въ двухъ экземплярахъ, такъ что каждой изъ договаривающихся сторонъ досталось по экземпляру; одинъ за подписью греческихъ императоровъ — для Русскихъ, а другой за подписью русскихъ пословъ — Грекамъ. Договоръ запечатлѣнъ былъ обоюдною клятвою. Кроме-того Леонъ щедро одарилъ пословъ и назначилъ къ нимъ лицъ, которыя показывали этимъ варварамъ и язычникамъ все богатство пышнаго Царяграда, и въ особенности церковную красоту, даже учили ихъ вѣрѣ своей, и потомъ съ большою честью отпустили. Договоръ этотъ носитъ все признаки обоюднаго происхожденія норманно-византійскаго; въ концѣ статей его, могущихъ возникнуть только въ государствѣ правильно-организованномъ, отличающихся языкомъ литературнымъ, сухо-дипломатическимъ, являются полныя чувства слова норманскія: «Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити *такую любовь*, бывшую межю христіяны и Русью, многожды право судихомъ, но точію простословесенъ и писаніемъ и клятвою твердою кленшеся оружемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и закону нашему (Л. Л. стр. 13, 14, 15 и 16). Эти слова для насъ весьма важны, ибо они выражаютъ норманскій взглядъ на существо сношеній съ иностранными государствами. Изъ нихъ видно, что «*миръ*» принимался въ смыслѣ прекращенія непріязненныхъ дѣйствій, въ смыслѣ *любви и дружбы*, а самый договоръ въ смыслѣ «установленныхъ главъ мира и любви», что, при взаимной зависти и вѣчныхъ войнахъ, характеризующихъ норманскій бытъ, имѣло огромное значеніе. Вотъ почему заключеніе мира сопровождалось торжественною клятвою. Никакихъ другихъ болѣ твердыхъ и постоянныхъ сношеній Норманны не понимали, да и трудно бы было предполагать ихъ въ обществѣ, основанномъ на *началъ личности и независимости*, силы и завоеванія, неимѣвшемъ никакихъ общихъ интересовъ. Самый миръ, или, лучше, перемиріе продолжалось недолго; несмотря на клятву, онъ нарушался безпрестанно.

Единственною и ничтожною гарантіею договоровъ этихъ была одна только клятва, сохраненіе которой предоставлено было совѣсти язычниковъ. Такъ Игорь снова уже пошелъ войной на Грековъ, которая кончилась для него неудачно. Намѣреваясь отомстить за то, онъ собралъ новое многочисленное, въ ладьяхъ и на коняхъ, войско и кроме-того нанялъ еще Печенѣговъ. Услышавъ объ этомъ, Греки послали къ нему пословъ «лучшихъ бояръ», съ просьбою взять дань Олегову, и даже еще увеличенную, которая, по согласію его, и была вручена ему. Послѣ заплаты этой дани, въ 945 г., Греки прислали въ Кіевъ къ Игорю пословъ для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ, или, какъ образно выражается договоръ: «створити любовь на вся лѣта, доколѣ сіяетъ солнце и весь міръ стойтъ»; въ свою очередь Игорь отправилъ своихъ пословъ къ Грекамъ. Такимъ-образомъ заключенію мира предшествуютъ предварительные переговоры о немъ. Тогда заключенъ былъ ими письменный договоръ. Мы должны остановиться на немъ, потому-что онъ во многомъ заслуживаетъ наше вниманіе. Любопытенъ образъ совершенія его. Когда пришли русскіе послы, императоръ Романъ созвалъ своихъ бояръ и сановниковъ, и тогда, въ присутствіи ихъ, начали писать договоръ. Русскіе послы, какъ видно изъ него, раздѣлялись на собственно пословъ и гостей, значеніе которыхъ мы опредѣлили выше; но кроме-того они имѣли еще другое подраздѣленіе, именно: одинъ изъ нихъ былъ посломъ самого Игоря, все же остальные названы послами общими; въ числѣ ихъ находятся также посолъ Святослава, сына Игорева, посолъ Княгини Ольги, многіе родственники Игоря, и купцы; о нихъ сказано вообще, что они посланы отъ Игоря, Великаго Князя Русскаго, отъ всехъ князей и отъ всехъ людей Русской земли. Если пристально всматриваться въ редакцію договора, можно замѣтить въ немъ три отдѣльныя части: въ 1-й заключается слѣдующее, писанное, какъ видно, подъ диктовку русскихъ пословъ: «Мы отъ рода Русскаго съли и гостье (слѣдуютъ

имена). И Великій Князь нашъ Игорь и бояре его и люде вси Рускій послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, въ великимъ царемъ гречскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всемъ боярствомъ, и со всеми людьми гречскими на вся лѣта, дондеже съяетъ солнце и весь мѣръ стоитъ».—Въ этимъ словахъ замѣчательно наивное уравненіе Греціи съ Россіею и перенесеніе удѣльныхъ понятій на образованную Византію. Послы русскіе пришли отъ великаго князя русскаго, боярь его и всехъ людей Русской земли заключить миръ съ самими царями, съ боярами его и со всеми людьми греческими!... Далѣе: «И иже помыслить отъ страны Рускія разрушити такую любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимуть мечь отъ Бога Вседержителя, осуженья на погибель въ весь вѣкъ, въ будущій, и елико ихъ есть нехрещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ, въ будущій». Вотъ что было единственнымъ ручательствомъ за сохраненіе договора и обезпеченіемъ его!... Далѣе, по нашему мнѣнію, начинается 2-я часть, которая отличается отъ первой болѣе литературнымъ, отвлеченнымъ языкомъ, пріобрѣтающимъ, такъ-сказать, юридическія краски. Она составляетъ самую важную часть договора, ядро его; мы скажемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ статьяхъ ея, прямо относящихся къ нашему предмету. Предварительно замѣтимъ, что эта часть видимо относится къ гостямъ, такъ что можно заключить, что она писана со словъ ихъ или по соглашенію съ ними только. Отсюда объясняется обычай въ посольствахъ послѣдующаго времени, обыкновенно состоящихъ изъ нѣсколькихъ членовъ, назначать каждому определенную обязанность и особенную рѣчь.— Мы раздѣлимъ этотъ договоръ на слѣдующія статьи:

1, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВЪ ПОСОЛЬСТВА ВООБЩЕ.

Прежде всего здѣсь упоминается, какъ объ известномъ уже обыкновеніи, о присылкѣ изъ Россіи въ Грецію пословъ и гостей, и упоминается не какъ о чемъ-нибудь произвольномъ и случайномъ, но какъ о чемъ-то твердомъ и определенномъ. Интересно также извѣстіе о томъ, что послы наши носили, въ знакъ своего достоинства, золотыя печати, а гости—серебряныя. «А великій князь Рускій и бояре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ греческимъ корабли, елико хотять, со слы и съ гостями, якоже имъ уставлено есть. Пошаху слы печати златы, а госте сребрени».

2, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЕМА ПОСЛОВЪ.

а) При каждомъ посольствѣ, состоявшемъ изъ пословъ и гостей, великій князь долженъ присылать грамоту за своею подписью; въ этой грамотѣ означалось, что онъ посылаетъ такое-то число судовъ. б) Безъ такой грамоты Греки удерживаютъ пословъ и гостей до-тѣхъ-поръ, пока не извѣстятъ о нихъ князя; если же послы не дадутъ такой грамоты (руку не дадутъ), и будутъ сопротивляться, или захотятъ войти въ Грецію насильно, и если за то будутъ убиты, то за смерть ихъ князь не можетъ мстить; если же они убѣгутъ въ Русь, то Греки извѣщаютъ о томъ князя, и онъ поступаетъ съ первыми какъ ему угодно. в) По пріѣздѣ ихъ греческое правительство посылаетъ къ нимъ чиновниковъ, чтобы записать имена ихъ, и тогда послы получаютъ «слебное» или, по другимъ спискамъ, «сольбное», т. е. известное договорное содержаніе, но количество и качество его неопредѣлено. д) Послы и гости должны входить въ городъ одними только воротами, съ императорскимъ чиновникомъ, безоружные, и притомъ не болѣе пятидесяти человекъ вдругъ.

3, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СОДЕРЖАНІЯ ПОСЛОВЪ.

Одно мы привели выше см. 2) и с.—в.) При обратномъ отправленіи пословъ въ Русь, имъ даются съѣстные припасы, если надобно, на дорогу, и все что нужно для лодокъ (якори, снасти и проч.)

4, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА ПОСЛОВЪ.

Для жительства пословъ назначается предмѣстная гавань Константинополя или гавань св. Мамы.

5, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕБЫВАНІЯ ПОСЛОВЪ.

Срокъ пребыванія пословъ въ Греціи положенъ въ шесть мѣсяцевъ. Зимовать тамъ они не могутъ.

6, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОВЕДЕНІЯ ПОСЛОВЪ.

Послы не должны производить никакихъ беспорядковъ въ Греціи.

7, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИВИЛЕГІЙ ПОСЛОВЪ.

а) Послы могутъ торговать свободно, не платя никакой пошлины. б) Они могутъ покупать бумажныя и шелковыя матеріи (паволоки), но не свыше 50 золотниковъ; при чемъ они должны показать ихъ царскому чиновнику, который возвращаетъ имъ оныя, съ наложеніемъ клейма.

8, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СОБСТВЕННОСТИ ПОСЛОВЪ.

а) Если убѣжитъ невольникъ изъ Россіи или отъ пословъ, живущихъ въ городѣ, и отыщется, то Русскіе могутъ взять его. б) Если же онъ не отыщется, то Русскіе должны принести клятву въ бѣгствѣ его, крещеные, по своей вѣрѣ, а некрещеные—по своему закону. Тогда получаютъ цѣну его, какъ было прежде положено, по двѣ паволоки. с) Если Русскіе приведутъ плѣнниковъ греческихъ, то кто хочетъ

ихъ выкупить, долженъ дать: за юношу или дѣвицу—10 золотниковъ, за плѣнника среднихъ лѣтъ—8 золотниковъ, а за старика и малолѣтняго—5 золотниковъ. д) Когда же Русскіе найдутся въ неволѣ у Грековъ, то всякій плѣнный выкупается цѣною 10 золотниковъ. Если же Грекъ купилъ его на публичномъ торгу, то онъ получаетъ ту цѣну, которую самъ далъ за него.

9, УСЛОВІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕСТУПЛЕНІЙ, СОВЕРШАЕМЫХЪ ПОСЛАМИ.

а) Если Руссъ убьетъ Грека, или на оборотъ, то родственники убитаго могутъ убить преступника. б) Если убійца, обладающій имѣніемъ, скроется, то родственники убитаго могутъ взять имѣнье; но если убійца не имѣетъ его, то, если онъ сыщется, онъ можетъ быть убитъ. с) За ударъ мечемъ, копьемъ или какимъ-либо оружіемъ платится пять литръ серебра, кто-бъ ни былъ преступникъ, Русскій или Грекъ. д) Если преступникъ неимовитъ, то долженъ заплатить сколько можетъ, да сниметъ съ себя ту самую одежду, въ которой ходитъ, а въ остальномъ онъ долженъ принести клятву по своей вѣрѣ, что у него нѣтъ никакого имущества. е) Если Руссъ покусится взять что-нибудь у Грека или наоборотъ, то онъ долженъ быть строго наказанъ, и если онъ дѣйствительно взял у Грека или наоборотъ, то онъ долженъ заплатить вдвое. ф) Если Руссъ что-нибудь украдетъ у Грека, или наоборотъ, то онъ долженъ возвратить послѣднему не только украденную вещь, но и цѣну ея. Если же украденное будетъ продано, то онъ долженъ отдать двойную цѣну его. И онъ долженъ быть наказанъ по закону греческому и по уставу русскому, Трудно понять послѣднія слова. Эта статья соотвѣтствуетъ другой статьѣ: г) Если Русскіе найдутъ гдѣ греческую ладью, выкинутую на берегъ, то не могутъ обижать ее. Если же кто возьметъ что съ нея, или поработитъ человѣка, или убьетъ его, тотъ долженъ быть судимъ по закону

русскому и греческому. Эта послѣдняя статья вполнѣ характеризуетъ Руссовъ. Они, какъ морскіе разбойники, естественно смотрѣли на выброшенную ладью, какъ на законный призъ и богатую добычу, а на самое несчастіе, постигшее ее, которое въ глазахъ всякаго образованнаго народа послужило бы правомъ къ требованію помощи разбитому экипажу, какъ на покровительство самого моря ихъ грабежу. Прежніе примѣры служили основаніемъ этой статьи. Но спрашивается: какая подсудность принимается въ обоихъ этихъ случаяхъ—подсудность виновнаго или обиженнаго? Конечно, статьи эти были написаны на случай пребыванія Русскихъ въ Греціи; но и въ самой Греціи необразованный Норманнъ, будь онъ лицо дѣйствующее или страдательное въ какомъ-либо преступленіи, никогда не могъ подчиниться законамъ чуждаго ему государства, какъ по врожденной ему любви къ независимости, такъ и потому, что они были гораздо выше его понятій; притомъ извѣстно, что относительная справедливость для народа еще нецивилизованнаго всегда выше справедливости абсолютной, или другими словами, нецивилизованный народъ гораздо болѣе имѣетъ вѣры и убѣжденія въ обычаи и нравы своихъ предковъ, чѣмъ въ законы, наиболѣе подходящіе къ идеалу правды; а съ другой стороны, образованной народъ въ этомъ отношеніи всегда болѣе склоненъ къ уступкамъ, всегда болѣе отличается юридической терпимостью, которую называетъ онъ видами политическими. Договоръ Игоря представляетъ много случаевъ, какъ бы противорѣчащихъ другъ-другу. Такъ именно въ вышеприведенной нами статьѣ о насильственномъ завладѣніи чужою вещью не только определено *договорное вознагражденіе*, но какъ уже *договорное*, оно имѣетъ силу свою одинаково для виновныхъ обоихъ государствъ, для чего и прибавлено: «и аще створитъ Гречинъ Русину, да приметъ туже казнь якоже пріялъ есть и онъ». Въ другой статьѣ, о кражѣ, также определено договорное вознагражденіе. Къ чему приба-

влены здѣсь слова: «и то показненъ будетъ по закону греческому, по устау и по закону русскому?» Развѣ виновный въ кражѣ подвергался, кромѣ того, какому-нибудь наказанію какъ переводятъ нѣкоторые? Но этого никакъ нельзя допустить. Во-первыхъ по сравненію съ первой статьѣй о насильственномъ завладѣніи чужою вещью, гдѣ договорное вознагражденіе принято одинаково для обоихъ народовъ, безъ различія подданства; во-вторыхъ, если уже постановлено договорное вознагражденіе и, кромѣ-того, уголовное наказаніе, то къ чему же говорится только о первомъ и умолчано о второмъ? Наконецъ въ третьей статьѣ, о завладѣніи вещами выкинутой на берегъ лодки, порабощеніи или убіеніи находящихся на ней людей, не только неопредѣлено договорнаго наказанія, но сказано глухо, что виновникъ такихъ преступленій будетъ наказанъ по закону русскому и греческому, «да будетъ повиненъ закону Руску и Греческу» Мы думаемъ, что эти противорѣчія и сомнѣнія можно разрѣшить тѣмъ предположеніемъ, что слова «по закону Руску и Греческу» означаютъ *согласіе постановленій* русскихъ и греческихъ по одному и тому же предмету, или, иначе, означаютъ, что договорныя постановленія какъ общія для Руссовъ и Грековъ, и названы закономъ русскимъ и греческимъ, чтобъ этимъ общимъ названіемъ опредѣлить ихъ общую обязательность. Изъ этого слѣдуетъ во-первыхъ что слова и то (по другимъ спискамъ «и тѣи» или «и тои») показненъ будетъ по закону греческому, по устау и по закону русскому въ вышеприведенной статьѣ есть только подтвержденіе первыхъ словъ о вознагражденіи, какъ бы Греки хотѣли сказать тѣмъ: «и такъ тотъ будетъ наказанъ по закону греческому и русскому». Этотъ же самый смыслъ въ Игоревомъ договорѣ встрѣчается въ перифразѣ; напримѣръ: «аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людій царства нашего, иже створитъ, показненъ будетъ вельми; аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубо. И аще створитъ Гречинъ Русину, да приметъ туже казнь, яко же

прилль есть и онъ. Здѣсь тоже самое понятіе выражено, такъ-сказать, лицами, какъ тамъ идеями. Во-вторыхъ, что наказаніе за порабощеніе и убіеніе людей въ послѣдней статьѣ о которомъ умолчано, есть или прежнее договорное наказаніе (какое, напримѣръ, въ договорѣ Олега) или обычное и общепринятое прежнее наказаніе, которое теперь не измѣнялось, и потому о немъ и сказано вообще, что повинный такому показанію будетъ повиненъ закону русскому и греческому. Но здѣсь могутъ сдѣлать намъ, казалось бы, основательныя опроверженія. 1-е, Въ статьѣ этой говорится только о преступникахъ Руссахъ и 2-е, Статья эта, если принять наше толкованіе, будетъ противорѣчить другой статьѣ, именно слѣдующей: «Если Греки, состоящіе подъ властію нашего царства, учинятъ какое-нибудь преступленіе, то да не имѣетъ князь власти наказывать ихъ, но да примутъ они казнь, соразмѣрно преступленію своему, повелѣніемъ царства нашего». Эта статья была заподозрѣна знаменитымъ Шлецеромъ, который, по поводу ея, сказалъ слѣдующее: «И кіевскіе послы согласились на эту статью? Этому быть нельзя». Вслѣдствіе чего Эверсъ старается пространнымъ разсужденіемъ опровергнуть это подозрѣніе. «Но вмѣсто мнимаго безсмыслія», говоритъ онъ, «я открываю въ словахъ лѣтописи слѣдующій смыслъ: Греки, учинившіе преступленіе, не должны быть своевольно наказываемы Русскими, но греческимъ правительствомъ, и слѣдовательно по закону греческому. Но къ чему надлежитъ относить такое постановленіе? Неоспоримо къ пребыванію Руссовъ по торговлѣ, въ самой Греціи. Такъ должно полагать, во-первыхъ потому, что главное, основное намѣреніе всего договора, которое ясно открывается изъ внутренней его связи, у Грековъ было то, чтобы постановить выгодныя для себя условія касательно взаимнаго сношенія обоихъ народовъ въ Греціи. Во-вторыхъ, нельзя иначе и представить себѣ самаго постановленія, о коемъ мы говоримъ теперь, какъ по отношенію къ пребыванію Руссовъ между Греками; ибо неоспоримо,

Руссы не потерпѣли бы ни малѣйшаго ограниченія со стороны греческихъ законовъ внутри своего отечества. Въ исторіи сего времени нѣтъ никакого намека, чтобы Греки имѣли тогда столь сильное вліяніе на Россію, какое нужно предположить въ случаѣ противнаго объясненія. Кромѣ-того, если не ограничить сего постановленія однимъ пребываніемъ Руссовъ въ Греціи, то оно противорѣчитъ очевидно характеру грубаго народа, который и послѣ одержанной надъ нимъ побѣды остается еще сильнымъ. Грубый, сильный народъ нетерпѣливъ и горячъ; онъ не могъ бы спокойно ждать до того времени, пока получено будетъ изъ Византіи рѣшеніе по дѣлу Грека, оскорбившаго права Руссовъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Византія была далеко, и рѣшеніе, можетъ-быть, долженствовало бы приходиться спустя годъ. Но принявъ вышеозначенное ограниченіе, которое вытекаетъ изъ связи всего договора, разсматриваемое нами постановленіе не представляетъ ничего невѣроятнаго; оно есть естественное раскрытіе взаимныхъ отношеній между обоими народами. Греки, какъ народъ образованнѣйшій, необходимо должны были стремиться къ тому, чтобы дать сколько возможно болѣе силы и дѣйствія системѣ своего права, а Руссы, какъ народъ болѣе грубый, чѣмъ ближе знакомились, посредствомъ торговыхъ и дружныхъ сношеній, съ обычаями и уставами образованнаго народа, тѣмъ болѣе должны были располагаться къ принятію оныхъ, по-крайней-мѣрѣ, на время взаимнаго ихъ съ ними сообщенія *.

Не входя въ разсмотрѣніе, до какой степени вѣрно послѣднее историческое заключеніе, мы должны сказать, что эти объясненія не только излишни, но даже противорѣчатъ всему содержанію Игорева договора, гдѣ, какъ мы видѣли, всѣ постановленія суть договорныя и общеобязательныя, какъ

* Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи. Сочиненіе Эверса. Переводъ Платонова. С. Пб. 1835, стр. 208, 209 и 210.)

для Грековъ, такъ и для Русскихъ, и притомъ явно взяты изъ русскихъ законовъ, характеризуемыхъ преобладаніемъ вознагражденій надъ уголовными наказаніями. Но кромѣ того, Эверсъ, вмѣстѣ съ Шлецеромъ, неправильно поняли текстъ этой статьи. Она не составляетъ отдѣльнаго, особеннаго постановленія, а есть только прибавленіе или поясненіе другой предшествующей ей статьи, такъ что собственно читать ее вполнѣ надо такъ: «А о сихъ, оже то приходятъ Чернїи Болгаре, воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю Русскому, да ихъ не пускаетъ пакостить странѣ той. Ци аще ключится проказа нѣкака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать власти казнити я, но повелѣнемъ царства нашего да приметъ, яко же будетъ створилъ». Или, въ переводѣ: «Также когда приходятъ Черные Болгаре и воюють страну Херсонскую, то мы хотимъ, чтобъ русскій князь не пускалъ ихъ дѣлать вредъ странѣ этой. Если же Греки наши сдѣлають какое-нибудь возмущеніе или провинятся въ какомъ-нибудь другомъ преступленіи, то князь не можетъ наказывать ихъ, но они будутъ наказаны греческимъ правительствомъ, сообразно ихъ винѣ». Здѣсь подъ словами: «отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего» разумѣются, по нашему мнѣнію, не одни только настоящіе Греки Херсонской страны, но вообще подданные греческіе, каковы, напри- мѣръ, могли быть и Славяне. Такъ какъ русскій князь становится здѣсь союзникомъ византійскихъ императоровъ, то отношенія его къ Херсонской странѣ совсѣмъ другія, нежели посольскія его отношенія къ Греціи, а потому этимъ и объясняется различіе договорныхъ статей этого пункта съ другими. Эта статья была постановлена для того, чтобы въ случаѣ союзничества Византіи съ Руссами, не давать повода послѣднимъ грабить жителей Херсонской страны подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, на что предки наши были всегда готовы. Такимъ-образомъ смыслъ этой статьи, по нашему толкованію, совершенно измѣняетъ

ся, чрезъ что она, по-крайней-мѣрѣ, не можетъ противорѣчить всему содержанію Игорева договора.

За этими статьями слѣдуетъ заключеніе договора, тоже выражающееся въ извѣстнаго рода условіяхъ. Именно, что договоръ этотъ написанъ въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ, на которомъ находились крестъ и подпись греческихъ императоровъ, утвержденный ихъ клятвою — принадлежалъ Русскимъ, а другой, за подписью русскихъ пословъ и гостей — Грекамъ. Послѣдній долженъ быть подтвержденъ клятвою Игоря въ Кіевѣ, въ присутствіи греческихъ пословъ. Одинъ экземпляръ былъ на греческомъ языкѣ, другой на русскомъ, какъ можно судить изъ обыкновенія греческаго двора. (См. Эверсъ, стр. 137). Далѣе — начинается третья часть — клятва русскихъ пословъ, изъ которыхъ крещеные цѣловали крестъ, некрещеные — клялись оружіемъ.

Дѣйствительно, всѣ эти послѣднія условія были вполнѣ исполнены. Когда послы греческіе пріѣхали вмѣстѣ съ русскими въ Россію, то Игорь, прозвавъ первыхъ, спросилъ ихъ: что вамъ сказалъ царь? Послы отвѣчали ему, что царь послалъ ихъ утвердить миръ и любовь съ княземъ русскимъ, и такъ-какъ его послы приводили къ присягѣ царей ихъ, то и они должны привести къ присягѣ его и мужей его. Игорь обѣщалъ это исполнить. На другое утро онъ, вмѣстѣ съ ними, пришелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, у ногъ котораго, въ знакъ клятвы, князь русскій и люди его, нехристіане, полагали свое оружіе, а христіане — клялись въ церкви Св. Іліи. Послѣ этого послы греческіе были одарены мягкою рухлядью, воскомъ и рабами, такъ-какъ, вѣроятно, одарены были и русскіе послы въ Греціи; хотя Лаврентьевская Лѣтопись объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве не упоминаетъ, но это можно предполагать изъ сравненія съ договоромъ Олега, по которому видно, что послы русскіе, заключившіе его, были щедро одарены греческими императорами, какъ было уже сказано въ своемъ

мѣстѣ. По исполненіи этихъ церемоній греческіе послы были отпущены.

Въ княженіе Игоря мы находимъ замѣчательный случай убійства пословъ. Когда князь этотъ, побѣдивъ Древланъ, взялъ дань съ нихъ, и не довольствуясь ею, захотѣлъ еще большей дани, то Древлане сначала послали къ нему спросить: зачѣмъ онъ идетъ опять, взявши уже дань? Потомъ, выведенные изъ терпѣнія такою жадностію, убили его. Итакъ здѣсь посылаются послы отъ народа. Боясь слѣдствій своего поступка, Древлане положили вѣчемъ взять Ольгу, жену Игоря, за князя своего Мала, а вмѣстѣ съ нею привести и сына ея Святослава. Они послали двадцать лучшихъ мужей къ Ольгѣ, чтобы вести переговоры объ этомъ дѣлѣ. Ольга приняла ихъ въ каменномъ теремѣ. Самый образъ представленія ихъ описанъ лѣтописью. Сначала Ольгѣ доложили о нихъ, а потомъ они, вошедши, сказали ей: «придохомъ, княгине». Ольга спросила ихъ: «зачѣмъ же вы пришли?» Послы объяснили ей цѣль своего посольства. Княгиня отвѣчала имъ: «мнѣ любя рѣчь ваша; мужа своего мнѣ уже не воскресить; но я хочу почтить васъ передъ своими людьми, а теперь ступайте въ свою ладью, утромъ я пошлю за вами, вы же скажите посланнымъ: «ни ѣдемъ на коняхъ, ни идемъ пѣшкомъ, но понесите насъ въ ладьѣ», и васъ понесутъ. Между-тѣмъ Ольга велѣла ископать большую и глубокую яму на теремномъ дворѣ, который былъ внѣ города. На другой день утромъ Ольга, сидя въ теремѣ, послала за ними. Замѣчательно, что послы названы здѣсь гостями. Ихъ принесли на дворъ Ольгинъ, бросили въ яму и засыпали ихъ землею живыми. Послѣ этого Ольга послала отъ себя къ Древланамъ съ просьбою, что если они истинно желаютъ взять ее за Мала, то чтобы послали лучшихъ мужей, чтобы она могла съ большею честью идти за ихъ князя, иначе ее не пустятъ Кіевляне». Это обстоятельство показываетъ, что посольство считалось тѣмъ важнѣе, чѣмъ значительнѣе были лица, его состав-

лявшія. Вслѣдствіе этого Древлане избрали лучшихъ мужей, властвовавшихъ въ Древланской землѣ, и послали за ней. Когда они пришли въ Кіевъ, то Ольга велѣла изготвить для нихъ баню. Въ банѣ пословъ заперли и зажгли ее. Мы не рассказываемъ конца этой мести, какъ неотносящагося къ нашему предмету. Многіе считаютъ это сказкой, но и въ сказкѣ, созданной народнымъ воображеніемъ, мы все-таки видимъ выраженіе народныхъ понятій, которыя останутся понятіями, въ какой бы формѣ они не были высказаны. *

Въ княженіе Святослава заключенъ былъ договоръ съ Греками по слѣдующему поводу. Въ 971 году Святославъ, побѣдивъ Болгаръ, объявилъ Грекамъ, что онъ хочетъ идти на нихъ войною. Тогда Греки стали просить его, чтобы онъ взялъ съ нихъ дань на себя и на свою дружину. Но они обманули его, и вмѣсто дани, выставили войско. Святославъ обратился къ дружинѣ: «волею или неволею, но мы должны воевать съ ними — сказалъ онъ: «не посрадимъ земли русской, но ляжемъ костью; ибо нестыдно пасть мертвыми, но стыдно бѣжать; я пойду предъ вами; если я погибну, то промышляйте о себѣ». На эту пылкую рѣчь дружина отвѣчала словами: «гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и мы сложимъ свои головы». Тогда началась страшная сѣча и опустошеніе греческихъ городовъ. Греки бѣжали. Въ испугѣ царь созвалъ своихъ сановниковъ на совѣщаніе. Они предложили ему послать Святославу дары: золото и паволоки, что и было исполнено. Когда донесли Святославу, что пришли Греки, онъ велѣлъ впустить ихъ. Греческіе послы, поклонившись ему, разложили предъ нимъ золото и паволоки. Онъ, несмотря на нихъ, велѣлъ своимъ отрокамъ ихъ спрятать. Послы, возвратившись къ царю, донесли ему о неуспѣхѣ своего посольства. Тогда царь вторично послалъ Святославу мечъ и другія оружія. Святославъ

* Л. Л., стр. 23 и 24, г. 6453.

не только принялъ такіе дары, но началъ хвалить за то царя. Тогда императоръ византійскій послалъ въ третій разъ къ Святославу, съ предложеніемъ дани, которая и была взята. Видя, что дружина его значительно уменьшилась въ числѣ, вслѣдствіе жестокой битвы, Святославъ послалъ, съ своей стороны, вести переговоры съ Греціей «о твердомъ мирѣ и любви» за что онъ получилъ дары еще больше первыхъ. Тогда онъ послалъ «лучшихъ мужей своихъ» заключить миръ. По пришествіи ихъ въ Константинополь, они были позваны царемъ для совѣщаній. Они первые начали говорить по приглашенію царя: «Такъ говоритъ князь нашъ, хочу имѣть совершенную любовь съ царемъ греческимъ навѣки». Такимъ-образомъ послы повторяютъ только слова Святослава. Съ ихъ диктовки записывалъ писецъ. Договоръ былъ заключенъ отъ имени Святослава, бояръ его и прочихъ людей Русской земли. Конецъ его состоялъ въ обычной клятвѣ о ненарушимости его со стороны Русскихъ. Послѣ чего къ нему приложены были русскія печати *.

При заключеніи этого договора не участвовали гости — вотъ почему въ немъ нѣтъ статей о гражданскихъ и уголовныхъ отношеніяхъ между подданными обоихъ государствъ, которыми такъ изобилуетъ договоръ Игоря. Это самый краткій изъ всѣхъ договоровъ. Отсутствіе же представителей торговаго сословія можетъ быть объяснено во-первыхъ, тѣмъ, что война съ Греками была предпринята безъ всякаго повода, и даже нельзя было предвидѣть ея результатовъ; самый миръ не былъ плодомъ заранее обдуманной цѣли, но заключенъ былъ случайно; во-вторыхъ, тѣмъ, что князья имѣли свои совершенно отдѣльные интересы отъ городовъ. Въ княженіе Святослава замѣчательенъ также миръ съ Печенѣгами, обложившими Кіевъ. Когда дружина, на рукахъ которой были мать и дѣти Святослава, увидѣла, что нѣтъ спасенія по малочисленности ея, она поднялась на

* Л. Л., стр. 30 и 31.

хитрость, которая такъ удалась, что уstraшенные Печенѣги побѣжали отъ города. Тогда князь печенѣжскій обратился къ воеводѣ Претичу съ вопросомъ: не князь ли онъ? и на отвѣтъ его, что нѣтъ, но что самъ Святославъ идетъ за нимъ съ многочисленнымъ войскомъ, князь предложилъ ему «дружбу». Вслѣдствіе чего они взяли за руки и обмѣнялись своими оружіями: князь печенѣжскій далъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; а Претичъ, въ свою очередь, одарилъ его броней, щитомъ и мечомъ *.

Въ княженіе Владиміра заключенъ былъ миръ съ Болгарами, подтвержденный клятвою съ обѣихъ договаривающихся сторонъ; причемъ Болгары сказали: «тогда только не будетъ между нами мира, когда камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть». Къ его же княженію лѣтопись относитъ поэтическое сказаніе о посольствѣ къ Владиміру отъ Болгаръ, Нѣмцевъ, Жидовъ и Грековъ, изъ коихъ каждое предлагало ему принять свою вѣру. Въ тоже время встречаемъ мы договоръ о трехлѣтнемъ мирѣ и войнѣ съ Печенѣгами. Когда послѣдніе пришли на Владиміра, тогда князь печенѣжскій предложилъ ему рѣшить войну единоборствомъ двухъ мужей, избранныхъ съ обѣихъ сторонъ, и если притомъ побѣдитъ Русскій, то заключается миръ, а если преодолѣетъ Печенѣгъ, тогда должна быть война. Единоборство кончилось въ пользу Владиміра. Лѣтопись упоминаетъ также о мирныхъ сношеніяхъ съ Болеславомъ, королемъ польскимъ, съ Стефаномъ Венгерскимъ и Андреемъ Чешскимъ **.

Въ княженіе Ярослава мы снова встречаемъ одинъ случай заключенія мира вслѣдствіе договорнаго единоборства. Редедя, князь касожскій, договаривался съ Метиславомъ, братомъ Ярослава, чтобы не губить напрасно своихъ войскъ,

* Л. Л., стр. 28.

** Л. Л., стр. 36, г. 6493, 6494, 6495; стр. 36-52. г. 6500; стр. 52-53, г. 6502, 3, 4; стр. 53-54.

рѣшить войну единоборствомъ вождей, причемъ побѣдительно достаются жена, дѣти и земля противника. Побѣда, какъ извѣстно, осталась за Мстиславомъ *.

Въ княженіе же Ярослава находимъ первый примѣръ удѣльныхъ договоровъ. Эти договоры играютъ весьма важную роль въ періодъ удѣловъ, и потому они заслуживаютъ полного нашего вниманія, хотя ихъ очень трудно собирать въ отрывочныхъ извѣстіяхъ лѣтописей, а фактическое изложеніе ихъ можетъ показаться сухимъ.

Первый договоръ Ярослава съ Мстиславомъ заключенъ былъ въ 1024 г., послѣ побѣды Мстислава надъ Ярославомъ, несмотря на которую, Мстиславъ призналъ право старѣйшинства за Ярославомъ, послѣ неудачной попытки овладѣть кievскимъ престоломъ, въ коемъ, какъ младшему, отказали ему Кіевляне. Въ чемъ заключалось, однакожъ, это право старѣйшинства, какія права и обязанности существовали между договаривающимися сторонами — лѣтопись не говоритъ, какъ вообще умалчиваетъ она о многомъ, наиболее важномъ для нашего предмета. Эти права и обязанности надо будетъ изучать изъ фактовъ, изъ соображенія дѣйствій князей, признанныхъ старшими по отношенію къ князьямъ, признаннымъ младшими; изъ вышеупомянутаго же договора можно заключить только одно: именно столицею старшаго или великаго князя считался Кіевъ. Черезъ два года послѣ этого заключенъ былъ между братьями новый договоръ — городецкій, но совершенно съ другимъ характеромъ: договоръ о поземельномъ раздѣленіи Россіи на двѣ части, принимая линіею дѣленія рѣку Днѣпръ, западная сторона котораго досталась Ярославу, а восточная — Мстиславу.

Изъ всего нами сказаннаго относительно началъ права посольства и права договоровъ, господствовавшихъ въ первый періодъ, можно заключить слѣдующее:

* Л. Л. г. 6530, стр. 63.

Здѣсь надо различать сношенія съ Византіей и сношенія съ другими варварскими народами.

Въ сношеніяхъ съ Византіей приняты были болѣе опредѣленные и твердыя правила, потому-что виновницею ихъ была образованная Греція. Эти правила были:

1. ОТНОСИТЕЛЬНО ПОСЛОВЪ.

Послами избирались всегда высшіе члены дружины. вмѣстѣ съ ними назначались послы отъ торговаго сословія, послы городскіе, гости. Каждый изъ элементовъ Руси имѣлъ представителей своихъ интересовъ: съ одной стороны князь и дружина его, а съ другой — города. Эта самостоятельность каждаго общественнаго разряда въ дипломатическихъ сношеніяхъ составляетъ отличительный признакъ перваго періода. Но надо сказать, что послы князя и дружины его были выше пословъ городскихъ: это выражается съ одной стороны въ томъ, что первые носили золотыя печати, вторые — серебряныя; а съ другой въ томъ, что первые получали «посольское» содержаніе, вторые же — «мѣсячное». Также не надо смѣшивать гостей-пословъ просто съ гостями, которыхъ было много и которые пользовались посольствомъ для своихъ выгодъ.

Обязанности пословъ заключались въ слѣдующемъ: они были *устами* князя, вели переговоры объ условіяхъ мира отъ имени князя, дружины его и всѣхъ людей Русской земли, приводили его къ присягѣ и присягали сами въ ненарушимости договора, скрѣпляли своей подписью договоры, прикладывали къ нему свои печати, размѣнивали ратификаціи.

Правила приема пословъ и ихъ отношеній къ Византіи основывались болѣею частию на договорахъ, меньшею — на обычаяхъ.

На договорахъ основывались правила ихъ приема, опредѣленіе мѣста и срока ихъ пребыванія, ихъ содержаніе,

равно какъ правила о гражданскихъ и уголовныхъ отношеніяхъ ихъ съ подданными Греціи. Изъ нихъ видно, что послы эти не были настоящими дипломатическими лицами. Они ѣздили въ иностранное государство въ одно и тоже время, какъ для своихъ дѣлъ, такъ и для исполненія порученій князя, дружины его и городовъ. Этотъ частно-публичный характеръ есть признакъ той эпохи. Содержаніе получали послы отъ того государства, къ которому были посланы; назначались они на опредѣленное время, для заключенія мира. По гражданскимъ и уголовнымъ отношеніямъ они не различались отъ прочихъ подданныхъ; впрочемъ судились, хотя по договорнымъ условіямъ, но основаннымъ на началахъ варяжскихъ, несмотря на то, были ли они субъектомъ или объектомъ въ этихъ отношеніяхъ—это первые признаки веземельности. Наконецъ, они получали сначала печати, потомъ вѣрющія грамоты.

На обычаяхъ основано было правило дарить пословъ по заключеніи ими мира. Обыкновеніе дарить пословъ существовало издавна почти у всѣхъ народовъ. Оно происходитъ изъ древняго кореннаго понятія о гостепріимствѣ. На посла смотрѣли не какъ на представителя чуждаго государства, но какъ на странника, гостя. Это патріархальное понятіе прекрасно выражено Мономахомъ въ его поученіи своимъ дѣтямъ: «Болѣ же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или *соль*, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ». Онъ прибавляетъ и поводъ къ этому: «ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ». Это выраженіе: *чтитъ даромъ, брашномъ и питьемъ* указываетъ на то, что слово честь было однозначительно съ словомъ угощеніе, или что въ подаркахъ и гостепріимствѣ состояло уваженіе, почтеніе къ другимъ. Такъ есть пословица: честь приложена гостю, а отъ убытка Богъ избавилъ. Лѣтопись, изображая угощеніе, сдѣланное Батыемъ Князю Галицкому Данилу, говоритъ пословицей: «о злѣ зла честь татарская!» *

* Снегирева, Русскіе въ своихъ пословицахъ. Ч. II стр. 114.

2. ОТНОСИТЕЛЬНО ДОГОВОРОВЪ.

Договоры назывались совѣщаньемъ, правдою, уставленными главами мира и любви. Они заключались словесно или письменно; но въ обоихъ этихъ случаяхъ подтверждались присягою государей или ихъ пословъ; со стороны язычниковъ — клятвою оружіемъ, со стороны христіанъ — цѣлованіемъ креста. Договору предшествовали предварительные переговоры о мирѣ, и притомъ всегда словесные.

Письменные договоры происходили въ собраніи императоровъ и сановниковъ ихъ, и писались въ двухъ экземплярахъ, со словъ заключающихъ договоръ, то-есть императоровъ и русскихъ пословъ. На одномъ экземплярѣ подписывались русскіе послы и гости, которые и прикладывали къ нему свои печати, на другомъ византійскіе императоры, съ изображеніемъ креста. Первый экземпляръ доставался Грекамъ, второй — Русскимъ. Договоръ подтверждался клятвою или непосредственно, между русскимъ княземъ, дружиной его и греческими императорами, или посредственно, между греческими императорами и русскими послами и между русскимъ княземъ и греческими послами. Потомъ происходила раздѣна ратификацій.

Договоръ со стороны Русскихъ начинался отъ имени князя, дружины его и гостей, желаніемъ и обѣщаніемъ сохранить миръ съ византійскими императорами. Потомъ слѣдовали договорныя условія. Затѣмъ слѣдовало клятвенное подтвержденіе его и годъ, мѣсяцъ и число его заключенія. Иногда клятвенное подтвержденіе повторялось два раза: въ началѣ, непосредственно за исчисленіемъ именъ договаривающихся сторонъ, и въ концѣ. Клятва эта состояла въ слѣдующихъ словахъ — въ началѣ: «и иже помыслить отъ страны Рускія разрушити такую любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да примутъ мечь отъ Бога Вседержителя, осуженья на погибель въ весь вѣкъ, въ будущій; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога,

ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, а да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ, въ будущій». А въ концѣ: «Аще ли же кто отъ князь или людій Рускихъ, ли хрестеянъ, или нехрестеянъ, преступитъ се, аже есть писано на харатъи сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будетъ добрѣ, великій князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце съяетъ и весь мѣръ стойтъ, въ нынѣшнія вѣки и въ будущая».

Мѣстомъ заключенія договора была столица Греціи.

Титулъ князя есть Великій Князь Русскій. Названіе Руси есть названіе племенное, но, какъ говоритъ Несторъ, «отъ тѣхъ прозвася Руская земля (стр. 9), то мы имѣемъ полное право видѣть въ этомъ названіи — названіе территоріи.

Въ сношеніяхъ съ варварами, при заключеніи мира брались за руки и мѣнялись оружіемъ. Иногда также война или миръ рѣшались единоборствомъ или самихъ вождей или избранныхъ изъ ихъ войскъ воиновъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЫСОЧАЙШИХЪ ОСОБЪ.

Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ С.-Петербурга въ ночь со 2-го на 3-е сентября, въ м. Гомель, куда прибылъ въ вождемѣнномъ здравіи 6-го числа сентября, въ часъ съ четвертью по-полудни. Его Величество былъ встрѣченъ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, прибывшими въ м. Гомель 4-го сентября.

7-го сентября Государь Императоръ изволилъ произвести смотръ собранному при м. Гомелѣ, 3-му Пѣхотному Корпусу, въ полномъ его составѣ, съ обозомъ, и нашелъ кавалерію, артиллерію и 3-й Стрѣлковый Батальонъ въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкѣ и устройствѣ, а 7-ю Пѣхотную Дивизию и 1-ю Бригаду 8-й Пѣхотной Дивизиі — въ удовлетворительномъ состояніи.

8-го сентября Его Императорское Величество, произведя ливѣйное ученье войскамъ 3-й Легкой Кавалерійской Дивизиі съ ея артиллерією, съ истиннымъ удовольствіемъ изволилъ усмотрѣть превосходное состояніе сихъ войскъ, отличное и совершенно точное знаніе всѣми чинами своего дѣла.

9-го сентября, въ 10 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ произвести ливѣйное ученье 3-му Пѣхотному Корпу-

су, въ полномъ его составѣ, и остался симъ войскамъ вполне доволенъ.

10-го числа Его Императорское Величество изволилъ присутствовать при стрѣльбѣ въ цѣль Пѣхоты и Артиллеріи 3-го Пѣхотнаго Корпуса, и нашелъ войска сіи въ удовлетворительномъ состояніи по сей части.

Послѣ сего, Государь Императоръ, осмотрѣвъ нижнихъ чиновъ, выбранныхъ въ Гвардію, изволилъ выѣхать изъ Гомеля, въ 2 часа по-полудни, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. На пути чрезъ посадъ Добрянку, Черниговской губерніи, Его Величество посѣтилъ вновь выстроенную тамъ единоувѣрческую церковь.

Его Императорское Величество, прибывъ въ Харьковъ 12-го сентября, въ часъ по-полудни, изволилъ быть въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ и въ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ, а потомъ обозрѣвъ городъ, отправился того же числа, въ 4½ часа пополудни, вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами, въ г. Чугуевъ, куда и прибылъ того же дня, въ 7 часовъ по-полудни въ вожделѣнномъ здравіи.

13-го сентября, въ 10 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ произвестъ смотръ войскамъ 2-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, 6-й и Резервной Легкихъ Кавалерійскихъ Дивизій, съ ихъ артиллерією и 1-го Конно-Піонернаго Дивизиона, съ обозами всѣхъ сихъ войскъ, и нашелъ ихъ въ отличнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи и примѣрномъ порядкѣ.

14-го сентября, въ десять часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ быть при церковномъ парадѣ отъ Уланскаго Генерала отъ Кавалеріи графа Никитина полка. Въ первомъ часу по-полудни, произведена была, въ Высочайшемъ присутствіи стрѣльба въ цѣль: 2-ю Конно-Артиллерійскою Дивизією, 6-ю Конно-Артиллерійскою Бригадою, тремя баттареями Конно-Артиллерійскаго Резерва и Своднымъ Драгунскимъ полкомъ 2-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса. Его Величество изволилъ найти части эти въ самомъ отличномъ состояніи.

Послѣ сего, Государь Императоръ изволилъ смотрѣть сводную кантонистскую баттарею, и нашелъ кантонистовъ сихъ совершенно знающими артиллерійское нижнихъ чиновъ дѣло.

15-го сентября, въ десять часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ произвестъ лишнійное ученье войскамъ 2-го Кавалерійскаго Корпуса, 6-й и Резервной Легкихъ Кавалерій-

скихъ Дивизій, съ ихъ артиллерією, и нашелъ войска эти въ превосходнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи и отличномъ порядкѣ.

16-го сентября, въ 10-ть часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ произвестъ лишнійное ученье войскамъ 2-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, 6-й и Резервной Легкихъ Кавалерійскихъ Дивизій, съ ихъ артиллерією и съ 1-ю Конно-Піонернымъ Дивизиономъ, и нашелъ войска эти въ превосходномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи и отличномъ значеніи всѣми чинами своего дѣла.

17-го числа Его Императорское Величество, посѣтивъ, въ 10-ть часовъ утра, Чугуевскій военный госпиталь, изволилъ послѣ того произвестъ маневръ тѣмъ-же войскамъ, и нашелъ, что всѣ движенія и эволюціи произведены были въ отличномъ порядкѣ и съ примѣрною правильностію.

По окончаніи маневровъ, въ 2 часа по-полудни, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ изволилъ выѣхать со станціи Рогань, въ г. Полтаву, куда и прибылъ 18-го числа, въ 2 часа по-полудни, въ вожделѣнномъ здравіи.

21-го сентября, въ десять часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ быть при церковномъ парадѣ отъ Кирасирскаго Военнаго Ордена полка, и отслушавъ божественную литургію въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, изволилъ осматривать 1-й батальонъ, и 8-ю и 9-ю роты Томскаго Егерскаго полка, и нашелъ части эти въ отличномъ порядкѣ и устройствѣ. Засимъ, Его Величество изволилъ присутствовать при стрѣльбѣ въ цѣль 1-й Конно-Артиллерійской Дивизіи.

22-го числа Его Императорское Величество изволилъ произвестъ, въ десять часовъ утра, лишнійное ученье собраннымъ при городѣ Елисаветградѣ войскамъ 1-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, съ ихъ артиллерією, и нашелъ войска сіи въ превосходномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи и отличномъ порядкѣ.

3-го сентября Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великая Княгиня Цесаревна изволили прибыть изъ Берлина въ Веймаръ, 1-го сентября, ввечеру, — а 2-го утромъ совершили, съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинією Марією Павловною и Августѣйшимъ Ея Супругомъ, поѣздку въ замокъ Ельтербургъ. Въ тотъ же день въ Бельведерѣ былъ большой обѣдъ, а ввечеру

черу при Дворѣ концертъ, въ которомъ оркестромъ управлялъ Листъ, въ качествѣ капельмейстера Великогерцогскаго Двора. 3-го сентября (22-го августа), въ день коронаванія Государя Императора и Государыни Императрицы, Ихъ Высочества слушали божественную литургію и молебствіе въ придворной православной церкви, и затѣмъ, въ 10 часовъ утра, отправились въ Дармштадтъ.

6-го сентября, утромъ, на Темпельгофскомъ полѣ былъ большой парадъ гвардейскому корпусу, въ присутствіи Е. В. Короля, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича (прибывшаго въ Берлинъ изъ Дармштадта въ ночь съ 5-го на 6-е) и Е. К. В. Герцога Кембриджскаго. — Въ 4 часа въ королевскомъ замкѣ былъ большой военный обѣдъ, къ которому были приглашены министры, генералы и штабъ-офицеры.

8-го сентября утромъ, Е. В. Король Прусскій ѣздилъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ Ораніенбургъ, для осмотра моста на судахъ, наведеннаго чрезъ р. Гавель, при близлежащемъ селеніи Штолпе. — Въ тотъ же день при Дворѣ, въ замкѣ Бельвио, былъ большой обѣдъ, послѣ котораго Е. В. Король и Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ осматривали расположеніе войскъ гвардейскаго корпуса, которыя на слѣдующій день имѣли исполнить большіе полевые маневры.

9-го сентября, Его Императорское Высочество, Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ пріѣхать (послѣ маневровъ, бывшихъ поутру въ окрестностяхъ Берлина), въ 4½ ч., по-полудни, въ Галле, обѣдалъ, и черезъ часъ отправился въ Дармштадтъ по желѣзной дорогѣ.

9-го сентября, ввечеру, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Николаевна, съ Августѣйшимъ Супругомъ Своимъ Е. К. В. Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ, изволила пріѣхать въ Дармштадтъ, для посѣщенія Великогерцогскаго Семейства. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Цесаревна и Е. К. В. Великая Герцогиня Гессенская встрѣтили Ихъ Высочества на станціи желѣзной дороги и сопровождали Ихъ въ Великогерцогскій дворецъ.

15-го сентября Е. В. Великій Герцогъ, въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Наслѣднаго Принца Виртембергскаго и Принцевъ: Карла, Александра, Георга и Эмиля и многочисленной свиты, присут-

ствовалъ сегодня на ученіи гвардейскаго легко-коннаго полка съ конною батареею, а потомъ на пальбѣ всей великогерцогской артиллеріи.

20-го сентября Его Величество Австрійскій Императоръ произвелъ большой смотръ войскамъ на равнинѣ, называемой Гутвейдъ, близъ Песта. Погода вначалѣ неблагоприятная, къ самому смотру прояснилась. Собранныя здѣсь войска состояли изъ 40 батальоновъ пѣхоты и егерей, батальона резервной артиллеріи, 2-хъ ротъ инженерныхъ, 3-хъ санитарныхъ, 1-й піонерной и 1-го экипажа флотиліи, 16-ти кавалерійскихъ полковъ и 24-хъ батарей, что все вмѣстѣ составляло 40,000. Е. В. Императоръ и его Гости прібыли съ поѣздомъ желѣзной дороги изъ Палоты, въ 9½ часовъ утра. Когда Е. В. сѣлъ на лошадь и приблизился къ войскамъ, то свита его состояла болѣе чѣмъ изъ 300 чел. Войскамъ командовалъ Эрцгерцогъ Альбертъ, который и встрѣтилъ Императора. Е. В. былъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ и въ лентѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго; Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола въ мундирѣ Уланскаго Своего Имени полка и въ лентѣ ордена Св. Стефана.

Начался смотръ. По правую сторону Императора находились: Его Высочество Государь Наслѣдникъ, далѣе, Е. К. В. Наслѣдный Принцъ Виртембергскій, другіе иностранные Принцы, и наконецъ, весьма живописная изъ видѣнныхъ доселѣ — свита. Здѣсь было болѣе 100 офицеровъ, всѣхъ націй: Русскіе, Англичане, Французы, Пруссаки, Баварцы, Виртембергцы, Баденцы, Гессенцы и другіхъ германскихъ владѣній. Тосканцы, Греки, Голландцы, Швейцарцы, Турки — представлявшіе собою почти все европейскія арміи; общее вниманіе обращалъ на себя англійскій посланникъ при здѣшнемъ Дворѣ — Герцогъ Уестморлендъ, бывший въ генеральскомъ мундирѣ и съ орденомъ Маріи-Терезіи, который онъ получилъ въ 1815 году: послѣ него — русскіе генералы Ливенъ и Гринвальдъ, прусскій генераль-отъ-кавалеріи графъ Фонъ-деръ-Гребенъ, французскій дивизионный генераль — Летангъ и баварскій генераль — Гейльброннеръ. Кромѣ Принцевъ, въ рядахъ арміи были графъ Вратиславъ, Шликъ, баронъ Гессъ, Чорпхъ, Ландграфъ Фюрстенбергъ, князь Лобковичъ, баронъ Симуничъ, князь Едмундъ Шварценбергъ; графы: Клямъ, Дегенфельдъ и Коронини; фельдмаршалъ-лейтенанты: Бенедекъ, баронъ Хорватъ, Кудрявскій, Рукштуль и др. Е. В. объѣхалъ верхомъ фронтъ войскъ, и въ про-

долженіе этого объѣзда 36 хоровъ музыки играли русскій національный гимнъ. Потомъ начался церемоніальный маршъ: Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ, Эрцъ-Герцогъ Карлъ-Людвигъ и Вильгельмъ; генералы: графъ Дегенфельдъ, графъ Кламъ, баронъ Чорихъ, Ландграфъ Фюрстенбергъ — шли предъ своими полками. Смотръ окончился въ 12½ час. утра. Столь большое число австрійской кавалеріи не было собираемо вмѣстѣ съ самага джонскаго лагеря. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ временно помѣстился въ Будскомъ замкѣ. Отелъ Эрцъ-Герцога Стефана предоставлена для иностранныхъ офицеровъ, которые не помѣстились въ лагерь.

28-го августа Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій изволилъ возвратиться въ С.-Петербургъ.

Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, съ Супругою своею, прибылъ 20-го числа въ С.-Петербургъ, изъ путешествія своего по чужимъ краямъ.

ВЫСОЧАЙШЕ РЕСКРИПТЫ:

1-й На имя Генералъ-Адъютанта, Генерала-отъ-Кавалеріи, Князя Александра Ивановича Чернышева.

Князь Александръ Ивановичъ. Сегодня исполнилось двадцать пять лѣтъ достохвалному управленію вами Военнымъ Министерствомъ, и нынѣ же совершается пятидесятилѣтне примѣрному служенію вашему Престолу и Отечеству. Столь долговременное поприще ваше вы ознаменовали, какъ блистательными подвигами въ войнѣ, подъятой къ освобожденію Европы, такъ равно, самымъ дѣятельнымъ участіемъ въ устройствѣ Войска Донскаго и въ другихъ особенной важности порученіяхъ. Зная ваши достоинства, Я возложилъ на васъ, въ 1827 году, главное завѣдываніе военно-сухопутною частію, и вы въ полной мѣрѣ оправдали искреннее Мое къ вамъ довѣріе.

Четыре войны, совершенныя съ того времени и оконченыя къ славу Россіи, требовали чрезвычайныхъ усилій и за-

ботъ по управленію, вамъ подвѣдомственному; но неутомимостию вашею и неуспянною попечительностию, вы превозмогли все трудности и доставили прочныя средства, какъ къ снабженію Арміи малѣйшими потребностями, такъ и къ приведенію оной въ превосходное состояніе послѣ военныхъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предложенными вами преобразованіями, благоразумными законоположеніями, усовершенствованіемъ внутренняго хозяйства и учрежденіемъ строгой отчетности, вы поставили военное управленіе на степень отличнаго порядка и благоустройства. Неменѣе достохвалны заслуги ваши по исполненію возложенныхъ на васъ обязанностей Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и Кавказскаго Комитета. Будучи ежедневнымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ, Я всегда находилъ истинное удовольствіе изъявлять вамъ Мое постоянное благоволеніе; при настоящемъ же случаѣ, взирая на ваше долготѣе и столь славно пройденное поприще, Я не могу не остановиться воспоминаніемъ на томъ времени, когда въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ I, съ самыхъ юныхъ лѣтъ вашихъ, принялъ васъ подъ Свое руководство и образовалъ изъ васъ одного изъ ревностнѣйшихъ и опытнѣйшихъ Моихъ сотрудниковъ.

Слѣдуя сему примѣру, Я желаю, чтобы сынъ вашъ, князь Левъ, былъ такъ же ко Миѣ близокъ, какъ вы были близки ко Миѣ и къ незабвенному Моему Брату. Миѣ пріятно съ этою цѣлію назначить его моимъ Флигель-Адъютантомъ, и Я надѣюсь, что онъ будетъ такимъ же полезнымъ и вѣрнымъ слугою своему Государю и Россіи, какимъ неуклонно были вы. Желаю притомъ душевно, чтобы назначеніе его послужило новымъ доказательствомъ сердечной Моей признательности и уваженія, съ коими пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно-благодарный.

Петергофъ, 26-го августа 1852 года.

2) На имя Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Графа Перовскаго.

Графъ Левъ Алексѣевичъ. Отличная опытность, приобретенная вами въ-теченіе двадцати-шестилѣтняго служенія по Министерству Удѣловъ, побудила Меня ввѣрить вамъ это Министерство. Оставаясь убѣжденнымъ, что часть эта, поставленная и нынѣ на степень примѣрнаго устройства, поведена

будетъ вамъ еще къ дальнѣйшему процвѣтанію, Я не могу не отдать должной справедливости вашему управленію Министертвомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Завѣдывая этимъ министерствомъ одиннадцать лѣтъ и слѣдуя въ-точности волѣ и указаніямъ Моимъ, вы явили неослабную дѣятельность, неусыпную заботливость и ту высокую благонамѣренность, которую можетъ впустить только одна истинная любовь къ благу общественному и пользамъ Государственнымъ. Въ ваше управленіе многія изъ важнѣйшихъ частей внутренняго управленія получили новое устройство, а другія — необходимыя преобразованія. При обширныхъ занятіяхъ по прямой вашей обязанности, вы съ равнымъ усердіемъ и къ совершенному Моему удовольствію исполняли многократно важныя порученія, личнымъ Моимъ довѣріемъ на васъ возлагавшіяся. За столь достохвальное и существенно-полезное служеніе ваше, Мнѣ пріятно изъявить вамъ искреннѣйшую признательность и особенное благоволеніе, пребывая къ вамъ навсегда благосклонный.

Въ м. Гомель, сентября 6 дня 1852 года.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

3) На имя княгини Италійской, Графини Суворовой-Рымникской.

Княгиня Любовь Васильевна. Въ ознаменованіе особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія и вниманія къ отличной службѣ вашего супруга, Мы, съ дозволенія Государя Императора, приняли васъ въ число дамъ меньшаго креста ордена *Святая Великомученицы Екатерины*, коего знаки при семъ препровождаемъ, съ тѣмъ, чтобы вы ихъ на себя возложили. Пребываемъ, впрочемъ, къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРА».

Александрія, августа 30-го дня 1852 года.

ПРИКАЗЪ

ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ Петергофѣ, августа 15-го дня 1852 года. № 1578.

Государь Императоръ соизволилъ осчастливить Меня слѣдующимъ Рескриптомъ:

Ваше Императорское Высочество.

Съ искреннимъ душевнымъ утѣшеніемъ разсмотрѣлъ Я отчетъ о состояніи Военно-Учебныхъ Заведеній въ 1851 году. Вновь открытый Александринскій-Сиротскій Кадетскій Корпусъ увеличилъ число разсадниковъ образованія русскаго дворянства, въ духѣ христіанской нравственности и доблести воинской. Юноши, предназначаемые на благородное поприще защитниковъ Отечества, находя подъ кровомъ сихъ заведеній родительскую о нихъ заботливость, приобрѣтають, съ основательными въ наукахъ познаніями, навыкъ къ строгому исполненію предстоящихъ имъ на службѣ обязанностей, и поступаютъ въ ряды войскъ со всеми условіями, коихъ Я требую отъ Моехъ офицеровъ.

Образованіемъ сихъ молодыхъ людей семейства ихъ и общее семейство наше, Армія, непосредственно обязаны Вашимъ неутомимымъ трудамъ и просвѣщенной попечительности.

Сердечно благодаря Ваше Императорское Высочество за успѣшное достиженіе столь важной и полезной дѣли, поручаю Вамъ объявить Мое благоволеніе Членамъ Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, и въ-особенности инспектировавшимъ оныя въ прошедшемъ году.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Красное-Село, 12-го августа 1852 года.

Съ благоговѣніемъ приемию и съ благодарностію передаю гг. Членамъ Совѣта эту Высочайшую милость.

Долгомъ сердца вмѣняю Себѣ передать ее и всемъ прочимъ добросовѣстнымъ Моимъ помощникамъ: благодарю отъ души

гг. Директоровъ, Инспекторовъ классовъ, Главныхъ Наблюдателей, Батальонныхъ и Ротныхъ Командировъ, и вообще всѣхъ офицеровъ и преподавателей.

Только труды всѣхъ насъ вмѣстѣ, совокупные и единодушные, усердные и честные, могутъ двигать заведенія впередъ, на пользу великаго нашего Отечества, на утѣшеніе Великаго нашего Государя.

Не ослабимъ въ работѣ, не ослабимъ въ любви къ нашему трудному и святому дѣлу—и Армія всегда съ гордостію будетъ принимать дѣтей нашихъ въ славные свои ряды.

Спасибо вамъ, Мои добрыя дѣти: три года вы Меня радуете; нѣжно люблю Я васъ, и чѣмъ болѣе васъ узнаю, тѣмъ болѣе и болѣе васъ люблю.

Знаю, что вы Меня любите. Съ этимъ взаимнымъ чувствомъ Мой и вашъ Отецъ будетъ всегда нами доволенъ.

Высочайшій Рескриптъ хранить въ ковчегѣ Совѣта.

Приказъ прочесть въ присутствіи воспитателей и воспитанниковъ во всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, въ С.-Петербургскихъ въ день присяги.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ*

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ:

По Военному Министерству.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Бѣдныхъ дворянъ западныхъ губерній: Ковенской, Впленской, Гродненской, Минской, Вильнской, Подольской и Кіевской, если пожелаютъ вступить въ военную службу, опредѣлять, применяясь къ Высочайше-утвержденному, 5-го іюня сего года, положенію о приѣмѣ въ военную службу дворянъ, за родителями которыхъ неменѣе ста душъ крестьянъ.

2) Именные списки о бѣдныхъ дворянахъ, изъявившихъ желаніе поступить на службу, доставлять въ Инспекторскій

Департаментъ Военнаго Министерства, по формамъ, разосланнымъ 20-го іюня сего года, и непрежде, какъ въ то время, когда число снхъ дворянъ будетъ неменѣе 20-ти человекъ.

3) Прошенія съ документами присылать, на основаніи § 6-го положенія о западныхъ дворянахъ, по-мѣрѣ истребованія оныхъ отъ кого слѣдовать будетъ.

4) Распредѣленіе означенныхъ дворянъ въ полки предоста-вить Инспекторскому Департаменту Военнаго Министерства, согласно съ ихъ желаніемъ, если только въ тѣхъ войскахъ, въ которыя пожелаютъ поступить, не будетъ чрезмѣрнаго накопленія сверхъ-штатныхъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ противу другихъ войскъ.

5) Отправлять по назначенію, согласно съ § 16-мъ положенія о дворянахъ западныхъ губерній, на подводахъ, полагая для двухъ дворянъ по одной одноконной подводѣ.

6) Дворянъ снхъ, согласно правиламъ § 30-го положенія, увольнять въ отставку по прослуженіи во фронтѣ неменѣе пяти лѣтъ.

7) Тѣхъ изъ упомянутыхъ дворянъ, которые, при изъявленіи желанія поступить въ военную службу, будутъ моложе 18-ти-лѣтняго возраста, назначать въ Учебные Карабинерные полки, съ тѣмъ, чтобы они, по достиженіи 18-ти лѣтъ, были распредѣляемы Инспекторскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства въ войска, сообразно съ надобностію.

— Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Департамента Военныхъ Поселеній, основанное на ходатайствѣ Командующаго войсками, въ восточной Сибири расположенными, согласно заключенію Департамента, положилъ:

1) Допустить приѣмъ въ сибирскія гимназій, для воспитанія на казенный счетъ, изъ сословія казачьихъ войскъ Восточной Сибири однихъ только дѣтей чиновниковъ, такъ-какъ въ полковыхъ школахъ тѣхъ войскъ дѣти простыхъ казаковъ могутъ быть обучаемы достаточно для ихъ быта, въ наукахъ и ремеслахъ;

2) Войсковыхъ воспитанниковъ, которые, при выпускѣ изъ гимназій, будутъ удостоены къ опредѣленію на казенный счетъ въ Казанскій Университетъ, — отправлять въ оный, съ тѣмъ, чтобы они проходили курсъ наукъ по медицинскому факультету, и чтобы, по окончаніи полнаго курса наукъ, были обращаемы на службу въ свои войска, съ тѣми званіями по медицинской части, какъ, по экзамену, будутъ удостоены. Они

обязаны прослужить общій двадцати-пяти-лѣтній срокъ въ войскахъ, и изъ казачьяго сословія не исключаются. И

3) По уваженію къ ходатайству Командующаго войсками въ восточной Сибири, разрѣшить, на сей только разъ, отправить въ Казанскій Университетъ окончившаго курсъ наукъ въ Иркутской Гимназіи и зачисленнаго въ Епископскій конный казачій полкъ, изъ крестьянъ, Льва Милованова, для усовершенствованія въ наукахъ, по избранному имъ факультету, на казенный счетъ.

Государь Императоръ такое положеніе Военнаго Совѣта въ 23-й день іюля сего 1852 года Высочайше утвердить соизволилъ.

— Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Департамента Военныхъ Поселеній, положилъ:

1) Для доставленія беспомощнымъ семействамъ въ округахъ нахатныхъ солдатъ возможности къ отправленію хозяйственныхъ работъ, допустить причисленіе по одному постороннему кантонисту въ каждое семейство беспомощнаго хозяина, состоящее изъ мужа и жены, или одной вдовы съ неприсвоенными дочерьми, или съ увѣчными сыновьями, на слѣдующемъ основаніи:

а) Хозяевамъ этимъ дозволить избирать себѣ для помощи постороннихъ кантонистовъ, по взаимному между ими и родственниками сихъ послѣднихъ согласію, такихъ, которые по медицинскому свидѣтельству въ Присутствіи Окружнаго Комитета, признаются къ фронтальной службѣ неспособными, но къ земледѣльской работѣ годными.

б) Отдаваемые на семь основаній хозяевамъ кантонисты должны оставаться навсегда въ округѣ, въ чемъ какъ родственниковъ сихъ кантонистовъ, такъ и самихъ ихъ, если они достигли 18-лѣтняго возраста, обязывать подписками.

в) Кантонисты не должны подлежать рекрутской очереди за семейства, въ которыя они поступаютъ, хотя-бы впоследствии и признаны были годными къ строевой службѣ.

г) Въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наследниковъ мужескаго пола, хозяинъ можетъ поступившаго къ нему въ помощники кантониста сдѣлать наследникомъ всего своего имѣнія, если сей послѣдній будетъ того заслуживать по своему поведенію и способности къ хозяйству.

2) Сообразно съ симъ дополнить, въ чемъ слѣдуетъ будетъ, п. XX ст. 67 кн. 1 ч. 1 Свод. Воен. Пост. особымъ примѣчаніемъ.

Положеніе это Высочайше утверждено въ 29-й день іюля сего 1852 года.

По Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Нѣкоторые живущіе въ западной Пруссіи менонисты ходатайствовали о дозволеніи имъ водвориться въ Россіи, на правахъ, дарованныхъ единовѣрцамъ ихъ, съ отводомъ для нихъ земли отъ казны, или съ предоставленіемъ имъ права пріобрѣсть такую по купкою. О ходатайствѣ этомъ г. Министръ Государственныхъ Имуществъ имѣлъ счастье всеподданнѣйше представлять на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, полагая съ своей стороны: 1-е, допустить менонистовъ, въ числѣ 100 семействъ, къ осмотру и избранію земель изъ свободныхъ участковъ въ Самарской губерніи; если же бы они не нашли тамъ удобныхъ земель, въ такомъ случаѣ дозволить имъ, согласно собственному ихъ желанію и на правилахъ, постановленныхъ для иностранныхъ поселенцевъ въ ст. 538 Св. Зак. Т. XII, пріобрѣсть таковыя земли, гдѣ пожелаютъ, по купкою у частныхъ владѣльцевъ; и 2-е, менонистамъ, которымъ на будущее время будетъ отъ Правительства дозволено поселиться въ Россіи новыми колоніями, на правилахъ, изображенныхъ Св. Зак. Т. XII въ пост. о колон. иностр. въ Имперіи, предоставить льготу отъ военной службы въ-теченіе 20 лѣтъ со времени поселенія, а по истеченіи сего срока, облагать ихъ, по расчету, постояннымъ денежнымъ сборомъ, подъ именемъ рекрутскихъ денегъ. На такое предположеніе, въ 19-й день ноября 1851 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ, чтобы взносъ рекрутскихъ денегъ былъ исчисляемъ по размѣрамъ, нынѣ и впредь законами устанавливаемымъ.

УСЛОВІЯ, НА КОИХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНО ДОПУСТИТЬ ВЪ САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ ВОДВОРЕНІЕ ДО 100 СЕМЕЙ ПРУССКИХЪ МЕНОНИСТОВЪ.

1) Менонисты, которые, на основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго соизволенія о поселеніи на казенныхъ земляхъ Самарской губерніи до 100 семей прусскихъ менонистовъ, пожелаютъ переселиться въ Россію, обязаны просить отъ сво-

его правительства увольнительный консенсъ, и при предъявленіи онаго Россійско-Императорской Миссіи, отъ которой будетъ зависѣть снабженіе ихъ паспортами, внести въ онаю, въ обезпеченіе водворенія каждаго семейства, не менѣе 350 прусскихъ талеровъ, которые, за вычетомъ пересылочныхъ расходовъ, будутъ имъ возвращены по прибытіи на мѣсто поселенія.

2) Равнымъ образомъ, они даютъ подписку въ томъ, что постоянно будутъ имѣть въ виду цѣль призванія своего въ Россію, — служить образцами для другихъ земледѣльческихъ сословій, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Молочанскихъ собратій своихъ.

3) Для перваго приступа къ переселенію должна образоваться партія въ составѣ неменѣе 12 семей, такъ-какъ при этомъ только условіи можно будетъ положить прочное основаніе колоніи.

4) Всѣ существующія въ Уставѣ о колоніяхъ, какъ вообще для иностранныхъ поселенцевъ, такъ и въ частности для менонистовъ правила, — о копяхъ не сдѣлано въ настоящемъ условіи оговорки, — распространяются и на новыхъ переселенцевъ.

5) Имъ и потомству ихъ предоставляется свобода отъ личнаго вступленія въ военную службу. Въ-замѣнъ исполненія этой повинности, они облагаются, по истеченіи со-времени причисленія ихъ къ сословію иностранныхъ поселенцевъ двадцати льготныхъ лѣтъ, постояннымъ сборомъ полъ именемъ рекрутскаго. Сборъ этотъ будетъ взыскиваемъ сообразно постановляемой Правительствомъ цѣнности рекрута, которая нынѣ опредѣлена въ 300 руб. серебромъ.

6) Они пользуются десятилѣтнею со-времени причисленія ихъ къ сословію иностранныхъ поселенцевъ льготою отъ платежа податей.

7) На каждое водворяющееся семейство будетъ отводимо по 65 десятинъ, если въ мѣстностяхъ, которыя будутъ избраны для ихъ поселенія, это окажется возможнымъ.

8) Для водворенія менонистовъ назначаются земли въ Самарской губерніи, въ Новоузенскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ, гдѣ существуютъ уже нѣмецкія колоніи. При назначеніи этомъ, утверждаемомъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ, по осмотру первою партіею, или довѣренными отъ нея менонистами, земли и изъявленіи ими согласія на пріемъ опой, имѣется въ виду возможность совмѣстнаго поселенія до

100 семей менонистовъ и удобство завести на этомъ пространствѣ нѣсколько отдѣльныхъ колоній. Но еслибы въ отводѣ на этомъ основаніи земли въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ встрѣтилось затрудненіе, или менонисты, по хозяйственнымъ видамъ, отказались бы отъ поселенія въ тѣхъ уѣздахъ, въ такомъ случаѣ предоставляется имъ избрать земли въ другихъ мѣстахъ Самарской губерніи.

9) Оброчною платою за земли въ Новоузенскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ будутъ они, по истеченіи 10-ти льготныхъ лѣтъ обложены въ размѣрѣ, установленномъ для менонистовъ въ южномъ краѣ Россіи, а именно по $4\frac{1}{2}$ коп. сер. за десятину; въ другихъ же мѣстностяхъ, оброчная плата будетъ опредѣлена по оцѣнкѣ, основанной на относительномъ достоинствѣ избраннаго участка.

10) Участки, единовременно назначенные для водворенія до ста семей менонистовъ, будутъ изъяты отъ другаго употребленія, но въ надѣль будетъ отводимо менонистамъ, по-мѣрѣ ихъ прибытія, только по 65 десятинъ на семейство; остальное пространство, впредь до заселенія, отдается въ содержаніе, какъ казенная оброчная статья, съ предоставленіемъ менонистамъ оставить за собою всю свободную землю или часть, какую, безъ нарушенія правилъ хозяйства, можно будетъ отдѣлить изъ платежа существующаго оброка, съ прибавленіемъ за каждый годъ по 1%.

11) Присвоенное водвореннымъ уже въ Россіи менонистамъ право внокуренія и продажи въ округахъ ихъ поселенія питей не распространяется на переселяющихся на основаніи сихъ условій менонистовъ; они должны подчиниться въ этомъ отношеніи дѣйствующимъ въ Россіи откупнымъ условіямъ.

И 12) Переселенцамъ разрѣшается право безпошлиннаго ввоза въ Россію вещей на сумму пошлинъ до ста руб. сер. на каждое семейство, сверхъ бывшихъ въ употребленіи платьевъ, бѣлья, земледѣльческихъ орудій и т. п., подлежащихъ, по таможеннымъ правиламъ, свободному пропуску.

По Министерству Финансовъ.

Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлены относительно принципіи къ заложеннымъ въ госу-

дарственныхъ кредитныхъ установленіяхъ имѣніямъ дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли, слѣдующія правила: 1) Приписка дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли къ заложенымъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣніямъ дозволяется безъ предварительнаго истребованія согласія оныхъ, по слѣдующимъ: а) чтобы въ-случаѣ продажи тѣхъ имѣній за просрочку платежей по выданнымъ изъ помянутыхъ установленій ссудамъ, или за казенные и частные долги, обращаемы были, вмѣстѣ съ заложеными имѣніями, въ продажу и приписанные къ нимъ послѣ залога дворовые люди и крестьяне; б) чтобы Казенная Палата обязывала владѣльца подпискою въ томъ, что вышеизъясненное правило ему извѣстно, и что въ-случаѣ продажи заложенаго имѣнія, по опредѣленію кредитнаго установленія, или по распоряженію правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ, никакое требованіе за приписанныя къ оному души не будетъ удовлетворяемо, и в) чтобы о каждомъ причисленіи свободныхъ душъ къ заложеному имѣнію, Казенная Палата, равномерно, извѣщала то кредитное установленіе, гдѣ имѣніе состоитъ въ залогѣ. 2) Если въ заложеномъ имѣніи, и за припискою къ оному или за водвореніемъ прибрѣтенныхъ послѣ залога душъ, будетъ находиться достаточное количество земли, въ опредѣленной 347—349 и 1204 статьями Учрежденій и Уставовъ Кредитныхъ Установленій (Св. Зак. Т. XI), пропорціи по разрядамъ губерній; то, по просьбамъ заемщиковъ, выдается, по числу вновь причисленныхъ душъ, дополнительная ссуда, съ тѣмъ, чтобы она присоединяема была къ главному займу, съ прежняго срока, на остальное его время, и на сей предметъ требовать на такихъ людей особо отъ Гражданской Палаты свидѣтельство. 3) Если въ имѣніяхъ, обезпечивающихъ, кромѣ главной, и надбавочную ссуду, съ новымъ причисленіемъ или водвореніемъ дворовыхъ людей и крестьянъ, уменьшившаяся пропорція земли на каждую душу не будетъ достигать опредѣленнаго въ приведенныхъ статьяхъ числа десятинъ, смотря по разряду губерній; то при выдачѣ дополнительной ссуды на прибрѣтенныхъ вновь людей, удерживаются по всему займу надбавочныя деньги. 4) При одинаковомъ положеніи имѣнія, если вмѣсто надбавочныхъ денегъ будетъ выдана копія со свидѣтельства, для представленія залогомъ по дозволеннымъ подрядамъ или откупамъ, предварительно требуется обратно выданная Опекунскимъ Совѣтомъ копія со свидѣтельства, съ надлежащею надписью объ исключеніи той копій изъ числа залоговъ.

— По-случаю поступленія въ Банковья Установленія отъ многихъ заемщиковъ просьбъ о перезалогѣ ихъ имѣній по свидѣтельствамъ 9-й переписи, въ полномъ составѣ, съ новаго срока, признавъ возможнымъ допустить таковой перезалогъ на правахъ, постановленныхъ Высочайше-утвержденнымъ 11-го ноября 1836 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта для перезалога имѣній по свидѣтельствамъ 8-й переписи, г. Управляющій Министерствомъ Финансовъ, по предварительномъ соглашеніи съ гг. Статсъ-Секретаремъ Гофманомъ и Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, входилъ въ Комитетъ гг. Министровъ съ представленіемъ, въ которомъ полагалъ постановить слѣдующія правила: 1) дозволить заемщикамъ Банковыхъ Установленій перезалогъ въ оныхъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній, исключая горнозаводскихъ и фабричныхъ, съ новаго срока, по свидѣтельствамъ Гражданскихъ Палатъ, выданнымъ по 9-й переписи, съ тѣмъ, чтобы изъ причитающейся къ выдачѣ новой ссуды удержанъ былъ прежній долгъ и уплачена установленная премія, и чтобы при таковомъ перезалогѣ наблюдался порядокъ, для новыхъ ссудъ установленный 2) Дозволеніе сіе распространить и на тѣхъ изъ заемщиковъ, которые прежде сего получили дополнительную ссуду подъ прибылыя по 9-й переписи души. Государь Императоръ означенныя правила Высочайше соизволилъ утвердить.

— Государственнаго Совѣта Департаментъ Економіи, въ успешномъ составѣ, разсмотрѣвъ представленіе Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, относительно премій за вывозимый за границу табакъ и за переварку въ Архангельскѣ и Ревелѣ сахара сырка въ головчатый сахаръ, и принявъ на видъ, что на предположенія сего Департамента о прекращеніи, какъ возврата пошлинъ за вывозимый за границу табакъ внутренняго приготовленія, такъ равно и премій за переварку въ Архангельскѣ и Ревелѣ сахара сырка въ головчатый сахаръ, послѣдовало уже Высочайшее соизволеніе, мнѣніемъ положилъ: въ исполненіе сего постановить слѣдующее: 1) Установленный Высочайше-утвержденнымъ, 7-го ноября 1839 г., положеніемъ Комитета Министровъ возвратъ табачнымъ фабрикантамъ и торговцамъ акциза за табакъ внутренняго приготовленія, вывозимый за границу, впредь отмѣнить. 2) Прекратить въ Архангельскѣ и Ревелѣ выдачу установленныхъ въ 1820, 1823 и 1827 годахъ премій за переварку сахара

сырца въ головчатый сахаръ. Мнѣніе это Высочайше утверждено въ 11 день іюля.

— Изъ Департамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ, на основаніи Св. Зак. Т. XII Пост. о Сел. Хоз. ст. 97, выдаются привилегіи на открытія и изобрѣтенія по части сельскаго хозяйства, по тѣмъ же правиламъ, по которымъ привилегіи выдаетъ Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли на открытія и изобрѣтенія по части заводской и фабричной, и которыя изложены въ 116—149 ст. Пост. о Фабр., Завод. и Ремесленной Промышл. (Св. Зак. Т. XI). Въ сихъ правилахъ, какъ доказалъ многолѣтній опытъ, встрѣчаются нѣкоторыя неопредѣлительности, затрудняющія ходъ дѣлъ о привилегіяхъ. Вслѣдствіе сего, г. Министръ Государственныхъ Имуществъ, по соглашенію съ г. Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ, вошелъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ о необходимости пояснить законы о привилегіяхъ. Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше-утвержденнымъ въ 7 день іюля 1852 г. положилъ: представленіе это утвердить, и вслѣдствіе того, подлежащимъ статьямъ Св. Постановленій о Промышленности Фабричной, Заводской и Ремесленной (Св. Зак. Т. XI) дать слѣдующую редакцію: Ст. 126. «Желающій получить привилегію на какое-либо открытіе, изобрѣтеніе или усовершенствованіе въ искусствахъ, мануфактурахъ и ремеслахъ, долженъ подать о томъ прошеніе въ Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, съ назначеніемъ срока испрашиваемой привилегіи, съ объясненіемъ пользы и съ приложеніемъ точнаго описанія того предмета, на который испрашивается привилегію, со всѣми существенными онаго подробностями, приемами и образомъ употребленія, и съ принадлежащими къ тому чертежами и рисунками, не утаивая ничего, что къ точному производству относится можетъ, такъ, чтобы знающіе то дѣло люди могли, по одному описанію и чертежамъ, произвести означенное въ привилегіи открытіе, изобрѣтеніе и проч. въ исполненіе, не имѣя нужды прибѣгать къ догадкамъ или пополнять недостатки, въ немъ содержащіеся. Въ семъ описаніи то, что именно составляетъ предметъ новыи, то-есть, на что привилегія испрашивается, должно быть съ точностію опредѣлено. Описаніе должно быть сдѣлано на русскомъ языкѣ, если же оно переведено съ какаго-либо иностраннаго, то въ семъ случаѣ, для точнѣйшей повѣрки, долженъ быть прилагаемъ и самый оригиналъ. Пред-

ставленіе описанія на какомъ-либо иностранномъ языкѣ, безъ перевода на русскій, допускается только для заявленія права собственности просителя на его открытіе, а не для выдачи ему привилегіи; самая же выдача можетъ послѣдовать прежде, какъ по полученіи отъ него описанія или перевода онаго на русскомъ языкѣ. Въ случаѣ неисполненія сего просителемъ, или его повѣреннымъ, въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ представленія описанія на иностранномъ языкѣ, дѣло о выдачѣ привилегіи прекращается. Если, для болѣе ясности, окажется нужнымъ приложить къ описанію модель, то проситель долженъ представить и оную. Вмѣстѣ съ симъ, проситель взносить и слѣдующую за привилегію пошлину, по таксѣ, ниже сего установленной». Ст. 142. «Получившій привилегію обязанъ, не позже какъ въ-продолженіе четверти срочнаго времени, привести въ полное дѣйствіе то изобрѣтеніе, открытіе или усовершенствованіе, на которое выдана ему привилегія, и затѣмъ, въ-теченіе шести мѣсяцевъ послѣ сего, представить въ Департаментъ, изъ коего онъ получилъ привилегію, удостовѣреніе мѣстнаго начальства о томъ, что привилегированное изобрѣтеніе или усовершенствованіе введено въ употребленіе». Ст. 148. «Привилегія прекращается: пунктъ е) Если получившій привилегію не представитъ въ назначенный статью 142 срокъ, въ подлежащій Департаментъ, установленнаго въ оной удостовѣренія мѣстнаго начальства».

— По положенію Комитета гг. Министровъ, во 2-й день минувшаго августа, согласно съ представленіемъ г. Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на присвоеніе X класса по должности всѣмъ Бухгалтерамъ Уѣздныхъ Казначействъ, какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, не именуя ихъ ни старшими, ни младшими.

По Министерству Юстиціи.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и Общимъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Юстиціи о преобразованіи Московскихъ Сенатскихъ Архивовъ, со-

гласно съ заключеніемъ его, Министра, мнѣніемъ, Высочайше-утвержденнымъ въ 7-й день іюля, положилъ: 1) Состоящія при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ отдѣльныя установленія: Вотчинный Департаментъ, Государственный Архивъ Старыхъ Дѣлъ и Архивъ Разрядный, соединить въ одно общее установленіе, подъ названіемъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. 2) Для храненія находящихся нынѣ въ Разрядномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ и подлежащихъ сдачѣ на будущее время оконченныхъ производствъ Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и Общаго оныхъ Собранія, учредить Московскій Сенатскій Архивъ, по особому штату, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ учрежденъ С.-Петербургскій Сенатскій Архивъ, по ст. 513—522 Учрежд. Правительст. Сената (Св. Зак. Т. I). 3) Существующее въ Москвѣ Отдѣленіе Герольдмейстерскихъ Дѣлъ упразднить, возложивъ обязанность извѣщенія должностныхъ лицъ о присутствованіи при торжественныхъ церковныхъ обрядахъ на Экзекутора Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, и усиливъ Канцелярію сего Собранія по особому дополнительному штату. 4) Проектъ учрежденія Московскаго Архива Министерства Юстиціи поднести, при мнѣніи Государственнаго Совѣта, вмѣстѣ съ штатомъ сего Архива, временнымъ штатомъ Канцеляріи Директора тогожъ Архива, штатомъ Московскаго Сенатскаго Архива и дополнительнымъ штатомъ Канцеляріи Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, къ Высочайшему утвержденію Его Императорскаго Величества. 5) Исчисленную по упомянутымъ штатамъ сумму, двадцать тысячъ сто-тридцать-два рубля десять копѣекъ отпускать изъ Государственнаго Казначейства; образуемое же противъ прежнихъ назначеній сбереженіе 1792 рубля 81 копѣйку въ годъ обратить въ пользу означеннаго Казначейства.

УЧРЕЖДЕНІЕ

Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

1) Состоящія при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ отдѣльныя установленія: Вотчинный Департаментъ, Государственный Архивъ Старыхъ Дѣлъ и Разрядный, соединяются въ одно общее учрежденіе, подъ названіемъ: Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.

Примѣчаніе. Архивъ помѣщается въ зданіи Сената.

2) Главныя обязанности Архива заключаются: а) въ храненіи, приѣмѣ къ храненію дѣлъ и документовъ, и в) въ изготовленіи и доставленіи справокъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ, правительственныхъ лицъ и по прошеніямъ частныхъ лицъ.

Примѣчаніе. Отъ Министра Юстиціи зависитъ возложить на Архивъ и другія обязанности, какъ-то приведеніе въ извѣстность документовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія по историческому или юридическому значенію своему, собраніе историческихъ, юридическихъ и другихъ свѣдѣній, и проч.

3) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи находится подъ главнымъ завѣдываніемъ Министра Юстиціи.

4) Ближайшее и непосредственное завѣдываніе Архивомъ поручается Директору, подъ наблюденіемъ Оберъ-Прокурора Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

5) Архивъ раздѣляется на три Отдѣленія.

6) Каждое Отдѣленіе состоитъ изъ Архивариуса (Начальника Отдѣленія), Помощника его, Секретаря и канцелярскихъ служителей по штату.

Примѣчаніе. Въ 3-мъ Отдѣленіи Архивариусу полагаются два Помощника, а Секретарю одинъ Помощникъ.

7) При Директорѣ состоитъ Канцелярія, подъ вѣдѣніемъ Правителя оной, изъ Столначальниковъ и писцовъ по штату.

8) Установленіе правилъ для управленія Архивомъ и для производства въ ономъ дѣлъ предоставляется Министру Юстиціи.

9) Требования о понужденіи Архива къ выдачѣ справокъ, и жалобы на медленность или неправильное его распоряженіе поступаютъ къ Оберъ-Прокурору Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

10) Архивъ имѣетъ печать съ изображеніемъ государственнаго герба, съ окружающею оной надписью: «печать Московскаго Архива Министерства Юстиціи».

11) Архивъ Правительствующему Сенату и Оберъ-Прокурору Общаго Московскихъ Департаментовъ Собранія представляетъ рапорты, съ губернскими мѣстами сносятся отношеніями, а въ уѣздныя посылаетъ запросы или увѣдомленія;

отъ Оберъ-Прокурора Общаго Собранія Архивъ получаетъ предписанія.

12) Директоръ Архива опредѣляется, по представленію Министра Юстиціи, указомъ за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, и о назначеніи его отдается въ Высочайшихъ Приказахъ.

13) Во-время отсутствія Директора Архива, должность его исправляетъ одинъ изъ чиновниковъ, состоящихъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената.

14) Архивариусы и Правитель Канцеляріи опредѣляются, по предложенію Министра Юстиціи, Сенатомъ; Помощники Архивариусовъ, Секретари и Помощникъ Секретаря, равно Экзекуторъ (который съ тѣмъ вмѣстѣ Казначей и Приходо-расходчикъ) и Регистраторъ—Министромъ Юстиціи, по избранію Директора и представленію Оберъ-Прокурора Общаго Собранія; всѣ прочіе чины Архива опредѣляются Оберъ-Прокуроромъ Общаго Собранія, по представленію Директора, а чины Канцеляріи Директора, кромѣ Правителя оной, опредѣляются самимъ Директоромъ.

15) Увольненіе въ отпускъ Директора свыше 29 дней записать отъ Министра Юстиціи, а въ отпускъ несвыше означеннаго срока отъ Оберъ-Прокурора Общаго Собранія. Архивариусы и ихъ Помощники, Правитель Канцеляріи, Экзекуторъ, Регистраторъ и Секретари на 29-дневный отпускъ увольняются Оберъ-Прокуроромъ Общаго Собранія; для увольненія ихъ на сроки болѣе продолжительныя испрашивается разрѣшеніе Министра Юстиціи; канцелярскіе служители увольняются въ отпускъ Директоромъ на срокъ не болѣе 29 дней, свыше сего срока Оберъ-Прокуроромъ Общаго Собранія.

16) Представленія достойныхъ чиновниковъ, въ Архивѣ служащихъ, къ производству въ классы и къ другимъ наградамъ и знакамъ отличія восходятъ отъ Директора къ Министру Юстиціи чрезъ Оберъ-Прокурора Общаго Собранія и съ его засвидѣтельствомъ.

17) На обязанности Отдѣленій Архива лежитъ храненіе дѣлъ въ цѣлости и безъ поврежденій, содержаніе въ исправности описей и алфавитовъ онымъ и выдача справокъ, за вѣрность и полноту которыхъ они подлежатъ отвѣтственности.

18) Всѣ дѣла распорядительныя и до самаго Архива относящіяся, представленіе отчетности и наблюденіе за теченіемъ

дѣлъ по Архиву лежатъ на обязанности Канцеляріи Директора.

19) На обязанности Канцеляріи лежитъ и разборъ старыхъ дѣлъ, описаніе ихъ, составленіе алфавитовъ и проч.

Примѣчаніе I. Изложенныя въ пунктахъ 17 и 18 обязанности раздѣляются между Столоначальниками; одинъ (1-го стола) завѣдываетъ частію распорядительною, прочіе столы частію описательною.

Примѣчаніе II. Дѣла къ описанію берутся Столоначальниками изъ Отдѣленій Архива подъ росписку, не въ большомъ количествѣ и по окончаніи описанія сдаются снова въ Отдѣленія, подъ росписку Архивариуса.

20) Для принятія вступающихъ бумагъ въ Архивѣ содержится дежурство, во-время присутствія, Столоначальниками и Секретарями по очереди. Въ неприсутственное время дежурятъ канцелярскіе чиновники.

21) При сдачѣ дежурства требуется, чтобы вступающій на дежурство росписывался въ дежурной книгѣ въ полученіи отъ прежняго дежурнаго всего поступившаго во-время дежурства сего послѣдняго.

22) Въ порядкѣ храненія дѣлъ и документовъ, составленіи описей и въ приведеніи Архива въ окончательное устройство, Архивъ сей руководствуется предписаніями Министра Юстиціи.

23) Съ разрѣшенія Министра Юстиціи стороннія лица могутъ быть допускаемы въ Архивъ, для извлеченія нужныхъ свѣдѣній. Обзоръ Архивовъ можетъ быть дозволяемо Оберъ-Прокуроромъ Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ.

24) Секретныя дѣла хранятся въ особомъ Отдѣленіи, въ коемъ каждое дѣло, связка и шкафъ должны быть за печатями Архива, Оберъ-Прокурора Общаго Собранія, Директора и Архивариуса. Къ пересмотру, прочтенію и распечатанію секретнаго дѣла никто не можетъ быть допущенъ безъ особаго разрѣшенія Министра Юстиціи.

25) Никакое новое дѣло не можетъ быть принято въ Архивъ безъ разрѣшенія или предписанія Министра Юстиціи.

26) Прошенія, подаваемыя Директору Архива должны быть писаны на гербовой бумагѣ 60-ти-копѣчнаго достоинства, предложенія же на бумагѣ 30-ти-копѣчнаго достоинства. При прошеніи должны быть представляемы два листа гербовой бумаги втораго разбора, для первоначальнаго производства.

27) Для производства дѣлъ по Отдѣленіямъ Архива употребляется гербовая бумага въ 30 коп. сер. Деньги за оную взыскиваются при выдачѣ справки съ наличныхъ просителей Экзекуторомъ, который о количествѣ подлежащихъ ко взысканію гербовыхъ пошлинъ увѣдомляется особымъ извѣстіемъ, на печатномъ бланкѣ, отъ Отдѣленія. Извѣстіе сіе подписывается Архивариусомъ и скрѣпляется Секретаремъ. По истеченіи каждаго мѣсяца Экзекуторъ представляетъ поступившія въ-продолженіе онаго гербовыя пошлины, при особой вѣдомости, Директору для отсылки ихъ въ Московское Уѣздное Казначейство. Съ отсутствующихъ гербовыя пошлины взыскиваются чрезъ сношеніе съ мѣстнымъ Губернскимъ Правленіемъ, при чемъ, для зачисленія оныхъ въ недоимку, увѣдомляются Казенныя Палаты по принадлежности.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Вслѣдствіе ходатайства г. Исправляющаго должность Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, о дозволении помѣщикамъ Екатеринославской губерніи уплачивать хлѣбомъ накопившіяся на имѣніяхъ ихъ податныя недоимки, и по полученіи отзывовъ по сему предмету гг. Военнаго Министра и Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, г. Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ гг. Министровъ, по положенію коего, Государь Императоръ, въ 19 день минувшаго августа, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Дозволить помѣщикамъ Екатеринославской губерніи поставлять въ Военное Вѣдомство хлѣбъ, на пополненіе накопившихся на крестьянахъ ихъ, до 1-го января 1850 года, податныхъ недоимокъ; но съ тѣмъ однако, чтобы эта поставка начата была не ранѣе 1853 года.

2) Поставленный хлѣбъ зачитать въ податныя недоимки по тѣмъ цѣнамъ, какія будутъ существовать во-время сдачи его въ Военное Вѣдомство; расчеты же Министерствъ Военнаго и Финансовъ, за сей хлѣбъ, производить по смѣтнымъ цѣнамъ, и

3) Затѣмъ, въ отношеніи самаго порядка поставки и приема хлѣба и прочихъ касающихся настоящаго дѣла обстоятельствъ, руководствоваться Высочайше-утвержденными на

этотъ предметъ, 12 марта 1845 г., правлами, опубликованными въ указѣ Правительствующаго Сената.

— Вслѣдствіе ходатайства Исправляющаго должность Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, г. Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ для существующихъ въ г. Александріи Херсонской губерніи, 8 мая и 26 сентября, ярмарокъ назначить новые сроки, именно: для первой 1-го мая, а для второй 8-го сентября.

— Въ поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановлено: 1) Родственникамъ купца, состоящимъ въ одномъ съ нимъ наследственномъ или семейственномъ капиталѣ, могутъ быть выдаваемы, безъ истребованія обезпеченія платежа гильдейскихъ повинностей, паспорта только на тотъ годъ, въ которомъ глава семейства записанъ въ гильдію, и съ тѣмъ притомъ, чтобы срокъ такому паспорту, во всякомъ случаѣ, кончался 1-го января слѣдующаго года, и 2) за выдачу паспортовъ, на срокъ долѣе года, взыскиваются съ вышеозначенныхъ лицъ, въ обезпеченіе гильдейскихъ повинностей, всѣ тѣ суммы, которыя взимаются съ купеческихъ паспортовъ, на точномъ основаніи 85 и 86 статей Уставовъ о Паспортахъ и Бѣглыхъ (Св. Зак. т. XIV).

По Кавказскому Комитету.

Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правила, изложенныя въ первыхъ трехъ пунктахъ приложения къ ст. 228 і Т. VI Св. Уст. Тамож. (по продол. IX), относительно прихода судовъ изъ-за границы на пространствѣ восточнаго берега Чернаго-моря между городомъ Сухумъ-Кале и Кубанью, распространить на все протяженіе сего берега между Кубанью и городомъ Редуть-Кале, съ тѣмъ, чтобы шкипера идущихъ изъ-за границы маломѣрныхъ турецкихъ судовъ, назначенныхъ въ одинъ изъ портовъ восточнаго берега, лежащихъ на сѣверѣ отъ Редуть-Кале, брали въ Николаевскомъ портѣ или въ Редутѣ гвардіона, для слѣдованія съ нимъ до назначенія; крейсерамъ же нашимъ предоставить право, на всемъ пространствѣ берега между Кубанью и г. Редуть-Кале задерживать маломѣрные суда, идущія изъ-за границы и неимѣющія гвардіона.

— Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и согласно положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволивъ повелѣть: находящейся на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря оземчирской карантинно-таможенной заставѣ предоставить право пропускать и очищать пошлиною, по общему тарифу 13—25 октября 1850 года, нѣкоторые европейскіе и колоніальные товары, поименованныя въ росписаніи, приложенномъ къ ст. 2256 Т. VI Св. Уст. Тамож., изд. 1842 г. (по прод. X), подобно тому, какъ сіе право предоставлено карантинно-таможеннымъ заставамъ джебраильской и джагисманской.

— Высочайше утвержденнымъ, 4-го мая 1847 года, положеніемъ объ устройствѣ карантинной части на Кавказѣ и за Кавказомъ (прил. къ ст. 676 Т. XIII Св. Уст. Врач., изд. 1842 г. по прод. IX), между-прочимъ предоставлено Намѣстнику Кавказскому право, по усмотрѣнію его, закрывать на время тѣ изъ карантинныхъ заставъ Кавказской линіи, которыя, по обстоятельствамъ, будутъ оставаться безъ всякихъ дѣйствій, и открывать ихъ, когда возобновится въ томъ надобность.

Нынѣ Государь Императоръ, согласно представленію г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволивъ повелѣть:

1) Означенную выше мѣру распространить и на закавказскіе карантинныя, предоставивъ, на семь основаній, Намѣстнику Кавказскому закрывать на время тѣ изъ закавказскихъ карантинновъ, кои, по обстоятельствамъ, будутъ оставаться безъ всякаго дѣйствія, и открывать ихъ, когда возобновится въ томъ надобность.

2) При закрытіи тѣхъ изъ закавказскихъ карантинновъ, въ коихъ, въ-случаѣ появленія чумы, должны подвергаться очищенію турецкіе провепасы, соображаться съ дѣйствіями карантинновъ новороссійскихъ.

3) Карантинныхъ чиновниковъ, по закрытіи карантинныхъ учрежденій за Кавказомъ, оставить за штатомъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ оставлены за штатомъ чиновники другихъ вѣдомствъ, по-случаю сокращенія вообще штатовъ въ Имперіи; и

4) Сбереженія отъ закрытія карантинныхъ заставъ и должностей обращать въ вѣдѣніе Намѣстника Кавказскаго, для образованія особаго карантиннаго капитала: на разныя надобности по устройству карантинно-таможенныхъ учреждений;

на усиленіе таможенной по границѣ стражи; на постройку кордоновъ и на другіе расходы, на случай возобновленія полныхъ карантинныхъ дѣйствій.

— Ст. 2314 Т. VI Св. Уст. Тамож. (изд. 1842 г.) дозволяется купцамъ, въ-случаѣ неимѣнія денегъ на платежъ пошлинъ за привозимые въ Редутъ-Кале и Тифлисъ иностранные товары, оставлять на складочный срокъ въ залогъ таможеннымъ часть товара, неподверженнаго порчѣ, на томъ основаніи, какъ соблюдается сіе при очисткѣ товаровъ, привозимыхъ съ персидской и турецкой границъ.

Нынѣ Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволивъ повелѣть: означенное выше право оставить въ своей силѣ только въ отношеніи къ г. Тифлису; что же касается до Редутъ-Кале, то дѣйствіе онаго сохранить тамъ лишь на время навигаціи нынѣшняго года; затѣмъ право это съ открытіемъ навигаціи будущаго года отмѣнить.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: означенную выше ст. 2314 Т. VI Св. Уст. Тамож. (изд. 1842 г.) измѣнить такъ: «купцамъ, въ-случаѣ неимѣнія денегъ на платежъ пошлинъ за привозимые въ Тифлисъ иностранные товары, дозволяется оставлять на складочный срокъ въ залогъ таможеннымъ часть товара, неподверженнаго порчѣ, на томъ основаніи, какъ соблюдается сіе при очисткѣ товаровъ, привозимыхъ съ персидской и турецкой границъ».

— Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволивъ повелѣть: подъ залогъ каменныхъ строеній, состоящихъ въ предмѣстьи города Тифлиса, Навтлугѣ, выдавать ссуды, какъ изъ Закавказскаго Приказа Общественнаго Пріорѣнія, такъ и изъ вспомогательнаго капитала Тифлисской Губернской Строительной Коммиссіи, подобно тому, какъ производятся сіи ссуды подъ залогъ строеній, находящихся въ самомъ Тифлисѣ.

По Вѣдомству Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

По распоряженію господина Главноуправляющаго Путьми Сообщенія и Публичными Зданіями назначено съ 16-го

сентября постоянное отправленіе по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ втораго пассажирскаго поѣзда, какъ изъ С.-Петербурга въ Москву, такъ и изъ Москвы въ С.-Петербургъ, въ восемь часовъ вечера.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ.

Въ Высочайшихъ указахъ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данныхъ Сибирскому Комитету и Правительствующему Сенату, изображено, въ первомъ:

«Его Императорскому Высочеству, Нашему Любезнѣйшему Сыну, Великому Князю Константину Николаевичу, Всемлостивѣйше повелѣваемъ быть Членомъ Сибирскаго Комитета». И во второмъ:

«Снисходя на просьбу Военнаго Министра, Генераль-Адъютанта, Генерала отъ Кавалеріи Князя Чернышева, принесенную имъ при совершеніи нынѣ двадцати-пятилѣтія управленія его Военнымъ Министерствомъ, Всемлостивѣйше увольняемъ его отъ должности Военнаго Министра, съ сохраненіемъ всего получаемого имъ нынѣ содержанія и съ оставленіемъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, и при всѣхъ другихъ его званіяхъ и должностяхъ.»

«Товарищу Военнаго Министра, Генераль-Адъютанту, Генераль-Лейтенанту Князю Долгорукову 1-му, Всемлостивѣйше повелѣваемъ управлять Военнымъ Министерствомъ, съ оставленіемъ въ званіи Генераль-Адъютанта».

«Назначивъ Дежурнаго Генерала Главнаго Нашего Штаба, Генераль-Адъютанта, Генераль-Лейтенанта Игнатьева 1-го, Членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ Генераль-Адъютантомъ и Членомъ Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, Всемлостивѣйше повелѣваемъ Командиру Л.-Гв. Преображенскаго полка, Генераль-Адъютанту, Генераль-Маіору Катенину быть Дежурнымъ Генераломъ Главнаго Штаба Нашего, съ оставленіемъ въ званіи Генераль-Адъютанта».

Высочайшими указами, данными Правительствующему Сенату, августа 30-го, Всемлостивѣйше повелѣно: Министру

Императорскаго Двора, Генераль-Адъютанту, Генералу отъ Инфантеріи Графу Адлербергу, — исполнять по Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, всѣ обязанности Канцлера орденовъ; Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Перовскому, — быть Министромъ Удѣловъ и Управляющимъ Кабинетомъ Его Императорскаго Величества, подчинивъ главному его начальству: Императорскую Академію Художествъ, Московское Дворцовое Архитектурное Училище, тамошнее Художественное Общество, Императорскій Ботаническій Садъ и всѣ археологическія въ Россіи розысканія. Таковое подчиненіе частей сихъ особому завѣдыванію не изъяметъ ихъ, однакожъ, изъ общаго состава Министерства Императорскаго Двора, на основаніи Учрежденія онаго.

Ему же, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Перовскому, Всемлостивѣйше повелѣно быть Предсѣдателемъ Комиссіи о построеніи Исаіевскаго Собора.

Высочайшимъ Приказомъ, по военному вѣдомству, 1-го сентября, Кіевскій Военный, Подольскій и Вольнскій Генераль-Губернаторъ, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Инфантеріи Бибииковъ 1-й, назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи Генераль-Адъютанта.

Старшему Помощнику Директора Московской Оружейной Палаты, Статскому Совѣтнику Вельману, Всемлостивѣйше повелѣно быть Директоромъ означенной Палаты.

— Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, въ званіи Камергера, Князю Григорію Волконскому, Всемлостивѣйше повелѣно быть въ должности Гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ при Императорской миссіи въ Римѣ и завѣдывающимъ учрежденною тамъ Археологическою Комиссіею для пріисканія древностей.

Генераль-Адъютанту, Генераль-Лейтенанту Зассу повелѣно быть Членомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго 18-го августа 1814 года.

ПОЖАЛОВАНЫ ОРДЕНАМИ.

Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Главный Командиръ Ревельскаго Порта, Генераль-Адъютантъ, Вице-Адмиралъ *Литке*. — Командиръ 3-го Пѣхотнаго Корпуса, Генераль отъ Кавалеріи, баронъ *Офенбергъ 1-й*.

Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени.

Директоръ Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій, Тайный Совѣтникъ *Ланге*.—Шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича, *Толстой*.

Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшеннаго.

Начальникъ 6-й Пѣхотной Дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ *Арешеръ*.—Начальникъ военной съемки Херсонской губерніи, Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ-*Фонъ-Руге*.—Директоръ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи Каммергера *Скрыницынъ*.

Св. Анны 1-й степени.

Начальникъ 1-й Артиллерійской Дивизіи, Генералъ-Маіоръ *Штаденъ 1-й*.—Петергофскій Комендантъ, Генералъ-Маіоръ *Корсаковъ 2-й*.—Членъ Медицинскаго Совѣта, Докторъ Медицины и Хирургіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Громовъ*.—Командиръ 1-й Бригады 2-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, Генералъ-Маіоръ *Норадовскій*.

Св. Станислава 1-й степени.

Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ *Мендъ*.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Послѣ зимняго похода нашего, поболебавшаго вліяніе *Шамилля* въ Большой-Чечнѣ, этотъ мятежникъ, успиваясь поддержать духъ сопротивленія между жителями, водворилъ въ селеніи Гурдали, у подошвы Качкальковскаго хребта и въ аулахъ Аргунскаго ущелія самыхъ враждебныхъ намъ при-

верженцевъ своихъ, которые производили непрерывныя набѣги въ предѣлы наши.

Дабы наказать непріятеля и пресѣчь въ корнѣ замыслы его, Генералъ-Лейтенантъ *Князь Барятинскій* рѣшился произвести одновременное, съ разныхъ сторонъ, движеніе въ Большую-Чечню.

Съ этою цѣлью, 11-го августа, на разсвѣтѣ, Флигель-Адъютантъ Полковникъ *Князь Воронцовъ*, съ 3-мя батальонами пѣхоты и 4-мя сотнями казаковъ, при 6-ти орудіяхъ, занялъ Мизанскую просѣку. Прибывъ туда къ 6-ти часамъ утра, съ 7-ю сотнями казаковъ, *Князь Барятинскій* двинулся всѣмъ отрядомъ впередъ, перешелъ къ Шалпской просѣкѣ и расположился на Шавдонѣ. Здѣсь присоединился къ нему Генералъ-Маіоръ *Мейдель* съ 2½ батальонами пѣхоты при 6 орудіяхъ.

Въ тотъ самый день отдѣльныя колонны направлены были съ Шавдона къ Бассу и Герменчуку, подъ командою Генералъ-Маіоровъ *Майделя* и *Багговута*.

Съ другой стороны, Полковникъ *Бикановъ*, съ 4-мя батальонами пѣхоты и 11 сотнями казаковъ, при 7 орудіяхъ, перешелъ чрезъ Качкальковскій хребетъ, для раззоренія аула Гурдали. Казаки, подъ начальствомъ Полковника *Суходольскаго*, обскакали аулъ, между-тѣмъ какъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ *Баронъ Николай* ворвался вовнутрь его.—Послѣ жаркаго боя, всѣ сопротивлявшіеся Чеченцы погибли подъ штыками, кромѣ 52 человекъ, положившихъ оружіе; захваченъ весь скотъ и аулъ преданъ огню.

12-го августа *Князь Барятинскій* продолжалъ движеніе къ подножью Чорныхъ-горъ, и возвратился 13-го числа въ Грозную.

Потеря, претерпѣнная непріятелемъ чрезъ истребленіе всѣхъ его запасовъ хлѣба и сѣна, весьма велика, она немалѣе для него чувствительна и въ людяхъ, судя по множеству тѣлъ, оставшихся въ нашихъ рукахъ. Пленныхъ и передавшихся намъ Чеченцевъ собралось уже 195 человекъ; кромѣ-того непрерывно являются къ намъ новые переселенцы.

Съ нашей стороны, въ-продолженіе сего трехдневнаго движенія, сопровождавшагося упорнымъ боемъ, убито: 2 оберъ-оффцера и 45 нижнихъ чиновъ; ранено: 1 штабъ-оффцеръ, 10 оберъ-оффцеровъ и 254 нижнихъ чиновъ.

Для довершенія общаго пораженія Чеченцевъ, Флигель-Адъютантъ *Князь Воронцовъ* двинулся въ Аргунское ущелье, въ ночь

съ 14-го на 15-е августа, съ 9 ротами пѣхоты и 3-мя сотнями казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ, и охвативъ три аула, разрушилъ ихъ до основанія.

Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ 32 человекъ убитыхъ и значительное число раненыхъ.

Съ нашей стороны убито: 1 оберъ-офицеръ и 9-ть нижнихъ чиновъ; ранено 6-ть оберъ-офицеровъ и 51 нижнихъ чиновъ.

РАБОТЫ ИЗВѢСТІЯ.

ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО С.-ПЕТЕРБУРГА. (Извлечено изъ напечатанной въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Полиціи» Высочайше-утвержденной С.-Петербургской городской росписи на 1852 г.). Расходовъ 1,912,304 руб. 19½ коп. Доходовъ 1,939,363 руб. 74 коп. Остатка 27,059 руб. 54½ коп. сверхъ того расходовъ чрезвычайныхъ, на счетъ особыхъ источниковъ 443,868 руб. 2¼ коп. Общая же сумма расходовъ простирается до 2,356,172 руб. 21¼ коп., а средства для покрытія оныхъ перечислены въ 2,383,231 руб. 76¼ коп.

Роспись расходовъ, кромѣ единовременныхъ и чрезвычайныхъ, заключаетъ въ себѣ *восемьдесятъ-пять* статей, кои относятся къ нижеслѣдующимъ главнымъ отдѣленіямъ. I. Уплата долговъ (Опекунскому Совѣту, Государственному Заемному Банку и С.-Петербургскому Приказу Общественнаго Призрѣнія) 87,921 руб. 13¾ коп. II. Содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія (общественнаго, строительнаго, полицейскаго, судебнаго и тюремной части) 707,833 руб. 25¾ коп. III. Помѣщеніе мѣстъ и лицъ городского управленія, а также содержаніе городскихъ зданій и заведеній (наемъ и содержаніе квартиръ, содержаніе дома Военнаго Генералъ-Губернатора, дома Городской Думы, зданій полицейскихъ и тюремныхъ, городскихъ амбаровъ, Екатерингофа и проч.) 115,828 руб. 80½ коп. IV. Наружное благоустройство города (ремонтъ городскихъ зданій и заведеній, мостовъ, шоссе, мостовыхъ, тротуаровъ и набережныхъ, содер-

жаніе подземельныхъ трубъ, устройство мостковъ и спусковъ черезъ Неву, содержаніе садовъ и аллей, очищеніе тротуаровъ, улицъ и площадей, освѣщеніе улицъ и тому подобное) 373,611 руб. 68¼ коп. V. Помѣщеніе войскъ (выдача квартирныхъ денегъ, наемъ помѣщеній, содержаніе казармъ, Ордопаусъ-Гауза, караульныхъ домовъ, зданій Петропавловской крѣпости и проч.) 227,404 руб. 74 коп. VI. Содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній (народныхъ училищъ, больницъ: Петропавловской, Св. Маріи Магдалины, содержаніе женскаго отдѣленія при Обуховской больницѣ, новаго отдѣленія при Калиткинской больницѣ, пособіе Комитету для разбора нищихъ и Обществу посѣщенія бѣдныхъ, содержаніе городскихъ богадѣленъ и разныхъ другихъ богоугодныхъ заведеній) 222,839 руб. 10¾ коп. VII. Пособіе разнымъ вѣдомствамъ (содержаніе чиновниковъ по дѣламъ городского хозяйства, при Министертвѣ Внутреннихъ Дѣлъ и Управленій Военнаго Генералъ-Губернатора и Гражданскаго Губернатора; пособіе Комитету 18 августа 1814 года, Дирекціи Императорскихъ Театровъ, и проч.) 87,870 руб. 47 коп. VIII. Мелочныя и непредвидимыя издержки (заготовленіе извозчичьихъ билетовъ, печатаніе публикацій, объявленій и вызововъ къ торгамъ, и проч.) 25,288 руб. 24½ коп. Кромѣ-того: а) Расходы единовременные: содержаніе Комиссіи для введенія новаго общественнаго управленія въ С.-Петербургѣ, издержки по описанію недвижимыхъ имуществъ столицы, помѣщеніе должговыхъ арестантовъ и проч., а также капиталныя строительныя работы, изъ коихъ важнѣйшія суть: проложеніе городскихъ подземельныхъ трубъ въ разныхъ частяхъ города, передѣлки и перестройки въ городскихъ буянахъ, перестройка гранитныхъ тротуаровъ на переходахъ черезъ улицы и площади по Невскому проспекту и проч.) 63,706 руб. 75 коп. б) Расходы чрезвычайные (относимые на счетъ особыхъ источниковъ): погашеніе долговъ по нѣкоторымъ займамъ, а также перестройка вновь с.-Петербургскаго плывучаго моста, устройство постояннаго моста вмѣсто плывучаго 2 Каменноостровскаго, капитальное исправленіе большаго Петровскаго моста, перестройка мостовъ: Кашина, Харламова, Кокушкина, Вознесенскаго и 3-хъ въ Петровскомъ-паркѣ и проч.) 443,868 руб. 2½ коп.

Роспись доходовъ, кромѣ чрезвычайныхъ, заключаетъ въ себѣ *шестьдесятъ-семь* статей, кои относятся къ нижеслѣдующимъ главнымъ отдѣленіямъ:

I. Доходы съ городскихъ общественныхъ имуществъ (земель, буяновъ и оброчныхъ статей) 188,572 руб. 53 коп. II. Прямые

налоги на владѣльцевъ недвижимой собственности въ городѣ и на другихъ обѣдлыхъ обывателей столицы (съ недвижимыхъ имуществъ по оцѣнкѣ, съ записки гражданъ въ обывательскую книгу, съ охтенскихъ крестьянъ, за содержаніе полиціи и проч.) 860,039 руб. 22 коп. III. Прямые налоги на промышленниковъ разнаго рода (съ торговцевъ, ремесленниковъ, пивоваровъ, извозчиковъ, содержателей городскихъ экипажей, слугъ и рабочихъ, съ разныхъ промышленниковъ при биржѣ, съ содержателей трактирныхъ и другихъ заведеній, а также пароходовъ и судовъ) 586,005 руб. 67 коп. IV. Налоги косвенные (сборы съ клейменія вѣсовъ и мѣръ, съ проходящихъ судовъ, съ привозимаго на здѣшнюю пристань хлѣба, съ актовъ и договоровъ, съ аукціонной продажи и лотерей, и проч.) 187,113 руб. 86 коп. V. Доходы вспомогательные (отъ казны, въ-замѣнъ таможенныхъ и винныхъ сборовъ, а также возвратъ издержекъ за освѣщеніе Думою улицъ предъ казенными домами 71,812 руб. 65 $\frac{1}{4}$ коп. VI. Доходы случайные (штрафъ и пени, плата за издаваемые вѣдомости о справочныхъ цѣнахъ) 45,819 руб. 80 коп. Кромѣ-того: Доходы чрезвычайные (часть городского остаточнаго капитала, предназначенная для погашенія долговъ и на новыя капитальныя постройки; остатокъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на работы 1851 года, обращаемый на постройку 10-ти мостиковъ черезъ Лиговку и проч.) 443,868 руб. 2 $\frac{1}{4}$ коп.

Въ то же время состояніе городскихъ капиталовъ и долговъ къ 1-му мая 1851 года было слѣдующее:

Капиталовъ съ наросшими процентами: а) неприкосновенныхъ, имѣющихъ особое назначеніе (на устройство невскаго берега, флашкоутовъ, казармъ, на урегулированіе улицъ и на выдачу пенсій) 59,140 руб. 80 $\frac{1}{2}$ коп. б) остаточныхъ или запасныхъ капиталовъ 762,239 руб. 27 коп. в) недоимочнаго 499,737 руб. 16 $\frac{3}{4}$ коп.

Долговъ (по-случаю устройства и улучшенія благотворительныхъ заведеній, устройства набережной рѣки Фонтанки и береговъ Обводнаго канала, новаго чрезъ Неву моста, очищенія Фонтанки и на другіе общепользные предметы) 1,200,349 руб. 21 $\frac{3}{4}$ коп.

Изъ приведенныхъ исчисленій видно, что и въ настоящемъ году нѣсколько ненарушено равновѣсіе между доходами и расходами столицы, а напротивъ оказывается значительный остатокъ, несмотря на то, что, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, прекращенъ съ нынѣшняго года отпускъ изъ казны, въ пособіе городу, 112,844 руб. 97 $\frac{1}{4}$ коп. сер. Запасные капиталы

хотя и уменьшились противъ прошлаго года, но это уменьшеніе произошло оттого, что они употреблены на уплату городскихъ долговъ. Польза отъ этого замѣна не подлежитъ сомнѣнію; ибо городъ, получая съ своихъ капиталовъ изъ Кредитныхъ Установленій 4 $\frac{1}{2}$ %, самъ долженъ былъ уплачивать по долгамъ 5%. Такимъ-образомъ уменьшеніе капиталовъ въ этомъ случаѣ, есть, говоря другими словами, постоянное увеличеніе городскихъ доходовъ. Притомъ же дѣйствительность мѣръ, принятыхъ для взысканія недоимокъ, и заботливости городского начальства о приведеніи въ порядокъ сбора городскихъ доходовъ имѣли слѣдствіемъ уменьшеніе недоимокъ на 107,600 руб. 12 $\frac{1}{2}$ коп. и, слѣдовательно, соответственное увеличеніе запаснаго капитала. Вслѣдствіе этого, по ходатайству Общей Думы, и въ нынѣшнемъ году разрѣшено ассигновать изъ запаснаго капитала 250,082 руб. 26 $\frac{3}{4}$ коп. на погашеніе старыхъ займовъ. Такимъ-образомъ, при обстоятельствахъ, подобныхъ настоящимъ, городъ въ нѣсколько лѣтъ освободится отъ долговъ, поглощавшихъ ежегодно значительныя суммы на уплату процентовъ.

Кромѣ уплаты по займамъ, изъ того же остаточнаго капитала предположено произвести въ текущемъ году нѣкоторыя новыя капитальныя постройки. Важнѣйшія изъ нихъ суть:

а) *Постройка Петербургскаго плывучаго моста.* По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 4 января 1851 года, существующій мостъ назначено было исправить и обыкновеннымъ ремонтомъ поддерживать въ 1851 и 1852 годахъ. Во исполненіе сей Высочайшей воли мостъ этотъ уже исправленъ, и будетъ поддерживанъ до зимы 1852 года, но затѣмъ уже не будетъ вовсе возможности навести его въ 1853 году, и тогда сообщеніе по этому пути должно было бы неизбежно прекратиться. Въ предупрежденіе сего предположено къ веснѣ того года построить новый мостъ, котораго флашкоуты сдѣланы нынѣшнимъ лѣтомъ, а стропильная система и настилка будутъ изготовлены въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1853 года. На этомъ основаніи, въ счетъ смѣтной на сей предметъ суммы до 180,000 руб., по росписи настоящаго года ассигновано 60,000 руб., а остальная затѣмъ сумма будетъ отпущена въ слѣдующемъ году.

б) *Устройство постоянного моста, вмѣсто плывучаго 2-го Каменноостровскаго.* Этотъ мостъ, извѣстный подъ названіемъ «Строгановскаго», пришелъ въ такую ветхость, что дальнѣйшее поддержаніе его ремонтными средствами невозможно; съ устрой-

ствомъ же вмѣсто него постоянного моста учредится непрерывное сообщеніе, и будутъ устранены напрасные расходы на ремонтъ. На эту работу печислено и внесено въ роспись 43,000 руб. сер.

в) *Капитальное исправленіе большаго Петровскаго моста.* Мостъ этотъ, по гнилости частей и происшедшей отъ того неравнобѣрной осадкѣ арокъ, оказывается ненадежнымъ, и требуетъ совершенной перестройки, которая можетъ быть произведена въ два года. Въ текущемъ году потребуется перестроить подъемную часть моста, какъ самую ненадежную, между островкомъ и Крестовскимъ островомъ, а въ 1853 году и всю остальную. На работы настоящаго года внесено въ роспись 17,000 руб. сер.

г) *Построеніе новыхъ каменныхъ службъ, вмѣсто существующихъ деревянныхъ, при стѣзжель-домѣ Рождественской Части.* Работу эту предположено произвести въ нынѣшнемъ же году, для чего ассигновано 12,000 руб. сер.

д) *Построеніе 25-хъ новыхъ полицейскихъ будокъ, по утвержденному чертежу.* Въ числѣ сихъ будокъ 20 полагается устроить вмѣсто приходшихъ въ совершенную ветхость, которыя не могутъ болѣе поддерживаться ремонтъ, а 3 будки для усиленія городской стражи, именно: одну въ Московской Части, на Новыхъ-мѣстахъ, за заставою, другую—Нарвской Части, у Старообрядческаго кладбища, а третью—той же Части, за заставою. На работу эту ассигновано 11,000 руб. сер.

Всѣхъ же новыхъ капитальныхъ построекъ, включая сюда и менѣе важныя, здѣсь неповименованныя, предположено произвести въ настоящемъ году на сумму 175,500 руб. сер.; и сверхъ того, на окончаніе построекъ, начатыхъ въ прошедшемъ году (на сумму 354,968 руб. 32 коп., въ счетъ коей было отпущено 283,287 руб.), внесено въ роспись 37,944 руб. сер.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА. Ярмарка началась нынѣшній годъ нѣсколькими днями ранѣе прошлогодней, такъ-что 25 и 26 іюля были уже покупатели на мануфактурные товары

Первоначальными покупателями были донскіе Казаки и пахичеванскіе Армяне, — также Армяне тифлискіе, всѣ они начали покупать ивановскіе ситцы, преимущественно кубовые. Потомъ начали появляться Армяне кизлярскіе, и въ этотъ край продано много высокихъ набивныхъ товаровъ. Однимъ-словомъ, въ Закавказскій и обшпольный съ нимъ край нынѣшній годъ продано товаровъ значительное количество.

Велѣдъ за Армянами начали появляться здѣшніе всегдашніе покупатели, такъ-называемые ходобщики, торгующіе болѣею частію въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Сибири, и потомъ уже городовые, т.-е. коренные кунцы, торгующіе постоянно въ тѣхъ городахъ, гдѣ они занесаны.

Этотъ краткій очеркъ даетъ ясное понятіе, изъ какихъ покупателей составляется нижегородская ярмарка—этотъ огромный базаръ, которому ничего въ мірѣ нѣтъ подобнаго. Что такое ярмарки въ Лейпцигѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и Франкфуртѣ на Одерѣ въ сравненіи съ нашимъ великаномъ—Макарьевскою ярмаркою! Привезите туда нашего Татарина, онъ подумаетъ, что это базаръ, о которомъ говорить не стоитъ. Дѣла по части мануфактурныхъ товаровъ шли нынѣшній годъ вообще хорошо, или по-крайней-мѣрѣ удовлетворительно;—прежде всего, сколько было ситцевъ на ярмаркѣ, сколько ихъ продано и сколько осталось? Эти вопросы разрѣшаются каждый годъ въ официальныхъ цифрахъ, но такъ-какъ это рѣдко бываетъ вѣрно, и даже не можетъ быть вѣрно, то довольно сказать, что около 400 т. пуд. бумажной пряжи перерабатывается ежегодно въ Россіи въ этотъ артикулъ;—считая восемь штукъ изъ пуда, выйдетъ количество въ 3,200,000 штукъ, изъ числа которыхъ, по-крайней-мѣрѣ, должна шестая часть поступить сюда для продажи.

Высокіе сорта ситцевъ, какъ-то: Битенажа и Лютча въ С.-Петербургѣ, Цинделя и Царевскаго Общества въ Москвѣ, продавались нынѣшній годъ въ особенности хорошо; пропорція ихъ въ ярмаркѣ была менѣе обыкновенной, къ чему были двѣ важныя причины: фабрика Битенажа въ-началѣ іюля мѣсяца пострадала отъ пожара, работы на ней въ самое лучшее время года были прекращены, и по-крайней-мѣрѣ 10 т. штукъ выработано для ярмарки менѣе. Фабрика Цинделя имѣла нынѣшнею весною значительныя перестройки, влѣдствіе этого были приостановлены на ней работы; потомъ задержано производство работъ мелководьемъ Москвы рѣки. Эта фабрика тоже около 10 т. штукъ приготовила для ярмарки товаровъ менѣе. Товаровъ ивановскихъ, какъ замѣтно, вообще было нѣсколько менѣе прошлаго года, и ихъ болѣею часть выродана; цѣны на ситцевый товаръ удержались почти прошлогоднія. Сроки нынѣшній годъ мало выходили изъ предѣловъ 12 мѣсяцевъ; кажется, торговцы начали наконецъ понимать, что 18 и 24 мѣсячные сроки неминуемо поведутъ къ гибели ихъ капиталы. Что касается до ива-

повскихъ дешевыхъ товаровъ, то такъ-какъ эти товары вырабатываются преимущественно небогатыми людьми, то они и продаются всегда за наличныя деньги. Чтобы сказать что-нибудь о цѣнахъ на ситцевый товаръ, то ситцы ивановскіе продавались самые низкіе, машинные, рубашечные манеры, прочные и тоже машинные, съ ручною отдѣлкою, верховые, смотря по добротѣ миткаля, отъ $5\frac{3}{4}$ коп. до 7 коп. сер. за аршинъ; высшіе сорта въ томъ же родѣ, между 7-ю и 10-ю коп. за арш. Кубовые, такъ-называемые саксонскіе, тоже по сортамъ, отъ $9\frac{1}{2}$ до 13 коп. сер. Эти цѣны денежные, безъ всякой скидки. Цѣны срочныя у богатыхъ фабрикантовъ были, какъ и всегда бывають, выше около 10% на рубль. При томъ, такъ какъ богатые фабриканты работаютъ товаръ всегда нѣсколько выше добротой и больше имѣють наблюденія за чистотой красокъ, то, такъ-называемые, фабрикантскіе товары составляютъ почти совершенно другой сортъ товара въ сравненіи съ первыми. Товары фабрикъ Битенажа и Лютча продавались почти прошлогодними цѣнами: однокрасочные, во всѣхъ цвѣтахъ, кромѣ розоваго, 18 коп. сер. за арш., съ обыкновеннымъ возвышеніемъ за каждый № 3 коп. сер., такъ-что цѣны товарамъ этихъ фабрикъ, начиная съ 18 коп., доходятъ въ высшихъ сортахъ до $28\frac{1}{2}$ коп. сер. за арш., по самымъ ходовымъ сортамъ въ 18 и 21 коп., такъ что изъ 150,000 штукъ, если только не болѣе, вырабатываемыхъ ежегодно этими двумя фабриками, болѣе 120,000 штукъ вырабатываются въ 18 и 21 коп., и можетъ-быть 30,000 шт. прочихъ сортовъ. Цѣны означены здѣсь на срочную продажу, или со скидкою за деньги по 8% съ рубля.

Фабрика Битенажа, работая въ-продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ всегда только прочные, целиншіе товары, и употребляя всегда хорошей доброты миткаль подъ набивку, сдѣлалась извѣстною во всѣхъ предѣлахъ Россіи. Можно сказать положительно, что нѣтъ ни одного города, нѣтъ ни одного мѣстечка и даже порядочнаго селенія въ Русской Имперіи, гдѣ бы не знали этой фабрики по имени. Если есть на штукъ ситца клеймо Битенажа, никто уже не спрашиваетъ, прочныя ли краски; всѣ знаютъ, что эта фабрика никогда не работала ничего непрочнаго. Лютчъ, находясь прежде колористомъ на фабрикѣ Битенажа, и принявъ его методу, въ-теченіе съ небольшимъ 15 лѣтъ, заслужилъ своимъ товаромъ хорошую извѣстность, но при всемъ томъ у розничныхъ торговцевъ хотя покупають по той

же цѣнѣ товаръ Лютча, но онъ извѣстенъ потребителямъ вездѣ подъ названіемъ Битенажа.

Ситцы Цинделя, Царевскаго Общества и братьевъ Прохоровыхъ продавались тоже по сортамъ, отъ 16 до 21 коп. сер. за арш., на срочныя цѣны, и имѣли, порядочный сбытъ. Что сказать о другихъ фабрикахъ, существующихъ въ Москвѣ? Ихъ, впрочемъ, тамъ немного и остается, а о товарахъ, на нихъ вырабатываемыхъ и здѣсь продававшихся, сказать почти нечего. Товаровъ всѣхъ второсортныхъ фабрикъ привезено было немало, и они тоже проданы порядочно; но какія на нихъ были цѣны — опредѣлительно сказать нельзя. Эти фабрики работаютъ товаръ не по собственному миткалю, а получаютъ его подъ набивку отъ торговцевъ; слѣдовательно, что торговецъ, то сортъ какого-нибудь сорта, и у каждаго торговца своя цѣна. Одинъ отдавалъ хорошій миткаль и продавалъ товаръ какого-нибудь сорта по 15 коп., а сосѣдъ его тотъ же самый сортъ товара, той же фабрики, продавалъ по 12 коп. Одинъ торговецъ хочетъ имѣть солидный товаръ, прочныхъ красокъ, другой требуетъ только, чтобы товаръ вышелъ дешевле. Товары подобныхъ фабрикъ ежегодно теряють чрезъ это репутацию, имя фабриканта пятнается, и многіе фабриканты стыдятся ставить на штукахъ ярлыкъ съ своею фирмою, а пишутъ просто *Россійской фабрики*.

Есть еще одинъ артикулъ изъ ситцевыхъ товаровъ, который заслуживаетъ вниманіе—это ситецъ набивной и гладкій пунцовый, адрианопольскаго цвѣта. Товаръ этотъ въ послѣднія 10 лѣтъ развился чрезвычайно въ требованіи; его употребляютъ въ двухъ совершенно противоположныхъ классахъ публики. Вы вездѣ увидите въ лѣтнее время дѣтей и мальчиковъ, гуляющихъ въ красныхъ рубашечкахъ, или совсѣмъ гладкихъ, или набивныхъ, съ бѣленькими или черненькими цвѣточками, увидите тѣ же манеры на дѣтяхъ женскаго пола до 10 лѣтъ включительно; и въ то же время вы видите кормилицу или молодую деревенскую женщину въ сарафанѣ краснаго цвѣта, съ желтыми и зелеными разводами: это одинъ и тотъ же товаръ, его работаютъ въ Москвѣ, Ивановѣ и еще въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ мѣстахъ.

Въ Москвѣ первый, который началъ работать этотъ товаръ, это — Л. Рабенекъ, пріѣхавшій къ намъ изъ Элефельда, гдѣ онъ имѣлъ такое же собственное заведеніе, и гдѣ ему очень не посчастливилось. Рабенекъ довелъ пунцовый товаръ до возмож-

наго совершенства, за нимъ начали работать Молчаповъ, Константиновъ и другіе; между-тѣмъ этотъ товаръ давно уже работался въ Ивановѣ, на фабрикахъ Дурленинскаго, братьевъ Гореллиныхъ и еще на многихъ фабрикахъ. Въ Александровѣ покойный Барановъ также устроилъ фабрику для производства пунцоваго товара, и выработывалъ его большое количество.

Производство этого товара произвело собою другую полезную отрасль русской промышленности—это корень марена. Прежде для краски ситцевъ употребляли исключительно крапъ, привозимый изъ Голландіи и Франціи. Съ распространеніемъ фабрикаціи пунцоваго товара начали употреблять дербентскую марену. Нашли наконецъ, что наша родная краска лучше и сильнѣе крапа. Известно, что крапъ есть молотная марена; теперь въ Россіи уже начали выработывать изъ марены гарансиавъ. Пройдетъ, можетъ-быть, лѣтъ пятокъ, и мы не будемъ уже получать ни крапу, ни гарансиаву изъ-за границы. Итакъ, пунцоваго ситца продано въ ярмаркѣ чрезвычайно много, только нынѣшній годъ съ пользою нѣсколько поумѣрнѣе, какъ фабриканты привыкли на этотъ товаръ пользоваться: на примѣръ, товаръ Рабенска, продававшійся прошедшій годъ отъ 9 до 30 к. сер. за аршинъ, продавался нынѣшній годъ 26 к. сер; въ такой же прогрессіи упали цѣны на товаръ этого сорта, выработанный на прочихъ фабрикахъ. Сверхъ-того, въ нынѣшнюю ярмарку привезено было чрезвычайно большое количество браку изъ этихъ товаровъ, которые нашли здѣсь полный сбытъ, цѣною отъ 17 до 19 к. с. за аршинъ. Чтобы закончить эту статью о набивныхъ товарахъ, надобно сказать нѣсколько словъ о заграничныхъ товарахъ этого рода. Набиваго товара иностраннаго было здѣсь очень мало, такъ, что едва во всей ярмаркѣ простиралась пропорція его до 2,000 штукъ, и благодаря русской промышленности кажется, на будущее время этотъ артикулъ не найдетъ здѣсь обширнаго сбыта. Цѣны ситцамъ мюльгаузенскихъ фабрикъ $\frac{3}{4}$ ширины были отъ 38 до 43 коп. за аршинъ, декосъ и жаковеты отъ 45 до 55 коп., органди, мусливъ-де-лпнъ и разные смѣшанные изъ шерсти и шолка набивные товары, аршинной ширины, отъ 80 к. до 1 руб. сер. за аршинъ, по всего этого покупалось очень понемногу, только въ значительные города и для высшей публики. Впрочемъ, дай Богъ, чтобы это такъ было, и 2 тыс. кусковъ, сработанныхъ дома, дали бы 2 тыс. рабочимъ на цѣлую недѣлю хлѣба. (Нижегор. Г. В.)

ПАРОХОДСТВО ПО КАСПИЮ. 25-го іюня 1852 года, въ день ро-

жденія Государя Императора, въ Камско-Воткинскомъ желѣзнодорожномъ казенномъ заводѣ снушенъ на воду четвертый желѣзный пароходъ, во 100 силъ, заложенный 23-го октября 1851 года.

Пароходъ этотъ, построенный по Высочайшему повелѣнію, назначенъ исключительно для плаванія на Каспійскомъ-морѣ по торговымъ дѣламъ; его положено отдѣлать при самомъ заводѣ, и весною 1853 года препроводить, рѣками Воткою и Сивою, въ рѣку Каму, а оттуда, по установленію на него паровыхъ машинъ, имѣющихъ доставиться изъ Екатеринбургскаго механическаго заведенія, отправить къ мѣсту назначенія.

1-го іюля, въ день рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, на верфи Воткинскаго завода заложены двѣ желѣзныя баржи (длина между перпендикулярами 90 ф., ширина въ срединѣ 20, высота отъ кила до верхней палубы $6\frac{6}{12}$ ф.). Онѣ, вмѣстѣ съ построенными въ томъ же заводѣ двумя желѣзными пароходами, во 100 силъ каждый, предназначены для перевозки торговыхъ грузовъ по портамъ Каспійскаго моря.

СИЛЬНЫЯ БУРИ И ГРОЗЫ. 28 іюля, Московской губерніи въ городѣ Коломнѣ, во-время сильной бури, сопровождавшейся проливнымъ дождемъ, громовымъ ударомъ разрушило деревянную конюшню, въ которой помѣщались лошади Резервной Гвардейской Артиллерійской баттарей. Изъ числа 38 подъемныхъ артиллерійскихъ, 3 подъемныхъ Сводной Гренадерской № 3 баттарей и 4 офицерскихъ лошадей, стоявшихъ въ этой конюшнѣ, оказалось: на мѣстѣ задавленныхъ 6, съ переломленною ногою 1, болѣе или менѣе пораженныхъ 25; одна издохла при осмотрѣ разрушенной конюшни. Изъ числа людей, бывшихъ въ конюшнѣ во-время бури, трое получили незначительные ушибы.

4 августа, Воронежской губерніи въ городѣ Коротоякѣ, въ 7 часовъ по-полудни, налетѣла съ юго-востока грозовая туча, съ сильною бурей, проливнымъ дождемъ и градомъ крупнѣе воробьиного яйца. Буря продолжалась не больше двухъ минутъ, но въ городѣ и его окрестностяхъ надѣлала много вреда. Она рвала и вертѣла въ воздухъ все, встрѣчаемое ею на пути; сломала всю до основанія вѣтряную англійскаго устройства мельницу, съ нѣсколькихъ другихъ мельницъ снесла крыши, а у мельницъ, стоящихъ на юго-восточномъ лугу, поломала у всѣхъ крылья; повалила на томъ же лугу крѣпкое вербовое дерево; подняла и сорвала желѣзныя крыши съ соборной церкви

и съ дома, занимаемаго Уѣзднымъ и Земскимъ Судами: часть сорванной съ церкви крыши отбросила сажень на 20 отъ собора, свернувши въ трубку; раскрыла нѣсколько крышъ на обывательскихъ домахъ, разрушила много воротъ и заборовъ. Градомъ перебиты стекла въ окнахъ.

Воронежской губерніи въ Павловскомъ уѣздѣ, 12 августа въ 2 часа по-полудни, съ западной и сѣверозападной сторонъ показались двѣ черныя тучи, сопровождавшіяся вихремъ и большою пылью, совершенно затмившею солнце. Тучи эти сошлись надъ паровымъ полемъ помѣщиковъ Лужинныхъ, и при безпрерывномъ блескѣ молніи съ сильными ударами грома, разразились проливнымъ дождемъ и градомъ величною крупнѣ куриного яйца. Градъ шелъ три четверти часа, покрывъ землю на четверть аршина, и лежалъ три дня; онъ выбилъ разнаго яроваго хлѣба, конопля, свекловичныя, свекловичныхъ высадковъ для сѣмянъ, льна и бакчей 246 десятинъ, въ свеклосахарномъ заводѣ и другихъ зданіяхъ разбилъ 700 стеколъ, на кирпичномъ заводѣ повредилъ до 80,000 сырцоваго кирпича, и побилъ домашней птицы до 300 штукъ. Убытокъ, причиненный этимъ градобитіемъ, простирается до 2,850 руб. сер.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПОЖАРЫ. 1-го іюля, Пудожекаго уѣзда, въ Кузнецкомъ приходѣ, сгорѣла приходская церковь во-имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а иконы и церковное имущество спасены; количество убытка еще неизвѣстно.— 10-го іюля, въ дер. Валойлѣ, Олопецкаго уѣзда, сгорѣло отъ неизвѣстной причины 12 крестьянскихъ домовъ съ пристройками, кожевенный и свѣчной заводы, отъ чего понесено убытку на 13,745 руб. сер.—

29 іюня, Минской губерніи въ городѣ Новогрудкѣ, по оплошности казеннаго деньщика Семена Иванова, произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣли: каменная православная церковь, францискацкій монастырь и 19 обывательскихъ домовъ; всего, на сумму до 50,000 р. сер.— 30 іюня, Игуменскаго уѣзда, въ имѣніи Березинѣ, графа Потоцкаго, сгорѣла сукопная фабрика, отъ чего понесено убытка на 50,000 р. сер.

9-го августа, Черниговской губерніи въ городѣ Новгородѣ-Верскѣ, на тамошней соборной церкви сгорѣла отъ молніи вся крыша съ патью главами, а своды каменныхъ куполовъ во мно-

гихъ мѣстахъ потрескались отъ огня; убытка этимъ пожаромъ причинено до 15,000 р. сер.

— 12 числа августа на саратовской пристани сгорѣлъ пароходъ *Ермакъ*. Пожаръ начался въ 4 часа утра, и продолжался до полудня. Изъ рабочихъ все успѣли спастись, но что было на пароходѣ, все погибло; едва не сгорѣлъ капитанъ парохода. Пожаръ ограничился однимъ пароходомъ и небольшою завознею; подчалковъ при немъ не было; они оставались верстъ за 30 ниже Саратова.

— Въ ночь съ 17 на 18 сентября, во второмъ часу по-полуночи, случился въ Петербургѣ пожаръ, на Васильевскомъ-островѣ, на углу Малаго-проспекта и 6-й линіи (Вас. Ч., 4-го Кв.), въ домѣ купца Алексѣева.

Пожаръ этотъ имѣлъ особенную важность, какъ по величинѣ дома, такъ и по внутреннему устройству его. Домъ Алексѣева имѣетъ четыре этажа на улицу; съ надворной же стороны, почти по всему протяженію, соответствующему лицевому фасаду, надъ четвертымъ этажомъ надстроены еще длинный мезонинъ, раздѣленный на три части выступами. Каждая изъ частей мезонина имѣетъ семь оконъ, стало-быть всего 21 окно. Весь этотъ мезонинъ раздѣленъ на маленькія квартиры, изъ которыхъ выходъ въ корридоръ, проведенный подъ конькомъ крыши, и имѣющій 45 сажень длины и около двухъ аршинъ ширины; только на одномъ концѣ этого длиннаго и узкаго корридора находится окно въ браунтауерѣ. Досчатая стѣна отдѣляетъ корридоръ отъ чердака, находящагося подъ крышею, выходящею на улицу; весь чердакъ раздѣленъ досчатыми же стѣнами на чуланы, для храненія дровъ и всякой домашней рухляди. Очевидно, что при такомъ стѣбенномъ расположеніи, при множествѣ чуланчиковъ со стѣнками изъ старыхъ и сухихъ досокъ, и наконецъ, при довольно значительномъ количествѣ жильцовъ, пожаръ могъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія.

Пожаръ начался почти посрединѣ мезонина, со стороны чердачныхъ чулановъ. Пламя, находя обильную пищу, распространилось въ одно мгновеніе съ устрашительною быстротою, несясь по направленію къ единственному окну, находящемуся въ концѣ корридора. Густой, удушливый дымъ захватилъ все выходы. Вѣтеръ, дувшій со стороны улицы, ударяя въ слуховыя окна, препятствовалъ выходу дыма, который болѣе и болѣе скоплялся и сгущался въ корридорѣ и по лѣстницамъ.

Васильевская Часть первая прибыла на мѣсто пожара. Доступъ къ мезонину по лѣстницамъ оказался рѣшительно невозможнымъ, а между-тѣмъ каждая минута была драгоценна.

Съ улицы, помощникъ брантмейстера Васильевской Части немедленно взобрался на крышу по водосточной трубѣ, и принялся за снятіе крыши.

Со двора раздавался изъ оконъ мезонина страшный вой жильцовъ, охваченныхъ дымомъ. Положеніе ихъ было самое отчаянное.

Быстрыми распоряженіями къ одному концу пятого этажа или мезонина была приставлена пожарная лѣстница, по которой тотчасъ же взобрался помощникъ брантмейстера Петербургской Части, Павловъ. Жилца этой части мезонина, дочь Титулярнаго Совѣтника, дѣвица Екатерина Сметанина, была счастливо и безъ всякаго поврежденія спущена внизъ по этой лѣстницѣ.

Между-тѣмъ на другомъ, противоположномъ концѣ мезонина проходила другая сцена. Тамъ также находились въ величайшей опасности государственныи крестьянинъ Степановъ и даніловская мѣщанка Калашникова. Имъ не было выхода изъ ихъ квартирокъ, болѣе и болѣе наполнявшихся дымомъ, и высунувшись изъ оконъ, они жалобно молили о спасеніи.

Брантмейстеръ Васильевской Части, Григорьевъ, въ сопровожденіи рядоваго Сумарокова добрался до чердака боковаго флигеля, выходящаго лицевою стороною на 6-ю линію. Увидѣвъ отчаянное положеніе Степанова и Калашниковой, Григорьевъ пролезъ въ слуховое окно на крышу и добрался до брантмауера мезонина. Чтобы подать помощь, нужно было далѣе пробраться по карнизу, покрытому покатымъ листовымъ желѣзомъ, неимѣющему ни малѣйшей точки опоры и въ добавокъ уже смоченному водою.

Григорьевъ пошелъ по этому трудному пути. Крестьянинъ Степановъ и Калашникова были однакожъ спасены, благодаря содѣйствію, оказанному Григорьеву рядовымъ Сумароковымъ.

Въ то же время, пожарными командами всѣхъ Частей, кромѣ Охтенской, приняты были самыя быстрыя и дѣятельныя мѣры для прекращенія пожара. Быстро была разобрана крыша, что доставило выходъ дыму и облегчило дѣйствія пожарныхъ. Стропы обгорѣли; досчатые стѣны были частью разобраны; самыя же квартиры мезонина остались въ совершенной цѣлости; обуглились только одиѣ двери съ наружной стороны; вещи же въ квартирахъ, мебель, кровати съ перинами и подушкамъ и

остались неповрежденными, несмотря на то, что были окружены пламенемъ.

Когда доступъ къ мезонину сдѣлался свободнымъ, въ квартирѣ г-жи Сметаниной нашли крѣпостную дѣвку ея, Марью Антонову; она была уже безъ чувствъ, и вѣроятно, лишилась бы жизни, еслибъ пожаръ не былъ прекращенъ такъ быстро. По оказаніи Антоновой медицинскаго пособія, она оправилась, и теперь находится внѣ опасности.

При снятіи крыши, у брантмауера, противоположнаго единственному окну корридора, пожарные увидѣли на чердакѣ тѣло женщины. Немедленно было приступлено къ оказанію ей помощи, но тщетно. Должно полагать, что эта женщина, ковенская мѣщанка Братковская, бросилась позже другихъ жильцовъ къ лѣстницѣ, была охвачена пламенемъ и дымомъ, и увидѣвъ невозможность спастись этимъ путемъ, бросилась въ противоположную сторону, гдѣ не было выхода, и растерявшись отъ страха, тамъ и задохлась въ дыму.

Здѣсь кстати замѣтить, какъ необходимы спокойствіе и присутствіе духа въ минуты пожара.

Наконецъ, несмотря на огромныя трудности, представлявшіяся при началѣ пожара, угрожавшаго великою опасностію, онъ былъ совершенно прекращенъ въ 3 часа по-полуночи, и слѣдовательно, продолжался всего 1 часъ и нѣсколько минутъ.

СМЕРТЬ ОТЪ НЕСТОРОЖНОСТИ. 1) въ Москвѣ. тамошній купецъ Будановъ, находясь въ своей лавкѣ, купилъ, 30 іюня, какой-то составъ у неизвѣстнаго человѣка, для отравленія крысъ, и забылъ въ лавкѣ. На другой день, работникъ, замѣтивъ забытый составъ, послалъ оный въ домъ Буданова, съ другимъ работникомъ, который отдалъ эту отраву живущей въ домѣ солдаткѣ Егоровой, а та передала ее самой хозяйкѣ, купчихѣ Будановой. Между-тѣмъ во-время отсутствія мужа, купчиха Буданова, никакѣмъ непредувѣдомленная о ядѣ, почла его лекарствомъ, присланнымъ отъ мужа для дѣтей, и потому, отвѣдавъ сама, дала его и четверымъ дѣтямъ своимъ: Михаилу 11, Николаю 2, Елисаветѣ 8 и Ольгѣ 4 лѣтъ. Вскорѣ потомъ всѣ они почувствовали тошноту и рвоту. Призванные врачи нашли дѣтей отравленными острымъ ядомъ, отъ котораго, несмотря на медицинскія пособія, двое изъ нихъ умерли.

СМЕРТЬ ОТЪ ЖИВАГО ОКУНЯ. Вятской губ., въ Елабуж. уѣздѣ на Бомышевскомъ мѣдиплавильномъ заводѣ г. Лебедева, нѣсколько крестьянъ ловили бреднемъ рыбу въ заводскомъ пруду. При поднятіи бредня на поверхность воды, одинъ изъ этихъ

крестьянъ, Смолинъ, шедшій сзади прочихъ, замѣтилъ поплавагося въ сѣти небольшого окуня, и полагая, что онъ можетъ проскочить сквозь рѣдкую сѣть бредня, поспѣшилъ схватить его зубами, такъ-какъ обѣ руки были заняты бреднемъ, и думалъ донести эту маленькую рыбку до берега. Но она, между-тѣмъ, трепещась у него въ зубахъ, проскользнула въ горло, и Смолинъ, подавившись ею, умеръ черезъ четверть часа, несмотря на принятыя товарищами мѣры къ его спасенію: окунь остановился въ горлѣ головою внизъ, и остановясь въ пище-пріемномъ каналѣ, уперся острыми иглами своихъ перьевъ въ стѣнки горла такъ крѣпко, что не было возможности вынуть.

БОГАТЫРИ. Гайнскій приходъ, Чердынскаго уѣзда, Пермской губерніи, весь населенъ Пермскими. Принадлежація къ нему деревни разбросаны на значительномъ протяженіи: къ сѣверу отъ села Гайнскаго на 80 верстъ, къ югу на 50, къ западу на 60, къ сѣверо-западу на 150 верстъ. Здѣшніе Пермцы средняго роста, имѣютъ русые (весьма рѣдко черные) волосы, и вообще малосильны. Рѣдкое исключеніе, въ послѣднемъ отношеніи, представляетъ между ними одно семейство, славящееся тѣлесною силой, и въ которомъ доселѣ сохранилось преданіе о предкахъ-богатыряхъ. Семейство это живетъ въ деревнѣ Верхолупѣ, отстоящей отъ села Гайнъ на сѣверъ въ 80-ти верстахъ, на вологодской границѣ. Оно раздѣлилось уже нынѣ на три дома, которые, однакожь, сохранили общую фамилію Мизевыхъ. У нихъ былъ отецъ, по имени Семенъ, который ставилъ двадцатипяти-пудовый нагруженный мукію возъ на другой возъ, безъ помощи товарищей; будучи крѣпкаго тѣлосложенія, онъ былъ совершенно здоровъ, и не имѣлъ никакого болѣзненнаго припадка до самой смерти, постигшей его на 115 году. Дѣдъ ихъ Калина, жилъ 112 лѣтъ; у Калины отецъ былъ Антипа; у Антипы были братья, по прозвищу Пера и Мизя. Послѣднимъ и начинается генеалогическое древо Мизевыхъ. Всѣ они чистые Пермцы. По ихъ словамъ, Пера и Мизя будто-бы ходили на поединокъ въ Москву, по требованію Царя, но какого именно, этого они уже не упомнятъ. За побѣду на поединкѣ Царь наградилъ Перу шолковыми сѣтями для птицеловства и рыболовства, и грамотою, которую дѣдъ ихъ отдалъ, по вѣхости ея, въ городъ Чердынь для переписыванія, а тамъ, въ бывшій пожаръ, грамота эта сгорѣла или затерялась.

НЕКРОЛОГЪ

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ скончались въ С.-Петербургѣ:—5-го. Статская Совѣтница Анна Карловна *Кадьянъ*.—9-го. Дѣйств. Статскій Совѣт. Иванъ Алексѣевичъ *Алексѣевъ*.—11-го. Вдова Генералъ-Лейтенанта, Анна Ивановна *Бѣльева*.—16-го. Супруга Статскаго Совѣтника, Елизавета Петровна *Кобылина*.—26-го. Супруга Статскаго Совѣтника, Терезія Фердинандовна *Россели*.

Въ ночь на 20 августа скончался въ Архангельскѣ Настоятель ставропигіального Соловецкаго монастыря, Архимандритъ Дмитрій.

Въ Москвѣ скончался, 31 августа, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ купцовъ русскихъ, стародавній почетный житель ея, первѣйшій кяхтинскій чайный торговецъ, Мануфактуръ Совѣтникъ, почетный Гражданинъ и кавалеръ Иванъ Алексѣевичъ Колесовъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФРАНЦІЯ.

Политика умираетъ, политика умерла! невольно сказали мы—говоритъ *Indépendance Belge*—при полученіи послѣдней почты: напримѣръ во Франціи, для отысканія чего-нибудь политическаго, надобно обратиться къ рѣчи Вильмѣна при годичномъ засѣданіи академіи, или рассказывать подробности о балѣ промышленнаго сословія, или, наконецъ, пуститься, вельдъ за журналами, въ нескончаемыя путешествія въ Персію, Китай, отдаленнѣйшія колоніи, куда журналы отправляютъ читателей за цѣмъ лучшимъ!... *Indépendance* боится этого застоя; но, по нашему мнѣнію, общества живутъ не для интереса газетъ; пустословіе ораторовъ и журналистовъ произвело въ недавнее время такое зло, которое потрясло общества въ основаніи и указало имъ на всю великость грозившей опасности. — За бывшими бурями слѣдуетъ необходимый отдыхъ, и пока европейская журналистика найдетъ для себя предметы въ быстромъ развитіи общаго благосостоянія подъ сѣнію законной власти, будемъ смотреть на это отсутствіе такъ-называемой политики, какъ на добрый знакъ, ибо, по старинной поговоркѣ, исторія счастливаго общества всегда будетъ самая скучная для тѣхъ, кто пожелаетъ искать въ ней потрясающихъ интересовъ романа.

Во французскихъ журналахъ теперь мало интересныхъ новостей; толкуютъ о балахъ, поѣздкахъ и изрѣдка про-

вится какое-нибудь полускрытое, невысказанное предположеніе.

Балы и празднества играютъ теперь главную роль въ исторіи французской политики.

Количество цвѣтовъ, потребленныхъ на этихъ праздникахъ, было такъ велико, что опустошены почти всею оранжерей столицы; украшеніе фонтана площади «Согласія», входа въ Елисейскія-поля, и наконецъ балъ для торговцевъ, поглотили болѣе миліона горшковъ съ цвѣтами; въ особенности были на это расточительны торговки и дамы средняго сословія; гигантскіе ихъ букеты изъ камелій были часто въ два фута вышины.

По донесенію полиціи, на рыночномъ балѣ было 26,000 человекъ. Количество нарядовъ и галантерейныхъ вещей, купленныхъ рыночными торговками для бала, чрезвычайно значительно. Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ продалъ 132 цѣпочки, другой 151 браслетъ, третій 94 булавки съ драгоценными камнями и проч.

Хотя балъ этотъ не отличался особымъ изысканствомъ, но и здѣсь произошло нѣсколько трогательныхъ сценъ, доказывающихъ чувство благодарности къ Принцу-Президенту и ближайшимъ его помощникамъ.

Въ-среднѣ вечера поднесена была г-жѣ Персиньи (супругѣ министра внутреннихъ дѣлъ) великолѣпная корзинка, наполненная самыми рѣдкими цвѣтами, отъ имени всего торгующаго женскаго сословія. Поднося свой подарокъ, который едва могли нести шесть человекъ, торговки выразили г-жѣ Персиньи свою глубочайшую благодарность за честь, которую она имъ сдѣлала, присутствуя на ихъ балѣ; вспомнили о дѣдѣ ея, маршалѣ Невѣ, и потомъ, обратившись къ самому г. Персиньи, просили его засвидѣтельствовать передъ Принцемъ-Президентомъ ихъ глубочайшую къ нему признательность и преданность.

Въ тюрьмѣ *Sainte-Pelagie* освобожденные, по-случаю празднествъ, изъ заключенія собрались въ церкви, дабы благодарить Бога за свое освобожденіе и помолиться за Принца, обратившаго и на нихъ свое вниманіе. Зрѣлище это произвело на всѣхъ довольно глубокое впечатлѣніе.

Порядокъ и спокойствіе между низшимъ классомъ возстановляются болѣе и болѣе. Такъ, напримѣръ, новыя постройки, воздвигаемыя вокругъ Елисейскаго-дворца, возводятся съ необычайною быстротою. Президентъ самъ при-

сутствуетъ при работахъ, всходитъ на подмостки вновь-строющихся зданій и побуждаетъ къ новой дѣятельности; ничто не ускользаетъ отъ его вниманія; онъ посѣщаетъ Тюильри, Лувръ, Рагушу, около которой воздвигается огромная постройка, въ родѣ Бастили, утѣшаетъ больныхъ рабочихъ и ободряетъ всѣхъ слѣдующими словами:

Друзья мои! вы солдаты мира, вы сражаетесь съ бѣдностью, украшаете городъ, строите здоровыя убѣжища для вашихъ дѣтей и соотечественниковъ: эта слава стоитъ всякой другой.

Мониторъ отъ 15-го августа общалъ помилованіе многимъ, но прибавилъ, что теперь еще не должно быть и рѣчи о всепрощеніи. Президентъ даруетъ помилованіе 1,200 челов., обнаружившимъ раскаяніе и по бѣльшей части вовлеченнымъ въ проступки злонамѣренными людьми.

Усердные друзья Президента дѣйствуютъ, между-тѣмъ, постоянно въ его пользу.

Г. Веронъ напечаталъ въ Constitutionnel воззваніе къ противу-бонапартистскимъ партіямъ, приглашая ихъ обратиться и усердно служить нынѣшнему правительству. Въ Union отвѣчали на это очень рѣзко, говоря, что «если нѣтъ въ людяхъ ни убѣжденія, ни вѣры, если они воскуряютъ пошлый фиміамъ своей преданности и покорности предъ всякою новою властью, забывая прежнюю—это такое зрѣлище, къ которому уже приучили революціи въ-теченіе шестидесяти лѣтъ. Но этого нельзя назвать ни раскаяніемъ, ни обращеніемъ на истинный путь. Во все времена были мужественныя и преданныя сердца, оставшіяся вѣрными своимъ правиламъ не изъ тщеславія, не отъ своеправія, не отъ сожалѣнія къ падшему правительству, но изъ уваженія къ себѣ-самимъ и къ правиламъ, которыя они почитаютъ полезными и драгоценными для своего отечества. Эти люди не хотятъ преклоняться, и сохраняютъ свою независимость. Они надѣются на уваженіе своихъ друзей, и не хотятъ краснѣть предъ ними. Они не требуютъ, чтобы тотъ или другой снималъ предъ ними шляпу, но хотятъ снять уваженіе тѣхъ, которымъ во Франціи еще святы вѣрность, преданность и честь. Они хотятъ сохранить то, чего уже нельзя возвратитъ, потерявши однажды, а именно: уваженіе къ себѣ-самимъ и внутреннее убѣжденіе совѣсти. Если это въ глазахъ Constitutionnel преступленіе,

то все краснорѣчіе г. Верона будетъ бесполезно: эти люди умрутъ въ своемъ убѣжденіи.

Далѣе та же газета говоритъ: «Приличное и осторожное положеніе друзей нашихъ (легитимистовъ) часто обращаетъ на себя вниманіе разныхъ публицистовъ. Хотя эти писатели оцѣниваютъ его несправедливо, но мы на то не жалуемся. Они невольно отдаютъ справедливость значительности, которую мы занимаемъ въ общественномъ мнѣніи и въ надеждахъ Франціи, доставляя намъ случай отражать многія нападенія и истреблять многіе предрасудки. Мы представляемъ соединеніе людей, рѣшившихся сражаться противу революціи, наводящей на насъ ужасъ, и пребыть вѣрными правиламъ, составляющимъ нашу силу и спасеніе отчизны. Мы одобряемъ все, что совершается въ мірѣ въ пользу общественнаго порядка, но въ то же время устранимся отъ всего, что противорѣчитъ нашимъ убѣжденіямъ, и отъ того, что можетъ уменьшить въ глазахъ народовъ прочность и достоинство правилъ, которыхъ мы придерживаемся. Мы удалились въ наше нынѣшнее уединеніе безъ всякой страсти, безъ всякой ненависти. Глубокая благодарность къ лицамъ, удостоившимъ насъ своею довѣренностью, искреннее сожалѣніе о невозможности преодолѣть предстоящія препятствія и постоянное спокойствіе совѣсти—вотъ наши единственныя чувства. При удовольствіи, внушаемомъ въ насъ исполненіемъ долга, мы не ощущаемъ никакихъ волненій побѣжденнаго честолюбія. Что мы теперь дѣлаемъ въ своемъ уединеніи? Мы ни на кого не сердимся; мы смотримъ въ будущее, и съ довѣріемъ ожидаемъ. Намъ безпрестанно представляются самыя поучительныя зрѣлища, и мы пользуемся этими уроками. Кто не участвуетъ въ сраженіи, тотъ очень хорошо судитъ о дѣйствіяхъ сражающихся. Кто укрылся отъ вихря событій, тотъ судитъ спокойнѣе и справедливѣе о законахъ, о людяхъ и о дѣлахъ, тотъ избавляется отъ многихъ обаяній, лучше оцѣняетъ характеры, и отдаетъ себѣ отчетъ въ движеніяхъ общественнаго мнѣнія. Что-же касается до предсказаній тѣхъ лицъ, которыя стараются о разрушеніи династій и королевствъ, ихъ лучше всего можно пѣнить въ некоторомъ отъ нихъ разстояніи. Въ-продолженіе шестидесяти лѣтъ, сколько погибло властей, почитавшихся вѣчными! Сколько изгнанниковъ, удаленныхъ навсегда, возвратились въ отечество! Насъ обвиняютъ въ предности эи

равнодушія: это большая несправедливость. Развѣ только въ однихъ правительственныхъ мѣстахъ существуетъ дѣятельность? Развѣ только подъ шитымъ мундиромъ можно оказывать услуги? Развѣ любовь къ отечеству находится только въ официальномъ кругу? Развѣ званіе Француза принадлежитъ только тѣмъ, которые занимаются бюджетомъ? Развѣ мы перестали участвовать во всемъ, что полезно для Франціи? Развѣ мы оставили сію страну, къ которой такъ сильно привязаны? Развѣ мы не содѣйствуемъ всѣмъ предпріятіямъ, служащимъ къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія нашихъ провинцій? Развѣ мы не участвуемъ во всѣхъ дѣлахъ помощи, человеколюбія для облегченія страданій, для распространенія просвѣщенія, для развитія нравственныхъ и религіозныхъ идей? Нѣтъ! ежедневными опытами опровергаемъ мы эти обвиненія, и всѣ эти нападки отнюдь несправедливы. Наши обвинители очень хорошо знаютъ это сами. Они сами уважаютъ наше поведеніе, но, какъ Афиняне, отмщаютъ насмѣшками за уваженіе въ которомъ не могутъ намъ отказать.»

Какъ бы то ни было, но вопросъ о возстановленіи Имперіи съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе важности.

Приверженцы Людовика-Наполеона усерднѣе, нежели когда-либо, дѣйствуютъ въ пользу сей перемѣны правительства, а самъ Президентъ колеблется еще, какъ говорить, чувствуя, какія затрудненія могутъ произойти отъ этой перемѣны, съ которою тѣсно соединенъ вопросъ о бракосочетаніи Людовика-Наполеона; во Франціи думаютъ, что оно состоится, но въ Франціи увѣрены въ его невозможности. Путешествіе парижскаго архіепископа Сибура въ Вьну, будто бы для осмотра университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній въ Германіи, подало поводъ думать, что цѣль его совсѣмъ другая, и едва ли не убѣжденіе Австріи къ согласію на бракосочетаніе Принцессы Ваза съ Людовикомъ-Наполеономъ. За этими вопросами первостепенной важности, слѣдуютъ другіе, какъ-то: о демаркаціи границъ между Франціею и Испаніею, переговоры о чемъ прекращены лишь на время, а несовершенно, какъ говорили, и о несогласіяхъ Франціи съ Портою, по многимъ вопросамъ на Востокъ, улаженнымъ, по отзыву французскихъ газетъ, новымъ французскимъ посланникомъ при Портѣ, г. Лавалеттомъ, и новымъ же турецкимъ министерствомъ.

Изъ департаментовъ нѣтъ ничего замѣчательнаго: тамъ продолжаютъ городовые выборы, или лучше сказать, въ некоторыхъ мѣстахъ не производятся совсѣмъ, по причинѣ равнодушія, избирателей. Доказательствомъ равнодушія съ какимъ происходятъ въ департаментахъ эти выборы, можетъ служить то, что въ Пезенасѣ изъ 2,142 избирателей явились только 38. Въ Безіерѣ также не могли быть произведены выборы. Въ Нимѣ, при второмъ собраніи голосовъ, число собиравшихся состояло въ некоторыхъ отдѣленіяхъ изъ десятой части. Въ Лодевѣ изъ пяти отдѣленій могли быть произведены выборы только въ трехъ. Зато изъ шестнадцати избранныхъ совѣтниковъ тринадцать принадлежатъ къ кандидатамъ правительства. Въ Бедаріѣ кандидаты сіи не имѣли успѣха въ двухъ отдѣленіяхъ изъ четырехъ; другія же два отдѣленія не имѣли никакого результата.

Сентября 14 Президентъ отправился въ путешествіе по южной Франціи. Во-время поѣздки его въ Страсбургъ и обратно, Президента приветствовали криками: «Vive Napoleon!» и только одинъ, особенно усердный префектъ, далъ ему титулъ *святлости*, но теперь, начиная со станціи желѣзной дороги въ Парижъ, вездѣ Президента Французской Республики встрѣчали не иначе, какъ восторженными криками: «Vive l'Empereur!» и примѣру усерднаго префекта, во-время страсбургской поѣздки, послѣдовали многіе. Впрочемъ, подробности путешествія тѣ же, что и во время поѣздки въ Страсбургъ; бесполезно было бы повторять всѣ эти торжественныя встрѣчи, рѣчи, празднества и т. п. Одно только можно прибавить, что вездѣ восторгъ народа превзошелъ всѣ ожиданія.

Несмотря на всѣ мирныя увѣренія Франціи, нѣкоторые иностранные журналы неполнѣе доверяютъ имъ. Всѣ ея крѣпости, и въ особенности приморскія, дѣятельно вооружаются, о чемъ французскіе журналы хранятъ совершенное молчаніе. Путешественникъ, недавно возвратившійся изъ Франціи, рассказывалъ, что въ Шербургѣ присланъ изъ Ренна полный артиллерійскій паркъ для вооруженія порта, для чего потребуется до 400 орудій; въ фортахъ парижскихъ и венсенскихъ готовятъ и исправляютъ обозы, и наконецъ, что частые маневры и передвиженія войскъ имѣютъ цѣлю приготовить ихъ къ скорой кампаніи. Относительно кавалеріи сдѣлано весьма много, и успѣхи этого оружія поразительны для тѣхъ, кто еще помнитъ

французскую кавалерию во-время реставраціи и при Людовикъ-Филиппъ. Постановленіемъ Президента призываются на службу 40,000 рекрутъ очереди 1851 г., изъ этого числа 32,447 назначаются на укомплектованіе арміи, остальные во флотъ.

Между-тѣмъ какъ нѣмецкіе журналы истощаются въ догадкахъ: куда будетъ направлена французская армія, мы видимъ въ этой заботливости Президента желаніе исправить недостатки, существовавшіе постоянно во французской арміи, и на которые указывалъ Наполеонъ въ бесѣдахъ съ своими приближенными на островъ Св. Елены; по словамъ Ласъ-Казаса, «Наполеонъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ возможности имѣть во Франціи хорошую армію безъ рѣшительной перемѣны въ правахъ и воспитаніи офицеровъ и солдатъ; нельзя достигнуть желаемого совершенства съ нашими пекарнями, магазинами, управленіемъ и обозами.... Это достигается лишь при условіи, когда солдатъ, получая хлѣбъ въ зерно, имѣетъ при себѣ ручную мельницу и можетъ перемолоть зерновой хлѣбъ, и испечь его.... Съ французскою арміею успѣхи возможны только по совершенномъ изгнаніи всей нашей администраціи съ ея мелочною, ужасающею перепискою.... «Я думалъ обо всѣхъ этихъ преобразованіяхъ,— прибавилъ Наполеонъ,— но для нихъ надобенъ былъ глубокой миръ, а во-время войны это было невозможно и могло повести къ неудовольствіямъ.....» Кто послѣ этихъ словъ не угадаетъ причины всѣхъ улучшеній французской арміи, въ которой часть административная и хозяйственная отдѣлена была до-сихъ-поръ отъ полковъ, и постоянно спутывала всѣ соображенія главнаго начальника?

Къ этому же самому источнику слѣдуетъ отнести распоряженія военнаго министра о томъ, чтобы офицеръ, вступающій въ бракъ, давалъ свидѣтельство, что у невѣсты его есть неменѣе 1,200 фр. годоваго дохода, и подтвержденіе—производить въ пѣхотѣ въ штабъ-офицеры ценначе, какъ по полученіи удостоиваемыми къ производству капитанами свидѣтельства въ удовлетворительномъ знаніи ими верховой ѣзды.

Оставивъ въ сторонѣ всѣ догадки и предположенія, обратимся къ замѣчательнѣйшимъ фактамъ.

Съ Бельгіею утвержденъ новый коммерческій трактатъ. За прекращеніе перепечатыванія французскихъ книгъ въ

Бельгіи, пошлина на книги, печатаемыя въ Бельгіи, понижена до 20 ти ф. со ста килограммъ, и облегчена еще съ хмѣлю, скота и нѣкоторыхъ тканей. Трактатъ заключенъ на десять лѣтъ, и вступить въ силу съ 1-го января 1853 г.

Первое примѣненіе строгихъ законовъ о тисненіи произошло надъ газетою: Le Corsaire. Она была приостановлена на два мѣсяца, потомъ опять стала выходить. Вдругъ, по распоряженію министерства, она прекращена окончательно. Издатели объявили, что будутъ продолжать изданіе ея за границею, но неизвѣстно еще гдѣ именно.

Иезуиты, вновь распространяющіеся по Европѣ, основываютъ въ то же время новыя заведенія въ Алжирѣ, Константинолѣ и Оранѣ.

Нѣкоторые журналы утверждаютъ, что гробница, воздвигнутая въ Венсенской часовнѣ въ память герцога Енгіенскаго, разрушена. Это несправедливо. Памятникъ герцогу, воздвигнутый изъ огромныхъ камней и украшенный статуями, былъ поставленъ въ Венсенской часовнѣ впереди главнаго алтаря, и занимая, по своей громадности, слишкомъ много мѣста, лишалъ симметріи прекрасное зданіе, построенное Людовикомъ Святымъ. Для устраненія этого неудобства, построили впереди алтарь, но тѣмъ еще болѣе стѣснили мѣсто, затруднивъ тѣмъ даже отправленіе службы. Исполненный вѣнъ проектъ совершенной перестройки, былъ давно составленъ инженернымъ въдомствомъ и приведенъ въ исполненіе безъ особаго разрѣшенія—памятникъ перенесенъ въ лѣвый, а бывшій передъ нимъ алтарь въ правый придѣлъ часовни. Перенесеніе гробницы герцога Енгіенскаго было совершено въ присутствіи венсенскаго коменданта и всѣхъ мѣстныхъ властей. Церемонія эта была исполнена со всѣми почестями, должными умершимъ; на мѣсть составленъ былъ актъ. Памятникъ сдѣланъ изъ бѣлаго и чорнаго мрамора, и покрытъ тѣми же украшеніями и атрибутами, которые были на немъ прежде.

Извѣстный австрійскій генералъ Гайнау, значительно оскорбленный въ Лондонѣ, подвергся въ Остенде и Брюссель оскорбительнымъ публичнымъ изъясненіямъ непріязни. Австрійское посольство въ Бельгіи представило бельгійскому правительству сильную ноту противъ этого, требуя, чтобы въ отношеніи къ политическимъ изгнанникамъ были приняты болѣе строгія мѣры, какъ того требуетъ и Франція. Людовикъ-Наполеонъ, узнавъ о прибытіи генерала

барона Гайнау въ Парижъ, особенно приказалъ министру полиціи смотреть за тѣмъ, чтобы баронъ Гайнау могъ жить во Франціи безъ малѣйшей для себя непріятности, и сверхъ-того Президентъ изъявилъ желаніе лично познакомиться съ барономъ Гайнау.

Въ бытность свою въ Парижѣ, баронъ дѣйствительно, не претерпѣлъ ни малѣйшаго оскорбленія. Однажды онъ обѣдалъ въ большомъ обществѣ у одного изъ главныхъ капиталистовъ. За обѣдомъ были и французскіе генералы; одинъ изъ нихъ, обратясь къ генералу Гайнау съ комплиментами, касательно военныхъ его дарованій, откровенно выразилъ ему свое сожалѣніе, что не былъ опровергнуть слухъ, помрачавшій его славу, и обвинявшій его въ томъ, что онъ велѣлъ высѣчь одну женщину.

— Желая, отвѣчалъ Гайнау, чтобы исторія меня оправдала. Благодарю васъ, что вы дали мнѣ случай опровергнуть эту гнусную клевету. Правда, что женщина была высѣчена. При отреченіи Императора Фердинанда, госпожа *** выразила свое удовольствіе самымъ гнуснымъ и непростительнымъ образомъ. Одинъ капитанъ, командовавшій эскадрономъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ схватить ее и высѣчь. Вотъ сушая истина; но какъ солдатъ, клянусь вамъ честью, то-есть самымъ для меня священнымъ, что это случилось въ шестидесяти миляхъ отъ мѣста тогдашняго моего пребыванія, и я, узнавъ о томъ, выразилъ все мое негодованіе и арестовалъ офицера, который поступилъ такъ неприлично.

При дальнѣйшихъ объясненіяхъ генералъ прибавилъ:

— Не отрицаюсь, что я былъ строгъ. Я командовалъ храброю арміею, которая подвергалась всякимъ оскорбленіямъ, и хотѣлъ показать, что дорожу ея честью. Почитаю войну величайшимъ бѣдствіемъ для человѣчества, и нахожу, что строгость, которою можно ускорить торжество одной изъ воюющихъ сторонъ, служить лучшимъ доказательствомъ челоѣколюбія. Говорили, что я хладнокровно велѣлъ казнить восемнадцать челоѣкъ: эти люди были приговорены военными судами; я не вмѣшивался въ дѣйствія судебныхъ. Я могъ бы спасти имъ жизнь, но по совѣсти на это не рѣшился. Нуженъ былъ примѣръ, и я предоставилъ все дѣло законному ходу. Совѣсть моя не упрекаетъ меня за эту строгость.

Заговоръ, сдѣлавшійся известнымъ подъ именемъ мюра-

товскаго, надѣлалъ много шума во Франціи. Принцъ Люсіенъ Мюратъ имѣлъ самую подозрительную переписку съ главными итальянскими изгнанниками, и преднамѣренное его путешествіе имѣло цѣлію приготовить въ свою пользу возстаніе въ Сициліи и Неаполѣ. Австрія сообщила французскому правительству объ этихъ замыслахъ. Министръ полиціи выслалъ изъ Марсели многихъ итальянскихъ изгнанниковъ, и нѣсколько тамошнихъ негодяевъ изъ итальянскихъ уроженцевъ взяты были внезапно подъ стражу, по подозрѣнію въ участіи въ этомъ заговорѣ. Такимъ образомъ французское правительство, почти изгнавъ Принца, сложило съ себя ответственность въ этомъ предпріятіи.

Замѣчательно распространеніе протестантства во Франціи. На берегахъ океана, въ Нижне-сенскомъ департаментѣ, въ Эльбѣфѣ и проч. составилось въ послѣднее время большое число протестантскихъ приходоѣвъ. Правительство не препятствуетъ этому, требуя только исполненія законовъ. Ланскій корреспондентъ приписываетъ эти успѣхи дѣйствіямъ евангелическаго общества и агентовъ его.

Въ Корсикѣ наводитъ ужасъ шайка бандитовъ, простирающихся до 225-ти челоѣкъ. Страхъ, внушаемый ими не только сельскимъ жителямъ и помѣщикамъ, но и должностнымъ лицамъ, духовенству и даже судьямъ, приписываютъ недостаточности средствъ, которыя были употребляемы досихъ-поръ для прекращенія разбоеѣвъ. Жандармамъ рѣдко случается захватить бандитовъ, а когда они и попадутся, то по суду остаются ненаказанными, потому-что присяжные, судьи и свидѣтели ихъ боятся. Они властвуютъ въ корсиканскихъ округахъ. Безъ воли ихъ нельзя ни обработывать полей, ни отдавать въ-наемъ домовъ. Они уводятъ богатыхъ жителей и женщинъ, чтобы требовать за нихъ выкупа; убиваютъ за деньги, собираютъ подать съ помѣстьевъ, и проч.

— Предписаніемъ ректора академіи, школьный учитель въ городѣ Жуи-Сюръ-Эрѣ, объявленъ на двѣ недѣли удаленнымъ отъ своей должности, съ прекращеніемъ жалованья, за то, что произнесъ рѣчь и заставлялъ играть своихъ учениковъ піесы, не представивъ ихъ предварительно на утвержденіе инспектора округа. Представленіе ничтожнаго, но наполненнаго политическими двусмысленностями волевія, содержаніе котораго заимствовано изъ Вальтеръ-Скоттова романа, произвело въ театрѣ на Биржевой-пло-

щали сущую бурю—въ стаканъ. Нѣсколько словъ произвели между легкомысленными Парижанами въ театрѣ такой взрывъ, что въ театральныхъ залахъ едва не дошло до драки, а на другой день ничтожный водевиль, подавший поводъ къ этому, былъ запрещенъ.

Гг. Жисль Фавръ и Сенъ, выбранные въ члены генеральныхъ совѣтовъ сентъ-этиенскаго и лѳонскаго, отказались отъ присяги въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

Многимъ изгнанникамъ дозволено возвратиться въ Парижъ. Въ числѣ ихъ находился и г. Обанель, проживавшій въ Женевѣ. Онъ написалъ письмо къ Президенту, въ которомъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, отказывается отъ прощенія. По требованію французскаго правительства, Обанель будетъ переселенъ во внутренніе швейцарскіе кантоны.

Что касается до Тьера, то онъ слишкомъ привыкъ къ удобствамъ жизни, чтобы долго переносить бродячую жизнь, на которую его осудило изгнаніе. Въ письмахъ, которыя въ послѣднее время писалъ онъ друзьямъ своимъ, были запечатлѣны глубокою грустью, и во всехъ ихъ выражалось живое желаніе о скорѣйшемъ возвращеніи въ отечество. Это самое побудило Миньѣ и другія лица, имѣющія вліяніе, ходатайствовать у Президента о возвращеніи Тьера. Людовикъ-Наполеонъ согласился съ тѣмъ только, что Тьеръ дастъ слово не вмѣшиваться въ интриги противъ существующаго правленія. Супруга и теща Тьера отправились тогда въ Швейцарію, дабы склонить на это изгнанника, который и согласился. Условіе, предложенное Тьеру, постановлено для всехъ желающихъ возвратиться во Францію изгнанниковъ; они должны дать обѣщаніе оставаться спокойными: генералы Шангарнье и Ламорисьеръ, полковникъ Шаррасъ и другія лица, принадлежащія арміи, могутъ возвратиться, если только они присягнутъ, согласно уложенію 14-го января. Объ этомъ рѣшеніи сообщено, подъ рукою, друзьямъ и родственникамъ изгнанниковъ, и изъ нихъ 14-ть согласились, подобно Тьеру, на это предложеніе.

Кромѣ-того, въ Bulletin des Lois напечатанъ декретъ объ оставленіи на службѣ генераловъ Бедо и Шангарнье съ пенсіономъ въ 6,000 фр. Изъ формулярнаго списка ихъ оказывается, что генералу Шангарнье 59 лѣтъ отъ роду, и 60 лѣтъ службы (каждая кампанія считается за двойное

число лѣтъ службы), а генералу Бедо 48 лѣтъ отъ роду, и 55 лѣтъ службы. Мѣстомъ жительства обоихъ названъ Парижъ. Въ этомъ декретѣ ничего не сказано о генералахъ Дефло, Ламорисьеръ и полковникъ Шаррасъ.

Вслѣдствіе того же всепрощенія, выпущено на волю нѣсколько арестантовъ, содержавшихся въ Бель-иль. Помиллованы и еще нѣкоторые осужденные, по ходатайству депутата Ло-и-Гаронны, г. Бельмонтета. Послѣдній издавна пользующійся дружбою Президента, обѣдалъ съ Людовикомъ-Наполеономъ, празднуя день своего ангела (Бельмонтетъ также называется Людовикомъ); въ этотъ день Президентъ всегда присылалъ, въ прежнее время, букетъ своему другу; во-время десерта Принцъ спросилъ у Бельмонтета:

— Скажите мнѣ, что могу я подарить вамъ въ нынѣшнемъ году.

— Помилваніе, ваше высочество, отвѣтилъ поэтъ.

— Гмъ, помилваніе,—возразилъ Людовикъ-Наполеонъ,—затѣмъ, чтобы меня за него по-своему благодарили.

— Отвѣчаю за тѣхъ, В. В., о которыхъ буду просить.

— Хорошо, посмотримъ вашъ списокъ.

— Вотъ онъ.

Принцъ началъ читать:

«Констанъ, бывший адвокатъ въ Кастель-Сарразенъ; Бержёръ—адвокатскій клеркъ; братья Дельбертъ—негоціанты изъ Моассака; Ламбёръ и Куртисъ—ремесленники... Но тутъ только шесть именъ! сказалъ Президентъ.

— Если такъ, то въ моемъ портфельѣ есть другіе списки,—вскричалъ Бельмонтетъ и прибавилъ: Лейнь—ремесленникъ изъ Кастель-Сарразенъ; Видалонъ—аптекарь изъ Ажанъ; Талонъ—баншачникъ изъ Тулузы; Флорѣ—родственникъ префекта; Мано—адвокатъ изъ Моассака, и наконецъ, еще четверо, которыхъ теперь не вспомню.

— Хорошо, отдайте это Рогѣ, сказалъ Президентъ.

15 помиллованныхъ по ходатайству Бельмонтета уже возвращены своимъ семействамъ.

Большое впечатлѣніе произвела рѣчь Ларошжаклена къ севрскимъ избирателямъ, въ которой онъ торжественно отрекся отъ своихъ прежнихъ легитимистскихъ убѣжденій, и присоединился къ приверженцамъ Людовика-Наполеона.

— Служеніе отечеству и тому, кого оно избрало въ свои представители — вотъ теперь обязанность каждаго Француза, любящаго свою родину, сказалъ, между прочимъ, Ларошжакленъ.

А н г л і я.

Главное событіе въ послѣднее время внезапная кончина герцога Веллингтона. Великобританія понесла горестную утрату въ лицѣ этого доблестнаго мужа.

Сентября 14-го, въ 4-мъ часа по полудни, герцогъ Веллингтонъ скончался на 83-мъ году жизни, въ замкъ своемъ, Уалмеръ-кэстль, близъ Дувра, отъ внезапнаго судорожнаго припадка.

Въ нынѣшнемъ году онъ оставался долѣе обыкновеннаго въ Лондонѣ, для исполненія своихъ обязанностей по званію лорда-лейтенанта графства Гампширъ и Тоуеръ-Гамлетса (одного лондонскаго округа). Только по окончаніи всѣхъ распоряженій къ набору милиціи въ нихъ, въ началѣ сентября, онъ прибылъ изъ Лондона въ замокъ свой, Уалмеръ-кэстль, близъ Дувра, дабы провести въ немъ остальное время парламентскихъ вакацій. До 13-го сентября герцогъ былъ совершенно здоровъ, поутру совершилъ свою обыкновенную прогулку и спокойно воротился домой, какъ вдругъ съ нимъ приключился сильный судорожный припадокъ. Домашніе врачи герцога, докторъ Макартиоръ изъ Уалмера и г. Гулке изъ Дива, дали ему рвотнаго, но послѣ нѣсколькихъ, послѣдовательно повторившихся припадковъ, лишившихъ его чувствъ, герцогъ скончался. Лордъ Чарльзъ и леди Уеллеслей съ ихъ семействомъ присутствовали при его кончинѣ. Извѣстіе о ней было немедленно передано по телеграфу Королевъ и графу Дерби въ Балмораль (въ Шотландіи), и послано съ курьеромъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, къ ближайшимъ наследникамъ герцога, маркизу и маркизѣ Дуро. Хотя смерть 83-хъ-лѣтняго герцога (онъ родился въ 1769 году, въ одинъ годъ съ Наполеономъ) и не могла быть совершенно неожиданною, за-всѣмъ-тѣмъ вѣсть о кончинѣ знаменитаго полководца Великобританіи поразила всѣхъ въ Лондонѣ и Англіи, какъ бы громовымъ ударомъ.

Приближенные герцога знали, какой опасности онъ подвергался по-временамъ, пренебрегая всякою осторожностью для сохраненія здоровья. Въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ нужны бы ему были попеченія наилучшихъ врачей, а онъ съ большимъ упорствомъ отвергалъ всякія мѣры предосторожности, твердо надвѣясь на здоровое свое сложеніе. Въ послѣдніе два или три года имѣлъ онъ уже нѣсколько полу-апоплексическихъ припадковъ, но оставался столь же упорнымъ, какъ и прежде. Пріѣзжая, въ пять часовъ по-полудни, въ Парламентъ, онъ оставался въ этой душной атмосферѣ, безъ всякой пищи, занимаясь государственными дѣлами, а потомъ возвращался домой, чтобъ стать подъ холодную дождевую ванну. И все это, когда ему было уже далеко за семьдесятъ лѣтъ. Когда онъ былъ призываемъ къ Королевъ по службѣ, онъ ни за что бы не согласился уступить другому ни малѣйшей части своей обязанности, и исполнялъ ее, несмотря ни на какое утомленіе. Въ послѣдніе годы жизни онъ принужденъ былъ поддерживать голову свою, склоняемую лѣтами, посредствомъ стальной пружины въ его военномъ воротникѣ. Такимъ-образомъ ѣздилъ онъ верхомъ по лондонскимъ улицамъ, и хотя держался на лошади съ трудомъ, но никакъ не соглашался ѣздить въ каретѣ. Въ домашней своей жизни герцогъ Веллингтонъ подвергалъ себя такимъ же строгимъ правиламъ. Къ нему никто не ѣздилъ, кромѣ искреннихъ друзей, и безъ формальной просьбы о приѣмѣ. Онъ самъ всегда отвѣчалъ на множество получаемыхъ имъ писемъ. Отвѣты его были замѣчательны краткостью и рѣзкостью. Онъ съ пренебреженіемъ отзывался о тѣхъ, которые писали къ нему безъ достаточныхъ къ тому причинъ, и отвѣты его на подобныя письма были всегда очень суровы, съ замѣчаніемъ, чтобъ эти люди занимались собственными своими дѣлами, а не беспокоили его тѣмъ, что до нихъ не касается. Онъ всегда обнаруживалъ величайшую дѣятельность, вставалъ рано и ложился поздно. Уже двадцать лѣтъ окна лондонскаго дома его были закрыты желѣзными ставнями. Точность и сила воли были главными чертами его характера, когда онъ еще былъ во всей силѣ своихъ умственныхъ способностей; на старости эти качества превратились въ упрямство. Какъ и другіе, вестоль знаменитые люди, герцогъ Веллингтонъ никогда не былъ оцененъ при жизни своей

надлежащимъ образомъ. Теперь, когда онъ умеръ, печаль всей націи доказываетъ искренніи ея чувства. Въ послѣднюю половину жизни его, проведенную уже въ Парламентъ, а не въ полъ, общественное мнѣніе націи къ этому знаменитому противнику Наполеона выражало болѣе почтенія къ его имени, нежели любви къ его особѣ. Теперь, когда воинъ и политикъ сошелъ съ поприща міра сего, англійская нація можетъ безпристрастно разсмотрѣть весь подвигъ его продолжительной службы. Она увидитъ въ немъ не только спасителя отечества, но и защитника просвѣщенія и независимости всей Европы. Она оценитъ мудрость его въ совѣтахъ, какъ нѣкогда цѣнила и награждала мужество его на поляхъ побѣдъ. Торжественное погребеніе и повсемѣстный трауръ были слабымъ выраженіемъ чувствъ Англій.

Смерть герцога Веллингтона оставляетъ много вакантныхъ мѣстъ, а именно: главнокомандующаго арміею, лорда хранителя пяти портовъ, начальника Тоуера, лорда-намѣстника Гемпшира и Тоуеръ-Гамлетса, шефа полка гвардейскихъ гренадеръ, гресмейстера Тринити-гоуза, оксфордскаго канцлера и кавалера орлена Подвязки. По званію начальника портовъ, получалъ онъ отъ семи до восьми тысячъ фунт. стерл. жалованья, и пользовался приморскимъ загороднымъ домомъ. Званіе главнокомандующаго приносило почти столько же; гренадерскій полкъ 1,200 фунт. стерл., и т. д. По званію главнокомандующаго назначаютъ ему преемниками Принца Алберта, герцога Кембриджскаго или лорда Гардинга. Начальство пяти гаваней перейдетъ къ одному изъ сихъ трехъ лицъ, которое не получитъ званія главнокомандующаго. Званіе это часто дается первому министру, который управляетъ въ то время дѣлами. Кромѣ всехъ сихъ мѣстъ, которыя занималъ герцогъ Веллингтонъ, получалъ онъ отъ Парламента значительныя денежныя награды. Послѣ Бадахоса и Саламанки дали ему 100,000 ф. ст. на покупку имѣнія, послѣ Тулузы 400,000 фунт. и наконецъ послѣ Ватерлоо 200,000, кромѣ пожизненнаго пенсіона (который перейдетъ къ двумъ ближайшимъ его наследникамъ) въ 2,000 фунт. стерл., увеличеннаго потомъ до 4,000 фунт. стерл.

Когда въ Дилъ и Вальмеръ получено было извѣстіе о кончинѣ герцога Веллингтона, все купцы закрыли свои лавки, а на фортѣ спущенъ былъ флагъ, въ-знакъ траура. Подобное же выраженіе печали обнаружилось и во всей Англій, по-мѣрѣ полученія телеграфическаго извѣстія. Въ Лон-

донъ вся Темза, отъ Лондонскаго-моста до устья, покрыта траурными флагами. Корабли всехъ націй послѣдовали примѣру судовъ англійскихъ. Въ Ливерпулѣ траурное знамя развѣвается на всехъ публичныхъ зданіяхъ. Въ Мерси и на докахъ спущены флаги до половины мачтъ. Биржа, лицей, клубы и проч. были закрыты на весь день. Въ Манчестерѣ также закрыта была биржа. Въ Бармингамѣ соборный колоколь звонилъ цѣлый день, и это будетъ продолжаться ежедневно, до погребенія герцога. Въ Соутгемтонѣ и Портсмутѣ военныя и торговыя суда подняли печальныя флаги, какъ на Темзѣ.

Вся Англій вообще погружена въ глубокую печаль кончиною своего великаго полководца и государственнаго мужа. Сообщаемъ бѣглое обзорніе его жизни и подвиговъ. Артуръ Гарретъ Коули Веллеслей, герцогъ Веллингтонъ, виконтъ Талаверскій и баронъ Поль-Морнингтонскій, князь Ватерлооскій и маркизь Торресъ-Ведрасскій, маркизь Вимейрскій, герцогъ Сіудадъ-Родригскій, маркизь Дуэрскій и герцогъ Витторійскій, англійскій перъ и канцлеръ оксфордскаго университета, генераль-фельдмаршалъ великобританскій, россійскій, прусскій, нидерландскій, испанскій и португальскій, лордъ-намѣстникъ Тоуера, егермейстеръ виндзорскій, и проч., и проч., родился 1-го мая 1769 года (слѣдственно въ томъ же году, какъ и знаменитый противникъ его, Наполеонъ Бонапартъ), въ ирландскомъ семейномъ помѣстьѣ Дунганъ-Кестль. Англійская фамилія Коули переселилась въ Ирландію въ XVI столѣтіи, и присоединила тамъ къ себѣ фамилію, титла и имущества Веллеслеевъ. Артуръ Веллеслей вступилъ въ военную службу въ 1787 г. прапорщикомъ, а въ 1794 былъ уже въ чинѣ подполковника въ Нидерландахъ, гдѣ имѣлъ случай отличиться въ разныхъ сраженіяхъ. Въ 1797 г. отправился онъ въ Остъ-Индію съ старшимъ братомъ своимъ, маркизомъ Веллеслеемъ, который назначенъ былъ остъ-индскимъ генераль-губернаторомъ; командовалъ арміею противъ Тинно-Сайба и Маратовъ; взялъ, въ 1799 г., приступомъ Серинганатамъ, произведенъ въ генераль-майоры, и привелъ въ устройство Мейсарскую область. Въ первыя пять лѣтъ нынѣшняго столѣтія дѣйствовалъ онъ противъ Синдін, Голькора и Раджи Берарскаго. Въ 1805 возвратился съ маркизомъ Веллеслеемъ въ Европу, а въ 1806 былъ избранъ депутатомъ въ Нижній-Парламентъ городомъ Ньюпортомъ. Въ 1807 г. назна-

ченъ статсъ-секретаремъ ирландскаго управленія, участвовалъ однакоже въ экспедициі л. Каткорта противъ Копенгагена, и заключилъ тамъ капитуляцію съ Датчанами. Въ 1808 г. отпразднелъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, въ Португалію, и въ отсутствіе главнокомандующаго, генерала Дальримпла, одержалъ победы надъ Французами 8 августа при Роликъ, и 21 августа при Вимейръ. Въ 1809 назначенъ былъ главнокомандующимъ англійскими войсками на Пиренейскомъ полуостровѣ, и сохранилъ это званіе до 1814 г., принявъ подъ свое начальство и португальскую армію. Онъ изгналъ изъ Португаліи, одного за другимъ, Жюно, Сульта, Нея и Виктора, вступилъ, 12 мая, въ Оporto, одержалъ, 28 іюля, победу при Талаверъ надъ Юсифомъ Бонапарте, Журданомъ и Викторомъ, разбилъ Массену при Фуентесъ-д'Оноре, взялъ приступомъ Сіудадъ-Родриго, одержалъ победу надъ Мармонтомъ при Арапилахъ, вступилъ съ торжествомъ въ Мадридъ, разбилъ Юсифа Бонапарте и маршаловъ его при Витторіи, совершенно разсѣявъ французскую армію, и изгнавъ ее изъ Испаніи; одержалъ победу надъ Султомъ при Маіи, взялъ приступомъ Панкору, Пампелону и Санъ-Себастьянъ; одержалъ верхъ надъ Султомъ въ шестидневной битвѣ въ Пиренеяхъ; вступилъ, въ ноябрь 1813 года, во Францію, разбилъ Сульта при Нивелль, вторично его же при Ортезъ, въ февраль 1814; окончательно поразилъ его же при Тулузѣ, и заключилъ съ нимъ капитуляцію, по которой отданы ему были безъ боя Сантона, Венаске, Тортоса, Мурвиедро, Пенискола, Барселона, Фигуерасъ и Розасъ. По окончаніи сей славной войны Веллингтонъ назначенъ былъ британскимъ посломъ при заключеніи парижскаго мира и на вѣскомъ конгрессѣ, а въ 1815 году довершилъ свое знаменитое поприще побѣдою при Ватерлоо. Съ-тѣхъ-поръ былъ онъ героемъ своего народа, который воздвигъ ему, еще при жизни, статуи, триумфальныя ворота, и назвалъ его именемъ многія площади и зданія. Государи Англій осыпали его почестями, титлами, отличіями и богатствами. Монархи, союзные съ Англіею, были столь же щедры. Онъ былъ кавалеромъ всѣхъ орденовъ въ Европѣ. Веллингтонъ оказалъ услуги отечеству не только на полѣ битвъ: онъ былъ главнокомандующимъ союзными войсками, занимавшими Францію до 1818 года; послѣ того назначенъ представителемъ Англій на аакенскомъ конгрессѣ, а наконецъ занялъ место

въ Верхнемъ-Парламентѣ, гдѣ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ предводителей партіи тори. Съ 1828 до ноября 1830 Веллингтонъ былъ первымъ лордомъ казначейства, а сиръ Робертъ Пиль главою тори въ Нижнемъ-Парламентѣ. 14-го апрѣля 1832 года *жельзный герцогъ*, какъ называли его Англичане, протестовалъ торжественно въ Верхнемъ-Парламентѣ противу билля о реформѣ, и не допустилъ третьяго чтенія. Тогда поручено ему было составить новый кабинетъ, но онъ встрѣтилъ притомъ въ Нижнемъ-Парламентѣ такое упорное сопротивленіе, общественное мнѣніе столицы было такъ взволновано, что онъ не успѣлъ составить министерства. Графъ Грей остался при управленіи дѣлами, и 7 іюня 1832 года былъ утвержденъ билль о реформѣ. Въ ноябрь 1834 Веллингтонъ принялъ вторично составленіе кабинета, но въ 1835 оный опять былъ низвергнутъ. Въ 1841 вступилъ Веллингтонъ, въ министерствѣ Пилля, въ званіе главнокомандующаго всѣми войсками. До послѣднихъ минутъ жизни герцогъ Веллингтонъ игралъ важную роль въ дѣлахъ государственныхъ, и всегда былъ ближайшимъ совѣтникомъ Королевы. И политическіе противники часто требовали его совѣтовъ. Лордъ Джонъ Россель, несмотря на политическую съ нимъ вражду, просилъ его сохранить званіе главнокомандующаго. Королева Викторія дала младшему сыну своему, при крещеніи, имя побѣдоноснаго героя Артура.

— Сообщаемъ извѣстія о происхожденіи и фамиліи фельд-маршала. Герцогъ Веллингтонъ родился 1 мая 1769 года, по однимъ въ Дунганскомъ замкѣ, по другимъ въ Дублинѣ. Онъ былъ сынъ Ричарда Коули Веллеслея, пожалованнаго, въ царствованіе Георга II, барономъ Морнингтономъ. У него было шесть братьевъ. Старшій, маркизъ Веллеслей, остъ-индскій генераль-губернаторъ; второй, графъ Морнингтонъ, составившій себѣ почетное имя въ исторіи англійской литературы. Третій, Вилліамъ Веллеслей-Поль баронъ Мериборо. Артуръ былъ четвертымъ. Пятый былъ Герардъ Валеріанъ, бывший потомъ бишонвермоутскимъ ректоромъ, а шестой лордъ Коули, бывший посломъ въ Парижѣ, котораго сынъ занимаетъ теперь это же мѣсто. Герцогъ Веллингтонъ вступилъ въ бракъ, 6 апрѣля 1806 года, съ миссъ Катериною Пакеггамъ, третьею дочерью лорда Лонгфорда; она скончалась 25 апрѣля 1831. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ сынозей: маркиза Дуеро, который нынѣ чле-

номъ Нижняго-Парламента, и получаетъ теперь титулъ герцога Веллингтона и званіе пера, но не имѣетъ дѣтей, и Чарльсъ Велдеслей, подполковникъ арміи, родившійся въ 1808 году, женатый на единственной дочери г. Мамерса-Пьерпоинта, и имѣющій пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ четверо въ живыхъ.

— Въ Indépendance Belge говорятъ о характерѣ герцога Веллингтона слѣдующимъ образомъ: «Не описывая подробностей испанской войны, кончившейся изгнаніемъ Французовъ, а равно дальнѣйшихъ событій, совершившихся во Франціи до сраженія при Ватерлоо и занятія Парижа, ибо эти подвиги герцога Веллингтона извѣстны всякому, мы однакоже обязаны выставить одну сторону, которая извѣстна немногимъ, а именно нравственное вліяніе его на современное военное искусство. Какъ ни знаменито было военное поприще Наполеона, но войска его часто помрачали блескъ побѣдъ своихъ насильствами. Отличительною же чертою Веллингтона было то, что онъ соблюдалъ между своими солдатами самую строгую дисциплину, чувства чести и милосердія къ жителямъ занимаемыхъ областей. Воровство, грабежъ, оскорбленія всякаго рода были наказываемы съ примѣрною строгостью, часто и смертію. Главнымъ основаніемъ характера герцога Веллингтона было строгое правосудіе. Командуя арміею, онъ требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ. Находясь въ главѣ министерства, онъ обнаружилъ то же безпристрастіе, правоту и здравомысліе. Какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ своихъ кампаніяхъ, онъ являлъ твердую свою волю, безъ которой не могъ бы бороться съ грозными французскими арміями. Онъ всегда умѣлъ привлекать къ себѣ народъ, посреди котораго была его главная квартира, и утвердительно можно сказать, что онъ блистательнѣйшими своими успѣхами обязанъ усердію жителей, сообщавшихъ ему нужныя свѣдѣнія, снабжавшихъ его припасами и проводниками, тогда какъ противники его вездѣ находили препятствія. Герцогъ Веллингтонъ былъ не изъ тѣхъ генераловъ, которые пріобрѣтаютъ любовь солдатъ фамиллярнымъ съ ними обращеніемъ, или раздѣлая ихъ нужды и подвергаясь вмѣстѣ съ ними опасностямъ: онъ почиталъ себя ответственнымъ за жизнь каждаго солдата, и зналъ свой долгъ, то-есть, дѣйствовалъ головою, какъ полководецъ, а не мечомъ, какъ простой воинъ. Войска были для него машиною;

онъ разсчитывалъ ихъ силу, точность, физическое сопротивленіе и безусловную покорность, даже съ пожертвованіемъ жизни. Онъ ничего не ожидалъ отъ мгновеннаго одушевленія, отъ внезапныхъ порывовъ, но разсчитывалъ на точное и вѣрное исполненіе данныхъ имъ приказаній. Онъ дѣйствовалъ войсками какъ шахматами, и не пользовался, какъ Наполеонъ, всеми случайностями. Напротивъ, онъ былъ недоволенъ даже и благопріятными случайностями, если онъ разрушали его предположенія. Зная своевольство англійскаго народа, не можемъ не дивиться благородіемъ, съ какимъ онъ понимаетъ дисциплину и повиновеніе. Хотя герцогъ Веллингтонъ и родился въ Ирландіи, но онъ былъ истинный первообразъ Англичанина по хладнокровію, гордости, твердости, всегдашнему мужеству и обдуманному повиновенію. Требуя дисциплины отъ солдатъ, онъ самъ наблюдалъ ее въ отношеніи къ своимъ начальникамъ, и сделавшись важнѣйшимъ государственнымъ сановникомъ, съ гордостью и радостью подавалъ Англій примѣръ уваженія своего къ ней, какого требовалъ самъ къ себѣ. Послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни герцога Веллингтона проведены имъ были въ благородномъ званіи советодателя Королевы и націи. Когда виги управляли дѣлами, ни одна мѣра не проходила безъ его согласія, а когда власть перешла въ руки партіи тори, онъ, не имѣя никакого министерства, почти предсѣдательствовалъ во всѣхъ ея сужденіяхъ. Невозможно составить себѣ понятія о вліяніи, какое онъ имѣлъ въ послѣднее время. Нація раскаявалась въ грубой своей неблагодарности къ нему во время волненій 1830 г., и уважала уступки, сдѣланныя герцогомъ въ 1829 году въ пользу католиковъ, и въ 1845 при отмене хлѣбныхъ законовъ. Упорный характеръ его уступилъ опытности, но сохранилъ здравомысліе, которое въ глазахъ Англичанъ замѣняетъ все блистательнѣйшія качества.—Герцогъ Веллингтонъ не былъ ораторомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но говорилъ просто, ясно, и шелъ прямо къ цели, сохраняя вліяніе на слухателей своею откровенностью и правдолюбіемъ. Онъ одѣвался всегда просто, но свѣдѣны его внушали почтеніе даже тѣмъ, которые его не знали. Когда онъ проѣзжалъ верхомъ по улицамъ, все снимали передъ нимъ шляпу отъ мала до велика. Онъ любилъ Королеву съ родительскою привязанностью, и Королева отвѣчала ему любовію дочери. Во всѣхъ поли-

тических или домашних затрудненіяхъ прибѣгала она за совѣтами къ герцогу, и дѣйствовала по его указаніямъ. Его прозвали «железнымъ герцогомъ» (the iron duke) по причинѣ непреклонности его характера, но онъ способенъ былъ къ самымъ нежнымъ чувствамъ. Привязанность его къ прекрасной невѣсткѣ, маркизѣ Дуеро, выражалась самою трогательною любовью. — Величіемъ и любезностью герцогъ сдѣлался любимцемъ женщинъ. Въ домашней жизни своей онъ былъ Спартацемъ: спалъ всегда на походной железной кровати; обѣдъ его былъ самый умеренный; каждое утро до кончины своей купался онъ въ холодной водѣ. Упрекали его, и не безъ основанія, въ скупости, свойственной многимъ великимъ генераламъ. Холодность его была больше наружная, нежели сердечная. Въ частной и политической жизни слѣдовалъ онъ правиламъ и привычкамъ военнаго лагеря, и потому его часто упрекали въ суровости. Онъ глубоко уважалъ память Наполеона, какъ полководца, и почиталъ жестокимъ для себя оскорбленіемъ, если дурно говорили о знаменитомъ его противникѣ. Однажды за столомъ кто-то изъ гостей показывалъ табакерку, полученную имъ за услугу, оказанную противъ Наполеона. Герцогъ не хотѣлъ ея видѣть, и маркиза Дуеро, зная его характеръ, не допустила до него несчастной табакерки. Онъ сражался съ Наполеономъ, исполняя долгъ свой, но уважалъ его гений. Франція могла видѣть нежную разборчивость его чувствъ, когда онъ, во время всемірной выставки, отмѣнилъ ежегодный свой банкетъ въ годовщину Ватерлоо. Смерть герцога Веллингтона великая потеря для Англіи. Онъ недолго пережилъ сира Роберта Пилля, и теперь нѣтъ уже въ Англіи великихъ именъ, могущихъ имѣть нравственное вліяніе при какомъ-нибудь политическомъ затрудненіи. Онъ былъ послѣднимъ исполиномъ гигантской эпохи. Никто его не замѣнитъ».

Въ засѣданіяхъ Нижняго-Парламента составлена была коммиссія для разсмотрѣнія вопроса объ уменьшеніи пошлины на вино. Коммиссія рѣшила въ пользу сего уменьшенія, основываясь на слѣдующихъ доводахъ. 1) Нынѣшняя высокая пошлина поощряетъ къ поддѣлкѣ вина, отчего казна терпитъ убытокъ. Публика дорого платитъ за поддѣльный напитокъ, и здоровье жителей страдаетъ отъ употребленія вредныхъ веществъ, продаваемыхъ подъ названіемъ вина. 2) Умеренная пошлина прекратила бы эти

неудобства. Судя по предъидущимъ опытамъ, доходъ скоро возвысился бы до прежней суммы, и превзошелъ бы ее. 3) Отъ этого произошло бы уменьшеніе въ потребленіи спиртныхъ напитковъ, и улучшеніе въ нравственномъ состояніи низшихъ сословій, которыя, за дешевую цѣну, пользовались бы здоровымъ и неподдѣльнымъ напиткомъ. 4) Винодѣльные страны получали бы большее количество англійскихъ товаровъ, потому-что уменьшеніе пошлины на иностранныя вина должно быть произведено на непремѣнномъ условіи, чтобы винодѣльные страны въ то же самое время уменьшили пошлины на англійскія издѣлія. Этотъ вопросъ будетъ внесенъ въ Парламентъ немедленно по открытіи онаго.

Вотъ любопытныя подробности о составѣ новаго Нижняго-Парламента. Только 150 человекъ имѣютъ титулъ сквейровъ (Esquire, большихъ землевладельцевъ, имѣющихъ независимое состояніе). Баронетовъ 66, 100 сыновей перовъ, 101 адвокатъ и 18 прокуроровъ. Негоціантовъ, промышленниковъ и оптовыхъ купцовъ 99. Къ этой категоріи можно прибавить 20 банкировъ и двухъ пивоваровъ, одного архитектора, одного каменнаго мастера, трехъ гражданскихъ инженеровъ (Локкъ, Стифенсонъ и Пильсъ), трехъ докторовъ (Юмъ, Бреди и Митчель), одиннадцать директоровъ или главныхъ акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ. Военныхъ 67, моряковъ 13.

Воззванія ко вступленію въ милицію печатаются во всей Англіи. Въ министерскихъ газетахъ выражаются опять такимъ образомъ, какъ будто бы опасность столкновенія съ Франціею еще не миновала. Съ другой стороны думаютъ, что эти выраженія должны служить только для того, чтобъ преодолѣть отвращеніе англійскаго народа къ милиціонной службѣ.

По военному министерству замѣтна большая дѣятельность: крѣпости по берегамъ Франціи приводятся въ исправное положеніе и снабжаются необходимымъ числомъ артиллеріи и военныхъ запасовъ; въ войскахъ обращено особое вниманіе на приведеніе въ порядокъ обозовъ, учрежденіе складовъ, и т. п.

Изъ Нью-Йорка привезено неожиданное извѣстіе. Графъ Дерби взялъ у англійскаго посланника, г. Кремптона, переговоры по дѣлу о рыбныхъ ловляхъ, и передалъ оныя управленію англійскихъ колоній въ Северной Америкѣ.

Событіе это очень важно; но въ достоверности онаго служитъ до-сихъ-поръ порукою одна телеграфическая депеша, въсколько сомнительнаго происхожденія. Въ нью-іоркскихъ газетахъ почти вѣрятъ достоверности этого извѣстія, и уже предвидятъ возможность войны. Дѣйствительно, по словамъ сихъ газетъ, колоніальное правленіе вовсе нерасположено къ миру. Приказанія, данныя имъ англійскимъ крейсерамъ, собственныя его вооруженія, приговоры судебныхъ мѣстъ противу американскихъ кораблей, захваченныхъ у береговъ, все доказываетъ, что оно не думаетъ объ уступкахъ. Много ли надобно, чтобъ произвести на этихъ моряхъ кровопролитное столкновеніе? Для этого достаточно упрямства со стороны жителей Соединенныхъ-Штатовъ. — Впрочемъ, между Соединенными-Штатами и Англією возникъ новый предметъ спора. Известно, сколько шуму надымало въ Англіи открытіе удобрительныхъ свойствъ вещества гуано, собираемаго на скалахъ Тихаго-океана. Съ того времени гуано сдѣлалось важнымъ предметомъ торговли. Перуанское правительство, которому принадлежали пустынные и необитаемые Чилійскіе острова, изобилующіе гуаномъ, вздумало, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, наложить небольшую пошлину на вывозъ этого произведенія, употребляя доходъ на погашеніе иностраннаго своего долга. Но часть кораблей, которымъ удобнѣе было бы нагружаться близъ Лимы и около населенной части Перу, обратились съ-тѣхъ-поръ къ северу, къ Трухильскимъ берегамъ, и нагружаются теперь на пустынныхъ же Лобосскихъ островахъ, гдѣ перуанское правительство не учредило морской станціи. Такимъ-образомъ они освободились отъ платежа пошлины. Перуанское правительство, лишенное части своихъ доходовъ, учредило и на послѣднихъ островахъ таможенную контору, которой подвозятъ воду и съѣстные припасы съ твердой земли, и заставило одинъ пароходъ крейсировать около сихъ острововъ. Англійскіе судохозяева старались протестовать противъ этого, и въ Нижнемъ-Парламентѣ сдѣланы были вопросы по сему предмету. Хотѣли оспорить у Перу права его на Лобосскіе острова, основываясь на томъ, что они никогда не были заняты, какъ-будто можно занимать скалы, на которыхъ нѣтъ ни травки, ни капли воды. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Мальмесбюри, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, убѣдился въ правахъ Перу, и американскій посланникъ въ

Лондонъ, г. Абботъ-Лоренсъ, которому это дѣло было сообщено, подтвердилъ неоспоримость сихъ правъ. Заключена была конвенція, по которой англійскіе корабли имѣли право нагружаться гуаномъ на Лобосскихъ островахъ, съ платою пошлины. Отъ этой конвенціи сильно поднялись перуанскіе фонды. Но въ то время, какъ англійскіе судохозяева протестовали въ Лондонъ противу занятія Лобосскихъ острововъ, Американцы сдѣлали то же самое въ Вашингтонѣ. Г. Вебстеръ написалъ къ какому-то капитану Джевету письмо, которое должно было оставаться на нѣкоторое время въ тайнѣ, но теперь обнародовано. Оно мало приноситъ чести этому государственному челоуѣку. Г. Вебстеръ оспариваетъ въ немъ права Перу, говоря, что вовсе недоказано, чтобъ необитаемые сіи острова были открыты Испанцами или Перуанцами, или заняты ими: онъ хотѣлъ присвоить ихъ Соединеннымъ-Штатамъ, потому-что одинъ американскій морякъ осматривалъ ихъ въ 1823 году, и описалъ въ 1832, какъ-будто нужно было открывать острова, изъ которыхъ нѣкоторые находятся въ двухъ миляхъ отъ земли, а самыя отдаленныя въ десяти, и мимо которыхъ проходитъ всякій корабль, идущій изъ Лимы или Саны въ Гваякиль. Г. Вебстеръ рѣшается впрочемъ оставить ихъ во владѣніи Перу, но какъ въ Южной Америкѣ издавна уже употребляютъ гуано, а массачусетскіе земледѣльцы, только начинающіе употребить его, получали бы это произведеніе гораздо дешевле, еслибъ не платили пошлины, то онъ и утверждаетъ, что перуанское правительство не имѣло права наложить пошлины на гуано Лобосскихъ острововъ. Подобное мнѣніе не только неосновательно, но даже смѣшно. По-несчастію, американскіе судохозяева, привыкшіе поступать какъ корсары, вооружили нѣсколько кораблей, и отправили ихъ на Лобосскіе острова, съ приказаніемъ насильно нагружать гуано, и на требованія перуанской станціи отвѣчать пушечными выстрѣлами. Нѣтъ сомнѣнія, что перуанское правительство потребуетъ помощи европейскихъ крейсеровъ противъ этихъ пиратовъ, но изъ этого могутъ возникнуть важныя дипломатическія затрудненія. Бѣдная часть перуанскихъ кредиторовъ находится въ Англіи, и она съ трудомъ допуститъ Американцевъ уничтожить сылою доходы Перу, служащіе ручательствомъ въ цѣлости англійскихъ капиталовъ. Впрочемъ вопросъ сей уже обсуждается въ американскомъ кон-

гресь. Сенаторъ Гамлейнъ требовалъ сообщенія корреспондентин, происходившей съ перуанскимъ правительствомъ о Лобосскихъ островахъ, и инструкцій, посланныхъ начальнику американской эскадры въ Тихомъ океанѣ. Кажется, что, по востребованію г. Вебстера, морской министръ предписалъ коммодору Маколи отправиться съ фрегатомъ къ Лобосскимъ островамъ. Обнародованіе же документовъ, требуемыхъ сенатомъ, откроетъ, согласно ли американское правительство съ мнѣніемъ г. Вебстера.

Парламентъ въ послѣднемъ году разрѣшилъ учрежденіе общественныхъ библиотекъ на счетъ городскихъ суммъ. Первая изъ этихъ библиотекъ открыта въ Манчестерѣ для рабочаго класса; за входъ не платятъ, что составляетъ въ Англіи первое исключеніе; зданіе библиотeki состоитъ изъ трехъ этажей, въ нижнемъ устроены умывальники для рабочихъ, во второмъ разложены на столахъ всѣ возможные журналы преимущественно моральнаго и религіознаго содержанія, наконецъ, въ третьемъ этажѣ помещается собственно библиотeka изъ специальныхъ книгъ.

Правительство предписало всѣмъ полицейскимъ начальствамъ принять строжайшія мѣры противу поединковъ, которые усилились чрезвычайно во всей Великобританіи.

Открытіе бронзовой статуи сэра Роберта Пилъ происходило въ Бюри, 8-го сентября, съ большимъ торжествомъ. Сынъ этого великаго государственнаго мужа, членъ Парламента, Фредерикъ Пилъ, съ двумя своими братьями, присутствовалъ при сей церемоніи. Статуя отлита г-мъ Белли. Она имѣетъ десять футовъ въ вышину, стоитъ на бронзовомъ цоколѣ въ 18 дюймовъ вышины, поставленномъ на гранитномъ пьедесталѣ въ 12 футовъ. На переднемъ фасѣ надпись: *Пилъ*, съ фамильнымъ гербомъ. На боковыхъ фасахъ бронзовые барельефы, изображающіе торговлю и мореплаваніе. На задней сторонѣ надпись, сочиненная г. Кобденомъ.

Германія.

По опредѣленію Сейма, приступлено къ увольненію всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ бывшаго германскаго флота, за исключеніемъ небольшого числа оставленныхъ еще на службу, до распродажи судовъ. Предлагаемая за парусный ко-

рабль «Германія» цѣна достигла уже суммы 9,000 рейхталеровъ. Большую часть судовъ желаетъ купить бразильское правительство, отъ котораго черезъ мѣсяць ожидаютъ рѣшительнаго ответа.

КАРЛСРУЕ. Повелѣніемъ Великаго Герцога, снято осадное положеніе. Гражданскимъ властямъ предписано твердое сохраненіе общественнаго порядка.

Иезуиты нашли себѣ приверженцевъ въ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ. Администраторъ округа Суховскаго въ Делишѣ уведомилъ правительство, что «онъ имѣетъ счастье принадлежать къ ордену иезуитовъ»—отвѣтомъ на это правительства была—отставка. Другой богатый владѣлецъ, г. Кеттенбургъ, принявъ въ свой замокъ иезуита Гольцмана, который долженъ былъ окончить религіозное образованіе новообращеннаго. Желая доказать свое усердіе къ новому исповѣданію, г. Кеттенбургъ принуждалъ протестантскихъ своихъ фермеровъ присутствовать при религіозныхъ католическихъ церемоніяхъ. Послѣдствіемъ этого были общія жалобы. Правительство приказало иезуиту выѣхать, и когда Кеттенбургъ отказался исполнить это приказаніе, ссылаясь на какія то феодальныя права, то мѣстное начальство, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, приказало выпроводить г. Гольцмана за границу при отрядѣ жандармовъ. Скоро не останется слѣдовъ секты, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникла въ Германіи подъ названіемъ пѣмецкихъ или новыхъ католиковъ. Событія 1848 г. разсыпали по лицу земли главныхъ сектаторовъ, и запрещеніе полиціи собираться остальнымъ довершило полное распаденіе секты. 30-го августа бромбергское неокатолическое общество (въ Пруссіи) перешло къ протестантству, вмѣстѣ съ своимъ пасторомъ. Здѣсь мѣсто припомнить, что основателемъ этой секты былъ Іоаннъ Черскій, родившійся въ селеніи Верлюбин, близъ Нейденбурга, и бывший въ 1844 г. помощникомъ пастора въ Шнейделлогъ; новое это ученіе распространилось преимущественно въ старой и польской Пруссіи; главное отличіе этой секты отъ римско-католическаго исповѣданія состоитъ въ томъ, что духовные не даютъ обѣта безбрачія. Основатель секты отличался нѣкоторыми богословскими познаніями, но не былъ человекомъ высокой нравственности; — говорили даже, что безнравственная связь, которой нельзя было скрывать, вынудила его перейти къ расколу. Первое рас-

пространеніе этого лжеученія произвело смуты въ Познани, но энергическія и благоразумныя мѣры прусскаго правительства пресѣкли зло въ зародышѣ, и теперь оно само собою уничтожилось.

Въ Гамбургѣ одно новое обстоятельство произвело большое впечатлѣніе во всемъ городѣ. Германскій сеймъ, въ засѣданіи своемъ 29-го іюля, предоставилъ Пруссіи и Австріи дѣйствовать военнымъ посредничествомъ въ городѣ Гамбургѣ, въ-случаѣ волненій въ ономъ, и если гамбургскія войска не захотятъ или не въ силахъ будутъ сами прекратить безпорядки. Въ-слѣдствіе этого рѣшенія, гамбургскій сенатъ находится въ довольно затруднительномъ положеніи, не зная, оглашать ли ему дѣло, представивъ противъ рѣшенія протестъ, или благоразумнымъ образомъ хранить молчаніе, чтобъ огласкою не придать этому дѣлу важности.

Австрія.

Отвѣтъ прусскаго правительства на предложеніе государствъ центральной и южной Германіи, о таможенномъ союзѣ съ Австріею, подаетъ мало надежды на исполненіе. Пруссія отвергла все главныя основанія этого предложенія, даже слово *союзъ* совершенно исключено изъ ея отвѣта; послѣ этого австрійскому правительству остается только или совершенно подчиниться произволу Пруссіи, либо разорвать все переговоры, либо, наконецъ, обратиться къ единомышленнымъ въ этомъ дѣлѣ государствамъ; Австрія избрала послѣднее, и въ своихъ нотахъ Баваріи, Саксоніи Вартембергу, Бадену, Гессенъ-Касселю, Гессенъ-Дармштадту и Нассау, объявила, что возстановленіе прежняго таможеннаго союза будетъ послѣднимъ предѣломъ ея уступчивости.

Совѣтъ министровъ, подъ личнымъ предѣдательствомъ Императора, разсуждалъ о томъ, какъ поступать Австріи по-случаю отвѣта Пруссіи на декларацію семи соединенныхъ государствъ по таможенному вопросу—и положилъ, твердо держаться условій дармштадтскаго договора и поддерживать означенныя государства. На предложенія же Прус-

сіи найдено неудобнымъ согласиться преимущественно потому, что Пруссія не назначаетъ срока самаго важнаго предмета, именно—опредѣленія тарифовъ.

Въ одной изъ австрійскихъ газетъ говорятъ, что проводившіе Императора отъ Пресбурга венгерскіе магнаты видѣли въ этомъ шествіи повтореніе стариннаго обычая встрѣчи венгерскихъ королей—недоставало короны, плаща и меча св. Стефана; но если о нихъ и вспомнили, то единственно по случайностямъ, которымъ подвергались эти регалии—такъ, напримѣръ, корона королей венгерскихъ была дана въ 1001 году Папою Сильверстомъ св. Стефану; въ-слѣдствіи къ ней присоединили вѣнецъ, данный въ 1072 г. князю Гейль греческимъ императоромъ. Когда, по прекращеніи династіи Арпадъ, выбраны были одновременно въ короли Венгріи: Робертъ Анжун и Вѣщеславъ Богемскій, то для коронаванія послѣдняго привезли въ Прагу корону св. Стефана; королемъ Венгріи сдѣлался между-тѣмъ, Оттонъ Баварскій, который успѣлъ взять корону, но потерялъ ее во-время ночной повздки въ Офенъ; впрочемъ драгоцѣнность эта была найдена на другой день. По взятіи въ плѣнъ, въ 1307 г., Оттона княземъ Трансильванскимъ, Владиславомъ, корона св. Стефана сдѣлалась собственностію послѣдняго. Въ 1439 г., по смерти Алберта IV, выбраны были снова два короля: Владиславъ сынъ Алберта и Владиславъ королевичъ Польскій, тогда Королева Елисавета приказала ввѣчать на царство своего сына этою короною, которая была тайно увезена изъ Вѣннеградскаго замка одною изъ приближенныхъ дамъ королевы; въ слѣдующемъ 1440 году Елисавета заложила эту корону Императору Фридриху IV за 2,500 флориновъ. Послѣ битвы при Могачѣ, корона была выкрадена женщинами для Яна Заполья, а послѣ его коронаціи, ибѣкто Премсій, хранитель короны, отдалъ ее Императору Фердинанду I. Послѣ коронаціи Фердинанда, въ 1527 году, корона св. Стефана попала къ Туркамъ, и Солиманъ, возвращаясь изъ-подъ Вѣны, показывалъ ее своему войску, называя вѣнцомъ славнаго персидскаго Шаха Нуширвана. Въ-слѣдствіи Солиманъ подарилъ ее покровительствуемому имъ Яну Заполью, а по смерти послѣдняго, жена его, Изабелла, снова отдала корону Фердинанду. Рудольфъ II перевезъ ее въ Прагу; Матіасъ снова возвратилъ въ Пресбургъ, гдѣ она была захвачена, въ 1619 году, Трансильванскимъ княземъ Бетлемомъ Габоромъ, который отдалъ ее Фердинанду II послѣ

никольбургскаго мира, въ 1620 году. Императоръ Иосифъ перевезъ корону въ Вѣну, а Леопольдъ II снова возвратилъ въ Венгрію, гдѣ она оставалась до ея похищенія въ 1849 году. Дѣйствительная цѣнность этой короны весьма небольшая. Изъ другихъ регалій сохранились: держава, скиптръ и плащъ; двѣ первыя сдѣланы королями изъ дома Анжу, на нихъ находится даже гербъ Анжуйскихъ герцоговъ; плащъ дѣйствительно принадлежалъ св. Стефану, и вначалъ былъ покровомъ, который даровала въ Веспримскую церковь супруга Стефана, Гизелла; Король Робертъ впервые употребилъ ее при своей коронаціи.

Во-время своего пребыванія въ Шенбруннѣ, по возвращеніи изъ Венгріи, Императоръ далъ только одну частную аудіенцію—этой чести удостоился баронъ Джемсъ Ротшильдъ. Императоръ особенно благодарилъ его за помощь, оказанную въ финансовомъ отношеніи Австріи въ послѣдніе годъ. Послѣ этой аудіенціи разнесся слухъ о предполагаемомъ займѣ.

Графъ Шамборъ возвратился изъ своего вояжа въ Венгрію, гдѣ графъ Эстергази принялъ его истинно съ царскимъ гостепріимствомъ.

Въ то время, когда Times сдѣлалась органомъ для жалобъ англійскаго туриста, который проситъ своихъ соотечественниковъ не ѣздить болѣе въ Ломбардо-Венеціанское королевство, потому-что мѣстная полиція имѣетъ особый надзоръ надъ Англичанами, въ нашемъ сосѣдствѣ снова произошелъ случай, грозящій поколебать добрыя отношенія, установившіяся съ такимъ трудомъ между Англіею и Австріею.

Нѣкто г. Ньютонъ, пошелъ осматривать веронскія укрѣпленія съ «Путеводителемъ» Муррея въ рукахъ. Австрійскій часовой остановилъ любовытнаго, полагая, что тотъ хочетъ украдкою снять планъ крѣпости. Англичанинъ не обратилъ на то вниманія, за чтѣ былъ взятъ подъ стражу и провелъ ночь въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ заключенными; караульный офицеръ не позволилъ ему даже послать въ отель за пищею.

Когда же по освобожденіи, лордъ потребовалъ, чтобы комендантъ крѣпости лично принесъ ему извиненіе, то за это требованіе былъ высланъ изъ крѣпости безъ дальнѣйшихъ церемоній. Туристъ тотчасъ же принесъ жалобу находившемуся въ Венеціи англійскому уполномоченному, лор-

ду Вестмерланду, и послѣдствія вѣроятно будутъ тѣ же, какія повела за собою высылка изъ Австріи леди Морганъ и лорда Голланда. Эти столь часто повторяющіеся въ послѣднее время случаи, которые ежеминутно могутъ поколебать общественное спокойствіе, должны побудить правительства принять общія мѣры относительно изысканія съ иностранцевъ, нарушающихъ существующіе законы. По мнѣнію лорда Пальмерстона, которому слѣдуетъ правительство Соединенныхъ-Штатовъ, каждый путешественникъ въхъ націи пользуется за границею правами и неприкосновенностью, присвоенными политическимъ агентамъ; между-тѣмъ, какъ въ Англіи иностранецъ лишенъ обыкновеннаго покровительства законовъ, чему доказательствомъ служитъ происшествіе съ барономъ Гайнау, и т. п.

1-е сентября имѣетъ своего рода значеніе для Австріи: въ этотъ день вступили въ полную силу и дѣйствіе, во всей Австрійской Имперіи, новыя и важныя законы: уголовныя и о книгопечатаніи. За вторымъ вскорѣ послѣдуетъ законъ объ обществахъ, изъ коихъ впредь будутъ дозволены только имѣющія благотворительную, ученую, промышленную или торговую цѣль. Сношенія обществъ съ чужими краями будутъ допускаемы только съ разрѣшенія начальства. Уставы нынѣшнихъ обществъ будутъ пересмотрѣны.

По-случаю праздника св. Игнатія де-Лойола обнародовано возстановленіе ордена іезуитовъ въ Галиціи, на первое время, впрочемъ, только въ Лембергъ, Тарнополь и Старавеси.

П р у с с і я .

Первое засѣданіе таможенныхъ конференцій въ Берлинѣ было открыто 21-го августа, главнымъ директоромъ податей и сборовъ, г. Поммеръ-Еше, за отсутствіемъ г. фонъ-Мантейфеля. Въ этомъ засѣданіи былъ прочитанъ отвѣтъ государствъ дармштадтской коалиціи, состоящей въ слѣдующемъ: Коалиція соглашается на принятіе прусско-ганноверскаго трактата 7-го сентября, съ маловажными измѣненіями, и на возобновленіе таможеннаго союза на этихъ ос-

нованіяхъ;—изъ проекта таможеннаго союза съ Австріею, оно дѣлаетъ вопросъ второстепенной важности, но требуетъ отъ Пруссіи сообщенія проекта торговаго трактата, который она согласилась заключить съ Австріею по возобновленіи таможеннаго союза. Въ засѣданіи, 30-го августа, таможенной конференціи, Пруссія дала свой отвѣтъ на декларацию 21-го августа государствъ дармштадтской коалиціи. Отвѣтъ этотъ въ сущности заключается въ томъ, что Пруссія съ удовольствіемъ видитъ готовность семи государствъ коалиціи согласиться на соединеніе пошлиннаго союза съ таможеннымъ;—что для переговоровъ съ Австріею, Пруссія готова принять въ основаніе проектъ торговаго и таможеннаго договора, составленнаго въ Вѣнѣ, съ нѣкоторыми только условіями и исключеніями, но что этимъ переговорамъ должно предшествовать заключеніе конвенціи касательно возобновленія и распространенія таможеннаго союза;—что Пруссія ссылается вторично на висбаденскій протоколъ, и требуетъ, чтобы государства коалиціи сообщили свое окончательное рѣшеніе скорѣе и во-всякомъ-случаѣ не позже первой половины сентября, дабы еще до 1-го октября учредить обязательнымъ образомъ будущее распространеніе таможеннаго союза, — и наконецъ, Пруссія требуетъ, чтобы срокъ существованія этого союза былъ не менѣе 12-ти лѣтъ. — Уполномоченные Ганновера, Ольденбурга, Брауншвейга и Турингскихъ владѣній, въ томъ же засѣданіи, объявили полное согласіе своихъ правительствъ на декларацию Пруссіи.

2-го сентября происходила опять конференція въ Берлинѣ, въ которой разсматривался отвѣтъ, данный Пруссіею. Уполномоченный отъ Баваріи, полковникъ Мексеръ, объявилъ, что теперь не настоятъ опасенія въ томъ, что таможенный союзъ будетъ разорванъ, или рѣшеніе объ немъ надолго отложено; единственное препятствіе состоитъ въ томъ, что Австрія не хочетъ, дабы этотъ союзъ былъ заключенъ на 12 лѣтъ. На конференціи, бывшей 15-го сентября, уполномоченные коалиціи объявили, что не могутъ дать требуемаго Пруссіею къ 16-му сентября окончательнаго отвѣта, по той причинѣ, что не имѣютъ по этому предмету инструкцій отъ своихъ правительствъ; вмѣстѣ-съ-тѣмъ они просили отсрочки до 20-го сентября. Пруссія не дала официального согласія на эту отсрочку, которая, впрочемъ, произойдетъ безъ того-сама собой.

Въ Берлинѣ обнародовано, 12-го сентября, королевское повелѣніе о составѣ первой палаты прусскаго сейма. Палаты состоятъ будутъ изъ 120-ти членовъ, 90 будутъ назначаемы избирательными коллегіями, а 30 городскими совѣтами, въ званіи депутатовъ отъ большихъ городовъ. Число избирателей каждой коллегіи должно быть по тридцати на каждаго избираемаго члена. Избирателями должны быть всѣ граждане, которые въ каждомъ округѣ платятъ наиболѣе прямыхъ налоговъ. Избираемый членъ долженъ быть немоложе сорока лѣтъ, не менѣе пяти лѣтъ прусскимъ подданнымъ, жителемъ того города, въ которомъ производится выборъ, и пользоваться всѣми правами общинныхъ избирателей.

14-го сентября напечатано королевское повелѣніе, которымъ, для большаго сосредоточенія власти, предоставляется предсѣдателю совѣта главное управленіе всѣми важными дѣлами, подлежащими различнымъ министерствамъ. Всѣ министры (исключая военнаго) впредь должны будутъ испрашивать у Короля докладовъ не иначе, какъ чрезъ посредство предсѣдателя совѣта. Легко понять, какую важность это королевское повелѣніе придаетъ обязанностямъ предсѣдателя совѣта, и какой знакъ высокаго довѣрія своего къ г. фонъ-Мантейфелю оказалъ ему этимъ Е. В. Король, вслѣдствіе, какъ полагаютъ, просьбы объ увольненіи, которую подалъ, или хотѣлъ подать первый министръ, по назначеніи генерала Радовица главнымъ директоромъ военно-учебныхъ заведеній. Довѣріе Короля доставило г. фонъ-Мантейфелю такое положеніе, которымъ не пользовался ни одинъ министръ со-времени смерти министра фонъ-Фосса, ни даже самъ князь Гарденбергъ въ лучшіе свои дни,—что такое довѣріе Короля весьма важно, особенно въ настоящее время, когда положеніе Пруссіи въ Германіи и въ отношеніи къ ней, должно рѣшиться.

И т а л і я.

Римъ. О состояніи Папскихъ-владѣній получаютъ самыя неблагопріятныя извѣстія. Это служитъ объясненіемъ статьи, напечатанной за два дня предъ симъ въ Монитерѣ, въ ко-

торой протестуютъ противу всякой мысли со стороны французскаго правительства касательно вывода войска изъ Папскихъ-областей. Слѣдственно, это же рѣшеніе приметъ и австрійское правительство. По вопросамъ италійской политики, оба сіи правительства совершенно между-собою согласны, то-есть, что нельзя предоставить Папы собственнымъ его силамъ. Римскіе финансы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, а армія формируется только на бумагѣ. Всѣ проекты желѣзныхъ дорогъ въ Папскихъ-владѣніяхъ оставлены, потому-что князя Альтиери и Конти отказались отъ этихъ предпріятій. Сооружена будетъ только небольшая дорога изъ Рима въ Фраскати, которую министръ публичныхъ работъ Джакобини принялъ на свой счетъ.

Безпокойные люди начали опять производить волненія, для собственной своей гибели. Съ нѣкотораго времени ходятъ по рукамъ возмутительныя воззванія. Сильные патрули полиціи опять обходятъ улицы, останавливаютъ проходящихъ, обыскиваютъ ихъ, и если найдутъ что-нибудь запрещенное, уводятъ подъ стражу. Происходятъ и домовые осмотры. Путешественники, какъ Италіянцы, такъ и иностранные, ежедневно болѣе и болѣе жалуются на грабежи по дорогамъ.

Видя ежедневно усиливающіяся шайки разбойниковъ въ Папскихъ-областяхъ, правительство рѣшилось принять строжайшія мѣры. Опасности подвергаются не только почтовые кареты, но и ни одинъ человѣкъ не смѣетъ выдти за городъ безъ провожатыхъ. Въ гористыхъ странахъ, гдѣ нѣтъ полицейскихъ командъ, шайки злодѣйствуютъ на совершенной свободѣ. Теперь всѣ мѣста, лежащія между Римомъ, Чивита-Веккією, Виттербомъ и Чивита-Кастелланою объявлены состоящими въ осажденномъ положеніи, наблюдаемомъ преимущественно французскими войсками, однакоже въ соединеніи съ папскими, а какъ разбойники обыкновенно шатаются въ охотничьемъ нарядѣ, то главное управленіе римской полиціи издало предписаніе, чтобъ никто изъ охотниковъ не ходилъ далѣе указанной черты съ ружьями и другимъ оружіемъ. Солдатамъ патрулей приказано стрѣлять въ каждаго, кто встрѣтится за сею чертою вооруженный. Разбойники напали на пикетъ римскихъ драгунъ, расположившійся въ кустарникахъ близъ Пило. Онъ возвра-

тился въ Римъ, ведя съ собою восемь лошадей безъ конниковъ, которые были убиты или ранены.

Изъ Флоренціи и Неаполя сдѣланъ папскому правительству запросъ, согласно ли оно на введеніе во всей Италіи одинаковой монетной системы. Отвѣтъ на это можетъ послѣдовать нескоро, потому-что въ эту минуту папское правительство находится въ затруднительномъ финансовомъ положеніи.

Тоскана. 26-го августа, во Флоренціи снова начался процессъ Гверацци. Первое засѣданіе было занято чтеніемъ обвинительнаго акта.

Неаполь. Король обѣихъ Сицилій даровалъ довольно обширное политическое всепрощеніе, распространяющееся на 362 изгнанниковъ. Въ числѣ помилованныхъ находятся 70 человѣкъ, бывшихъ въ службѣ Венеціанской Республики, во время осады Венеціи австрійскими войсками. Остальные суть бывшіе солдаты отрядовъ ломбардскихъ волонтеровъ въ 1849. Неаполитанскія, сицилійскія и многія другія иностранныя газеты наполнены описаніями теперешнихъ, весьма сильныхъ и опустошительныхъ изверженій Везувія и Этны.

Неаполитанскій министръ полиціи получилъ изъ Бринди-зи и другихъ пунктовъ увѣдомленія, что тамъ найдено большое число платковъ съ надписью: «Мюрать, Король Неаполитанскій». Множество арестовъ сдѣлано по случаю этого открытія.

И С П А Н І Я.

Сентября 4-го обѣ Королевы, всѣ министры и г. Монъ, противникъ г-на Браво-Мурильо въ финансовой системѣ, съѣхались въ Ла-Гранхѣ. Результатомъ ихъ финансового совѣщанія была—полная побѣда г-на Браво-Мурильо. Королева отказалась отъ предлагаемаго г. Мономъ уничтоженія монополій соли и табаку, которое причинило бы государственной казнѣ большой ущербъ. Въ-слѣдствіе того г. Монъ отправился уже во Францію, а г. Браво-Морильо утвердилъ еще болѣе власть и вліяніе свое, и объявилъ, что удалитъ всѣхъ находящихся въ государственной службѣ, которые не подчинятся его мнѣніямъ.

Въ то время, когда Браво-Мурильо и Лара употребляютъ всѣ усилія для упроченія королевской власти и ограниче-

нія произвола кортесовъ, любопытно вспомнить, какія послѣдствія произошли отъ вмѣшательства народныхъ представителей въ правительственныя распоряженія. По словамъ газеты «Constitutionnel», Испанія отъ 1808 года имѣла: 66 государственныхъ министровъ; 53 — внутреннихъ дѣлъ; 85 — военныхъ; 53 — морскихъ; 72 — финансовъ и проч.; общее число всѣхъ министровъ въ 43 года было — 410; можно ли было, послѣ того, рассчитывать на прочность постановленій, спокойствіе и благоденствіе страны?

Г р е ц і я .

Въ письмѣ изъ Аѳинъ объясняются несогласія, возникшія по поводу сѣверо-американскаго миссіонера Кинга. Онъ жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, и каждое воскресенье говорилъ въ домѣ своемъ самыя жаркія проповѣди противу господствующей церкви. Хотя судъ и законно приговорилъ его къ изгнанію, но приговоръ не былъ исполненъ, потому-что, за отсутствіемъ американскаго консула, Кингъ исправлялъ его должность. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ владѣлъ участкомъ земли, необходимымъ для расширенія города, и требовалъ за уступку его вознагражденія отъ правительства, хотя дѣло касалось только городского начальства. Сѣверо-американскій посланникъ Маршъ, проживъ нѣсколько дней въ Аѳинахъ, объявилъ, что доволенъ объясненіями греческаго кабинета, и даже не протестовалъ противу высылки Кинга. Онъ согласился, чтобы городъ удовлетворилъ требованіе Кинга, и при возвращеніи своемъ изъ Италіи намѣренъ окончить всѣ недоразумѣнія по сему дѣлу.

Т у р ц і я .

Сообщаемъ извлеченіе изъ султанскаго фирмана, послѣдовавшаго въ іюль сего года. Въ немъ сказано слѣдующее: «Сила гюльханейскаго танзимата, которымъ обезпечиваются жизнь, собственность и честь всѣхъ турецкихъ подданныхъ, къ какому бы сословію и вѣроисповѣданію они ни

принадлежали, распространяется и на Египетъ, согласно рѣшенію верховнаго государственнаго совѣта, утвержденному Султаномъ. Постановленія сіи дѣлаются основнымъ закономъ и въ Египтѣ, и должны строго быть наблюдаемы и исполняемы всѣми египетскими начальствами. Аббасъ-Паша можетъ приводить въ исполненіе приговоры египетскихъ судовъ къ смертной казни за убійство, не испрашивая утвержденія Порты, но только въ томъ случаѣ, когда наследники умершвеннаго будутъ требовать, въ силу древнихъ законовъ, исполненія приговора. Въ этомъ случаѣ паша долженъ представлять въ Константинополь донесеніе, какъ о приговорѣ, такъ и объ исполненіи. Это право дано Аббасъ-пашѣ на семь лѣтъ. Тамъ же, гдѣ не будетъ наследниковъ жертвы, исполненіе смертнаго приговора всегда будетъ зависѣть отъ высшей власти Султана, и дѣла сіи предварительно будутъ представляемы въ Константинополь, при протоколѣ египетскаго генеральнаго совѣта. Султанскій фирманъ рѣшитъ каждый разъ участь осужденнаго. По отвращенію Султана къ смертнымъ казнямъ, приговоры за политическія преступленія, которые до-сихъ-поръ турецкими законами наказывались смертью, будутъ измѣнены на десяти, или пятнадцати-лѣтнія публичныя работы, съ предоставленіемъ Султану права сократить, или продолжить срокъ приговора».

Въ англійскихъ газетахъ помѣщенъ бюджетъ Оттоманской Порты. Доходы ея простираются до 750,000,000 піастровъ (левовъ), то есть около 7,000,000 фун. стерл. Расходы составляютъ почти такую же сумму. Источники доходовъ распределены слѣдующимъ образомъ: подать съ земледѣльческихъ произведеній даетъ 220,000,000 піастровъ; налогъ на доходы 220,000,000; подушный окладъ съ немусульманскихъ подданныхъ 40,000,000; таможенныя пошлины 85,000,000; египетская дань 30,000,000; дань съ Валахіи, Молдавіи и Сербіи 5,000,000; косвенные налоги (штемпель, акцизъ, почты, рудоконии и др.) 150,000,000, и того 750,000,000. Расходы же суть слѣдующіе: издержки на содержаніе двора султанскаго 75,000,000 піастровъ, вдовствующей султаншѣ и замужнимъ сестрамъ Султана 8,400,000; на армію 300,000,000, на флотъ 37,500,000, на военные припасы 30,000,000; на внутреннее управленіе 195,000,000; на дипломатическій корпусъ 10,000,000; на публичныя работы и земледѣліе 10,000,000; на мечети, народное обуче-

ніе и другіе подобныя расходы 84,100,000, всего же 750,000,000. По послѣднему трактату съ Египтомъ, будетъ онъ платитъ дани сорокъ милліоновъ піастровъ.

А з і я.

Въ Times пишутъ о войнѣ съ Бирманами: «Мы намѣрены были двинуться изъ Арраканской нашей провинціи въ Аву, чтобы однимъ ударомъ окончить войну, а удовольствовались тѣмъ, что взяли Рангунъ безъ затрудненія и безъ всякаго результата, потому-что мы еще не можемъ предписать условій бирманскому правительству. Мы даже еще не знаемъ намѣреній авскаго короля, и неизвѣстно, знаетъ ли уже онъ объ успѣхѣ нашихъ армій и о предстоящей ему опасности. Сперва говорили, что намъ довольно шести тысячъ человѣкъ, чтобы занять Аву. Изъ этихъ шести тысячъ, командуемыхъ генераломъ Годвигомъ, три тысячи употреблены на занятіе Бассена, Рангуна и Мортобана, и тысяча-пятьсотъ для составленія гарнизона въ Промъ, такъ что для выступленія изъ Прома въ Аву, генералъ Годвинъ требуетъ теперь десяти тысячъ человѣкъ свѣжаго войска. До 1-го іюля экспедиція стоила полмилліона фунтовъ стерлинговъ; теперь остъ-индское правительство истрачиваетъ по 250,000 фун. стерл. ежемѣсячно. Слѣдственно, полугодичное бесполезное занятіе нѣсколькихъ городовъ стоило намъ уже полтора милліона фунт. стерл. Сумма эта удвоится, если генералу Годвину даны будутъ требуемая имъ подкрѣпленія. Должно вспомнить при этомъ, что причиною войны былъ отказъ авскаго правительства заплатить нашимъ купцамъ 990 фун. вознагражденія, а въ минуту бомбардированія Рангуна послѣднимъ условіемъ лорда Далузи было требованіе 100,000 фун. стерл. за расходы экспедиціи. И такъ мы истратимъ милліоны, чтобъ съ большимъ трудомъ и пролитіемъ англійской крови получить 100,990 ф. стерл. Дорогоуко за то, чтобъ доказать варварамъ, какъ опасно оскорблять Великобританію! Мы заплатимъ за этотъ урокъ несметными издержками двѣнадцатимѣсячной кампаніи, когда съ двадцатью тысячами человѣкъ явимся подъ стѣнами Авы».

А ф р и к а.

Газета «Times» сообщила весьма подробное извѣстіе о войнѣ съ Кафрами, гдѣ, между-прочимъ, находится и географическій очеркъ театра войны, лучше всего показывающій, какъ иногда мало обрашаютъ журналы вниманія на точность передаваемыхъ ими свѣдѣній. По словамъ газеты «Times», «три большія рѣки: Рыбная, Кейскама и Кей, протекающія по колоніи почти параллельно, составляютъ естественную ея границу противу Кафровъ; область Викторія находится между двумя первыми, Англо-кафрская между второю и третьею. За послѣднею лежатъ владѣнія независимыхъ Кафровъ». Затѣмъ говорится, будто-бы сиръ Гарри Смитъ (бывшій губернаторъ колоніи) намѣренъ былъ изгнать непріятели изъ высотъ Аматольской цѣпи, и уже тѣснилъ его въ послѣднемъ убѣжищѣ—Кафры были выгнаны изъ горъ, и обойдя войско сиръ Гарри Смита, неожиданно напали на прочія британскія колоніи. Кто повѣритъ, что во всѣхъ этихъ словахъ нѣтъ ни слова правды, и главное, что онѣ доказываютъ или совершенное незнаніе театра войны, или намѣреніе сбить съ толку читателей.—Во-1-хъ) область Викторія находится въ 400 верстахъ къ востоку отъ Кей — это бывшія поселенія Бойерсовъ, на берегу Наталь; во 2-хъ) пространство между Кеемъ и Кейскамою называется «Queen Adelaide», а между Кейскамою и Рыбною-Рѣкою Neutral Grant; наконецъ, въ-3-хъ) судя по этимъ извѣстіямъ, можно думать, что три названныя рѣки вполнѣ прикрываютъ границы колоніи; но эти рѣки пересѣкаютъ цѣпь Сиѣговыхъ-горъ, которая тянется почти параллельно морскому берегу, и мѣстами подходитъ къ нему верстъ на сто. Весь этотъ хребетъ совершенно неизслѣдованъ, по недоступности горъ и враждебному расположенію обитающаго тамъ кафрскаго народонаселенія,—и отсюда-то производятъ Кафры свои вторженія во внутреннія области колоніи. Слова «Times» *Кафры были выгнаны изъ горъ, и обойдя войско сиръ Гарри Смита, неожиданно напали на прочія британскія колоніи*—слѣдуетъ, судя по картѣ и объяснившимся послѣдствіямъ, читать такимъ-образомъ: *Кафры, произведя демонстрацію со стороны р. Кей, успѣли заманит*

войска сира Гарри далеко на востокъ, въ неприступныя горы Аматола, а между-тѣмъ другія кафрскія племена, обойдя Рыбию-Рыку по сѣверную сторону хребта, ринулись съ Сильговыхъ-горъ противъ беззащитныхъ сладній колоній. Въ доказательство, припомнимъ, что Сандилли и Крели дѣйствовали со стороны Кей, между-тѣмъ какъ Стокъ, Ботманъ и Германусъ напали на Бьюфортъ и Грагамстоунъ (главный городъ восточныхъ провинцій колоній). Положимъ, что «Times», сообщая подобныя извѣстія, хочетъ скрыть истину, столь горестную для чести англійскаго оружія; но нельзя не подивиться легковѣрію другихъ газетъ, которыя помѣщаютъ и переводятъ подобныя несообразности.

А М Е Р И К А.

Буеносъ-Айресъ. Губернаторы провинцій собрались въ Санъ-Никола-де-лосъ-Аройосъ. Уркиса присутствовалъ въ званіи уполномоченнаго Катамарки. Это учредительное собраніе, въ силу своихъ полномочій, рѣшило возстановить Аржентинскую Республику. Конгрессъ Союза соберется въ Санта-Фе, и назначитъ городъ, гдѣ на будущее время имѣютъ происходить его засѣданія. Этотъ конгрессъ будетъ состоять изъ двухъ депутатовъ на каждую провинцію. Депутаты не будутъ имѣть отдѣльныхъ инструкцій. Большинство будетъ составлять законы, а меньшинство не можетъ ни протестовать, ни расходиться. Генераль Уркиса признанъ главнокомандующимъ союзною арміею. Онъ получаетъ титулъ временнаго директора Аржентинскаго Союза, и ему поручается принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ для спокойствія области. Прежде, нежели собраніе это разошлось, Уркиса вступилъ въ новое свое званіе и принесъ надлежащую присягу. Въ рѣчи своей обязался онъ прилагать всѣ старанія о благосостояніи Союза.

Нью-Йоркъ. Въ сенатѣ происходило занимательное преніе по вопросу о рыбной ловлѣ. Г. Праттъ требовалъ мщенія за оскорбленіе чести отечества. Надѣются однако же, что затрудненія будутъ прекращены удовлетворительнымъ образомъ. Въ галифакскихъ газетахъ возстаютъ противъ

всякихъ уступокъ. Сообщаютъ, что американскій комодоръ Перри прибылъ въ Сенъ-Жанъ, (на рѣкѣ Миссиссипи), и былъ принятъ почетнымъ карауломъ. Онъ отправляется въ Фредерикстоунъ, для свиданія съ губернаторомъ. Г. Вебстеръ все еще настаиваетъ на томъ, что Американцы имѣютъ право брать гуано на Лобосскихъ островахъ. Туда посланъ военный корабль.

Мехика. Возмущеніе сильно распространилось. Инсур-генты шли къ Яланъ; они намѣрены отдѣлить Ориабскую область отъ Вера-Крусской. Въ Тампикѣ вспыхнули безпокойства; въ Мазатланѣ и другихъ мѣстахъ также происходятъ волненія. Правительство намѣрено до 15-го августа принимать новыя предложенія о постройкѣ Тегуанъ-Тепекской дороги.

Жестокости, совершаемыя Индѣйцами, неслыханные на-бѣги ихъ, кажется, происходятъ по одному общему плану. Они вдругъ нападаютъ на многія деревни, и тревожатъ большія мѣстечки и даже города. Сакатекасскій штатъ наиболѣе подвергается свирѣпству этихъ дикихъ ордъ.

Гаванна. Тамъ господствуетъ сильное волненіе по случаю арестованія каждый день значительнаго числа креоловъ. Арестованія эти происходятъ по поводу открытія новаго заговора. 1-го сентября, въ годовщину смерти Лопеса, должно было вспыхнуть возмущеніе, но правительство все открыло. Развѣся слухъ, что Испанія, считая островъ Кубу совершенно для нея потеряннымъ, заключила трактатъ съ Суллукомъ, для перевезенія его арміи на этотъ островъ. Но прибытіи его въ Кубу, предоставятъ ему власть надъ колоніею, за извѣстную годовую плату. Этотъ трактатъ съ Суллукомъ будетъ заключенъ, однако же, только въ-случаѣ неуспѣха переговоровъ Испаніи съ Франціею и Англіею о сильной защитѣ этого важнаго острова.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

НОВАЯ ПЛАНЕТА. Ученый астрономъ Гиндъ снова открылъ планету—шестую въ-теченіе пяти лѣтъ. Она находится въ знакѣ Водолея, можетъ быть усматриваема посредствомъ телескопа обыкновенной величины, имѣетъ, подобно Цалладѣ и Мель-

поменѣ, желтоватый свѣтъ, и должна быть причислена къ звѣздамъ 9-й величины. —

ГРОМАДНЫЙ ТЕЛЕСКОПЪ, устроенный Граваттомъ для линнотонскаго викарія Крега, равняется знаменитому телескопу лорда Росса. Обсерваторія Г. Крега имѣетъ 64 фута вышины и 5 футовъ въ окружности. Длина телескопа 76 футовъ, по ее можно увеличивать до 85-ти. Отверстіе трубы въ 13 футовъ. Этотъ инструментъ ахроматическій. Несмотря на свои огромные размѣры, телескопъ можетъ быть весьма легко направляемъ во всѣ стороны. Въ-послѣдствіи этотъ удивительный инструментъ будетъ еще усовершенствованъ; но и нынѣ, посредствомъ его можно прочесть, на разстояніи полумили (5/4 версты), букву въ четверть дюйма величиною. Такимъ-образомъ обсерваторія въ Вандсвортѣ, основанная частнымъ лицомъ, сдѣлается одною изъ достопримѣчательностей Великобританіи, и памятникомъ усовершенствованій, до которыхъ достигли въ этой странѣ механическія искусства. Лордъ Россъ посѣтилъ новую обсерваторію, и съ удивленіемъ разсматривалъ всѣ новыя улучшенія, примененныя къ огромному вандсвортскому телескопу.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ПАРОХОДСТВО.

Нѣсколько управленій желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній заключили, какъ говоритъ «*Indépendance Belge*», между собою условіе, которое еще болѣе должно увеличить число путешественниковъ-туристовъ. Путешественникъ можетъ взять билетъ въ Люттихъ или Брюссель, и съ нимъ проѣхать по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ въ Парижъ, Страсбургъ, спуститься по Рейну, и возвратиться обратно черезъ Кельнъ и Аахенъ. На дорогѣ путешественники по произволу могутъ останавливаться, какъ въ этихъ городахъ, такъ и въ лежащихъ на пути, каковы: Баденъ, Мангеймъ, Майнцъ, Висбаденъ, Гомбургъ, Франкфуртъ, Кобленцъ, Боннъ, и проч. — Цѣна за цѣлый воляжъ: билеты 1-го класса 108 ф.; и 2-го — 75 фр.; билетъ служитъ въ-продолженіе мѣсяца. Путешественники изъ другихъ городовъ, кромѣ Брюсселя и Люттиха, могутъ получать купоны непосредственно отъ начальниковъ ближайшихъ къ нимъ станцій, предъявляя свои желанія за 24 часа.

Капитанъ Тимонсъ издалъ статическій обзоръ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, существующихъ въ Англіи до 1852 г. Ни въ одномъ году не было сдѣлано такъ мало по части желѣзныхъ

дорогъ, какъ въ прошломъ. Въ 1848 г. положено рельсовъ на 1,182 англійскія мили (миля почти въ 11 1/2 версты), тогда-какъ въ 1852 г. всего на 269 миль. Въ цѣломъ королевствѣ считаютъ 6300 миль желѣзныхъ дорогъ; въ томъ числѣ 5,306 миль въ Англіи и Валлисѣ, 960 въ Шотландіи и 624 мили въ Ирландіи. Къ концу 1850 г. капиталъ, издержанный всѣми компаніями на постройки, простирался до 240,270,746 фунтовъ стерлинговъ; сверхъ-того компаніи имѣли право изыскать съ акціонеровъ 132,431,900 фун. стер. — Собрано въ 1848 году 33.334,418; въ 1849 г. — 29,574,720; въ 1850 — только 10,522,971 ф. стер.; сборъ капитала компаніями въ прошломъ году еще неизвѣстенъ; но безъ-сомнѣнія, онъ еще менѣе, чемъ въ 1850 году. — 1-го Іюня 1851 г. при англійскихъ дорогахъ хотя было 197,226 рабочихъ, но это огромное число значительно меньше бывшаго въ 1847 году. На желѣзныхъ дорогахъ перевезено 85,391,095 чел., изъ того числа, отъ несчастныхъ случаевъ — убито 36 чел., ранено 375. — Общій доходъ въ 1850 простирался до 5,885,603 фун. стерлинговъ.

Сентября 1-го торжественно открыта желѣзная дорога изъ Ризы въ Хемницъ, въ присутствіи Им. Вв. Короля и Королевы Саксонскихъ, членовъ королевской фамиліи, высшихъ начальствъ и многочисленной свиты. — Открытіемъ этой дороги важный въ горномъ отношеніи городъ Хемницъ связанъ теперь со всѣми желѣзными дорогами въ Германіи и Европѣ.

Недавно были производимы опыты, для узнанія, во сколько времени можно передать телеграфическую депешу изъ Вѣны въ Парижъ, по страсбургской желѣзной дорогѣ. Опыты были весьма удовлетворительны. Извѣстіе о курсѣ на вѣнской биржѣ получено было въ пять часовъ, слѣдственно, черезъ два часа послѣ ея закрытія. И такъ сношенія съ Вѣною будутъ производиться теперь съ удивительною быстротою, потому-что депеша была еще удержана слишкомъ часъ въ Страсбургѣ.

Гейдельбергскій профессоръ астрономіи, докторъ Эрбъ, получилъ отъ баварскаго правительства позволеніе построить въ Бамбергѣ высокую башню, съ электрическими часами на вершинѣ ея, предназначенными для уравненія, по одному и тому же меридіану, часовъ всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, подобно тому, какъ это дѣлается теперь въ Лондонѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВЕРЖЕНІЕ ЭТНЫ Большой праздникъ въ Катаніи привлекъ туда многихъ жителей Мальты. Нѣкоторые воспользовались французскимъ пароходомъ, шедшимъ въ Мессину, откуда, послѣ тамошняго праздника, отравились сухимъ путемъ въ Катанію. Прекрасный фейерверкъ доставилъ имъ много удовольствія, но несравненно болѣе восхитило ихъ удивительное изверженіе Этны, которая съ 1843 года оставалась въ бездѣйствіи. Это обстоятельство придадо путешествію особенную, неожиданную занимательность. 20 го августа, въ восемь часовъ вечера, общество Англичанъ, состоявшее изъ капитана Галькета, жены его, двухъ дѣвицъ Санки, лейтенанта Равенгиля съ тремя проводниками, тремя погонщиками муловъ, слуги, и имѣя притомъ одиннадцать муловъ, отправилось изъ Николіни, съ намѣреніемъ взойти на Этну. Проходя Боско, увидѣли они огромный кратеръ въ нижней части Этны, называемый Колосси, извергавшій пламя и дымъ. Въ это время Этна выбросила пламя и пепелъ, и какъ вѣтеръ дулъ во направленіи къ Каза-Инглезе, которой видимо угрожала опасность, то общество и направилось прямо къ Колосси. Зрѣлище было невобразимое, величественное: земля и небо были освѣщены чуднымъ пламенемъ изверженія. Въ нѣдрахъ горы слышны были неумолкавшія стenanія, а вѣв свирѣпствовалъ сильнѣйшій ураганъ. Чтобъ устоять противу него, всѣ должны были подвигаться ползкомъ. Въ эту минуту задрожала земля; проводники привскочили, и закричала: *avant! avant!* (впередъ, впередъ!). Мулы разбѣжались отъ страха; ихъ оставили въ покоѣ. Ураганъ усилился. Явленіе было до того величественно и разнообразно, что трудно его описать. Не прошло и десяти минутъ, какъ все общество остановилось отъ утомленія. Нельзя было выдерживать силы вѣтра, осыпавшаго путешественниковъ пескомъ и мелкими камешками. Прошло два часа; путешественники со страхомъ ожидали разсвѣта. Внутрикратера, къ которому подходили нѣкоторые храбрецы, кипѣло до сорока огненныхъ жерлъ. По мѣрѣ приближенія пламени къ Катаніи, оно составляло широкую линію, несшую опустошеніе нѣкоторымъ деревнямъ, которыя потерпѣли значительный вредъ. Въ Malta-Mail прибавляютъ что Каза Инглезе сожжена, а Бронтская ферма истреблена лавою, которая, впрочемъ лилась весьма медленно. Устрашенные крестьяне спасались бѣгствомъ отъ угрожающей имъ опасности. Женщины оказали притомъ удивитель-

нѣе мужество. На возвратномъ пути онѣ пренебрегали острокопечностями потухшей лавы, и нѣшкомъ прошли шесть миль до Боско, куда прибыли въ семь часовъ утра, послѣ шестнадцатичасоваго отсутствія. Здѣсь, наскоро позавтракавъ, путешественники сѣли на муловъ, и прибыли въ Николіни; отсюда отравились въ Катанію; куда приѣхали въ половинѣ третьяго пополудня. Въ этомъ городѣ ихъ почитали погибшими, потому-что Италіянцы, прибывшіе до нихъ, рассказали, съ какимъ упорствомъ они силились достигнуть кратера волкана, несмотря на всѣ убѣжденія проводниковъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Знаменитая, смѣлая германская путешественница, Г-жа Ида Пфейферъ, находится нынѣ на островѣ Явѣ; гдѣ совершила нѣшкомъ путешествіе изъ Сермака въ Понтіанакъ, чрезъ Дейджакскую Область. Она употребила на те мѣсяцъ, проходя по десяти лѣ въ день. Нынѣ она въ Батавіи, и отправляется въ Бейтензоргскій дворецъ (Санъ-Суси), гдѣ генералъ-губернаторъ приготовилъ для нея комнаты. Г-жа Пфейферъ была уже въ Палестинѣ, Исландіи, Швеціи и Норвегіи, Бразиліи, на Таити, въ Кантонѣ, Сингапурѣ, на островѣ Цейланѣ, въ Мадрасѣ, Калькуттѣ, Бенаресѣ, Аллахабадѣ, Агрѣ, Дели, Бомбей, Багдадѣ, въ Мессопотаміи, Гелланѣ, Моссулѣ, въ Персіи, Грузіи, Арменіи и Мингреліи, въ сѣверной части Европейской Россіи, въ Керчи, въ Одессѣ, въ Константинополѣ, въ Афинахъ, и наконецъ посетила Борнео и часть острова Явы. Вскорѣ она намѣрена осмотрѣть на Явѣ Преангерскія горы. Г-жѣ Пфейферъ пятьдесятъ-пять лѣтъ. Она средняго роста, худощава и одарена такимъ крѣпкимъ сложеніемъ, что безъ труда переноситъ величайшія лишенія. Во-время путешествій ей случилось иногда оставаться по нѣскольку сутокъ безъ пищи, но это лишеніе не имѣло никакого вреднаго вліянія на ея здоровье.

ДЖОНЪ ФРАКЛИНЪ. Въ Times возобновляютъ вопросъ о возможности найти сира Джона Франклина, по случаю появленія въ свѣтъ двухъ сочиненій въ Лондонѣ: одно, Сутерланда, другое Манглеса, содержащихъ въ себѣ подробности путешествій, предпринятыхъ съ 1850 года. Въ книгѣ Сутерланда описаны поиски кораблей Леди Франклинь и Софія, названныхъ въ честь супруги и племянницы знаменитаго мореходца. Какъ въ этихъ сочиненіяхъ, такъ и въ Times, сохраняютъ еще надежду найти сира Джона Франклина въ живыхъ, хотя и не имѣли о немъ никакихъ свѣдѣній съ 12-го іюля 1845 года. Естественныиспытатели объявили, что полярная растительность могла доставить достаточную пищу экипажамъ. Въ Times прибавляютъ, что

на военныхъ корабляхъ Эребъ и Терроръ, командуемыхъ Франклиномъ, находятся лучшіе и опытные морскіе офицеры; что суда эти снабжены всѣми средствами механики и наукъ для противодѣйствія стихіямъ, и что они находятся подъ начальствомъ неустрашимаго сира Джона Франклина и капитана Фицъ-Джемса. Въ Times сказано, что корабли эти очень могутъ еще существовать, если четыре простые русскіе матроса съ одиннадцатю унціями табаку, двѣнадцатью ружейными зарядами и небольшимъ мѣшкомъ муки, могли прожить на Шницбергенѣ шесть лѣтъ и три мѣсяца. Экспедиціи капитановъ Пенни и Аустина, которыхъ подробности описаны въ означенныхъ сочиненіяхъ, не имѣли успѣха. Теперь можно надѣяться на лучшій результатъ экспедиціи капитана Бельчера, командующаго кораблями «Ассистасъ» и «Резолютъ»; и винтовыми пароходами «Пионеръ» и Интрепидъ» въ шестьдесятъ силъ каждый. Эта экспедиція вышла изъ Англій въ нынѣшнемъ апрѣлѣ, и отправилась прямо къ Веллингтонову-проливу, котораго входъ охраняется другимъ кораблемъ «Полярная Звѣзда, служащимъ запаснымъ магазиномъ экспедиціи. Такимъ-образомъ эскадра успѣшнѣе можетъ улучшить минуточку для входа въ проливъ, когда море будетъ свободно отъ льдовъ. Капитанъ Бельчеръ совершенно исполнилъ программу, начертанную рукою неустрашимой супруги сира Джона Франклина; она сказала ему: Поверьте, что корабли мужа моего вошли въ этотъ проливъ, и только тамъ должно искать его.»

НОВЫЙ ГОРОДЪ. — Въ капскихъ газетахъ пишутъ, что юный городъ Портъ-Елисаветы возрастаетъ безпримѣрнымъ въ исторіи городовъ образомъ. Городовое имущество, съ котораго взимаются пошлины, простирается до 291,000 фунт. стерл., при народонаселеніи менѣе семи тысячъ жителей. Въ прошломъ году сумма имуществъ возрасла на 50,000 фунт. Возрастая въ такой прогрессіи, Портъ-Елисаветы сдѣлается, чрезъ десять лѣтъ, большимъ городомъ.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НЬЮ-ІОРКЪ. — Многіе заводчики и фабриканты обѣщали прислать свои произведенія на всемірную выставку, назначенную въ Нью-Йоркѣ. На трехъ корабляхъ, отправившихся изъ Лондона, привезено туда большое количество разныхъ предметовъ для этой выставки. Въ числѣ посылокъ находится статуя Амазонки, берлинскаго скульптора Кисса. Турецкій посланникъ сообщилъ комиссару выставки, находящемуся въ Лондонѣ, что Султанъ отправитъ на особенномъ пароходѣ

произведенія своей Имперіи. Скульпторъ Марокетти окончилъ колоссальную статую Вашингтона, которая будетъ на выставкѣ. Французское правительство обѣщало прислать лучшую и полнѣйшую коллекцію издѣлій Гобеленовой фабрики и Севрской мануфактуры. Ливерпуль отправитъ планъ своего города; Лондонское общество художествъ свои статуетки, а домъ Демидовыхъ малахиты.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДУБЛИНѢ. Въ маѣ будущаго года будетъ всемірная выставка въ Дублинѣ.

Коммиссія уже составлена; секретаремъ оной назначенъ г. Рони. Одинъ частный человекъ, г. Дарганъ, принялъ на себя всѣ издержки, и внесъ уже въ кассу 500,000 фр. Открытіе выставки произойдетъ 5-го мая 1853 года, на Меррионъ-скверѣ. По письмамъ изъ Парижа въ редакцію Times, г. Рони и членъ парламента г. Кеогъ, имѣли переговоры съ лордомъ Коули касательно сей выставки. Они представили ему всѣ выгоды этого предпріятія, и просили содѣйствія Франціи. Они въ особенности настаивали на присылкѣ произведеній Севрской, Гобеленской и Бовеской мануфактуръ, для украшенія выставки. Лордъ Коули обѣщавъ употребить все свое содѣйствіе къ успѣху этого дѣла.

ОСУШКА ГАРЛЕМСКАГО ОЗЕРА. Съ-тѣхъ-поръ, какъ произведена осушка Гарлемскаго-озера, на днѣ его найдены уже рѣдкія монеты, и какъ сверхъ флота, потонуваго въ немъ во-время осады Гарлема, въ 1573 году, множество судовъ погибло въ этомъ озерѣ, то должно предполагать, что при дальнѣйшихъ раскопкахъ будетъ открыто множество драгоценныхъ и замѣчательныхъ вещей.—Поэтому ожидаютъ назначенія отъ правительства коммисіи, для надзора за этими раскопками и сбора отрываемыхъ рѣдкихъ вещей въ особый музей.

БОЛѢЗНЬ КАРТОФЕЛЯ. По мнѣнію одного изъ владѣтелей англійскаго графства Уиклофъ, болѣзнь картофеля происходитъ отъ микроскопическихъ животныхъ, которыя растутъ съ быстротою и распространяются по листьямъ и стеблямъ растенія; будучи непримѣтны для глаза, они ясно видны въ микроскопъ: малѣйшее прикосновеніе заставляетъ ихъ скакать съ большою силою. Окуриванія сѣрою и табакомъ противъ нихъ недействительны; окропленіе водою приноситъ болѣе пользы, ибо сотрясая стебли, оно очищаетъ ихъ отъ животныхъ и яицъ, которыя онѣ кладутъ тамъ.

КОХЪ-И-НУРЪ. — Отдѣлка алмаза Кохъ-и-нуръ окончена. Гол-

ландскій Еврей г. Феддеръ исполнилъ ее, къ полному удовольствію королевскаго ювелира г. Гаррарда. Гора свѣта, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, не уступаетъ ни одному брилліанту въ мірѣ блескомъ и красотою, и вѣроятно будетъ вставлена въ корону. Г. Феддеръ и помощники его получили отъ г. Гаррарда по серебряной медали, съ изображеніемъ Кохъ-и-пура.

ПАМЯТНИКЪ РЕМБРАНДТУ, ВЪ АМСТЕРДАМѢ. Иностранные журналы наводнены описаніями торжества открытія въ Амстердамѣ памятника Рембрандту, и мы считаемъ долгомъ сообщить нашимъ читателямъ, кому именно обязана и какимъ образомъ осуществлена мысль, хотя немного поздно, воздать честь знаменитому основателю голландской школы живописи и увѣковѣчить его память.

Нидерландскій Король Вильгельмъ II. желая сдѣлать подарокъ дочери своей, Принцессѣ Софій, заказалъ написать съ себя портретъ во весь ростъ, бельгійскому живописцу Кейзеру, баталическая картина котораго: *Сраженіе при Эперонъ*, на выставкѣ въ Гаагѣ обратила на него всеобщее вниманіе.

Вскорѣ заказанный портретъ выставленъ былъ въ дворцовой галлерей, единодушно одобренъ публикой, и по этому случаю, Моренхутъ, также бельгійскій художникъ, вознамѣрился торжественно успѣхъ своего соотечественника, а къ нему присоединились еще 24 художника.

Праздникъ былъ самый дружественный, и когда предложили тостъ за здоровье Кейзера, то послѣдній, съ живѣйшею благодарностью принявъ эту честь, съ своей стороны предложилъ воздвигнуть памятникъ знаменитѣйшему нидерландскому художнику—Рембрандту фонъ-Рину. Предложеніе принято съ восторгомъ, и тужъ же открыта подписка: каждый изъ художниковъ обязался доставить по одному произведенію; для исполненія предпріятія назначены двѣ коммисіи, одна въ Гаагѣ, другая въ Амстердамѣ, а статуя заказана члену королевскаго института въ Амстердамѣ, бельгійскому скульптору, М. А. Ройеру, водворившемуся въ Голландію.

Однакожь, вырученной такимъ-образомъ суммы на сооруженіе памятника оказалось недостаточно, несмотря на участіе въ подпискѣ «Общества *Arti et Amicitia*», и благородное предпріятіе голландскихъ и бельгійскихъ художниковъ осталось бы невыполненнымъ, еслибъ Король Вильгельмъ III и королевская фамилія не присоединили къ общимъ успіямъ своихъ пожертвованій. Наконецъ, благодаря ихъ щедрости, послѣ многихъ затрудненій, прекрасная мысль Кейзера осуществилась въ памятникѣ —

снустя два вѣка по смерти славнаго автора *Анатомическихъ уроковъ* и великаго художника, который прославилъ и украсилъ свое отечество образцовыми произведеніями.

Исполненіе памятника нѣкоторые оуждаютъ, но большая часть критиковъ признаетъ въ немъ много достоинствъ и ставитъ это новое созданіе рѣзца Ройера выше его же статуй: Вильгельма I-го, въ Гаагѣ, и Рюйгера, въ Флессингѣ.

ПАМЯТНИКЪ ТИЦІАНУ. Августа 17 го происходило въ Венеціи, въ церкви св. Маріи (*Santa Maria Gloriosa dei Frati*), открытіе памятника знаменитому Тиціану. На пьедесталѣ надпись: *Titiano Ferdinandus, 1852.* Надъ этимъ прекраснымъ памятникомъ работали двѣнадцать лѣтъ.

РУКОПИСИ КОЛОМБА. — Герцогъ Верага, потомокъ великаго Колумба, подарилъ мадридской національной библіотекѣ все имѣвшіяся у него рукописи знаменитаго своего предка. Это важный подарокъ для исторіи. Король поручилъ историку Дону Антонио де-лосъ-Ріосу привести въ порядокъ эти драгоценныя матеріалы.

НОВАЯ ОПЕРА. На лондонскомъ Италіянскомъ-театрѣ представлена въ первый разъ опера Казильда (*Casilda*), сочиненіе Герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. Публика приняла ее съ большою благосклонностію, желая тѣмъ въ одно и то же время отдать справедливость таланту композитора, и сдѣлать пріятное Королевѣ.

ГОВОРЯЩІЙ ГЛУХО-НѢМОЙ. — Въ Мецѣ произошелъ, въ послѣднее время, удивительный случай, доказывающій чего могутъ достигнуть человѣчскій умъ и терпѣніе, если ими руководствуетъ притомъ родительская заботливость. У мецкаго портнаго Жака два сына, одному десять лѣтъ, а другому девятый годъ, и оба глухи и нѣмы отъ рожденія. Старшій воспитывается въ институтѣ глухо-нѣмыхъ въ Нанси, а младшій дома. Жакъ отецъ, терпѣніемъ и трудомъ, достигъ того, что побѣдилъ препятствія, противопоставляемые самою природою. Сынъ его нынѣ говоритъ, хотя самъ никогда не слышалъ ни одного слова, ни одного звука. Глаза бѣднаго мальчика, въ которыхъ отражается его понятливость, бываютъ направлены на губы отца. По ихъ движенію, онъ угадываетъ произносимыя отцемъ слова, и повторяетъ ихъ. Безъ помощи отца онъ говоритъ слова изъ вседневной жизни, врѣзавшіяся въ его памяти. Этотъ мальчикъ читаетъ при веѣхъ, по книгѣ, останавливаясь на каждомъ словѣ, и если забываетъ способъ произношенія котораго-нибудь изъ нихъ, то устремляетъ взоръ на губы своего отца, и по нимъ уже правильно выговариваетъ затруднявшее его слово.

НЕКРОЛОГЪ.

АНГЛІЯ. Скончался старшій изъ перовъ Англіи, герцогъ Гамильтонъ и Брандонъ, десятый этого имени. Ему было отъ роду восемьдесятъ-пять лѣтъ; одинъ изъ предковъ его, второй графъ Арранъ, былъ въ 1542 году избранъ въ правители Шотландіи. Первый герцогъ Гамильтонъ, за привязанность свою въ Карлу I, сложилъ голову свою на плахѣ послѣ престовскаго сраженія. Второй герцогъ палъ въ ворстерской битвѣ, служа Карлу II. Нынѣ умершій герцогъ никогда не игралъ политической роли. Сынь его, маркизъ Дугласъ и Клейдсдаль, женился, въ 1843 году, на Принцессѣ Маріи, дочери бывшаго Великаго Герцога Баденскаго.

— Алленъ, извѣстный пейзажистъ и секретарь Общества английскихъ художниковъ.

— Герцогъ Веллингтонъ. См. «Англія».

ГЕРМАНИЯ. — Старшій изъ германскихъ живописцевъ, Георгъ-Фридрихъ-Эбергартъ Вехтеръ, членъ штутгартскаго института художествъ, скончался на-дняхъ, на 91-мъ году отъ роду.

МИЛАНЪ. Здѣсь скончался графъ Помпео Литта, авторъ Исторіи знаменитыхъ италіанскихъ фамилій. Во времена Наполеона участвовалъ онъ въ сраженіяхъ Ульмскомъ, Донаувертскомъ и Аустерлицкомъ. Въ 1814 году посвятилъ перо свое отечественной исторіи, описывая жизнь фамилій, которыя владычествовали въ Италіи.

ДАНИЯ. Главнокомандующій войсками въ Голштиніи и Лауэнбургѣ, генераль-лейтенантъ фопъ-Барденфлеръ, скончался въ Килѣ, 19 го августа, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Несмотря на всю трудность своего положенія, онъ умѣлъ снискать общую любовь и уваженіе своимъ челоуѣколюбіемъ и справедливостію.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТЕПИ.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ РОМАНА «СОБИРАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»).

Н. В. Кукольникъ.

Тихій Донъ, такъ вѣрно прозванный сѣдою стариною, нѣмой свидѣтель множества кровавыхъ дѣлъ между неисчислимыми народами, молча катилъ свои величественныя воды по странѣ совершенно дикой и пустынной; густыя рощи смѣнялись безлѣсными скалами мѣловыми, ослѣпительными для глазъ, но грустными для мысли. Огромный цѣликъ или пустырь, пространствомъ превышавшій Иоаннову державу, отъ береговъ Оскола тянувшійся до Яика, Каспійскаго и Чернаго моря, вмѣщая въ себѣ сѣверную сто-

рону Кавказскаго хребта съ предгоріями, служилъ кочевьемъ Татарамъ разнаго рода и названія. Тихій Донъ протекалъ по правому крылу пустыни; величественныя воды его не омывали ни одного города, ни даже села на всемъ протяженіи теченія, до венеціанской Таны, или правильнѣе, турецкаго Азова. Власть Итальянцевъ на Черномъ морѣ была уже уничтожена пашами Магомета II. Несмотря на то, этотъ путь въ Крымъ былъ самый безопасный; старый путь на курскіе города проходилъ мимо молодаго гнѣзда Запорожцевъ, которые смотрѣли на путешественниковъ глазами своихъ сосѣдей, Татаръ; эти грабили по Осколу; а далѣе шла литовская граница. Путь на Азовъ хотя и пролегалъ по Дону, въ степяхъ пустынныхъ, но Татаре рѣдко прикочевывали къ рѣкѣ, опасаясь московскихъ и крымскихъ засадъ и военныхъ разъѣздовъ, отъ времени до времени посылаемыхъ воеводами рязанской Руси и рязанскими Великими Князьями. Рязанская Русь составляла часть державы Иоанновой, которая дѣлилась на трети: володимірскую, новгородскую и рязанскую; послѣдняя, можно сказать, только именемъ принадлежала Москвѣ, въ особенности окраина или Украина, то-есть земли пограничныя, приписанныя къ Москвѣ даже до впаденія въ Донъ рѣки Воронежа, и расположенныя по правому берегу Дона.—Эти земли служили временнымъ пребываніемъ московскимъ промышленникамъ, приходившимъ сюда за рыбой, пушнымъ звѣремъ, охотничьей птицей и медомъ.... Нѣкоторыя мѣста по теченію Дона и донинѣ сохранили высокую живописную прелесть; а въ то время, когда сѣкира дровосѣна вырубала дерево не ради прибыльнаго промысла, а въ защиту отъ стужи или для постройки струга, тихій Донъ, съ малыми исключеніями, протекалъ между за-

вѣтными рощами дубовыми, липовыми и другими.... Одно изъ красивѣйшихъ и живописнѣйшихъ мѣстъ на верхнемъ Донѣ была Дѣвичья-балка или яръ, глубокой и широкой оврагъ, образованный быстрою безымянною рѣчкою ниже впаденія Сосны и нѣсколько выше впаденія Воронежа въ Донъ. Солнце уже клонилось къ западу. Въ балкѣ темнѣло. У самаго устья балки Донъ изгибался, образуя обширный заливъ. Медвѣдь сидѣлъ на песчаномъ берегу и какъ будто любовался степью, безбрежно раскинутой по лѣвую луговую сторону рѣки; камышь по этой сторонѣ торчалъ недвижно; но изрѣдка и въ немъ раздавался шелестъ, и голова длинношейки чипурры, или цапли, какъ будто справлялась: все ли на Дону благополучно?... и опять исчезала въ камышахъ. Къ заливу съ одной стороны по тойже балкѣ бѣжала пара лосей; съ другой, перепрыгивая черезъ ручьи, несся легко красивый дикій козель, но волки, притаясь за валежникомъ, чутко стерегли добычу; длинный лось набѣжалъ на засаду, и быстрѣе вѣтра бросился къ заливу.... Бухъ!... и онъ уже на половинѣ рѣки, испугавъ медвѣдя, оглядывается на отсталого товарища; густой лѣсъ покрывалъ оба плеча балки и тѣнистой рощей тянулся далече; то-и-дѣло выбѣжитъ на рѣку лисица, то высунется и опять спрячется осторожная выдра; то шаловливая бѣлка, играя, испугаетъ соннаго кречета; въ глубинѣ балки черезъ рѣчку тянулась земляная плотина, построенная хлопотливымъ семействомъ бобровъ; но жильцы давно разбрелись; сыскала-ль другую удобную рѣчку, или сѣли въ лѣсу.... пустынниками про то знаютъ гости московскіе, посѣщающіе уже третій годъ этотъ оврагъ исправно и прилежно. Вотъ и теперь на восьми стругахъ они тянутся вверхъ бечевою; звѣри слышали гостей и разбѣжались, несмотря на то, что гости какъ-будто условясь, хранили глубокое

молчаніе. Достигнувъ балки, они осторожно ввели въ заливъ свои струги; видно не первая стоянка: нашлись давно вбитые колья; привязали къ нимъ лодки, а сами вышли на берегъ; на старомъ пенелищѣ, за угломъ скалы, разложили огонь, такъ-что его съ рѣки и видно не было, и принялись ужинать. На стражѣ у лодокъ остался одинъ молодой парень; онъ не спускалъ глазъ съ безбрежной степи; всѣ же другіе умащивались около огня, не снимая одна-коже вооруженія.

— Эхъ, сказалъ Сила бобровникъ: было знатное мѣсто; да провались медоимцы, другой дороги не нашли; бобровое гнѣздо распугали. Вонъ теперь куда, на Ворону изволь ѣздить; того-и-гляди Татарва нагрянетъ....

— Волка бояться—въ лѣсъ не ходить! перебилъ сѣдой Марко, и ослабилъ поясъ, на которомъ висѣла дорогая турецкая сабля. Вы, ребята, дѣти, птенцы безперые; вамъ нето бобровую деревню, нето бобровый городъ подай, да еще съ пригородами; вамъ чтобы спать въ сласть, а въ просонкахъ сотню бобровъ одной рукой изловить, а гдѣ бобровый гонъ, гдѣ погу помять надо, тамъ ужъ вамъ и трудно, баловни этакіе! А у насъ бывало не такъ. Знаемъ мы завѣрно, гдѣ бобры хозяйствомъ завелись; знаемъ мы и тѣ мѣста, гдѣ ихъ человекъ али звѣрь распугалъ; мы тѣхъ въ покоѣ оставляемъ, а гдѣ можно, сами отъ дурнаго звѣря стережемъ; пусть ихъ плодятся; а мы давай одиночниковъ гнать; мѣховъ было вашего не меньше; что въ томъ толку, зеленое племя, что вы десятокъ бобровыхъ плотинъ забрали по Воронѣ; положимъ, дѣтенышей не били, да вѣдь они и безъ васъ пропадутъ. Спроси-ка у нашего брата, человекъ бывалаго! Что вы! Кафтанишко то съ на-

шивкой казначей те на одинъ походъ далъ займы; лучишко у тебя самодѣлъ, а пику за мѣдную деньгу у цыганчика въ старыхъ кузняхъ вымѣнялъ? Нечего сказать, промысловые люди! Вонъ, погляди на стараго московскаго мѣховаго подвозника;—все жалованое за вольный трудъ, молодецкую службу. Кольчужина добрая; не одна стрѣла объ нее измялась; самъ Василій Темный изъ своихъ рукъ пожаловалъ; а кривой татарскій мечъ подарили Шемякины; кафтановъ съ оторочкой, шапокъ съ клейменнымъ выемъ не считать стать; что Елецкій, что Рязанскій великій, что Верейскій, а что Патрикѣевъ да другіе князья подарили, когда Марко имъ вольнымъ ловомъ кланялся. Эхъ знатное время было!

Марко снялъ шапку тяжелую и расчесалъ пальцами длинныя бѣлыя кудри, разгладилъ усы и бороду.... и упиваясь воспоминаніями, продолжалъ:

— Бывало, найдешь рыбное мѣсто;—твое! Наткнешься на семью бобровъ;—твоя! Заведетъ ли глупый медвѣдь на лѣсныя борти;—только убирай. Все твое. Кто смѣлѣй да смысленнѣй, тотъ и хозяинъ до самой Вороны; бывало, самъ-четверть ходили мы съ отцомъ; разъ до Золотаго-угла дошли, гдѣ юртъ Батыевъ стоитъ; никому ни мыта, ни отвѣта; ловъ, кому захочешь, тому и продашь.

Марко покрутилъ бѣлый усъ и нахмурился.

— Ну что теперь, Марко, развѣ не лучше? спросилъ Ефремъ сокольничій: Десятый бобръ твой, двадцатая лисица твоя; съ пуда рыбы восемь гривенокъ твои; съ пуда меду, съ пуда воску—тѣ же восемь гривенокъ; зато и стругъ, и

лукъ, и копье, и харчи казенные. Знаешь помалости, чей хлѣбъ ѣшь, кому кланяешься.... И у меня отецъ на промыслѣ жилъ и животъ положилъ. Помнимъ мы старую неурядицу; иструдишься всю весну, да дѣто; съ Татарвой перевѣдаешься не безъ изъяна и утраты; пойдешь самъ-шесть, домой тянешь самъ-другъ; четырехъ въ Тихомъ похоронишь; пусть лучше рыба, а не Татарва честными тѣлесами потѣшается; тянешь домой; лямой плечи оторвешь; дотащилъ грузъ до сосны. Стой! Плати мыто князю Елецкому, да приставу взятку подай... Ну разсчитался; тянешь дальше; на семи верстахъ, семь заставъ, гдѣ московская гдѣ рязанская; вездѣ мыто подай; да на Татарщину тамгу заплати; словно липку обдеруть; нечего сказать, промыселъ! Знаешь, Марко, тебѣ шестой десятокъ исходитъ, такъ старина любя, потому-что та старина твоя молодость; а посмотри прилежно, самъ скажешь, что теперь, порядка отцевскаго не надо; до Вороны плывешь, ни одной заставы; правда, мы уже не на вольный промыселъ ходимъ, на Государя промышляемъ; да зато московскій тиунъ али сотскій тамгу на товаръ набьютъ, да ярлыкъ дасть и кончено. Ни одно рязанское чучело не смѣетъ рта разинуть; Татарва не страшна, потому, что самъ-шесть на промыслы не пустятъ; да и по степи обонъ-поль рѣки ходятъ московскіе досмотры; Татарву ищутъ, своихъ берегутъ. Опасу меньше, а барыша больше и чистый; казначей разсчитаютъ, что тебѣ мѣхомъ, или воскомъ или медомъ причтется, въ казну повольно берутъ, деньгой плотятъ; только рыбу остается на рынокъ свезти, да купцамъ сдать; и на то указная плата. Нѣтъ, братъ Марко, теперь Донъ Иваычъ добрый дѣдушка, а помяни, прежде его воровскимъ величали. Сталъ порядокъ, какого на Руси не бывало. Вотъ уже третій годъ мы тутъ

на Государя промышляемъ, а ни одного Татарина въ Дѣвичьемъ-ярѣ не видали; да и до самой Вороны, гдѣ и увидятъ нашъ стругъ, снимаютъ кибитки и въ степь давай Богъ ноги. И то себѣ, Марко, на память заруби! Давно ли ходили на промыселъ зря, что кто достанетъ?... Теперь не то; мѣховый подвозникъ—такъ пушнаго звѣря и высматриваетъ; рыболовъ, такъ ужъ рыбу и стережетъ, а ястребій подвозникъ, или медовый, такъ знаетъ своего кречета, сокола, или медвѣжій слѣдъ блюдетъ. Нѣтъ Марко; казначейскій порядокъ не то, что старый холопскій; что за лодки ходили по Тихому встарину? Лишній камушекъ и потонула, а теперь струги великокняжескіе, и просторно, и всякую кладь поднимаютъ, и Татарва отъ нихъ сторонить; и одинъ стругъ не ходитъ; а сотня добрыхъ людей за иной полкъ постоитъ. Скажи, Марко, руку на сердце, когда то было на вольномъ промыслѣ, чтобы торговые люди по нашему въ Дѣвичьемъ, будто въ московской землѣ, ночевали безъ работы....

— А что?—спросилъ молодой бобровникъ, Сила: развѣ прежде въ Дѣвичьемъ было неладно?...

— Спроси у Марка,—отвѣчалъ, улыбаясь, Ефремъ: ему этотъ яръ памятенъ!...

— Пусть и памятенъ,—сказалъ Марко уныло:—да помалости на все своя воля была; весело, привольно было на тихомъ Дону. Правда, Татарва некрещеная шалила; да за то же и мы на нее, что на пушнаго звѣря охотились.

— Хороша охота! Удалось на перевозѣ дюжину отсталыхъ утопить! Марко, Марко, тебѣ ли толковать, что сотни этой

погани одного крещенаго не стѣять.... Упрямя ты, Марко; застарѣль въ норѣ; пусть и давно; а все никого иного, а жену и двухъ дочерей стащили.

— Какъ! жену? дочерей!...—вскрикнула молодежь.

— Ну стащили, такъ стащили!—сказаль Марко сердито: Что за невидаль? Меня съ сыновьями дома не было, набѣжали ордою на волость; мужской полъ былъ на промыслѣ; бабы долго держались; не мало орды пришибли, да сила взяла; стащили окаянные всѣхъ; мы уже назадъ съ богатымъ ловомъ шли, поравнялись съ яромъ; глядимъ, Татарва на привалѣ, плѣнницъ дѣлать; тутъ ихъ обычный притонъ; что награбятъ, а пуще женщинъ, тутъ и дѣлятъ: отъ того яру и кличка такая. Намъ и не снилось, что тутъ съ нашей волости добыча, да сынъ Андрей сестру Анну опозналъ.

— Ну и чтожь?

— Поплакали, потужили, да и потянули лѣвымъ берегомъ. Благо сами ушли....

Общій хохоть покрыль Марку. Онъ съ удивленіемъ осматривался.

— Что же тутъ смѣшнаго?... спросиль онъ.

— Весело было на вольный промыселъ ходить, когда въ своей избѣ жена да сестры для Татаръ пироги пекли. Эхъ, Марко, Марко! А теперъ московскій стругъ до самой Вороны по своей водѣ идетъ; а оттолъ по татарскому Дону плыветъ себѣ будто лебедь, знай бѣлымъ парусомъ помахиваетъ; ханъ со всей ордой съ берегу поглядываетъ, да облизывается, золотымъ рукавомъ утирается; только окликнуть для порядка:

чьи таковы?—Московскіе!—Въ гости просятъ; пушнаго звѣря, кречетовъ нанесутъ; я самъ ѣздилъ къ крымскому царю съ московскими дарами. Кречетовъ да ученыхъ соколовъ ему возили; видѣль я орду не во снѣ; будто своихъ старшихъ принимали; а вспомни, Марко, вѣдь на моей еще памяти, да и за нынѣшняго великаго князя, не то что простыхъ женъ, боярынь съ городовъ таскали; въ этомъ ярѣ дѣлили.

Пронзительный свистъ съ рѣки прервалъ ужинъ и бесѣду; промысловый народъ схватился за оружіе и высыпалъ на берегъ.

— Что тамъ?—спросиль Ефремъ сокольничій: Мой парень на сторожѣ; видно что ни есть заслышалъ.

— Чипуру въ камышахъ....

— Али караса въ плесѣ....

Такъ шутила молодежь, подходя къ ладьямъ; сторожевой указаль рукой вверхъ по рѣкѣ; всѣ стали прислушиваться.

— Хороши караси! Много весель шумить; ходко идутъ, и недалече. Нада быть царскій разѣздъ; али купецкій обозъ. Стругъ не одинъ; весла перекликаются....

Ефремъ не ошибся; по рѣкѣ скоро зачернѣль стругъ, за нимъ другой, третій, цѣлая вереница судовъ и плотовъ.

— Эко диво! Ужъ не полки ли идутъ Крымъ воевать. Для ратной силы мало, для разѣзда много. Видно посольство....

И тутъ Ефремъ не ошибся. Передовой стругъ подошелъ къ заливу. На немъ было не мало ратныхъ людей, приставъ

коломенскій, приставъ рязанскій, тіунь великокняжескій, проводники и Татаринь.

— Дѣвичій-яръ!... закричалъ проводникъ.

— Дѣвичій-яръ,—пробѣжало по всѣмъ судамъ. Весла на передовомъ стругѣ поднялись и недвижно чернѣли, будто зубья....

— Причаливай!—раздалось далече, повторилось на всѣхъ судахъ и передовой стругъ повернулъ въ заливъ.

— Чтобъ имъ добра не было!—проворчалъ Марко: даромъ пропала ноченька; рыбу распугаютъ, звѣрь разбѣжится; да еще прислуживай боярскимъ слугамъ, да самимъ боярамъ изволь кланяться....

— Эхъ, Марко, Марко!... перебилъ съ усмѣшкой Ефремъ сокольничій: Опять забылъ, что теперь не вольный промысель; будь братъ великокняжескій, будь первый бояринь, воевода ли московскій, перышка не возметъ безъ росписи. Да гляди, Марко, кажется тутъ и тіунь елецкій....

Ефремъ опять не ошибся. Съ передоваго струга сошли всѣ путники и поднялась суматоха; кто выбиралъ мѣсто для вечерней трапезы, кто для корма лошадямъ; одни собирали сухой валежникъ; другіе несли шатры; тѣ для нихъ вбивали колья; съ необычайною быстротою, на высокихъ мѣстахъ, въ разныхъ мѣстахъ зажглись смоляные свѣточы и висячія плашки; пустынный яръ превратился въ живую, открытую и великолѣпную храмину. Весь берегъ залива былъ покрытъ людьми; съ плетовъ свели лошадей; ихъ было всего шесть; прочихъ запродали въ Коломнѣ, но купцы должны были слѣдовать за покупкою до урочища

Буръ—Михайлова, гдѣ на заблаговременно приготовленные струги съѣло посольство, походная дружина, и нагрузили обозъ на широкіе плоскодонныя барки и плоты. Тутъ уже не было раздѣльныхъ обозовъ, только одинъ посольскій; даже пребываніе въ посольствѣ Грековъ сохранялось въ великой тайнѣ, потому-что оно вступило въ степи, которыя какъ мы видѣли, числились подъ державой Іоанна, а далѣе тянулись враждебныя страны. Когда въ Дѣвичьемъ-ярѣ раскинули палатку, устлали коврами, съ главнаго посольскаго струга, по красивому трапу съ перильцемъ, сошли послы; царскіе промысловые люди размѣстились по дорогѣ, по которой должны были проходить послы. Марко стоялъ возлѣ Ефрема и безпрестанно ворчалъ.

— Это кто? спросилъ Марко, увидавъ пословъ....

— Вѣстимо кто; московскіе большіе бояра; люди сановные, видишь одинъ старъ порядкомъ, да и другой не молодъ.

— А это кто?....

— Ну это видно посольскіе сыновья; тотъ, что повыше—молодецъ собой; да и другой—то, словно красная дѣвушка.

— А эти кто?

— Посольскій причетъ! Знатное посольство. Много народу да и дружина съ ними; значить, за важнымъ дѣломъ....

Ефремъ замолкъ, потому-что причетъ остановился, не доходя до шатра; къ нимъ подошли тіунь и приставъ.

— Господа дворяне!—сказалъ тіунь: Доложите посламъ

великимъ, что приставамъ отсель ѣхать назадъ указано; такъ я ихъ на мой стругъ возьму....

— Возьми ихъ себѣ,—сказалъ Холмскій, выходя изъ шатра: А вотъ имъ за труды по золотому, а тебѣ, тіуну пользолотаго, а другую половину раздай гребцамъ твоимъ. Спасибо, добрые люди! Вы бы съ нашими людьми поужинали, и тогда уже въ путь.

— Милости твоей княжой благодарствуемъ...

— Слышь, Марко, этотъ—княжой сынъ... шепнулъ Ефремъ.

— Да мы на стругѣ путемъ дорогой закусимъ, а назадъ на веслахъ не вездѣ пойдешь; а бечевой долго; такъ отпусти, милостивецъ!...

— Ну, съ Богомъ!...

Въ это время Климъ борзой, десятникъ, который доставилъ въ Москву мистра Леона, подошелъ къ князю и сказалъ тихо...

— Князь Василій Данилычъ! Надо слово на ушко тебѣ молвить....

— Ну, что тамъ?

— Вели и проводника Татарина убрать назадъ въ Елецъ....

— А что?

— Много знать хочеть. Все допытывается; наши не проболтаются; своего князя и господина не выдадутъ. Рязанскую походную дружину, коли твоя княжая милость изволилъ замѣтить, я на трехъ стругахъ особнякомъ держу;

мои боярскіе дѣти на тѣхъ стругахъ очередуются, и до нихъ тайна не дойдетъ; а Татаринъ то и дѣло на причалахъ шныряетъ, да выспрашиваетъ; Греки со страху промолчатъ, да подъ-часъ за чаркой проболтаются. А что до языка, такъ рязанскіе проводники по-татарски знаютъ. Мы одного Татаринѣмъ одѣнемъ; онъ и будетъ ханскіе ярлыки показывать. А Татары—труссы; когда много ратныхъ людей, только кланяются; не допрашиваютъ; я самъ по-татарски гораздъ; велишь, я самъ за Татарина стану.

— Это будетъ, любезный Климъ, лучше; а тѣ, пожалуй, еще ярлыки ханскіе растеряютъ. Только и то сказать, Татаринъ ярлыковъ не отдастъ.

— Мое дѣло; только ты шепни тіуну, что я, государь, все съ твоей воли дѣлаю; проклятый нехристь уже и такъ рѣчь заводилъ, что у одного посла подъ охабнемъ—юбка...

— Ого! Такъ за дѣло, Климушка!... Тіунъ!

Князь что-то шепнулъ тіуну, и тотъ съ приставами откланялся и пошелъ къ стругу. Князь не спускалъ глазъ съ Клима, который, сказавъ нѣсколько словъ своимъ дѣтямъ, отвелъ Татарина въ-сторону.... Разговоръ ихъ продолжался недолго, какъ вдругъ Татаринъ завопилъ: Отдай! Не шали ханскимъ добромъ!—Не тутъ-то было; Климъ бѣжалъ къ стругу, куда тіунъ, пристава и прислуга уже помѣстились. Климъ остановился у доски, перекинутой съ лодки на берегъ; Татаринъ протянулъ уже къ нему руки; но въ это самое мгновение боярскіе дѣти схватили его сзади, спутали веревкой ноги и руки, и перекинули въ тіунскую лодку....

— Отчаливай!—крикнулъ Климъ Борзой: три дни его не

развязывать, а по четвертому пустите! А за что, про то да-но будетъ знать воеводѣ! Съ Богомъ!

И Климъ уперся въ стругъ обѣими руками и сдвинулъ его въ воду. Татаринъ кричалъ что было силы; но бечева потянула; пѣсня гребцовъ грянула, и долго еще слышалась въ пустынѣ....

На крикъ Татарина выскочилъ изъ шатра тотъ другой юноша, котораго Ефремъ назвалъ посольскимъ сыномъ.

— Что случилось? спросилъ юноша....

— Боря!... отвѣчалъ сухо Холмскій, взявъ юношу за руку: Ты не исполняешь отцевскаго завѣта! Ступай въ шатеръ, тамъ твое мѣсто!...

— Видно, что старшій!—замѣтилъ Ефремъ, когда Вася увелъ Борю: такъ и распоряжается. Какъ его зовутъ, господа милостивцы?...

— Холмскимъ! отвѣчалъ сухо Кулешинъ.

— Слыхалъ, батюшка, про такой городъ: да сказывали, что тамъ давно князей нѣтъ. Новгородская вотчина....

— Теперь опять есть....

— Такъ, батюшка, милостивецъ, такъ! А другой-то, видно, меньшей братецъ....

— Меньшой!

— Такъ, батюшка, такъ!... А который же изъ стариковъ отецъ?...

— Оба!

— Такъ батюшка, такъ!... Только я въ толкъ не возьму...

— Одинъ одному отецъ, а другой другому....

— Вотъ что, такъ и братцы-то неродные....

— Двоюродные!

— Слава тебѣ, Господи! Теперь все на порядкахъ. Милости твоей кланяюсь. Научилъ и наставилъ!

Ефремъ еще долго спрашивалъ Кулешина; тотъ тѣшился отвѣтами; между-тѣмъ поспѣлъ ужинъ; дворянъ позвали въ палатку. Къ утру откушали, а нѣкоторые и отдохнули; солнце еще не поднялось, а все уже было готово къ отъѣзду. Климъ Борзой, переодѣтый Татариномъ, распоряжался весьма ловко и расторопно; онъ тронулся на передовомъ стругѣ, за нимъ одинъ стругъ съ дружиной, потомъ посольскій стругъ, подъ скромнымъ полотнянымъ шатромъ. Несмотря на его обширность, тутъ помѣщалось только четыре путника, Андрей Палеологъ, покойно спавшій на коврѣ; Никитинъ, также дремавшій; Вася и Боря.... Вы конечно догадались уже, кто этотъ Боря. Нетолько на этомъ стругѣ, но и на другихъ, между посольской челядью, не стало женщинъ; всѣ перерядились по совѣту Анны Васильевны Рязанской, въ мужское платье; для всѣхъ приготовлено было и легкое или, лучше сказать, поддѣльное вооруженіе, но по наказу княгини, женщинамъ восружаться до Вороны не было никакой надобности, ибо уже болѣе трехъ лѣтъ, выше этой рѣки не показывались Муртозины разъѣзды. Зоя была въ красивомъ охабнѣ, поверхъ котораго надѣла дорогую шубу, даръ Іоанна, весьма пригодный въ августѣ, и притомъ во-время путешествія по рѣкѣ; на головѣ Зои красовалась шегольская кунья шап-

ка. И въ этомъ нарядѣ Зоя была прекрасна; еще прекраснѣе, потому-что, скрывая полъ передъ дружиной и гребцами, она могла, должна была непрерывно быть вмѣстѣ съ своимъ любимымъ братцемъ. Въ нѣсколько дней всѣ привыкли называть ее княземъ Борисомъ Васильевичемъ; только Андрей, да Вася, по условію, называли ее Борей.... Ей и на стругѣ было особенное помѣщеніе, отдѣленное коврами; но она почти постоянно сидѣла возлѣ Васи и... таково вліяніе привычки: ему было не скучно; правда, дума тяжкая, дума черная, налегала саранчей на его душу; но Боря умѣлъ быстро разгонять братнину тоску.

— Погляди, какъ нѣжно эта пара лебедей плаваютъ по чистому лицу этой чудной рѣки. Смотри, куда повернется одна головка, туда и другая; кто научилъ ихъ Вася любви? Видно въ этой наукѣ не нуженъ учитель....

И Вася съ чувствомъ смотрѣлъ на милаго, по всей истинѣ, тихаго брата....

— О! Какъ страшно! Глаза слѣпнуть; посмотри Вася, какъ эти бѣлыя глыбы грустно тянутся на полдень. Погляди, какъ рѣка стала узка, будто похудѣла отъ тоски, протекая по холоднымъ ребрамъ этой безчувственной стороны. А какъ была роскошна, и, такъ недавно. Вася, Вася! Не добьется эта рѣка отвѣтнаго вздоха отъ этого мѣловаго пустыря.... Изсохнетъ бѣдная на этой груди, покрытой каменнымъ саваномъ.... Такъ и съ людьми бываетъ....

И слеза досадная взбѣгала на блестящіе глаза, и Васѣ становилось жаль Зои....

— Чтò это вдругъ потемнѣло! Боже мой, погляди, это какія-то птицы....

— Это гуси тянутся домой, предчувствуя зиму. Мы говорили, но я не вѣрилъ, что они летаютъ въ такомъ множествѣ.... Никитинъ сказывалъ, что у Азова ихъ еще больше; когда они летятъ такою тучей, Татары начинаютъ кричать, стучать въ котлы и во чтò попало; и представь себѣ, Боря, глупая птица до того пугается, что сотнями падаетъ на землю.

— Глупая! За чтò? За то, что хитрость человѣка изучила ихъ слабости. Охъ! Отъ чего же эта хитрость не можетъ сладить съ своими слабостями.... И мы неумнѣе гусей....

И конца не было ихъ разговорамъ, потому-что не было конца новымъ предметамъ, впервые попадавшимъ на глаза и Зоѣ и Васѣ. Когда Никитинъ не спалъ, любилъ объяснять, а всѣ любили слушать его; на причалахъ, обѣдахъ, ужинахъ витійствовалъ Андрей, и послы по его милости много бы потеряли времени напрасно, еслибы Климъ Борзой во время не снималъ шатра, когда собесѣдники еще сидѣли за трапезой и не уносилъ кувшиновъ съ виномъ на посольскій стругъ. День за день посольство подвигалось далѣе и далѣе. Давно уже миновали они Ворону и вооружились, но и на Битюгѣ, и на Хопрѣ, нигдѣ не удалось имъ встрѣтить ни одного татарскаго кочевья. Уже давно миновавъ Медвѣдицу, въ одно утро замѣтили они на берегу Дона табуны лошадей; дикіе кони, завидѣвъ пловцовъ сбились въ кучу, и всѣ лошадиныя головы вытянулись въ одномъ направленіи; всѣ уши у нихъ торчали одинаково; нѣсколько Татаръ верхами подражали лошадямъ; вдругъ весь табуны, какъ-будто условясь между-собою и съ сторожами, прынулъ, земля

застонала, облака пыли встали; улеглись; передъ путешественниками лежала гладкая ровная степь; никакого признака обитаемости. Климы Борзой съ своимъ стругомъ держался такъ близко отъ пословъ, что можно было разговаривать.

— Что это, Дука?—такъ въ шутку Палеологъ называлъ Клима: когда же мы причалимъ къ берегу? Видишь, на тысячу миль никого нѣтъ....

— А куда же табунъ дѣвался? Нѣтъ, теперь держи ухо востро; теперь уже до моря не будетъ стоянки.... Татары близко; въ десяти шагахъ отъ насъ. Хорошо если Муртозины; эти въ ярлыкахъ толкъ знаютъ; а если Иваковы Ногаи, такъ показывай, не показывай, все равно, не отстадутъ, пока изъ пищалей острастки не задашь.

— На ярлыки нельзя много надѣяться.... замѣтилъ Никитинъ.

— Нѣтъ, государь бояринъ! Нашъ проводникъ имѣлъ и Муртозины и Гирѣвы ярлыки; теперь Муртоза что-то у Москвы выманиваетъ; такъ въ Елецкій станъ и на Уну своихъ проводниковъ посылаетъ, и ярлыковъ вдоволь; а если есть ярлыкъ, не зацѣпять. Лишь бы не Ногаи. Это щучьей породы, людъ поганый; насолили они; посламъ ихъ даже мордовскою землею на Москву ѣздить не указано; а на Казань; пускай свою братью щиплютъ.... Вотъ моя правда; вотъ и тысяча миль....

— А что? спросилъ опасно Палеологъ.

— Видишь пыль далече, далече....

— Вижу дымокъ.

— Вонъ другой, третій....

— Ну такъ чтожь?

— Тотъ табунъ, что мы видѣли уже подалъ вѣсть другимъ; всѣ снимутся; часъ, два, и Муртоза будетъ знать, что мы ѣдемъ....

— Развѣ мы такъ близко отъ Мамаева юрта? спросилъ Никитинъ....

— Тото и бѣда, что придется проходить ночью.... И Климы Борзой почесался.

Передъ вечеромъ, благодаря усердію гребцовъ, миновали рѣку Иловлю, и взорамъ путешественниковъ представилась новая, великолѣпная картина; степь, сколько ее могъ захватить самый зоркій глазъ, была покрыта Татарами, табунами и скотомъ; кибитки тянулись улицами въ разныхъ направленіяхъ, но то еще не былъ царскій станъ; Муртоза подражалъ своимъ предшественникамъ и держался въ улусахъ, расположенныхъ почти на самой серединѣ пространства, между нынѣшнею Качалинскою станицею и посадомъ Дубовкою; до сей поры между тамошними жителями сохранилось прозваніе юртъ Мамаевъ, или Мамаева ставка; тутъ былъ и огромный базаръ, на коемъ торговали татарскіе купцы. Русскіе и астраханскіе перестали ѣздить; первые не всегда были безопасны даже на мѣстѣ, а послѣдніе боялись Иваковыхъ Ногаевъ, кочевавшихъ по ту сторону Волги. Муртоза употреблялъ всѣ усилія возстановить торговлю, и для того устроилъ двѣ таможни; одна была на Волгѣ, въ дубовскомъ оврагѣ; другая на островѣ, образуемомъ рѣкою Дономъ, противу самого того мѣста, гдѣ нынѣ расположена Качалинская станица. Климы Борзой, зная пра-

вы и лукавство Татаръ, повернулъ въ лѣвый рукавъ, между островомъ и лѣвымъ берегомъ; пригорокъ покрылся любопытными обоого пола; но женщинъ вообще было очень мало; поднялся ужасный крикъ; мальчишки бѣгали по песку и даже по водѣ, предлагая путешественникамъ, кто деревянный съ крышкой сосудъ кумыса, кто мѣшокъ толокна, битыхъ гусей и дрочъ.... Но вдругъ все утихло, и толпа раздвинулась улицей, по которой проскакало около тысячи опрятно одѣтыхъ всадниковъ, а за ними появились еще три всадника, одѣтые богато, на лошадяхъ лучшей породы и украшенныхъ побрякушками съ восточною роскошью, то былъ, Едигей сынъ Ахматовъ и братъ Муртозинъ, съ двумя мурзами, также сродниками хана.

— Къ намъ послы, что-ли? спросилъ Едигей по татарски. Климы Борзой былъ въ большомъ затрудненіи; онъ поглядывалъ на посольскій стругъ, но, не получая наставленія, поспѣшилъ отвѣтомъ:

— Ко всему татарству, проживающему по рѣкѣ и морю, до самаго турецкаго салтана. А что мы съ вѣдома самого хана ѣдемъ, такъ вотъ тебѣ ярлыкъ царя бесерменскаго, великаго Муртозы, Золотой Орды повелителя....

— Покажи ярлыкъ!

Одинъ изъ переводчиковъ соскочилъ съ струга въ воду, потому-что багры убѣждали въ мелководіи берега, и, кланяясь, поднесъ ярлыкъ Едигею.

— Нашъ! сказалъ Едигей: И не простой купеческій, а посольской. Доложи посламъ, что кони готовы; мы прово-

димъ ихъ боярскую и княжую степенность до ханскаго дворца....

— Посоль боленъ и просить твою милость на стругъ посольскій.... закричалъ Климы Борзой, получившій уже обстоятельный наказъ.... Едигей слѣзъ съ лошади; трапъ съ перильцемъ перекинули на берегъ; Едигей вошелъ на стругъ съ двумя мурзами....

— Кто ты? спросилъ Никитинъ по-татарски, лежа на коврахъ и корча больнаго. Тотъ назвалъ себя.

— Прости, князь!... такъ величалъ Никитинъ Едигея: что принимаю тебя запросто. У меня къ царю твоему особаго наказа нѣтъ, потому-что слышали, будто изъ Казани ваше посольство на Москву ѣдетъ....

— Конечно мы послали къ Ивану. О томъ, какъ онъ Казань взялъ? Тамъ владычествовалъ нашъ старшій присяжникъ; а онъ его взялъ въ Москву; говорятъ, будто въ цѣпяхъ повезли. Того еще не бывало. Зачѣмъ держать дружбу съ турецкимъ данникомъ, непокорнымъ рабомъ нашимъ и злодѣемъ, гадиной перекопской? Законный владыка тамъ Нордоулатъ, а Иванъ и его на Москвѣ на привязи хранить и къ намъ не отпускаетъ; а мы его на царство поставимъ. И про то мы къ Ивану писали. А онъ то что?

— Ждетъ вашего посольства, а къ воеводѣ въ Казань написалъ, чтобы сорокъ тысячъ ратниковъ на Мордовскую Украину противъ васъ послалъ, буде посольство не пойдетъ на ладъ....

— Сорокъ тысячъ! Сорокъ тысячъ!... Едигей вскочилъ съ полу, на которомъ было усѣлся: такъ война!

— Зачѣмъ война! Осторожность! Вотъ, князь, я тебѣ все сказалъ, что знаю; и благо другіе по вашему не разумѣютъ, про войско мнѣ и говорить не слѣдовало. Но я Муртозу знаю, когда онъ въ Крыму плѣнникомъ былъ и уважаю. Лучше ему знать про грозу и вести себя смиренно....

— Пусть Иванъ намъ поможетъ противу переконскаго гада, мы отъ Польши откажемся.

— Великій Царь всей Руси ни васъ ни Польши не боится. Страхъ—саранча, пролетѣла, а если воротится, такъ на васъ. Великій Государь войны не любитъ, но казнить только того, кто начинаетъ. Примѣровъ довольно. Многіе и тебѣ извѣстны.

— Если вы не къ намъ,—перебилъ Едигей: такъ къ кому же?

— Къ царю переконскому, къ султану Турскому и къ другимъ великимъ государямъ....

— Значитъ казны съ собой немало везете?

— Сколько нужно. Хотя дары вамъ придутъ съ вашимъ посольствомъ, но ты у меня гость, и я безъ подарка тебя не оставлю. Прими не отъ государя, а отъ меня поставка сукна ипрскаго; а для мурзъ твоихъ, второй посоль два постова фрелинскаго сукна жалуетъ.... Казначей!

И Никитинъ распорядился.

— Ахъ, какіе они странные!—шепталъ Боря Васѣ: морозъ по всему тѣлу пробѣгаетъ, когда подумаю, что, если попасть въ плѣнъ къ такимъ чудовищамъ.

— Теперь я радъ, Боря, что ты опустилъ забрало; но зачѣмъ во весь путь ты скрываешь лице свое подъ этимъ бумажнымъ желѣзомъ....

— Тебѣ то что за потеря! Когда лицо мое закрыто, ты думаешь, что я рыцарь, и какъ-то веселѣе, разговорчивѣе.... Нѣтъ, Вася, не хочу лгать. Днемъ я не могу смотрѣть на тебя сколько душѣ угодно; могутъ подмѣтить; зато подъ забраломъ сижу себѣ гдѣ хочу, разговариваю съ кѣмъ угодно, а глазъ съ тебя не спускаю.... О какъ мнѣ больно, когда подумаю, что этотъ путь опасный, трудный, утомительный, скоро кончится. Что ожидаетъ меня?

— Путь безопасный, спокойный, на фряжскомъ большомъ стругѣ, къ господарю волошскому; страны людныя, наукой озаренныя....

— Вася, Вася! Эта дикая страшная пустыня для меня полна жизни и счастья.... За рубежомъ ея меня ждетъ пустыня сердечная.

Зоя забылась; хотѣла отереть слезу, но рука ударилась въ забрало; легкій шлемъ свалился и Едигей смотрѣлъ на Зою.... Палеологъ смутился, всталъ и загородилъ Зою; это еще болѣе возбудило подозрѣніе Татарина.... Но онъ не далъ ничего замѣтить; простился съ Никитинимъ, увѣрилъ его, что достаточно Муртозина ярлыка, а въ проводникахъ нѣтъ никакой надобности. Таможня также не обезпokoила посольства. Струги снялись, и всю ночь продолжали путь благополучно. Болѣе тридцати верстъ тянулись кочевые притоны Татаръ; къ берегу часто подбѣгали дѣти, иногда и взрослые, но безмысленно погля-

дѣвъ на струги, бѣгомъ возвращались въ кибитки, съ крикомъ размахивая руками. Скоро исчезли и послѣдніе признаки жилья человѣческаго. Да и окрестности Дона выше и ниже рѣчки Голубой были незаманчивы: опять мѣловыя горы, опять безлѣсные пустыри; но приближаясь къ устью Чира природа измѣнилась; правый берегъ поднимался все болѣе и болѣе, красивыя рощи, глубокіе овраги, разсѣкаемые живописными рѣчками, свидѣтельствовали о превосходныхъ качествахъ края....

Столько дней не выходя изъ лодокъ, Палеологъ соскучился. Да и всѣ требовали хотя однодневнаго отдыха. Природа тому благопріятствовала. Климъ спорилъ, но долженъ былъ уступить, потому-что Вася согласился исполнить общее желаніе. Выбрали на правомъ берегу удобную балку; причалили; расположились на сутки; лошади долго не могли держаться на ногахъ отъ качки. Вечерѣло. Вася разставилъ самъ на высотахъ и у берега стражу, и любуясь вечеромъ, гулялъ съ Климомъ по окрестнымъ холмамъ. Неразъ онъ засматривался на задонскую степь, которая зеленожелтымъ ковромъ разстилалась по лѣвой луговой сторонѣ рѣчки....

— Господи Иисусе Христе! сказалъ Климъ: подумаешь; куда это Божія да Государева воля ратнаго человѣка заводить. Поглядишь, конецъ свѣта; тутъ даже звѣря не видать, Крымъ то уже близко, какъ то мы изъ Крыма воротимся!

— Богъ милостивъ!...

— Богъ-то милостивъ, да Татаре лукавы. Боюсь, какъ пойдутъ Рязанцы домой бечевою, чтобы ихъ Муртозины люди

не перебили; надо было мнѣ Татарина отослать не въ Елецъ, а на дно донское. А то дасть знать въ орду. Я-то съ боярскими дѣтьми, по милости князя Иванъ Юрьича за тобой приписанъ, а дружина отъ границъ Перекопской орды должна со всѣми стругами домой воротиться. Ну, да люди Русскіе, пусть и Рязанцы, да бывалые, смѣкнутъ, какъ имъ быть.... Это что?

— Что ты видишь?

— Погляди за Донъ! Видишь меньше зайца, меньше кошки, что-то бѣлѣетъ....

— Путникъ!

— Гонецъ! Видишь, какъ летитъ, и одинъ.... Батюшки свѣты, бѣлоголовая! Что за невидаль! Баба гонцемъ въ этихъ мѣстахъ! Гляди, гляди сюда норовитъ.... Прямо къ рѣкѣ; что она, рѣхнулась что ли? Ахъ, ты баба богатырь, вплавь черезъ Донъ! Наше мѣсто свято, ужъ не вѣдьма ли? Стой, нето подстрѣлю!...

Женщина въ одеждѣ полутатарской, полурусской, плыла черезъ Донъ прямо къ балкѣ, и крестилась....

— Что за диво, Русская, православная!

— Ктò, откуда? кричали стражники.

Добрый конь доплылъ; женщина въ ужасѣ оглядывалась; но, ступивъ на берегъ, упала съ лошади и едва, едва успѣла проговорить:

— Спасайтесь! Едигеевъ улусъ....

Чувства измѣнили измученной женщинѣ. Пока челядь

хлопотала о неожиданной вѣстницѣ, Климъ началъ сердиться....

— Говорилъ же я, нельзя причаливать; толковалъ, что племя это лукаво; вотъ на мое и вышло....

— Полно ворчать, Климъ! Надо скорѣе укладываться.

— Укладываться, чтобы насъ всѣхъ съ берега будто куропатокъ перестрѣляли. Нѣтъ, не такъ, князь Василій Данилычъ. Будешь ты, да еще не былъ воеводой. Кто ихъ знаетъ, много ли? Если одинъ Едигеевъ улусъ, такъ справимся, только меня слушаться....

— Очнулась, очнулась!....

— Не надолго! Ъзда меня измучила! Братья, никто изъ васъ не узнаеть во мнѣ княжны Прасковьи Ливенской.... Пятнадцать лѣтъ въ плѣну, кто меня вспомнить.... ономясь подвечерь, гляжу, по всему нашему улусу суета. Куда? спрашиваю. Да царевичу надоѣло; хочетъ покочевать на низахъ, на Крымцевъ поохотиться! Вотъ что! подумала я, и догадалась, да благо ночь стала; я въ табунъ; гляжу, этотъ конь ко мнѣ ластится; я прыгъ на него, за гриву, повернула и понеслась внизъ по Дону.

— А много ли у него въ улусѣ?...

— Въ погоню со всѣми не поидеть; больше трехъ, четырехъ сотень погонщиковъ не наберется....

— Слушай! повелительно закричалъ Климъ. Дѣти, сюда! Рязанцы, сюда! Челядь, мужской полъ, подавайте всѣхъ сюда!

И Климъ раздѣлилъ дружину на три части; одна засѣла въ кустахъ, въ вершинахъ балки, другая въ овражкѣ пониже; третья, состоявшая изъ прислуги съ послами и женщинами, ушла въ глубь балки; съ этими отправилъ Климъ и лошадей; струги съ казной и припасами перевелъ Климъ на другую сторону и спряталъ въ высокихъ тростникахъ, такъ-что и видно не было. Вася порывался идти съ Климомъ, но къ удивленію, у Клима сталъ воеводскій голосъ, воеводская воля. «Нельзя, нехочу!» и все повиновалось. Въ балкѣ зажегъ онъ смоляные свѣточы, будто всѣ въ совершенной безопасности покойно отдыхали; шатерь освѣтилъ изнутри; да двоимъ служкамъ приказалъ ходить изъ шатра въ уголъ балки и обратно, будто вино и яства носятъ. Всѣ отирались по мѣстамъ; Климъ не пересталъ бы распоряжаться, придумалъ бы еще какую хитрость, да вдругъ передъ самымъ носомъ его зашумѣло что-то, и огромная дрофа обожгла объ огонь крылья и упала на земь....

— Эге, близко! сказалъ Климъ, и полѣзъ въ мелкій кустарникъ, покрывавшій плеча балки. Онъ видѣлъ, какъ стая куропатокъ съ шумомъ налетѣла на огонь, за ней другая, третья; будте птичникъ, закипѣла балка испуганною дичью....

— Ну, немало же ихъ, сказалъ Климъ, и осторожно испыталъ исправность своего свистка. Вдругъ за Дономъ стукъ отъ копытъ; мгновеніе; по Дону плескъ отъ пловцовъ, и орда нагрянула съ крикомъ страшнымъ. Ихъ было нѣсколько сотень, но въ балкѣ они раздѣлились; одни спѣшились и бросились къ пустымъ стругамъ, другіе тоже спѣшились и напали на пустой шатерь; Едигей былъ впереди....

— Нѣтъ? Ушли! кричалъ онъ неистово: Искать!...

— Здѣсь! отвѣчалъ кто-то изъ кустарниковъ по-татарски, и раздался свистокъ. Завизжали стрѣлы и камни. Татары валились. Едигей бросился въ кусты; туча стрѣлъ ему навстрѣчу, и вслѣдъ за нею, какъ тѣни, изъ всѣхъ угловъ балки выступили ратники; мало того, въ устьѣ балки показался строй такихъ же ратниковъ. Тѣ, что шарили въ ладьяхъ, видя, что лошади ихъ въ плѣну и загнаны въ балку, бросились бѣжать, растерявъ стрѣлы по дорогѣ; тѣ, что въ балкѣ, рѣшились уходить въ глубь и оттуда уже выбраться на скалы; но не прошли и ста шаговъ, ихъ встрѣтила челядь подъ начальствомъ Васи; пошла свалка, рукопашный бой. Молодой князь вскочилъ на татарскаго коня и мечъ его сверкалъ смертью, гдѣ ни являлся. И получаса не продолжалось сраженіе; Донъ былъ покрытъ пловцами, или лучше сказать тонущими. Вася съ Климомъ, положивъ на мѣстѣ много Татаръ, погнался за Едигеемъ, которому удалось вскочить на лошадь и ускакать влѣво; видя, что погоня слишкомъ близка, онъ свернулъ въ Донъ и пустился вплавь. Вася хотѣлъ преслѣдовать, но Климъ удержалъ его.

— Нѣтъ, князь богатырь! Вода не твердь земная. Пусть его воротится въ улусъ съ этимъ подаркомъ.

И стрѣла загудѣла, и впилась въ плечо Едигеево. Несмотря на то, Татаринъ перебрался на ту сторону, гдѣ его ожидали товарищи, и съ ними вмѣстѣ исчезъ во мракѣ...

— Что, Татарва проклятая! Что взяли? Вмѣсто жены, что изъ дому вытолкали, унесъ стрѣлу каленую.... А все-таки

чудно; вѣдь ихъ было больше пяти сотенъ; молодцы Рязанцы, подьучились, подъ Руномъ Московскимъ мы ихъ всегда на прицѣлъ ставили; свистнетъ стрѣла, они сейчасъ бѣжать. А сегодня? а? А ужъ ты, государь князь Василій Данилычъ, мы тебя за твой норовъ полюбили, да за славное имя, а ты насъ старыхъ воиновъ за поясъ заткнулъ. Молодой мечъ, а сегодня состарѣлся, больше двадцати смертей на немъ легло. Ну, Едигей Ахматовичъ, будешь помнить русскій приемъ; да еще Муртоза узнаетъ, вздуетъ, даромъ что братъ, въ колодки за разбой засадить.... Важно, то-есть, какъ важно.... Это кто еще....

— Боже мой, Боже! прошепталъ Вася: это она Климъ.

— То-есть, Борисъ нашъ! Изъ-за него все зло.

— Что такое, Климъ?...

— Такъ, ничего.... не я одинъ, всѣ говорятъ....

— Климъ! ступай въ яръ, да порядокъ устрой, а я усталъ, шажкомъ подѣду.

— Давно бы ты своему Климу исповѣдался. Ну, пошла моя плѣнница, тащи своего новаго господина, катать, вали!...

Климъ укатилъ; его смѣнила Зоя; она скакала на доброй и послушной татарской лошади. Заслышавъ голосъ Васи, остановилась и сошла съ коня. Вася сдѣлалъ то же....

— Зоя, ну можно ли, скажи сама?

— Упрекай меня, сколько хочешь, но я не заслуживаю твоихъ упрековъ. Развѣ за то, что я безумно люблю тебя... Охъ, какъ я счастлива!

И Зоя, снявъ шлемъ, стала на колѣни, и, поднявъ руки къ небу, горячо молилась. Вася былъ тронутъ...

— О чемъ, Зоя, твоя молитва?

— Твоя рука богатырская отразила врага сильного и страшнаго. Что стало бы съ нами, если бы тебя не было, или еслибы Всемилосердый не охранилъ тебя отъ вражьиъ стрѣлъ и мечей своею непроницаемою броней. И намъ не благодарить за тебя Бога! Мнѣ было страшно, Вася, и сластно, когда я смотрѣла на твои подвиги; но когда ты погнался за этимъ Татаринномъ, я перепугалась; онъ бы и безъ того ушелъ, а ты могъ наткнуться на засаду; эта мысль обожгла меня; сама не понимая, что дѣлаю, я сорвала этотъ мечъ съ убитаго Татарина, вскочила на первую лошадь, какая мнѣ на глаза попалась; слава Богу, сто кратъ слава Вышнему, ты, кажется, даже не оцарапанъ.... Всѣ чувства мои слились въ молитву.... Такъ Вася, гнѣвайся не гнѣвайся, видишь, какъ ярко горитъ моя звѣзда; она не потухнетъ; то ты, Вася....

— Зоя, радъ я, что мы одни и можемъ говорить свободно. Любовь твоя ко мнѣ хуже ненависти, страшнѣе мести; врагъ, противу котораго нельзя защищаться; не думай, чтобы сердце у меня было каменное. Зоя, страшная цѣль твоя достигнута, я твой плѣнникъ, но еще не преступникъ; я люблю тебя, но помню, что ты чужая жена!

— Вася, было время, когда я говорила, что люблю тебя, я лгала, Вася; ты былъ для меня то же, что золото для жида. Я люблю тебя, правда, но теперь! Ты очистилъ меня, возвысилъ, возвеличилъ!... Вася, не оскорбись, но

я должна быть откровенна. Стараясь ѣхать съ вами вмѣстѣ, я лукаво рассчитывала на твою молодость и неопытность; я надѣялась побѣдить твои правила и стыдливость; но скоро я поняла ихъ чистоту и величье; я побѣждена, Вася, и счастлива. Я признала добродѣтель, даръ твой; я поставила его въ душѣ моей во всемъ величьи, и вѣрь, Вася, я не измѣню ему, гдѣ бы я ни была, пока будетъ горѣть эта звѣзда....

— Тебя ли слышу, Зоя?...

— Чужая жена!! Но гдѣ же, когда ты замѣтилъ поползновеніе измѣнить моему долгу. Я не оскорблю Господа нарушеніемъ клятвы, данной передъ лицомъ Его. А что я люблю тебя всею душою, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ, что только у насъ ни есть духовнаго, за то никому не буду отвѣчать. Я сказала бы про любовь мою Андрею, еслибы онъ могъ понимать такую любовь; я бы сказала всѣму свѣту, еслибы люди могли и умѣли вѣрить чистымъ и честнымъ чувствамъ. Люди! Всѣ они—Едигей! Ты одинъ, Вася, только ты непохожъ на нихъ. Сколько разъ ты спасъ жизнь мою, преобразилъ душу; согласиись, Вася, что потерять тебя, разлучиться съ тобою — страшно; не видѣть въ тебѣ искренности, такой же любви какъ моя — грустно. Вотъ все мое сердце передъ тобой, Вася, какъ на ладони....

Юноша схватилъ за обѣ руки Зою, а слезы бѣжали ручьемъ по воспаленному лицу.

— Безумецъ! А я защищался противу такой любви! Да это дружба, это чувство выше всякой любви; любовь брата и сестры — долгъ, а это вольный союзъ двухъ счастливейшихъ душъ....

— Милый Вася! Когда меня одѣвали въ мужское платье, когда меня учили, какъ я должна представлять твоего брата, я дрожала отъ радости; сердилась, зачѣмъ эта сладостная личина только на время; зачѣмъ личина, а не чудная правда.... Но теперь Вася, могу ли питать надежду, что....

— Я твой, Зоя, твой другъ, братъ навсегда! Не измѣни только ты мнѣ!...

— Я твоя до гроба!...

— Я твой навѣки!...

Вѣроятно Палеологъ о такой дружбѣ разсудилъ—бы иначе, еслибы могъ слышать разговоръ; но ему было не до того; онъ первый замѣтилъ отсутствіе Бориса; но въ общей сумятицѣ никто не могъ указать, куда онъ дѣвался. Когда же Климъ воротился въ балку и замѣтилъ изъ-за чего тревога, совѣтовалъ искать въ глубинѣ балки; по мнѣнію Клима, Борисъ по молодости вѣрно до того перепугался, что и теперь еще уходитъ подальше отъ побоища. Андрей съ Греками повѣрилъ Климу и по всему протяженію оврага разлилась иллюминація; смоляные свѣточки запылали, а Климъ на коня, да къ нашимъ новымъ друзьямъ. Зоркій глазъ Борзаго издали видѣлъ, что у Васи, какъ онъ толковалъ, пошло дѣло на ладъ; жаль ему было нѣжныхъ голубятъ, какъ онъ въ умѣ называлъ ихъ, да опасность была близка и Климъ скакалъ, покрикивая. Вася и Боря вскочили на коней, понеслись къ балкѣ, дали знать Андрею, что потеря нашлась; все пришло мало-по-малу въ порядокъ; убитыхъ Татаръ обыскали; нашли у нѣкоторыхъ немало денегъ; добычу раздѣлили, кромѣ лошадей, которыхъ Климъ связалъ длинными поводьями и поручилъ рязанскимъ рат-

никамъ гнать до крымской границы, которая по его мнѣнію была очень близко.... Переночевавъ, путешественники прежнимъ порядкомъ пустились внизъ по Дону. Климъ, оглядываясь на посольскій стругъ, то-и-дѣло улыбался, потому-что Орестъ и Пиладъ сидѣли все вмѣстѣ и разговаривали больно весело; а этого прежде не бывало; Боря и прежде былъ говорливъ, но зато Вася только слушалъ братца, повѣсивъ голову.

— Молодецъ! думалъ Климъ про-себя: Едигея разбилъ, далеко пойдетъ! У него полетъ богатырскій....

Дальнѣйшее плаваніе по Дону шло весьма благополучно. Тамъ, гдѣ вливается сѣверный Донецъ въ Донъ, гдѣ теперь мелькаютъ скромные хутора станичные, тамъ на мысѣ, образуемомъ изгибомъ рѣки, возвышалась новая башня, или, лучше сказать, стрѣльница; по всѣмъ холмамъ по ту сторону сѣвернаго Донца бѣлѣли шатры, торчали кибитки.... Климъ поднялъ на своемъ стругѣ бѣлое знамя съ крестомъ; на новой стрѣльницѣ выкинули такое же знамя, и вслѣдъ за тѣмъ отъ берега отчалилъ легкій дубокъ; Климъ показалъ Татарамъ ярлыкъ и объявилъ о посольствѣ.

— Самъ Калга султанъ здѣсь, сказалъ Татаринъ,—а для московскихъ пословъ и купцовъ отведено особое мѣсто; хотите, приставайте туда, мы проведемъ; тамъ есть и запасные шатры, и валомъ обведено; и на рѣку ходъ особый; никто не потревожитъ.

Причалили, выгрузились; расположились покойно и удобно.... Послы приготовились принять Калгу, намѣстника

ханскаго, приодѣлись и размѣстились. Палеологъ съ женой стали въ хвостѣ посольскомъ. Братъ Менгли-Гирея, Калга Ямгурчей, не замедлилъ явиться. Рожденный отъ Гречанки, Калга былъ роста средняго, но прекрасно сложенъ, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ. Онъ пріѣхалъ одинъ; долго бесѣдовалъ съ Никитинымъ о дѣлахъ, въ присутствіи Васи, который ровно ничего не понималъ по-татарски. На вопросъ о дальнѣйшемъ пути, Калга объявилъ, что путь на Азовъ и Кафу совершенно безопасенъ; впрочемъ обѣщаль дать проводниковъ и увѣдомить пашей азовскаго и кефинскаго; прощаясь, Калга изъявилъ надежду увидѣться съ послами въ старомъ Крыму или въ Кафѣ. Когда Никитинъ вынулъ изъ окованнаго желѣзомъ ларца Великокняжескую грамоту и одинъ корабельникъ, Калга улыбнулся....

— Братъ Иванъ шутить! Я по степямъ собираю войска противъ Казимира; каждый день въ пути мнѣ стоитъ десять червонцевъ; а онъ меня даритъ корабельникомъ. Но я понимаю Иванову шутку. Это намекъ на Казань; если поможетъ Пророкъ, я ему пошлю грушу изъ краковскаго сада.

Калга ушелъ, но посольство долго не могло разойтись на покой; потому-что мурзы и уланы, начальствовавшіе отрядами, съѣзжались къ посольской ставкѣ и уходили съ обѣщаніемъ великихъ даровъ, когда возвратятся изъ Кракова. Мурзы и уланы почесывались, но не обнаруживали никакого неудовольствія. Напротивъ того, послали посламъ тучныхъ барановъ, плодовъ сухихъ, даже вина; а на другой день, когда рязанская дружина, забравъ все струги и прощаясь съ послами, отправилась въ обратный путь, значитель-

ный отрядъ орды двинулся въ походъ по лѣвой сторонѣ Дона, чтобы охранить ихъ стѣ Едигея, который, по мнѣнію Калги, гдѣ-нибудь близко сидитъ въ засадѣ съ местію. Княжна Ливенская, переодѣтая въ ратника, отправилась съ Рязанцами.... Климъ такъ былъ доволенъ дружиной, что, продавъ лошадей татарскихъ, не только отдалъ имъ все, что выручилъ, но и всю свою часть изъ добычи.... И послы разстались съ ними не безъ сожалѣнія и благодарности, съѣли на огромные струги Калги султана, простились еще разъ съ Ямгурчеемъ, который со всеми мурзами и уланами пріѣзжалъ на проводы, и отправились внизъ по Дону. Нѣсколько тысячъ Татаръ по лѣвой сторонѣ гарцовали по степи провожая посольство....

— Во истину великъ Іоаннъ, сказалъ Палеологъ: когда изъ этихъ звѣрей умѣлъ себѣ сдѣлать такихъ вѣрныхъ и преданныхъ союзниковъ.

Паша азовскій выслалъ навстрѣчу небольшой турецкій отрядъ и звалъ въ гости. Послы поблагодарили и продолжали путь по большому руслу; хотя на небѣ уже свѣтилъ мѣсяцъ сентябрскій, но вѣтръ и погода благопріятствовали. Держась берега, путешественники обогнули мысъ Еникольскій и безъ малѣйшаго происшествія вошли въ великолѣпную гавань такъ недавно еще знаменитой Кафы, живописно освѣщенную утреннимъ солнцемъ.... Увидавъ Кафу, Зоя протерла глаза и опять смотрѣла на городъ съ напряженіемъ; на огромномъ амфитеатрѣ еще красовались все двадцать тысячъ домовъ; еще многочисленныя церкви возвышались величественно; еще сто фонтановъ метали студеную воду; но въ гавани уже не толпились корабли; по

берегу не кипѣли густыя толпы народныя. Та Кафа, да не та!... И можетъ-быть, оттого Зоя такъ долго не могла узнать Кафы....

— Боже мой! наконецъ воскликнула она.—Нѣтъ, это мой городъ, это моя родина; вотъ, вотъ домъ Меотакки; а вонъ на горѣ домъ моей матери! Жива ли ты, добрая Марія?...

=

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ФРАНЦИСКА ВАН-РУЗМАЛЬ.

НОВѢСТЬ ГЕНРИХА КОНСІАНСА *.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФЛАМАНДСКАГО.

■.

ФЛАМАНДСКІЕ МѢЩАНЕ СТАРАГО ПОКРОЯ И ШАРЛАТАНЫ НОВАГО ПОКОЛѢНІЯ.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, существовала въ Антверпенѣ, въ одной изъ улицъ, прилегающихъ къ Грѣнь-Керкгофу, очень старая мелочная лавочка, которая, переходя, въ теченіе болѣе трехъ-сотъ лѣтъ, по наслѣдству отъ отца къ сыну, извѣстна была добрымъ качествомъ своихъ товаровъ и умѣренностію ихъ цѣнъ. Послѣдній хозяинъ этой лавки назывался Гансъ ван-Рузмаль, сынъ Троса, сына Кареля, сына Гаспара ван-Рузмаля;

* Любимца бельгійской публики.

а женатъ онъ былъ на Францискѣ Потъ, изъ рода знаменитаго Питера Пота, имя котораго и понынѣ сохранилось въ названіи трехъ улицъ, называемыхъ *Питеръ-Потъ-Стратенъ*, то-есть: Питера-Пота-улицы.

Супруги эти съ самаго своего дѣтства были воспитаны для жизни трудолюбивой и полезной; безпрерывно занятые небольшою торговлей, они и не заботились, да и не до того имъ было, о такъ-называемыхъ *прогрессахъ просвѣщенія* или, другими словами, имъ некогда было офранцузиться, подобно многимъ другимъ. Платье ихъ, изъ прочной, крѣпкой матеріи, было просто и всегда одного и того же покроя, съ тою только разницею, что будничныи нарядъ отличался отъ праздничнаго, и въ особенности отъ наряда, сшитаго для дня Свѣтлаго Христова Воскресенія; послѣдній выходилъ изъ большого фамильнаго сундука только въ великіе праздники, когда Рузмали шли къ причастию, или когда приглашали ихъ на свадьбу къ какому-нибудь пріятелю. Разумѣется, что эти добрые люди, такъ немодно одѣтые, были очень смѣшны въ глазахъ молодыхъ щеголей, которые гордились тѣмъ, что за нѣсколько пяти-франковыхъ монетъ облакались въ новомодное платье; но они ставили это совершенно ни-во-что, припоминая пословицу, что: *всякая птица свои пѣсни поетъ, и кто чѣмъ можетъ, тѣмъ и хлѣбъ достаетъ*. Къ тому же имъ мало были извѣстны свѣтскіе обычаи; они и не знали, что люди *comme il faut* не обѣдаютъ уже при дневномъ свѣтѣ, но держась стариннаго обычая, сажались за столъ ровно въ полдень. Можно было еще упрекнуть ихъ и во многихъ другихъ причудахъ; напримѣръ, они не понимали ни слова по-французски, и уворно отрицали необходимость этого языка. При всемъ томъ они были трудолюбивы, бережливы, полны кротости и смиренія; по своему фламандскому простодушію, они были убѣждены, что лучше ежедневно откладывать въ сторону по нѣскольку честнымъ образомъ пріобрѣтенныхъ *штиверовъ*, чѣмъ нажить, посредствомъ обмана и хитросилетеній, въ короткое время, какъ бы волшебствомъ, огромное богатство, чтобъ послѣ всѣхъ таранчили глаза и кричали: *Откуда крысъ * досталось сокровище?...*

* Въ простомъ бельгійскомъ нарѣчій *крысой* называютъ *лукаццевъ* и *плутовъ*.

Словомъ, супруги Рузмаль были фламандскіе мѣщане стариннаго покроя.

У Ганса ван-Рузмалья была дочь, которую звали, какъ и мать ея, Франциской; ей едва исполнилось пятнадцать лѣтъ; она была граціозна, стройна, имѣла прелестную талію, прекрасное лицо, русые волосы и голубые глаза; она была красавица самой чистой брабантской крови. Ей дано было воспитаніе, какое получаютъ въ публичныхъ школахъ малолѣтнихъ дѣвицъ и—больше ничего, то-есть, она выучила *почти* основательно свой родной языкъ, умѣла немного вычислять, и знала всѣ тѣ ручныя работы, безъ которыхъ добрая мѣщанка не можетъ обойтись, хотя бы только для того, чтобъ — гдѣ коснется по хозяйству — знать что-нибудь больше своей служанки. Въ ней была вся простота ея родителей: она была набожна, послушна, обходительна, нелѣнлива, нелегкомысленна, безъ малѣйшаго проблеска собственной воли; словомъ, она была вполне способна поддержать, вмѣстѣ съ человѣкомъ, за котораго выйдетъ, праводушіе и честь родительскаго дома, и надолго продлить благоденствіе и знаменитость старой мелочной лавки.

Отчего же эта столѣтняя лавка заперта нынче? Какой превратностью судьбы кинуты на-дняхъ въ рынокъ барышниковъ боченки, табачныя банки, стеклянки и бокалы ван-Рузмалей?... Читайте, и узнаете.

Во-первыхъ, должно вамъ сказать, что по сосѣдству почтенныхъ лавочниковъ жилъ сапожничій мастеръ, искренній другъ Ганса Рузмалья, съ которымъ онъ всякое воскресенье ходилъ гулять по окрестностямъ Стинбруга, проводилъ вечера въ какой-нибудь скромной игрѣ, словно съ роднымъ братомъ; и сапожникъ не могъ находить удовольствія тамъ гдѣ, не было лавочника. Несмотря на эту привязанность, отношенія ихъ измѣнились по одному странному случаю.

У сапожника было маленькое состояніе, а наконецъ, съ помощію бережливости, завелся и собственный домъ. Въ то время какъ Гансъ Рузмаль лежалъ въ постели и страдалъ лихорадкою, сапожникъ выломалъ въ своемъ домѣ два окна, выходившія на улицу, и пристроилъ нѣчто въ родѣ фонаря, что придало дому его болѣе щегольскій видъ. На стеклахъ фонаря ве-

лѣлъ онъ яркими цвѣтами изобразить французскія вычуры, а въ срединѣ ихъ написалъ на французскомъ языкѣ:

Сапоги безъ швовъ, магазинъ парижскихъ сапоговъ и башмаковъ.

Это была просто выдумка, потому-что ему и въ голову не приходило *производить обувь* по какому-либо новому манеру. Немного пониже, на стеклахъ выстуна изображенъ былъ яркими цвѣтами человекъ, рукою заслоняющій себѣ глаза, какъ бы ослѣпленные отраженіемъ солнца на ярко лакированномъ сапогѣ, и внизу этого образцоваго шарлатанства было написано:

Пастоящая английская вакса.

Опять обманъ: вакса была у него все таже, которую онъ самъ стряпалъ; вся разница заключалась только въ томъ, что теперь покунатели платили вчетверо дороже прежняго... за ту же ваксу. Наконецъ, по угламъ окна были слѣдующія надписи:

Башмаки изъ каучука, мыльная пудра, пробочныя подошвы, и тому подобное.

Едва оправаясь отъ лихорадки, лавочникъ Гансъ Рузмаль вышелъ въ первый разъ на чистый воздухъ, и взоръ его былъ пораженъ новою вывѣскою сапожника. Какъ-будто бы не понимая, во снѣ ли это ему видится, или на яву, онъ вдругъ остановился, протеръ себѣ глаза, и съ удивленіемъ осмотрѣлъ одинъ за другимъ все дома по той сторонѣ улицы, осмотрѣлъ ихъ, словно совершенно чужой, заблудившійся въ городѣ человекъ.

— Что же это такое? подумалъ онъ про себя. Нѣтъ, нѣтъ, это не Спиналя лавка! Неужели онъ перебрался, не уведомивъ меня?... Это какой-нибудь плутъ вывѣсилъ свои ярмарочныя штуки, чтобъ пустить добрымъ людямъ пыль въ глаза, и ускользнуть потомъ отъ своихъ заимодавцевъ, когда, какъ говорится, понабьетъ карманы. Но какъ, братъ-сосѣдъ, не хитри, меня этимъ не поймашь!

Между-тѣмъ какъ Гансъ Рузмаль разсуждалъ такимъ образомъ, какой-то господинъ вышелъ отъ сапожника и остановился у порога. Онъ былъ щегольски одѣтъ въ пальто шотландской матеріи, въ панталонахъ шоколатнаго цвѣта, отъ кото-

рыхъ рѣзко отдѣлялся жилетъ ослѣпительной бѣлизны, украшенный цѣпочкой, чуть-ли не золотой; густыя, черныя, лоснящіяся бакенбарды обрамляли его лицо; волосы на головѣ были завиты по модѣ; словомъ — вся его особа походила на одну изъ тѣхъ восковыхъ фигуръ, какія украшаютъ окна парикмахеровъ.

— А! а! подумалъ ван-Рузмаль: вотъ онъ живьемъ, нашъ пройдоха! Истинно грѣшно такому прекрасному молодому человеку пускаться въ такія дѣла!...

Не успѣлъ лавочникъ опомниться, какъ щеголь подошелъ къ нему, и дружески потрепавъ его по плечу, сказалъ:

— Вотъ ты и совсѣмъ поправился, пріятель ван-Рузмаль?

Озадаченный добрякъ, узнавъ голосъ Спиналя, отступилъ на два шага, осмотрѣлъ пріятеля съ ногъ до головы и просто душно вскричалъ:

— Какъ ты разодрлся! Что ты, не выигралъ ли важный кушъ въ лотереѣ, или не получилъ ли большое наследство? Хвала Всевышнему! Передъ Богомъ, желаю тебѣ всѣхъ благъ. Но... странно! Я и теперь готовъ хоть побожиться, что прежде волосы у тебя были рыжіе....

Спиналь улыбнулся съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ, и отвѣчалъ съ тою граціозною небрежностью, которую французскіе приказчики и парикмахеры называютъ нынче *шикомъ*:

— Рузмаль, не наживешь ты себѣ, пріятель мой, состоянія, какъ погляжу я на тебя. Не тѣ, братецъ, нынѣ времена: безъ криманки не поймашь птицы. Неужто ты не знаешь старой поговорки: *товаръ лицомъ продается*? Нашъ братъ Фламандецъ посѣдетъ въ трудахъ, а не въ состояніи сказать на старости лѣтъ: «я заправилъ свои дѣла!» Ты слишкомъ упрямъ, любезный другъ Рузмаль; ты хочешь, чтобъ кожа была хорошая, работа прочная, и цѣна небольшая! Этакъ, братецъ ты мой, нельзя. Посмотри-ка на Францію! У нея намъ надобно поучиться: что мѣсяцъ, то пара сапогъ, сошьешь ихъ кое-какъ, а деньги славныя берешь!

На Рузмаль нашелъ столбнякъ; онъ все еще не вѣрилъ, что это происходитъ на яву; въ ухахъ его шумѣли странныя рѣчи.... Онъ готовъ былъ думать, что Спиналь помѣшался.

— Но... сказалъ онъ вдругъ, прерывая его рѣчь: я однако

слышалъ, что легкомысленные проказники, налетающіе къ намъ изъ Франціи, часто забываютъ разсчитаться съ нашимъ братомъ. Совѣтую тебѣ быть поосторожнѣе. У меня самаго записано красными чернилами нѣсколько такихъ болтуновъ, на которыхъ плохая надежда. Помни пословицу: нужна шерсть, такъ садись, да стриги, а не надѣйся, что она сама отпадетъ.

— Бабы сказки, любезнѣйшій другъ! сказалъ сапожникъ. Мы поговоримъ объ этомъ года черезъ два или три, если приведетъ Господь, и тогда ясно увидимъ, кто изъ насъ двоихъ лучше устроитъ свои дѣла. Сынъ мой Жюль, теперь въ Парижѣ, учится своему ремеслу. Онъ ловкій малый, въ немъ будетъ толкъ!

— Кто такой, говоришь ты, въ Парижѣ? Жюль!.. Какой Жюль?... Я, кажется, одинъ былъ крестнымъ отцомъ твоего единственнаго сына, и имя ему, какъ и мнѣ, Гансъ?

— Конечно, онъ Гансомъ былъ; только это имя онъ перемѣнилъ и прозывается теперь Жюлемъ.... Это пофешьонеблнѣй! Дочь же нашу, вышедшую на-дняхъ изъ пансіона, зовемъ мы Гортензіей. Я это говорю тебѣ только для того, чтобъ ты не сталъ передъ моими покупателями называть ихъ по-привычкѣ Гансомъ и Терезой.

Болѣе и болѣе озадачиваемый словами пріятеля, Гансъ Рузмаль покачалъ головою; смотрѣлъ то на надписи, блестяшія надъ лавкой пріятеля, то на странную пестроту его наряда, и наконецъ сказалъ насмѣшливо:

— Не думаю, мастеръ Спиналь, чтобъ ты въ этомъ случаѣ поступилъ разсудительно. Приходилось мнѣ видѣть хорошо обу-тыхъ людей, которые подъ-конецъ ходили босикомъ. Но во всякомъ-случаѣ, каждый — господинъ въ своемъ домѣ; это не мое дѣло, такъ и перестанемъ объ немъ говорить. Затѣмъ прощай, проговорилъ печально Рузмаль, и ушелъ, оставивъ офранцузившагося сапожника на улицѣ.

Нѣсколько дней спустя, Спиналь пришелъ къ лавочнику, и, описавъ ему, не жалѣя ни хвастовства, ни лжи, счастливый успѣхъ въ своихъ дѣлахъ, свелъ разговоръ на значительный запасъ кожъ, который онъ намѣревался купить у одного знакомаго ему кожевника, нуждавшагося въ деньгахъ. Онъ называлъ это блестятельнымъ дѣломъ, и умѣлъ такъ ловко распо-

рядиться, что лавочникъ, въ простодушной своей къ нему довѣренности и по дружбѣ, ссудилъ его пятью стами флориновъ на три мѣсяца. Пользуясь случаемъ, ван-Рузмаль далъ тутъ же снять съ себя мѣрку для пары башмаковъ, которые, къ немалому своему удивленію, получилъ на другой же день.

Башмаки черезъ недѣлю лопнули у самой подошвы; вмѣсто же пяти сотъ флориновъ, Рузмаль получилъ чрезъ три мѣсяца новыя обѣщанія и увѣренія въ успѣшномъ ходѣ дѣла.

Это послѣднее обстоятельство было поводомъ къ разрыву между двумя сосѣдями, и они съ-тѣхъ-поръ не ходили другъ къ другу. Дѣти же ихъ, неучаствовавшіе нисколько въ этой размолвкѣ, продолжали, по обыкновенію, видѣться ежедневно.

III.

КАКЪ СОВѢЩАНІЕ БЫВАЕТЪ ЧАСТО ПОЛЕЗНО.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ дочь Спиналя вышла изъ пансіона, Франциска ван-Рузмаль много утратила своего невиннаго простодушія. Слишкомъ часто видѣла она, какъ у конторки башмачнаго магазина, офранцузившаяся молодежь грубыми своими любезностями льстила самолюбію ея подруги, и какъ та умѣла, съ приправою жеманства и примигиваній, отвѣчать имъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ, столь ловко приспособленномъ къ сношеніямъ этого рода. Слишкомъ еще непорочная, чтобъ понимать что-нибудь въ томъ непристойномъ безчинствѣ, которое кроется иногда подъ притворными словами любви, она вся краснѣла отъ стыда, когда какой-нибудь волокита заговаривалъ съ нею ломаннымъ французскимъ языкомъ; она не могла отвѣчать ему такъ венринужденно, какъ ея подруга. Вслѣдствіе этого, стала она каждый день приступать къ матери, чтобы та отдала и ее въ пансіонъ. Фрау ван-Рузмаль, сердечно любившая дочь свою, не безъ зависти видѣла, что Гортензія

или Тереза Спиналь, несмотря на то, что была очень нехороша собою, привлекала взоры всѣхъ, тогда какъ бѣдная ея Франциска играла ужасно *простую* роль передъ щеголеватой дочерью саножнаго мастера; побуждаемая суетностью, она разсудила, что даже неприлично оставлять единственную дочь въ униженномъ состояннн передъ дѣвушкой, которая никакъ не стоила ея. Толкуя нѣсколько мѣсяцевъ все одно и тоже мужу, она подвинула дѣло впередъ. Рѣшено было отослать Франциску въ какой-нибудь пансіонъ; но прежде окончательнаго рѣшенія, позвать стараго доктора Пелькманса, и узнать его мнѣніе насчетъ столь важнаго вопроса.

Докторъ Пелькмансъ былъ у нихъ человѣкъ домашній, точно также какъ и отецъ его былъ домашнимъ другомъ покойныхъ ван-Рузмалей. Много разъ помогалъ онъ лавочнику мудрыми совѣтами, выпутываться изъ бѣды въ важныхъ дѣлахъ; но особенно былъ онъ дорогъ старикамъ тѣмъ, что дважды, во время эпидемій и недавно еще въ холеру, спасъ Франциску почти отъ вѣрной смерти. Въ признательности своей, они положили, что докторъ пріобрѣлъ этимъ право рѣшенія будущности ея; и вслѣдствіе этого они ничего не рѣшали на ея счетъ, не просивъ его совѣта; и надобно сказать, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они поступали прекрасно, потому-что старшій Пелькмансъ былъ человѣкъ разумный и просвѣщенный, зналъ совершенно ходъ дѣлъ въ этомъ мірѣ, и не пропускалъ ничего, не изслѣдовавъ, не разсмотрѣвъ дѣла основательно и съ истинно фламандскимъ благоразуміемъ.

Въ назначенный для совѣщанія день, докторъ сидѣлъ съ отцомъ и матерью въ залавкѣ; ван-Рузмаль началъ совѣщаніе слѣдующими словами:

— Докторъ Пелькмансъ, жена моя непременно хочетъ отослать Франциску во французскій пансіонъ. Что касается до меня, то я долго противился этому, но слезы дочери поколебали наконецъ мою твердость.

— Во французскій пансіонъ? спросилъ удивленный докторъ: въ пансіонъ! и еще во французскій! Мнѣ кажется, что въ нашемъ городѣ нѣтъ недостатка въ хорошихъ школахъ, и тутъ можно намъ, по-крайней-мѣрѣ, наблюдать ежедневно, чтобъ овечки наши не заблудились.

— Ахъ, Господи! Чему можно научиться въ этихъ городскихъ школахъ? вскричала мать, засмѣвшись съ презрѣніемъ:—вязать чулки, шить, мѣтить бѣлье и кроить рубашки, да фламандскому языку, на которомъ всѣ говорятъ и безъ того!... Посмотрите на дочь Спиналя: была настоящій чурбанъ до отдачи въ пансіонъ, а вышла барышней; говорить по-французски, всѣ молодые порядочные люди увиваются около нея и домогаются руки ея... выбирай только, если хочетъ составить себѣ счастье!

Докторъ поднялъ плечи и грустно покачалъ головой.

— Очень мнѣ прискорбно, любезная ван-Рузмаль, слышать отъ васъ подобныя рѣчи. Не знаю, какой злой духъ вселилъ это въ васъ и исказилъ вамъ обыкновенный здравый смыслъ. Господчики эти, о которыхъ вы мнѣ говорите, повидимому, какіе-нибудь подмастерья, приказчики, какіе-нибудь странствующие комедіанты или писаришки безъ мѣста, которые жужжать у конторки, около дѣвицъ, какъ мухи вокругъ сахарной головы. Знаю я Гортензію Спиналь, и могу вамъ сказать одно только, что я отдалъ бы все, что имѣю, еслибъ на то пошло, чтобы не допустить Франциску до малѣйшаго сходства съ нею! Неужели вамъ хочется совратить ее съ пути религіи, добраго образа жизни и фламандской простоты, и сдѣлать изъ нея легкомысленную и безстыдную кокетку? Берегитесь! Совѣты мои останутся, быть-можетъ, безъ пользы, но я предсказываю, что вы будете сожалѣть, если рѣшитесь на подобную неосторожность....

Строгія слова доктора произвели, казалось, на обоихъ супруговъ совершенно различное дѣйствіе. Однако оба они улыбались: отецъ потому-что былъ самъ не свой отъ радости, когда увидѣлъ, что докторъ былъ одного съ нимъ мнѣнія; мать улыбалась презрительно—отъ досады. Не оставляя однакожъ надежды, она возразила:

— Докторъ, докторъ, вы слишкомъ далеко заходите! Знаю я, что вы давнившій врагъ всего французскаго; но вѣдь мы люди старинные: нынѣ не то, что было прежде.

— Фрау ван-Рузмаль, сказалъ докторъ: вамъ неугодно понять меня. Мнѣ и на мысль никогда не приходило мѣшать кому-бы то ни было учиться иностранному языку, и примѣръ

недалеко: сынъ мой Людовикъ теперь въ университетѣ. Развѣ онъ не знаетъ по-французски, какъ и всякой другой? Получше, я думаю, этихъ молодыхъ вѣтренниковъ, сбивающихъ съ ума Терезу Спиналь, и поражающихъ васъ своимъ фальшивымъ лоскомъ! Что вы такъ на меня смотрите? Повторяю вамъ: они невѣжды. Что они знаютъ? Нѣсколько фразъ уличнаго французскаго языка, который они еще въ добавокъ немилосердно искажаютъ; почти нелучше знаютъ они и свой родной языкъ; коснитесь же наукъ, самыхъ полезныхъ, такъ даже имя ихъ едва имъ извѣстно. Все ихъ знаніе состоитъ только въ томъ, что они умѣютъ придать себѣ видъ Французовъ, бросая на вѣтеръ пустыя слова, схваченныя ими тамъ и сямъ, въ журналахъ, или во вздорныхъ, нелѣпыхъ романахъ. Вотъ эту-то болтовню, бессмысленную и пустую, какъ самый умъ ихъ, они и слятся выдать передъ невѣждами за утонченное образованіе!.. Но вы меня разгорячили, и мы слишкомъ удалились отъ нашего предмета. Повторяю вамъ, надобно умѣть взяться за это дѣло; выслушайте меня внимательно. Конечно, есть хорошіе пансіоны для дѣвицъ, но дурныхъ гораздо больше. Хорошіе тѣ, гдѣ начальницы, понимая всю святость своихъ обязанностей, имѣютъ цѣль полезную: гдѣ не придаютъ молодымъ особамъ нѣкоторый свѣтскій лоскъ, жертвуя для него скромностію и часто набожностію; гдѣ безпрестанно наблюдаютъ, чтобъ не вкралась отравя дурныхъ нравовъ; гдѣ одолеваятъ праздность и изгоняютъ вѣтренность; гдѣ цѣнятъ всѣ добрыя качества, пронтекающія изъ любви къ отечеству; гдѣ знаютъ, сколь опасно подвергать непорочное еще существо вліянію постороннему; гдѣ, однимъ-словомъ, имѣютъ цѣлью образовывать хорошихъ хозяекъ дома, а не куколъ, какія видимъ мы у модистокъ. — Если вы намѣрены отдать Франциску въ одинъ изъ такихъ пансіоновъ, то я конечно не только не скажу ничего противъ этого, но напротивъ искренно порадуюсь. Все будетъ зависѣть отъ выбора, который вы сдѣлаете. Иностранные пансіоны, болѣею частию, гнѣзда гибели и безнравственности, мнѣ очень хорошо извѣстны; однако легко найти и хорошіе, только надобно поискать. Ежели угодно, я могу вамъ указать на одинъ изъ нихъ, напримѣръ, пансіонъ X.....

— Ну да! пансіонъ X... вскричала мать: я такъ и думала. Нѣтъ, нѣтъ, наша Франциска можетъ столько приобрести и дома. Взгляните на Анну ван-Стратевъ; она была отдана въ этотъ пансіонъ, и черезъ три года вышла оттуда точно такою же, какъ и поступила. Она добрая и честная дѣвушка, это правда; говорятъ что она очень свѣдуца во всемъ, что касается до хозяйства. Прекрасное дѣло! какъ-будто этому нельзя научиться вездѣ! Нѣтъ нужды для этого отдавать въ пансіонъ.

— Для чего жъ отдавать въ пансіонъ, матушка ван-Рузмаль? Впрочемъ я понимаю васъ: для того, чтобъ изучить тамъ прекрасныя французскія манеры, и сдѣлаться, подобно Гортензій Спиналь, вѣтренницею и кокеткою? чтобъ научиться одѣваться выше своего состоянія, умѣть разрядиться модной куклой, и болтать безъ умолку, не такъ ли?

— Однако, докторъ, замѣтилъ отецъ: если дѣйствительно болѣшая часть пансіоновъ во Франціи такъ пагубны для дѣтей, то зачѣмъ же другіе отсылаютъ въ нихъ всѣхъ своихъ дѣтей?

— Поймите это хорошенько, друзья мои! возразилъ старикъ докторъ Пелькмансъ еще серьезнѣе прежняго. Каждый отецъ имѣетъ свой образъ мыслей, свои особенныя нравы. Воспитаніе, которое даютъ молодымъ дѣвицамъ въ подобныхъ заведеніяхъ, состоитъ главное въ томъ, чтобъ вбивать въ голову дочери сапожника и дочери мясника такія понятія, какія несообразны съ ихъ званіемъ. Вотъ что пагубно въ этомъ воспитаніи! Вотъ какъ разрушаются всѣ основы общества. Нѣтъ дѣвушки, которая не желала бы сдѣлаться барышней; но за мелочнымъ тщеславіемъ слѣдуетъ праздность, безразсудныя издержки, безнужество, а часто еще и хуже этого. Этакъ образовываютъ тѣмъ кокетокъ на французскій ладъ, но трудолюбивыхъ хозяекъ, вѣрно сохраняющихъ фламандскіе нравы—ни одной.

При этихъ словахъ, отецъ ван-Рузмаль вскочилъ со стула и рѣшительно сказалъ:

— Довольно, довольно, докторъ, вы слишкомъ добры, говоря такъ долго объ этомъ предметѣ: Вы справедливы, и Франциска поступитъ въ пансіонъ X.... или останется дома, пока я у себя господинъ. — Надоѣли мнѣ всѣ этимъ французскимъ

языкомъ! Не скажетъ ли иной, пожалуй, что мы скоро почувствуемъ во всемъ недостатокъ, потому лишь, что говоримъ на одномъ только своемъ родномъ языкѣ. Я говорю, что нужно быть довольнымъ тѣмъ, что имѣешь, и по моему мнѣнію, тотъ глупъ, кто лучшаго желаетъ. Словомъ, безъ дальнихъ разговоровъ, Франциска останется дома.

Но храбрецъ ошибся въ расчетахъ; не успѣлъ онъ кончить, какъ жена вскричала съ досадою:

— Боже мой! не торопись, ван-Рузмаль. Ты, кажется мнѣ, слишкомъ расходился сегодня. Совѣтую тебѣ, любезный муженекъ, присѣсть и не портить крови. Скажите же мнѣ докторъ, что тутъ дурнаго, еслибы Франциска была такъ же хорошо воспитана и знала бы французскій языкъ такъ же хорошо, какъ и дочь какого-нибудь дворянина; неужели отъ этого она будетъ стоить хоть на-волосъ менѣе, чѣмъ теперь?

Докторъ легко понялъ изъ этого вопроса, что передъ нимъ лежало рѣшеніе окончательное, и что мало всѣхъ его доводовъ для одолѣнія женскаго упрямства. Итакъ онъ перемѣнилъ тонъ, придавъ своему голосу еще большую суровость:

— Ничего дурнаго нѣтъ, если въ вашемъ пансіонѣ, Франциска пріобрѣтетъ только хорошія манеры и полезныя познанія; но извѣстно ли вамъ, фрау Рузмаль, чему научаются иногда молодыя дѣвцы въ нашихъ заведеніяхъ? Говорить ли? Выслушайте же эти печальныя истины: тамъ научаются онѣ французскому языку, — это очень хорошо; но съ языкомъ пріобрѣтаютъ также и всѣ тѣ уловочки, которыя Французы поощряютъ въ женщинахъ, хотя сами первые готовы поднять ихъ на смѣхъ; на примѣръ, какъ можно обойтись безъ жеманства, безъ примигиваній, и не кусать себѣ губки, чтобъ казаться любезнѣе и прекраснѣе; къ несчастію, тамъ же губятъ время на вздоръ, на примѣръ какъ употреблять всякаго рода помаду, убирать волосы à la neige, en tige-bouillons или à la chinoise; какъ наряжаться въ бальное платье и въ городской нарядъ; какъ должно кланяться. Тамъ выучиваютъ онѣ нелѣпыя пѣсенки, которыя, подъ именемъ романсовъ, преждевременно пробуждаютъ въ нихъ дурныя мысли, и молодая еще неопытная дѣвица узнаетъ слова и дѣла, которыхъ ей не должно еще и знать; однимъ-словомъ, пѣсни, скрывающія въ золотой своей оберткѣ

одинъ только ядъ безирравственности и безстыдства. Развѣ такія познанія приличны христіанкѣ, дочери честнаго мѣщанина?

Здѣсь не безъ удовольствія замѣтилъ докторъ, что слова его произвели глубокое впечатлѣніе на обоихъ его слушателей. Они смотрѣли ему въ глаза, и—ни слова ни тотъ, ни другая, какъ бы приведенные въ ужасъ строгимъ голосомъ почтеннаго собесѣдника. Желая рѣшительно исторгнуть изъ непремѣнной, по его мнѣнію, гибели дѣтя, которое онъ не менѣе ихъ любилъ, онъ продолжалъ съ большою силой.

— И нужно ли говорить, что,—въ-слѣдствіе такого ранняго развитія чувствъ любви, дѣлающагося тѣмъ ненасытнѣе, чѣмъ оно ненатуральнѣе,—сердце молодой несчастной дѣвушки становится сухо и пусто. Родители въ ихъ глазахъ не что-иное, какъ старики брюзгливые, скупые, скряги съ того свѣта. Выйдя замужъ, онѣ ненавидятъ, какъ помѣху въ радостяхъ, какъ врага своихъ удовольствій, человѣка, непохожаго на тѣхъ щеголей или мечтателей, какихъ создали онѣ въ своемъ воображеніи; онѣ не могутъ искренно любить своихъ мужей, и—счастливы еще, если не кончатъ погрѣшеніемъ противъ супружеской вѣрности и пренебреженіемъ самыхъ основныхъ правилъ. Посмотрите на Гортензію Спиналь; что это, какъ не отъявленная кокетка, которая, то перемигиваясь, то пѣвничая съ полсотнею молодыхъ безчинниковъ, жадно выслушиваетъ нелѣпую ихъ болтовню, и ежедневно слышитъ то, отчего покраснѣлъ бы и я съ моими морщинами и сѣдиною? Безстыдница, замаравшая уже свою репутацію! Чѣмъ же все это кончится? Ужели думаете, что она будетъ когда-либо выгодно пристроена, какъ вы сейчасъ говорили? Нѣтъ, нѣтъ, она не перестанетъ играть огнемъ, пока не обожжется, и тогда пройдетъ уже время рѣзвиться да смѣяться: презираемая, поосрамленная всѣми, увидитъ она себя обреченною влачить въ слезахъ остальные дни свои, и сожалѣть, но поздно — объ утратѣ чести, невозвратно занятнанной позоромъ. Неужели, друзья мои, такую же судьбу вы хотите составить вашей единственной дочери, вашей доброй Францискѣ! Да какъ осмѣлитесь вы предстать передъ Богомъ, подвергнувъ такой опасности счастье и невинность своей дочери, изъ суетной цѣли поддѣлаться подъ

сомнительные нравы, которыхъ ваши земляки ищутъ въ чужой землѣ! Неужели вы такъ же хотите приготовить вашей дочери жизнь горя и раскаянія, и видѣть у нея кровавыя слезы, за счастье, навсегда погибшее? Заклинаю васъ, скажите:— нѣтъ!

При этихъ словахъ ван-Рузмаль залился слезами. Онъ хотѣлъ говорить, но не могъ, такъ былъ онъ пораженъ и смущенъ ужасными картинами, въ какихъ прошла передъ его глазами вся предполагаемая судьба милой его Франциски. Наконецъ онъ всталъ и схватилъ руку доктора.

— Благодарю, благодарю, мой другъ, вскричалъ онъ: ваши мудрые совѣты будутъ исполнены, клянусь вамъ! Я теперь ясно понимаю, что моею женою хотѣлось отослать Франциску въ тотъ пансіонъ, гдѣ была Гортензія Спиналь,—и слышать объ этомъ не хочу, понимаешь ли, жена? Помни же это, или я докажу, что твоимъ прихотямъ будетъ конецъ, когда я захочу.

Старуха Рузмаль поняла изъ словъ мужа, что онъ не шутитъ, и отвѣчала спокойно:

— Ну хорошо, хорошо, не станемъ говорить объ этомъ; нечего тутъ выть: Франциска останется дома; тебѣ нужно теперь обсудить, что ты намѣренъ изъ нея сдѣлать.

Эти послѣднія слова немного опечалили доктора; ему нетрудно было видѣть, что старуха не измѣнила своихъ мыслей и что она станетъ съ-этихъ-поръ искать другихъ хитростей, чтобы привести въ исполненіе свое опасное предназначеніе. Но онъ еще все думалъ, что его рѣчи произведутъ хорошее дѣйствіе на супруговъ, и простился съ ними, полу-утѣшенный, полу-недовольный.

Почти черезъ три мѣсяца послѣ этой сцены, въ одинъ день докторъ увидѣлъ идущаго къ нему ван-Рузмаль. Бѣднякъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и противъ привычки, шелъ очень медленно, какъ-точно онъ только что оправился отъ какой-нибудь трудной болѣзни. Старикъ Пелькмансъ подошелъ къ нему, схватилъ его за руку, пощупалъ пульсъ и сказалъ:

— Все хорошо у васъ, надѣюсь; но пульсу какъ-будто что-то неладно,—необыкновенно бьется. Что-же такое, кумъ?

Ван-Рузмаль поднялъ глаза и вздохнулъ.

— Франциска отправилась въ пансіонъ, сказалъ онъ.

— Тутъ нечего такъ печалиться. А въ какой пансіонъ вы ее отослали?

— Туда, гдѣ была Гортензія Спиналь. Не сердитесь на меня, мой добрый докторъ Пелькмансъ,—это не моя вина; вотъ болѣе двухъ мѣсяцовъ, какъ бѣда впуталась въ мое семейство,—пришлось уступить. Что дѣлать? Силъ не хватило переносить злой нравъ, слезы да хныканье и матери и дочери. Я увѣренъ, что отъ всего этого съ меня спало, по-крайней-мѣрѣ, добрыхъ десять фунтовъ.

Грустное впечатлѣніе изобразилось въ чертахъ доктора. Онъ пожалѣлъ о своемъ другѣ и сказалъ ему съ улыбкой:

— Другъ мой, ван-Рузмаль, отъ древнихъ Грековъ дошло до насъ описаніе необыкновеннаго человѣка, котораго называли они Геркулесомъ. Этотъ герой, по словамъ ихъ, совершалъ гигантскіе подвиги: раздвигалъ горы, останавливалъ теченіе рѣкъ, свертывалъ шею у дикихъ быковъ, душилъ змѣй какъ цыплятъ и—Богъ знаетъ чего не дѣлалъ онъ! Говорятъ даже, что однажды, для забавы, срубилъ у дракона однимъ ударомъ семь головъ, но чтобъ—во всю свою жизнь, столь обильную великими дѣлами,—могъ онъ одолѣть хоть одну женскую голову,—этого они не смѣли сказать изъ опасенія, что имъ никто не повѣритъ. Итакъ утѣштесь. Я изображалъ вещи въ худшемъ видѣ, съ тѣмъ единственнымъ намѣреніемъ, чтобъ напугать васъ; онѣ вѣроятно пойдутъ лучше, чѣмъ мы думали; но во всякомъ случаѣ пусть Франциска васъ навѣщаетъ разъ или два въ годъ; мы всегда успѣемъ пресѣчь зло въ самомъ его корнѣ—если только оно будетъ.

Старикъ ван-Рузмаль совершенно утѣшился, улыбнулся съ видомъ довольнаго человѣка, и пожавъ доктору руку, продолжалъ свой путь, какъ человѣкъ, котораго облегчили отъ тяжелой ноши.

III.

НЕ ДОЛЖНО ЗАНОСИТЬСЯ СЛИШКОМЪ ВЫСОКО, ЧТОВЫ НЕ ПРИШЛОСЬ
УПАСТЬ СЛИШКОМЪ НИЗКО.

Франциска вступила въ пансіонъ въ самомъ опрятномъ нарядѣ мѣщаночки; ея сундучекъ былъ плотно набитъ новенькимъ бѣльемъ; но прошло лишь нѣсколько дней отъ дня ея поступленія, какъ она уже начала, подъ разными предлогами, въ самыхъ красивыхъ выраженіяхъ, писать къ родителямъ и просить у нихъ денегъ. Вотъ какъ написано было первое письмо:

«Дорогая и милая маменька,

Я одѣта всѣхъ хуже въ пансіонѣ. Прочія дѣвицы смѣются надо мною, и говорятъ, что я, должно быть, просто какая-нибудь мужичка. Я все только плачу, мнѣ очень грустно и я вѣрно захвораю, маменька, если вы не сжалитесь надъ вашей бѣдной Франциской. Дочь парикмахера, который приходитъ брить панашу, тоже здѣсь въ пансіонѣ; у нея все прекрасныя шелковыя платья, какъ и у прочихъ дѣвицъ; одна только я хожу въ ситцевомъ платьецѣ; у меня нѣтъ ни шляпокъ, ни ботинокъ, такъ что я хожу всегда потунивъ отъ стыда голову, какъ какая-нибудь нищая, и не смѣю поднять глазъ; я становлюсь блѣдною, худою, и навѣрно слягу въ постель, милая маменька, если мнѣ придется еще долѣе такъ оставаться самымъ жалкимъ существомъ въ этомъ пансіонѣ. Я учу уже Телемака и такіе оказываю успѣхи въ танцахъ, что прочія дѣвицы мнѣ завидуютъ.

Свидѣтельствую паненькѣ тысячу ласокъ

Ваша вѣрная до гроба

Евдокія ванъ Рузмаль

Фрау Рузмаль не смѣла показать мужу этого письма. Ясно видѣла она, что въ этихъ жалобахъ заключались, такъ-сказать, предзнаменованія всѣхъ бѣдъ, предсказанныхъ докторомъ Пелькмансомъ. Въ нихъ господствовала уже нѣкоторая вѣтренность; послѣдняя фраза взята, кажется, изъ какого-то любовнаго романа; старуха по-пусту ломала голову, стараясь объяснить себѣ слово Евдокія, и приняла его наконецъ за переводъ имени Франциска на французскій языкъ. По чувству состраданія, или, лучше сказать, по слабости материнской, послала она дочери денегъ больше, чѣмъ та ожидала. Это повторялось нѣсколько разъ. Франциска владела уже искусствомъ изобрѣтать маленькіе обманы, способствующіе, какъ говорится, выражать до капли дѣтскую любовь. Читатель удивится, быть-можетъ, такой быстрой переимѣнѣ; но молодая дѣвушка владела уже не сама собою: среди подругъ она имѣла не менѣе ста наставницъ, которыя учили ее и словомъ и примѣромъ. О! съ этой блистательной стороны воспитанія, ей-истинно ни въ чемъ не было недостатка. Въисходѣ перваго мѣсяца у ней было шелковое платье съ гладкой таліей: это было тогда въ большой модѣ; на другой мѣсяць, атласная шляпка съ цвѣтами; на третій, зонтикъ; на четвертый платье, очень открытое. Съ пятаго мѣсяца она употребляла уже помады и миндальное молоко, и гдѣ то была запрятана у ней шкатулочка, въ которую по временамъ она опускала пальцы и нагло пачкала румянами свои свѣжія щеки, собственно только для того, чтобъ попробовать, хорошо ли шли къ ней румяна. Благопристойно ли такое воспитаніе и прилично ли оно дочери мѣщанина?

Между-тѣмъ быстро подвигался къ концу и шестой мѣсяць, а это было именно время первыхъ вакансій. Что скажетъ докторъ Пелькмансъ, когда увидитъ Франциску въ пышныхъ платьяхъ, съ опрысканной духами головкой, съ этимъ жеманнымъ ротикомъ, вѣчно улыбающимся съ намѣреніемъ выказать зубы? Опытный глазъ его постигнетъ это женское сердце, и откроетъ въ немъ заразу, пустившую уже свои ростки. Не было никакого сомнѣнія, чтобъ онъ могъ ошибиться; но при самомъ отправленіи Франциски изъ пансіона, мать шепнула ей на ухо слѣдующее:

— Главное смотри, Франциска, не будь недогадлива на первый

разъ своего отпуска: не гордись, не жеманься, потому-что, если замѣтитъ это докторъ Пелькмансъ, то будь увѣрена—отецъ не позволитъ тебѣ возвратиться въ пансіонъ.

Франциска была уже слишкомъ хитра, чтобъ пропустить безъ вниманія такое предостереженіе; не разъ случалось ей смѣяться съ подругами, когда онѣ совѣщались какъ бы удачнѣе про- вести доктора, который всюду втирается со своимъ носомъ.

Она пріѣхала съ матерью послѣ обѣда, и вышла изъ кареты у двери лавки. Но та ли это Франциска, которую вы знаете? Истинно можно обмануться: одѣта была она, какъ только свойственно одѣваться мѣщаночкѣ; волосы приглажены безъ всякой прививки, ни шляпки, ни помады; вмѣсто того, чтобъ держать, какъ привыкла, голову снѣсиво, она скромно опускаетъ глаза;—просто водой не мутить. Докторъ начинаетъ дѣлать ей разные вопросы: въ отвѣтахъ она такъ простодушна, такъ осторожна, такъ застѣнчива, такъ скупа на слова, что и самъ онъ наконецъ опѣшилъ.... Францискѣ будетъ позволено снова отправиться въ пансіонъ.

Пока дочь ванъ-Рузмаль срывала первые плоды своего французскаго воспитанія, въ лавкѣ и въ семьѣ мастера Спинала не все обстояло благополучно; покупатели его—Юная Франція—расплачивались съ нимъ очень рѣдко, а съ окончаніемъ каждаго театральнаго года, комедіанты, расходясь, запасались *въ долгъ* сапогами и всякою обувью. Гортензія между-тѣмъ не меньше прежняго тратила значительныя суммы на бездѣльныя украшенія и лакомства; самъ онъ, вѣроятно не давалъ тоже маха. Словомъ, мастеръ Спиаль погрязъ съ ушами, и домъ его былъ уже въ тягостномъ залогѣ. Въ этомъ то горестномъ положеніи сапожникъ открылъ глаза. Обломки вывѣски, на которой былъ изображенъ сапогъ, ослѣплавшіи прохожаго своимъ блескомъ, давно уже валялись на чердакѣ и надъ лавкой оставалась слѣдующая надпись: *магазинъ башмаковъ*, а внизу: *Schœn magazin*. При томъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ Спиаль пустился въ шарлатанства, его фламандскіе покупатели забыли, кажется, къ нему и дорогу—въ памяти у нихъ остались только лопавшіеся черезъ недѣлю башмаки.... Мастеръ Спиаль въ своемъ пальто, въ панталонахъ шоколатнаго

цвѣта и съ лагуною цѣпочкой, сѣлъ на мель. Несчастному приходилось лишиться всей своей собственности!

Зло по свойству своему — деспотъ: если оно однажды за- кралось въ наше сердце и принято благосклонно, то оно овла- дѣваетъ всѣмъ и начинаетъ исторгать одинъ за другимъ, до послѣдняго, всѣ корни, на которыхъ еще крѣпятся наши вро- жденныя свойства. И надобно много мужества и непреклон- ной воли, чтобы выдти изъ такого положенія. Мастеръ Спи- аль подошелъ подъ это ужасное испытаніе — до нельзя онъ уронилъ себя. Весь въ долгахъ, бѣдный, въ крайней нуждѣ, онъ оплакивалъ, но слишкомъ поздно, свою непредусмотрительность, и питалъ еще единственную надежду найти утѣшеніе въ доб- рыхъ чувствахъ своей дочери; но и тутъ ошибся. Не думая о бѣдности, въ которой покидала отца, преступная Гортензія иска- ла забавъ на сторонѣ, и поддерживая свою роскошь, наживала кучу долговъ.

Къ этому времени, Гансъ Спиаль или Жюль, какъ ему взду- малось назвать себя, возвратился изъ Парижа. Однако, вмѣсто того, чтобы сѣсть на чеботарный треножникъ и помогать не- счастному отцу выбраться изъ бѣды, нашъ молодецъ любилъ лишь одѣваться по послѣдней модѣ, шататься по кофейнымъ домамъ, играть на бильярдѣ, курить сигары, и словомъ—под- ражая всѣмъ пріѣзжающимъ изъ Парижа, пускать пыль въ глаза. Мало этого, въ нуждѣ, онѣ съ сестрою уговорили от- ца—продать домъ, и продолжали расточать малость, оставлен- ную кредиторами. Мало-по-малу Спиаль впалъ въ такую бѣд- ность, что его невозможно было узнать съ виду; разорванныя въ локтяхъ рукава, засаленная и вся въ лохмотьяхъ одежда ясно свидѣтельствовали, что онъ уже не обрѣталъ въ себѣ ду- ху ни на малѣйшее усиліе для спасенія себя отъ нищеты. Но при всемъ томъ его негодные дѣти не переставали разряжаться, и даже на глазахъ отца вести жизнь разгульную. Изъ его же денегъ конечно отдѣляли они на свои распутства, а ему отка- зывали даже въ необходимомъ—вотъ до чего наконецъ дошли они!

Въ одно воскресенье,—когда мастеръ Спиаль, стыдясь сво- ихъ лохмотьевъ, не смѣлъ выдти даже въ церковь и со сле- зами на глазахъ, съ поникшею головою, сидѣлъ въ глубинѣ

мастерской, горестно размышляя о своемъ прошедшемъ поведеніи и о развратности своихъ дѣтей, вошелъ къ нему какой-то молодець. Былъ ли это мальчишка-портной или кто-нибудь другой, трудно было вѣрно опредѣлить по его наряду. Войдя, онъ безъ дальнихъ церемоній спрашивалъ Жюля и Гортензію Спиналь; увидѣвъ челоуѣка, бѣдно одѣтаго, онъ принялъ его за слугу, и обратясь къ нему, сказалъ на дурномъ французскомъ языкѣ:

— Послушай, поди скажи г. Жюлю и г-жѣ Гортензіи, что ихъ ждуть—все готово къ отъѣзду.

Изумленный Спиналь не трогался съ мѣста и глядѣлъ на посѣтителя, а тотъ, замѣтивъ такую непокорность, прибавилъ съ грубостью:

— Чтѣ жъ ты доложишь обо мнѣ?

Спиналь вдругъ поблѣднѣлъ и задрожалъ; онъ устремилъ на дерзкаго оратора глаза, въ которыхъ, казалось съ, сверкала молнія. Но тотъ, горя нетерпѣніемъ, показывалъ видъ, будто замахивается палкой и грозно кричалъ:

— Бездѣльникъ! я отколочу тебя!

Яростный ревъ вырвался изъ груди сапожнаго мастера; онъ всталъ, схватилъ понавшійся ему подъ руку подтягъ и стегнулъ имъ молодаго челоуѣка прямо по лицу; потомъ, не давъ ему опомниться, силой вытолкалъ его изъ дому. Послѣ чего, Спиналь, все еще встревоженный, заперъ за собою дверь, и рѣшительно поднялся на своихъ дѣтей. Давно уже онъ не чувствовалъ въ себѣ духу сдѣлать имъ малѣйшій выговоръ; но въ эту минуту, пылая гнѣвомъ, онъ не могъ удержаться отъ упрековъ, которые они заслуживали своимъ безчестнымъ поведеніемъ. Онъ засталъ ихъ, того и другую, разряженныхъ, съ тростию и зонтикомъ въ рукахъ; они были готовы отправиться, чтобъ съ нѣкоторыми друзьями, какъ они говорили, сдѣлать пикникъ въ Брюсселѣ. Увѣщанія несчастнаго отца были строги и полны горечи, но не произвели никакого впечатлѣнія въ сердцахъ злыхъ дѣтей.

Выведенный совершенно изъ себя такимъ безмѣрнымъ развратомъ и слѣпымъ безумствомъ, Спиналь, кинулся къ двери и заступилъ имъ дорогу.

— О проклятое исчадіе! вскричалъ онъ: мало вамъ того, что довели меня до крайней нищеты? Неужели еще хотите меня

уморить своими поступками? Неужели не довольствуетесь тѣмъ, что проматываете добро, которое я добываю въ потѣ лица, ведете постыльную жизнь, между-тѣмъ какъ мнѣ приходится жить по-нищенски, безъ одежды, безъ хлѣба? И того недовольно, что какой-то дерзкій франтъ принимаетъ меня за лакея моихъ дѣтей, и кричитъ прямо мнѣ въ лицо, что отколочитъ меня тростью, и все это въ моемъ собственномъ домѣ? И недовольно ли того наконецъ, что вы видите, какъ я терплю голодь и вышлагаиваю всѣ слезы, а вы свободно купаетесь въ наслажденіяхъ? И такъ, приходится мнѣ умереть какъ собакѣ, а? Сойти въ могилу, и унести туда всеобщее презрѣніе, ненависть отъ своихъ дѣтей; такъ и смерть моя не пробудитъ ни одного чувства сожалѣнія или состраданія?... Нѣтъ! всему конецъ! Мѣра беззаконія исполнена. Вы не выйдете отсюда, и если сейчасъ не снимите этихъ парадныхъ нарядовъ, то я васъ, какъ гадинъ, раздавлю подъ ногами!...

Несчастный старикъ скоро убѣдился, что его дѣти зашли слишкомъ далеко.

Черезъ нѣсколько минутъ, Жюль и Гортензія вышли изъ дома. По необыкновенной краснотѣ, горѣвшей еще на ихъ лицахъ, и по стараніямъ поправить помятую одежду, легко было замѣтить, что они только сейчасъ вышли изъ сильной борьбы, но при всѣмъ томъ они ускоряли шаги, чтобъ догнать веселое общество, съ которымъ готовились предаться въ столицѣ удовольствіямъ.

Спустя около мѣсяца послѣ этой сцены (это было кажется въ субботу), старикъ ван-Рузмаль сидѣлъ за своимъ прилавкомъ, занятый сведеніемъ счетовъ по своей гроеъ-бухѣ. Болѣе часа неотступно искалъ онъ трехъ *денъе*, которыхъ не досчитывался при каждомъ новомъ сложеніи. Эту операцію онъ производилъ съ такимъ жаромъ, что отъ нетерпѣнія у него катился по лбу потъ и закружилась голова.

— Опять! вотъ повѣрка, такъ повѣрка, наконецъ вскричалъ онъ съ отчаяніемъ. Всѣ эти столбцы, сосчитанные по пальцамъ, составляютъ вмѣстѣ 65 флориновъ, 8 штиверовъ и 6 денъе... а на этой бездѣльной бумагѣ нашель только 2 денъе. Я очень бы могъ отбросить ихъ, и дай Богъ, чтобъ только больше этого не приходилось! Да не въ томъ дѣло. — Надобно отыскать

ихъ; какъ говорится: *всякъ при своемъ, только я ни причемъ*. Поищемъ еще!

Но почти въ то самое время, какъ ван-Рузмаль яростно пустился вновь на поискъ трехъ денье, растворилась дверь и кто-то робко вошелъ въ комнату. Удивленный лавочникъ вспрыгнулъ на стулъ, выпучилъ глаза на посѣтителя, и не говорилъ ни слова. Человѣкъ, едва осмѣлившійся ступить два шага по комнатѣ, казалось, былъ доведенъ до послѣдней степени нищеты; блѣдный, худой, съ растрепанными волосами, въ изорванной одеждѣ, съ босыми ногами, стоялъ у дверей, какъ-будто пришелъ просить милостыни. Рузмаль сначала не узналъ его и продолжалъ осматривать вопросительно. Этотъ обзоръ казалось, смутилъ посѣтителя, и—двѣ крупныя слезы блеснули у него на рѣсницѣ.

— Мастеръ Спиналь, что тебѣ надобно? наконецъ съ недо-вѣрчивостію спросилъ лавочникъ. Если ты пришелъ снова занимать у меня денегъ, то можешь уйти такъ же, какъ и пришелъ; увѣряю тебя, что если за этимъ будешь приходить, никогда не найдешь меня дома.

При этихъ послѣднихъ словахъ, слезы рѣкою полились изъ глазъ сапожника.

— Старикъ ван-Рузмаль, сказалъ онъ, рыдая, пришелъ я къ тебѣ не денегъ занимать и не милостыни просить. Не гналъ бы ты меня, когда бы зналъ мое несчастіе. Всѣ меня презираютъ, и я лишень даже утѣшенія рассказать кому-нибудь о своемъ бѣдствіи. Я обманулъ тебя, ван-Рузмаль, но ты былъ моимъ другомъ; не откажи мнѣ, по-крайней-мѣрѣ въ состраданіи.

Не безъ смущенія услышалъ Рузмаль умоляющій голосъ Спиналя. Онъ тотчасъ догадался, что ему нечего страшиться этого несчастнаго, и что на этотъ разъ вовсе не была при-творною глубокая нищета, въ которую былъ погруженъ чело-вѣкъ, бывшій такъ долго искреннимъ его другомъ и почти братомъ. Привычное его великодушіе тотчасъ смѣнилось недо-вѣрчивостію, и глаза его невольно стали наполняться слезами. Онъ схватилъ руку Спиналя, и приглашая его сѣсть, подвинулъ къ нему стулъ.

— Вижу, сказалъ онъ: ты несчастливъ. Итакъ, забыто все,

садись и скажи мнѣ, чѣмъ я могу услужить тебѣ. Не бойся, говори. Обѣщаю помочь во что бы то ни стало.

— Прошу единственной милости, позволь мнѣ рассказать те-бѣ все, что я перенесъ, позволь перелить свою горестъ въ сердце лучшаго друга, какого я когда-либо имѣлъ. Если я столько лѣтъ отъ тебя бѣгалъ, то право не потому, что моя любовь и уваженіе къ тебѣ уменьшились; нѣтъ, я чувствовалъ, что передъ тобою виноватъ, и не смѣлъ являться на глаза честному чело-вѣку. Теперь я въ такомъ несчастіи, что нахожусь принужденнымъ покинуть свое отечество и укрыть стыдъ и горе на чужой сторонѣ, буду скитаться какъ бродяга; но мнѣ все еще думается, что ты, ван-Рузмаль, простишь меня пре-жде, чѣмъ я отправлюсь изъ мѣстъ, въ которыхъ родился и которыхъ больше не увижу.

Эти слова, произнесенныя съ глубокою горестію, сильно тро-нули лавочника. Съ искреннимъ участіемъ онъ снова схва-тилъ руку друга и сказалъ ему:

— Ясно вижу, ты очень несчастливъ. Но оставлять оте-чество, мой любезный Спиналь!... Нѣтъ, нѣтъ, не отчаявайся. Правда, я привыкъ, въ торговлѣ, всегда тянуться за полуш-кой, но это не помѣшаетъ мнѣ вывести изъ нужды лучшаго друга, хотя бы мнѣ пришлось отдѣлится отъ себя столько, что послѣ и не поправиться. Говори же, мой любезнѣйшій Спиналь, говори смѣло, и ты доставишь мнѣ удовольствіе — я рѣшился помочь тебѣ.

Улыбка признательности освѣтила изнуренное лицо сапож-ника; слезы катились еще по щекамъ его, и онъ отвѣчалъ рас-троганнымъ голосомъ.

— Благословляю милосердаго Бога, внушившаго мнѣ мысль искать у тебя послѣдняго утѣшенія, ван-Рузмаль. Болѣе года прошло—и это еще первая радость. Да наградиъ тебя Богъ! Но выслушай меня, и ты поймешь, что тебѣ нѣтъ возможности предложить какую-либо помощь, кромѣ дружескаго состраданія. Тебѣ извѣстно, какая гадкая мысль побудила меня подражать шарлатанству нашихъ сосѣдей; я дошелъ до того, что отсту-пился отъ нравовъ нашихъ предковъ и отъ старинной нашей фламандской честности; чтобъ скорѣй нажить состояніе, плу-туя въ торговлѣ, я проигралъ въ эту гибельную игру всѣ

плоды моихъ прежнихъ трудовъ. Пословица правду говоритъ, мой другъ: лучше синичку въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ. Зачѣмъ тогда я не понималъ этого! Но, къ-несчастію, мало мнѣ было выѣзжать одному на счетъ другихъ: задумалъ я напоить и своихъ дѣтей этимъ ядомъ—вотъ что было причиною всего ужаснѣйшаго въ моемъ несчастіи. Еслибы никогда не приходило мнѣ въ голову отдавать Терезу во французскій пансіонъ, и теперь бы я еще былъ попрежнему мастеромъ Спиналемъ.... Но ты блѣднѣешь, ван-Рузмаль; ты дрожишь....

— Это ничего, продолжай. Я думалъ о нашей Францискѣ, которая теперь въ томъ же пансіонѣ.

— Возьми ее назадъ какъ можно скорѣе, ван-Рузмаль. Умоляю тебя, возьми ее домой. Я увѣренъ, что теперь уже едва ли ты узнаешь ее.

— Ты, кумъ, можешь-быть правду говоришь. Но продолжай: мнѣ непременно хочется знать, могу ли я быть тебѣ полезенъ.

— Видишь, ван-Рузмаль, у меня оставалось еще довольно разсудка, чтобъ выпутаться во-время изъ бѣды, еслибы я могъ предвидѣть, что ждало меня съ дѣтьми. Они пили, ѣли, играли и танцевали до того, что наконецъ все въ трубу пустили; даже когда уже ничего не осталось, такъ и тутъ продолжали эту адскую жизнь, наживая долги. Вотъ такъ-то они промотали и капиталъ и доходъ, Я и такъ, я и сякъ — ничто не беретъ. Я захворалъ отъ этого, и они бросили меня въ постели безъ помощи, какъ-будто ждали только моей смерти....

Спиналь замолчалъ. По его голосу, тягостно произнесшему эти послѣднія слова, было ясно, какъ тѣснилъ ему грудь разсказъ о подобномъ поступкѣ. Лавочникъ также ни слова не говорилъ: онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ.

— И теперь, продолжалъ Спиналь: домъ мой пусть, какъ-будто никто никогда въ немъ не жилъ. Недавно они все унесли, даже одѣяло съ моей постели: ихъ нѣтъ здѣсь.—Дочь, которую я такъ любилъ, люблю еще и теперь, несмотря на ея дурное поведеніе, уѣхала не знаю куда.... въ Брюссель, а сынъ Гансъ, твой недостойный крестникъ, воротился въ Парижъ. Что касается до меня, сознаюсь тебѣ, другъ ван-Рузмаль, не смѣю здѣсь показывать глазъ. Вездѣ встрѣчаю только лица

кредиторовъ, и со мною обходятся какъ съ плутомъ и вичимъ. Въ несчастіи, чувство чести вступило въ свои права, и я не могу уже переносить подобную жизнь.... Но какъ изъ нея выйти? Никто ничего мнѣ не заказываетъ. Прочіе сапожники отказываются взять меня въ работники; нѣтъ пищи, нѣтъ постели, куда приклонить голову; даже нѣтъ платья прикрыть наготу. Домъ достался не знаю кому, и мнѣ понадобится изъ него выбраться не позже, какъ завтра. Ахъ! ван-Рузмаль, я очень наказанъ за желаніе подняться слишкомъ высоко — видишь, куда я упалъ по своей ошибкѣ.

Съ большимъ вниманіемъ и со слезами на глазахъ слушалъ ван-Рузмаль разсказъ своего друга. Когда же тотъ кончилъ, онъ вскричалъ полу-сердито:

— Но, другъ мой, Спиналь, я не знаю, зачѣмъ ты такъ упрямо скрываешь то, что именно мнѣ хочется знать. Ты говоришь, что покидаешь отечество; но я не вижу, что тебя къ этому побуждаетъ. Такой другъ, какъ я, очень можетъ дѣлать, что ему угодно; посмотримъ: велики ли твои долги?

— Я понимаю тебя, вскричалъ Спиналь съ удивленіемъ. Но, клянусь тебѣ Богомъ, не позволю совершить подобный поступокъ. Я уже и тѣмъ довольно счастливъ, что вижу человѣка, который столько еще меня уважаетъ, что хочетъ помочь мнѣ. Отпусти меня, ван-Рузмаль. Я буду работать какъ негръ; и если не успѣю до смерти уплатить всего, что долженъ, то по-крайней-мѣрѣ, въ усердіи не будетъ недостатка. Дай же мнѣ руку, я уйду съ утѣшеніемъ, что наконецъ я снова твой другъ. Кумъ, молись иногда за моихъ дѣтей.

Лавочникъ, казалось, вдругъ оставилъ свое предназначеніе, и всталъ со стула:

— Если это кажется тебѣ невозможнымъ, сказалъ онъ, такъ и не станемъ говорить. По-крайней-мѣрѣ ты выпьешь со мною чарочку на прощанье. У меня есть еще въ погребу бутылка одиннадцатилѣтняго.... знаешь!... Садись пока, Спиналь, и не унывай больно. Въ годъ много протечетъ воды въ Шельдѣ. Несчастіе съ маху набѣгаетъ, и счастье тоже является неожиданно. Одному только Богу извѣстно, какъ идутъ дѣла. Ну, ненадобно тебѣ отчаяваться. Я сейчасъ ворочусь.

Сказавъ это, ван-Рузмаль побѣжалъ на погребъ, и черезъ

нѣсколько минутъ воротился; поставилъ на столъ двѣ рюмки для рейнскаго, налилъ ихъ съ краями наровнѣ, и сказалъ Спиналю:

— Ну, кумъ, коли ты рѣшительно хочешь оставить отечество, за твое здоровье! и пусть Богъ будетъ твоимъ путеводителемъ!... Хорошее вино!... Что ты о немъ скажешь?... Ну, если ты никакъ не соглашаешься принять отъ меня пособія, то все же можешь сказать, до чего простираются твои долги, и какъ ты располагаешь уплатить ихъ. Многого не наживешь скоро одною работою, не торгуя ничемъ—ты это очень знаешь.

— Я знаю это очень хорошо, другъ, ван-Рузмаль; но какъ же быть? Невозможнаго не сдѣлаешь. Откажусь отъ хлѣба, если понадобится, только бѣ примириться съ совѣстью и хоть по немногу уплачивать каждый годъ; если милосердный Богъ продлитъ мнѣ жизнь, можетъ-быть мнѣ и удастся еще до смерти расплатиться въ этомъ мѣрѣ со всѣми моими долгами? кто знаетъ? Шесть сотъ флориновъ легко можно по копѣйкѣ накопить въ двадцать лѣтъ.

— Такъ ты говоришь шесть сотъ флориновъ — голландской монетой?

— Нѣтъ, брабантской. Я былъ долженъ гораздо больше; но когда продали мой домъ, такъ изъ него всякъ старался взять свою долю.

— Гм! шесть сотъ піастровъ брабантскихъ! И не больше, ни штиверомъ, ни денье.

— Шестдесять штиверовъ семь денье и—ни полушки больше. Видишь, какъ я знаю счетъ.

— Выпьемъ еще по рюмочкѣ, мастеръ Спиналь. Да, я думаю, что тебѣ возможно современемъ скопить эту сумму; а дѣти твои поправятся съ своей стороны. Всякъ былъ молодецъ, кумъ. Разумъ прежде лѣтъ не придетъ, какъ говоритъ пословица. Ай, да что же это, намъ, кажется, нечего здѣсь и погрызть съ виномъ. Подожди немного; я схожу за полдюжиной кренделей.

Въ этотъ разъ, ван-Рузмаль долго не возвращался; дольше конечно, чѣмъ нужно было для отысканія вышесказанныхъ закусокъ. Наконецъ, возвратившись, онъ поставилъ на столъ полную тарелку кренделей, и обратясь къ сапожнику, растроган-

ному столькими милостями, онъ самымъ серьезнымъ тономъ началъ говорить ему въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Спиналь, мы были воспитаны вмѣстѣ, какъ дѣти сосѣдей; отецъ твой былъ лучшимъ другомъ моего отца. Мы всегда вмѣстѣ проводили наши первые, лучшіе годы; наконецъ, до сорокалѣтняго возраста оставались неразлучными, какъ братья. Ты никакъ не могъ забыть меня, иначе не пришелъ бы повѣдать мнѣ свое горе. Я всегда хранилъ къ тебѣ дружбу: потому-то при первомъ твоёмъ словѣ о ней, у меня изъ глазъ потекли слезы. Итакъ я имѣю право помочь тебѣ въ нуждѣ, и, по крайности, ссудить тебя нѣсколькими монетами на путь. Но, такъ какъ счетъ дружбѣ не мѣшаетъ, то ты сейчасъ дашь мнѣ росписку, что получилъ отъ меня такую-то сумму. Вотъ росписка, совсѣмъ готовая; что-бы въ ней ни было, ты подпиши только свое имя внизу, не читая. Ты чувствуешь, что я не позволю тебѣ отираться съ пятью или шестью піастрами въ карманѣ, и остаться даже безъ куска хлѣба. И чтобъ рѣшительно положить конецъ всякому на этотъ счетъ спору, прошу тебя какъ другъ: подпиши эту бумагу, не глядя.

Спиналь, у котораго не было, какъ говорится, ни полушки за душой, и который, можетъ-быть, внутренно былъ очень доволенъ, что, къ счастью, нашелъ друга, желающаго ссудить его кое-какими деньгами на дорогу, не говоря ни слова пожалъ руку лавочнику, взялъ перо и подписалъ.

Рузмаль вырвалъ у него изъ рукъ едва подписанную росписку, поднялъ свой полный стаканъ вровень съ лицомъ и радостно вскричалъ:

— Вотъ, другъ мой, Спиналь, ты и совершилъ свое путешествіе, не выступивъ шагу изъ нашей доброй Фландріи! Ну! За счастье твоей новой лавки! Выпей же и ты за лучшее желаніе, какое я когда-либо имѣлъ въ своей жизни. Ну, что же? Что ты на меня выпучилъ глаза! Тебя дрейфуетъ, кумъ. Вотъ ты и попался въ западню. Ура! Ура!

— Не понимаю, что ты хочешь сказать, вскричалъ Спиналь, еще не оправившись отъ удивленія. Ты смѣешься такъ отъ души, что это и самого меня радуетъ. Да что же такое случилось?

— Что случилось?... взгляни-ка, въ какой суммѣ далъ ты квитанцію.

Говоря эти слова, онъ раскрылъ бумагу передъ глазами мастера-сапожника, но стараясь ее держать въ отдаленіи, и показалъ ему пальцемъ на число *тысячу*, выведенное красивыми цифрами.

— Тысячу флориновъ! вскричалъ Спиналь, и протянулъ руку, чтобъ схватить бумагу, но не успѣлъ въ томъ. Тысячу флориновъ!

— Да, тысячу добрыхъ монетъ; славныя деньги, сказалъ торжествующій ван-Рузмаль, кидая на столъ мѣшокъ съ деньгами и нѣсколько банковыхъ билетовъ. А вотъ и сумма!

— Никогда!... О! не принуждай меня брать эти деньги, сказалъ сапожникъ, рыдая; и объятый внезапнымъ страхомъ, весь въ слезахъ, ручьями катившихся по его щекамъ, онъ прибавилъ:—Охъ! если ты могъ подумать, что я за этимъ пришелъ!...

— Ну вотъ! надѣюсь, что ты не сдѣлаешь глупости: не оставишь мнѣ эту квитанцію, не взявъ денегъ. Но слушай, другъ, Спиналь: мы посмѣемся когда придетъ время, а теперь станемъ говорить о дѣлѣ. Я богатъ; моя единственная дочь никогда не будетъ не въ чемъ нуждаться, если будетъ благоразумна. Лавка приноситъ и въ добрый и въ худой годъ нѣсколько тысячъ флориновъ; а капиталъ и доходы все наше. Что такое для меня тысяча флориновъ? Почти ничего — трудъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. И я допустилъ бы своего искренняго друга покинуть отечество, таскаться по свѣту изъ-за такой бездѣлицы! Слушай! Вотъ какъ я устроиваю вещи: ты пойдешь сейчасъ расплатиться со всѣми кредиторами во всѣхъ долгахъ, и изъ враговъ, какъ были до этого, они скоро сдѣлаются твоими товарищами. У меня здѣсь въ улицѣ, на углу, есть домъ, который не служитъ мнѣ ни къ чему; ты займешь его. Купишь кожъ и возьмешь работниковъ. Я буду помогать тебѣ, пока твоя работа не пойдетъ сама-собою въ ходъ. Но съ тѣмъ однакожъ, что на твоей новой лавкѣ у тебя не будетъ другой вывѣски кромѣ: Спиналь, сапожный мастеръ. Ты будешь съ этихъ поръ отпускать хорошую работу и совершенно честно, за то и принимать ее стануть съ довѣренностію. Я доставлю тебѣ доволь-

но покупателей. Такъ какъ въ роспискѣ число неопредѣлено, то деньги ты мнѣ отдашь тогда, когда будешь въ состояніи. Что касается до твоихъ дѣтей, оставь ихъ нѣкоторое время въ школѣ несчастія, — ты увидишь, что они придутъ просить у тебя прощенія. А теперь, другъ мой, Спиналь, принимайся поскорѣй за свое прежнее ремесло; предупреждаю тебя, что въ будущее воскресенье, послѣ вечернихъ молитвъ, я рассчитываю идти съ тобою въ Стинбургъ, распить бутылку хорошаго пива и сыграть партію, какъ говорится, на чистыя денежки. Согласенъ ли ты?

— Должно ли мнѣ принимать всѣ милости твоей доброй души? спросилъ Спиналь съ нѣкоторымъ родомъ замѣшательства.

— Обними меня — вотъ и всѣ тутъ благодарности, сказалъ ван-Рузмаль. Сегодняшнее мое счастье стѣбитъ болѣе тысячи флориновъ. Въ объятія, другъ Спиналь! Въ сторону ложный стыдъ.

Со слезами радости оба друга крѣпко обнялись и съ минутой не могли сказать ни слова. Послѣ чего, и все еще молча, выпили каждый по полному стакану рейнскаго вина.

Наконецъ Рузмаль сказалъ, понизивъ тонъ:

— Спиналь, обѣщайся мнѣ не говорить о всемъ этомъ ни слова моей женѣ. Женщины неменьше нашего имѣютъ чувствъ; но онѣ хотять дѣйствовать по своему, и терпѣть не могутъ, чтобъ мужчины поступали по своему. Плати ей за квартиру какъ будто ни въ чемъ не бывало. А главное берегись покупателей — Юной Франціи, коли не забылъ еще!...

— Нечего опасаться — не поймаютъ, другъ Рузмаль: осель не спотыкнется тамъ, гдѣ разъ ужъ споткнулся. Все кончено, ты можешь положиться на меня — знаю я лукавцевъ. На хитрости и плутни, такъ всѣ они другъ-друга стоятъ; мнѣ такъ еще отъ нихъ солоно, что, еслибы кто-нибудь ко мнѣ пришелъ заказывать пару башмаковъ и заговорилъ по-французски, то ужъ одно это произвело бы на меня грустное впечатлѣніе.

— О! О! Кумъ! Не надобно заходить ужъ черезчуръ далеко. Французы, торгующіе въ Антверпенѣ, все люди честные, и ихъ много въ числѣ моихъ лучшихъ покупателей. Пойдемъ лучше

взглянуть на твое новое жилище. Ты увидишь, какъ оно со-держится! Спрячь же поскорѣй все это къ себѣ въ карманы.

Не прошло еще недѣли, и Спиналь уже совершенно поселился въ домѣ, который ван-Рузмаль далъ ему въ наемъ или, лучше сказать, отъ котораго онъ совсемъ отступился. Въ лавкѣ было уже вдоволь и кожъ и обуви, а въ рукахъ двухъ мастеровыхъ, сидѣвшихъ возлѣ мастера, кипѣла работа. По про-шествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, у Спиная было уже порядочное число покупателей, частію по причинѣ хорошаго качества товара, частію по милости рекомендаціи неутомимаго ван-Рузмая. Оба наши друга не пропускали ни одного воскресенья, чтобъ не сходить прогуляться вмѣстѣ въ Стинбургъ, и провести вечеръ, какъ говорится простонародно, въ скупой игрѣ, въ какомъ-нибудь шинкѣ; словомъ, они вошли опять во всѣ свои старыя привычки, и еслибы не печаль, которую причиняла Спи-налю судьба его дѣтей, то имъ, тому и другому, только бы ра-доваться всему случившемуся.

IV.

НА БРЮХЪ-ТО ШОЛКЪ, А ВЪ БРЮХЪ-ТО ЩЕЛКЪ.

Постыдное поведеніе и судьба Гортензій Спиналь побудили старика ван-Рузмая умолять жену о возвращеніи Франциски. Въ этихъ трудныхъ переговорахъ немало ему помогалъ докторъ Пелькмансъ. Наконецъ, въ исходѣ третьяго года, полага-я, что Франциска приобрѣла уже довольно французскаго вос-питанія, а главное, желая ее увидѣть (во вторую вакансію моло-дая дѣвушка не изъявила желанія ѣхать къ роднымъ), фрау ван-Рузмаль согласилась удовлетворить желанію мужа и докто-ра. Написали прекрасное письмо, въ которомъ благодарили нас-тавницъ за ихъ попеченія, и въ томъ же письмѣ извѣщали

Франциску, что пятнадцатаго числа текущаго мѣсяца, въ че-тыре часа пополудни, за нею приѣдетъ мать на желѣзную до-рогу.

Погода въ этотъ день была великолѣпная. Почти за полчаса до прибытія машины, какая-то женщина, уже въ лѣтахъ, при-шла и сѣла совершенно одна въ конторѣ желѣзной дороги. Она была очень опрятно одѣта, въ чепчикѣ на головѣ изъ самыхъ лучшихъ кружевъ и въ мантильи изъ тонкаго сукна. Легко однако было догадаться, что эта женщина была добрая мѣщан-ка, одѣвшаяся по какому-то необыкновенному случаю въ свой праздничный нарядъ, что достаточно доказывалъ необыкновен-наго размѣра зонтикъ, какимъ она запаслась для сбереженія наряда въ-случаѣ дурной погоды.

Сердце Фрау ван-Рузмаль — это была она — сильно билось отъ нетерпѣнія и материнской нѣжности. Итакъ она обниметъ свою милую Франциску, свое возлюбленное дитя, и будетъ от-нынѣ непрерывно вкушать награду за всю скуку, за всѣ рас-при, за всѣ огорченія, которыя должно было ей претерпѣть, чтобъ доставить предмету столькихъ попеченій блестящее вос-питаніе. Какая ей радость — владѣть подобнымъ сокровищемъ?

Но вотъ ужъ на желѣзной дорогѣ раздается свистъ машины; изъ всѣхъ закоулковъ сарая, изъ кладовыхъ и лачугъ высту-паетъ толпа служителей. Визгъ чудовища-машины какъ бы очарованіемъ превращаетъ пустынный привалъ въ шумную и одушевленную арену, и среди криковъ и призывовъ приѣз-да вагоны останавливаются. Тутъ-то сильно забилося мате-ринское сердце—счастливая минута приближается! Старуха ста-новится при входѣ на станцію, внимательно разсматриваетъ лица всѣхъ молодыхъ, поспѣшно проходившихъ мимо нея дамъ. Уже кареты быстро отправляются одни за другими, и тяжелые омнибусы замыкаютъ путь. Не прошло нѣсколько ми-нутъ и — шумные паровозы поставлены по своимъ мѣстамъ, служители опять скрылись по лачугамъ, путешественники разошлись, — снова прежнее молчаніе водворилось на привалѣ. Старуха ван-Рузмаль видитъ, что запираютъ уже и рѣшетки, сердце ея сжимается горестью, и изъ груди вырывается болѣз-ненный вздохъ.... Она не видѣла своей Франциски.

Однако она стойтъ, и ни съ мѣста, какъ-будто какая-то тай-

ная сила приковала ее къ рѣшеткѣ, и долго бы, можетъ-быть, она оставалась тамъ, теряясь въ грустныхъ догадкахъ, если бы издали не замѣтила молодой дамы, остановившейся около кареты и поглядывающей вокругъ, какъ-будто кого-то ожидая.

— Да что! Не Франциска ли это? Нѣтъ, не можетъ-быть; это не простая дама: шелковое платье съ отливомъ обнажаетъ почти всю шею; конечно, легкая газовая косыночка и хочетъ, кажется, прикрыть ее, но ни чего не скрываетъ. При малѣйшемъ движеніи, длинныя локоны болтаются вокругъ лица; легкое перо вьется на ея богатой шляпкѣ; въ рукѣ она держитъ миниатюрный зонтикъ; наконецъ, у ногъ разбросаны по землѣ дюжина картоновъ всякихъ формъ и два большіе чемодана. Нѣтъ, ужъ конечно это не Франциска.

Вотъ какія наблюденія дѣлала про-себя старуха ван-Рузмаль, стараясь этими новыми мыслями разогнать огорченіе. Но вдругъ молодая дама обнаруживаетъ нетерпѣніе, и оборачиваясь при этомъ движеніи въ ту сторону, гдѣ стояла ван-Рузмаль, выказываетъ ясные черты своего лица. Боже! да это моя милая Франциска! И вотъ старуха, несмотря на пемощь лѣтъ, скачетъ какъ молодая дѣвушка, и съ сладостными слезами въ глазахъ и съ лицомъ, прояснившимся отъ веселой улыбки, простираетъ объятія къ дочери, крича въ волненіи:

— Франциска! дитя мое!

Имя Франциски какъ-будто приводитъ молодую даму въ какое-то замѣшательство — она вся краснѣетъ. Однако краска скоро исчезаетъ, и Франциска подходитъ на два или на три шага къ матери; но въ то самое время, когда та хочетъ обвить руки вокругъ шеи своей дочери, наша молодая щеголиха ловитъ руки матери и сильно жметъ ихъ, удерживая въ своихъ рукахъ.

— Здравствуйте, маменька, какъ ваше здоровье?... и какъ здоровье папеньки!... Знаете ли вы, что я васъ жду здѣсь ужъ съ полчаса.

Въ этихъ словахъ не было, разумѣется, ничего очень грубого, ни очень неприличнаго, и при всякомъ другомъ обстоятельствѣ, онѣ, можетъ-быть, и не могли бы показаться таковыми; но въ эту минуту онѣ какъ кинжаломъ пронзили чувствительное сердце матери. Въ-самомъ-дѣлѣ, такія ли рѣчи должна

была она ожидать отъ дочери послѣ годичной разлуки? Ни поцѣлуя, ни ласки! ей, которая въ-теченіе трехъ лѣтъ жила съ своимъ мужемъ почти въ вѣчной ссорѣ, по причинѣ своей слѣпой къ ней любви; ей, бѣдной женщицѣ, полагавшей всѣ свои надежды въ нѣжной взаимности услугъ и любви, которыхъ она ожидала отъ своей единственной дочери....

Конечно, безчувственность и сухость этого пріема были очень прискорбны доброй матери; она закрыла лицо обѣими руками и начала всхлипывать и лить горькія слезы.

Поспѣшимъ сказать, что врожденныя чувства Франциски не были еще всѣ угашены до того, чтобъ равнодушно смотрѣть на скорбь матери. Напротивъ, доброе свойство души ея взяло въ это время верхъ; она обвила руки вокругъ шеи матери поцѣловала ее въ обѣ щеки тѣмъ съ бѣльшимъ изліаніемъ чувствъ, что оно вырвалось, одолевъ, такъ-сказать, самого себя. Этой ласки достаточно было, чтобъ утѣшить старуху и сдѣлать ее совершенно счастливою. Она прижала дочь къ своей груди съ ревнивою нѣжностію, жадно впилась взоромъ ея въ глаза, и еще трепещущая отъ смущенія и внезапнаго страха, повторила: Франциска, моя милая Франциска!

Неправда ли, другъ читатель, что такія минуты рѣдки въ жизни, и какъ хотѣлось бы, чтобъ онѣ вѣчно длились? Но.... какъ жалки люди! Кто-то засмѣялся въ двухъ шагахъ отсюда. Франциска услышала смѣхъ. Она осматривается вокругъ себя и замѣчаетъ насмѣшливое выраженіе на лицѣ торчавшаго передъ ними молодаго человѣка, какъ-будто забавлявшагося зрѣлищемъ всѣхъ этихъ излишнихъ чувствительностей материнской любви. Краска стыда кидается въ лицо молодой дѣвушки; она тутъ же вырывается изъ объятій матери, и принимаетъ передъ ней довольно равнодушный видъ.

Въ-продолженіе этой сцены, раскиданныя картонки уложены были въ карету, которую онѣ такъ завалили, что въ ней уже невозможно была помѣститься двоимъ. Франциска рѣшилась бы на все въ мірѣ, чтобъ только драгоценныя лоскутья, заключающіяся въ картонкахъ, были какъ можно лучше уложены и никакъ бы не помялись или не испортились. Она приказала извозчику, живущему по сосѣдству съ ван-Рузмалемъ, свезти покла-

жу къ себѣ, а сама захотѣла идти пѣшкомъ въ городъ. Читатель, можетъ-быть, не обманулся бы, еслибы подумалъ, что это намѣреніе было не безъ глупаго тщеславія, и что эта пустая дѣвчонка была очень рада показаться въ полномъ своемъ нарядѣ передъ знакомыми своего околка.

Вотъ она распустила зонтикъ, и принявъ свободную поступь, пустилась къ городу, не оказывая матери ни малѣйшаго дѣтскаго вниманія. Эта неестественная холодность произвела горестное впечатлѣніе на фрау ван-Рузмаль. Она и думать не хотѣла, чтобъ у ея дочери было дурное сердце; но какъ пылко материнская любовь внутренно ни толковала въ ея пользу, не могла она однако не сознать, что совѣты и предсказанія доктора Пелькманса несовсѣмъ были безъ здраваго смысла. Грустно размышляя обо всемъ этомъ, она шла сзади дочери. Уже нѣсколько времени молчаніе не нарушалось, и обѣ онѣ вступили въ городъ. Наконецъ Франциска, осмотрѣвъ мать съ ногъ до головы, сказала:

— Какъ это вы, маменька, одѣваетесь? Въ этомъ гадкомъ чепцѣ и въ этой устарѣлой мантильи васъ примутъ за женщину самаго низкаго класса. Право, мнѣ будетъ стыдно! Спрячьте же этотъ скверный зонтикъ хоть подъ мантилью: съ нимъ мы похожи на мужичекъ, пріѣхавшихъ изъ деревни.

— Франциска, дитя мое, отвѣчала ван-Рузмаль тихимъ голосомъ, который ясно показывалъ, какъ глубока была ея печаль: я одѣта, какъ одѣвалась моя покойная мать, царство ей небесное! и не перемѣнять же мнѣ моду на старости лѣтъ. Не обращай на это вниманія; глупо бы было людямъ смѣяться надъ нами, какъ-будто мы зависимъ отъ кого-нибудь!

Между-тѣмъ Франциска поглядывала на прохожихъ, чтобъ видѣть, какой эффектъ производили ея собственныя прелести. Она не чувствовала себя отъ радости всякій разъ, когда какая-нибудь толпа вертопраховъ, повидимому, говорила о ней, а улыбка и глупое выраженіе ихъ лицъ, какъ-будто выражало: «Вотъ хорошенькая!»

Бѣдная мать по временамъ спрашивала у дочери о томъ, какъ она проводила время въ пансіонѣ, хотѣлось ли ей возвратиться къ своимъ родителямъ, и много другаго въ этомъ

родѣ. Но какъ она ни силилась себя утѣшить, завязывая съ дочерью дружескій разговоръ, да ни къ чему это не послужило. Рѣзвая Франциска и безъ того была довольно занята: надо было придавать походкѣ всю необходимую щеголеватость, и ловить глазами тамъ и здѣсь знаки удивленія, которыя, казалось ей, читала она на лицахъ встрѣчавшихся прохожихъ.

Когда онѣ пришли на молочный рынокъ, какой-то молодой человекъ подошелъ прямо къ Францискѣ, съ улыбкою на устахъ и съ такимъ дружескимъ обхожденіемъ, что можно было его принять за брата или за какого-нибудь родственника. Фрау ван-Рузмаль смотрѣла во все глаза, силясь узнать этого молодого человека; но она никогда прежде не видала его. А онъ, нимало не смущаясь отъ испытующаго взгляда старухи, поклонился Францискѣ и сказалъ ей по-французски, съ дурацкою ужимкой:

— А! здравствуйте, mademoiselle Eudoxie; такъ вы совсѣмъ вышли изъ пансіона? Антверпенъ имѣетъ теперь счастье владѣть такою прелестною особою; это истинное благополучіе для нашей молодежи, ибо между нашими дѣвками рѣдко встрѣтишь такую, которая вмѣстѣ бы въ себѣ разомъ столько очарованій.

На эту приторность Франциска отвѣтила однимъ изъ тѣхъ очаровательныхъ взоровъ, какіе только когда-либо скользили изъ-подъ длинныхъ, опущенныхъ внизъ рѣсницъ, и на лицѣ ея выразилось пріятное замѣшательство.

— Вы смѣетесь, monsieur George. Но какъ здоровье сестрицы вашей, Клотильды?

— Хорошо, очень хорошо! сказалъ молодой человекъ съ холодностію; потомъ, принявъ полу-насмѣшливый видъ, спросилъ у Франциски, показывая на старуху:

— Не няня ли это ваша?

При этомъ вопросѣ Франциска покраснѣла до бѣлковъ глазъ. Молодая щеголиха стыдилась уже своей превосходной матери. Послѣ минутнаго молчанія, она наконецъ сказала, и то какъ-будто противъ воли и съ нѣкоторымъ еще смущеніемъ:

— Нѣтъ, это моя маменька.

— А! а! вскричалъ подлипало, и обратясь къ старухѣ, поклонился ей принужденно и сказалъ:

Madame Rosemal, позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ почтеніе — у васъ прелестная дочь!

Старуха не поняла ни слова изъ этого привѣтствія, сказаннаго по-французски; но всѣ кривлянья, относившіяся лично къ ней, не ускользнули отъ ея взора, и она ясно видѣла, что была предметомъ дерзкой насмѣшки молодого наглеца.

— До свиданія, mademoiselle Eudoxie.

Съ глубокою горестью наблюдала мать за всей этой сценой, и конечно ея негодование тутъ же бы разразилось въ упрекахъ, еслибы другое чувство, горестнѣе этого для ея сердца, не удержало ее въ какомъ-то уныніи.

— Хорошъ молокососъ, право! За кого онъ принимаетъ насъ? Онъ, вѣрно, думалъ, что съ кѣмъ-нибудь другимъ говоритъ, потому-что тебя называлъ онъ Евдокіей, а меня госпожей Розмаль. Ну какъ ты можешь выслушивать болтовню подобнаго пустослова, который притомъ еще и не знаетъ тебя!...

Слова эти, повидимому, пришлись Францискѣ не по вкусу, потому-что она приняла ихъ съ сердитой миной, и отвѣчала тономъ гордаго сожалѣнія:

— Неужели вы думаете, что я провела битыхъ три года во французскомъ пансіонѣ, и не знаю даже, что прилично или нѣтъ? Этотъ молодой человекъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Клотильда, сестра его, была моя подруга, и онъ довольно часто приходилъ навѣщать ее.

— Не Вандертанженъ ли это? спросила мать.

— Да, это господинъ Вандертанженъ.

— Какъ! Франциска, да нестыдно ли тебѣ такъ жеманиться съ сыномъ цирюльника твоего отца! То monsieur, то mademoiselle, и для кого все это? для какого-то балбеса, негодяя, мота, объѣдающаго своего отца и съ утра до вечера утаптывающего мостовую.

— Однако, маменька, онъ получилъ очень хорошее воспитаніе, жилъ долго въ Парижѣ; и хотя онъ всего только парикмахеръ, но не имѣетъ недостатка въ познаніяхъ, и знаетъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— А! такъ ничего не дѣлать, сновать по цѣлымъ днямъ туда и сюда и быть стыдомъ своихъ родителей, называется знать съ кѣмъ дѣло имѣешь? Но я тебѣ говорю, Франциска, что я

не потерплю, чтобы ты допускала къ себѣ этихъ наглыхъ баклушиковъ. Что же касается до твоего имени, я всегда буду называть тебя Францискою, и ты будешь Францискою, пока я останусь въ этомъ мірѣ.

Это не понравилось Францискѣ, и она отвѣчала немного съ досадой:

— Виновата ли я, что пансіонскимъ дѣвицамъ захотѣлось переимѣнить мое имя; что касается и до меня, такъ мнѣ гораздо больше нравится называться Евдокіей ван-Рузмаль.

Несчастливая мать! Она невольно подумала въ эту минуту о поведеніи Гортензій Спиналь; внезапная горестъ объяла ее, и она содрогнулась всѣмъ тѣломъ. Она, вѣрно, насказала бы горькихъ истинъ своей дочери, еслибы, на этомъ мѣстѣ разговора, они не подошли уже къ порогу лавки. Въ ней никого не было, кромѣ хозяина, ван-Рузмалья, молвнаго въ это время кофе. Благодаря такому обстоятельству, Францискѣ не надобно было принуждать себя обнять отца; тамъ вовсе небыло посторонняго взора, отъ котораго пришлось бы ей краснѣть. Въ первую минуту простякъ предался всему порыву отеческихъ чувствъ, и въ душевной радости, принимался нѣсколько разъ цѣловать свою дочь, не обращая вниманія на ея прекрасный нарядъ. Но эти изъявленія взаимной любви были слишкомъ скоро прерваны Францискою: минуту спустя, она закричала по-французски:

— Маменька, комнату! укажите мнѣ, гдѣ моя комната. Нельзя же мнѣ оставить эти картоны валяться въ лавкѣ. Извозчикъ, помогите намъ перенести ихъ туда!...

Черезъ часъ, Франциска была уже въ своей комнатѣ, гдѣ, запершись двойнымъ оборотомъ ключа, предавалась важному занятію:—она вынимала шляпки и платья; дѣло не малое—разставить по мѣстамъ помадные банки и сткланки съ эссенціями, не забывая по временамъ поглядывать въ зеркало и наворачивать на пальцы папильотки своихъ кудрей, чтобъ придать имъ болѣе пріятности. Голосъ ея слышенъ былъ даже въ лавкѣ—она распѣвала вѣчное свое: O ma belle! sois moins cruelle, или какую-нибудь въ томъ же родѣ риторнель.

Во все это время, хозяинъ ван-Рузмаль стоялъ за стойкою словно одурѣлый. Усталая правая рука его покоилась еще на рукояткѣ кофейной мельницы, а другою онъ почесывалъ себѣ

ухо, какъ бы человѣкъ, у котораго въ головѣ бродить и то и сѣ. Устремивъ неподвижный взоръ на полъ, онъ, казалось, былъ весь погруженъ въ глубокое и горестное размышленіе — онъ тоже думалъ о Гортензій Спиналь, и только время отъ времени ворчалъ сквозь зубы:

— Ахъ! Я ослина этакой! напрасно же я исполнилъ волю жены! Правду мнѣ говорилъ докторъ Пелькмансъ, что буду раскаяваться въ этомъ. Но теперь ужъ нечего плакать, — послѣ смерти покаяніе!

Но душевныя страданія, уныніе и сверхъ всего этого горькіе упреки совѣсти, терзавшіе несчастную мать, были гораздо ужаснѣе. Забившись въ кухню, она сѣла въ уголь, и давъ волю своему горю, пролиwała—обильныя слезы.

Къ несчастію, сожалѣнія и слезы сдѣлались такъ же бесполезны, какъ увѣщанія и просьбы. Это, какъ говорится: спустя лѣто въ лѣсъ по малину идти. Франциска не переставала выполнять всѣ свои желанія. Мало-по-малу материнская слабость снова заняла свое мѣсто въ сердцѣ фрау ван-Рузмаль, и ища извиненій въ защиту Франциски передъ недовольнымъ отцомъ, она дошла наконецъ до того, что не находила ничего предосудительнаго въ поведеніи своей дочери, развѣ только—говорила она—кое-какія прихоти и немного упрямства; но кто же безъ недостатковъ? Притомъ она еще такъ молода, и время всему научить — Благодаря такому слѣпому снисхожденію, матушка ван-Рузмаль чаще добивалась отъ дочери доказательствъ любви, и при этомъ утѣшалась, говоря съ гордостію забирающимъ въ лавкѣ ея мужа:

— Знаете ли, сосѣдушка: дочь наша не неучъ какая? Она говоритъ по-французски лучше, чѣмъ мы по-фламандски—ну золото не дочь!...

И въ-самомъ-дѣлѣ Франциска пріобрѣла столько же познаній, какъ и прочія молодыя мѣщанскія дочери, получившія воспитаніе во французскомъ пансіонѣ, то-есть изъ французскаго языка она выучила все, что надо знать, чтобъ въ обществѣ обмѣниваться какими-нибудь бессмысленными общими мѣстами, и говорить о нарядахъ и нѣжныхъ чувствахъ. Конечно, грамматическимъ правиламъ частенько приходилось терпѣть жестоко, но небольшою смѣлостію и пріятнымъ небреженіемъ

она умѣла скрывать эти грѣшки. Что касается до арифметики, такъ ее она знала только по названію. — Франциска никогда не съумѣла бы сдѣлать сложенія; но въ различныхъ примѣненіяхъ свойствъ чиселъ, она совершенно постигла, что когда имѣешь разомъ двухъ или трехъ вздыхателей, то можно лишиться одного изъ нихъ, не подвергаясь опасности быть совсемъ оставленною. — Изъ географіи удержала она одно только существенное свѣдѣніе, — что Парижъ есть прекраснѣйшій въ мірѣ городъ и, какъ говоритъ пословица, истинный женскій рай, гдѣ только танцуютъ, да веселятся, гдѣ изобрѣтаютъ моды, притиранья и проч., Изъ мифологіи она выучила одно, что богиня любви—Венера и что у нея есть сынъ, тотъ коварный божекъ, котораго называютъ Купидономъ. — Сверхъ всего этого, она знала по-французски названія нарядовъ и всякихъ матерій, головныхъ уборовъ всѣхъ родовъ, всѣхъ помадъ, эссенцій душистыхъ водъ, всѣхъ лакомствъ и пирожныхъ. — Вотъ, другъ читатель, въ чемъ состояло воспитаніе Франциски. Правда ли послѣ этого, что она, какъ говорила мать—золото, не дочь?... Не заслуживала ли она, по всей справедливости, названія хорошо выученной куколки, которая умѣла здороваться и кланяться по-парижски?

Еслибы вопросъ этотъ сдѣланъ былъ отцу, ван-Рузмалю, то онъ почти бы былъ согласенъ съ послѣднимъ мнѣніемъ, какъ это можно заключить изъ нижеслѣдующихъ словъ, которыя онъ сказалъ доктору Пелькмансу.

— Ахъ! еслибы я послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, докторъ! Франциска наша охотно и безъ всякихъ церемоній сидѣла бы за конторкой. Она любила бы насъ нѣжно, какъ и прежде; а мы трудились бы съ истиннымъ удовольствіемъ, чтобъ послѣ себя оставить ей хорошенькое наслѣдство и лавку съ многими покупателями. Но вмѣсто всего этого что выходитъ? Придетъ она сюда и сядетъ за прилавокъ, — передникъ шелковый и волосы завиты, цѣлый день болтаетъ и мелетъ пустяки съ молодыми молокососами или пройдохами, просто съ нищими, которые, подъ предлогомъ купить сигару, набьются въ домъ и вытѣсняють изъ него честныхъ людей. У меня ужъ только половина прежнихъ покупателей! Другъ, Пелькмансъ, боюсь я, чтобъ, когда закрою глаза, лавка моего отца не ушла вскорѣ со мною *ad patres*. — Франциска не захочетъ выйти замужъ

за молодого человека одного съ ней сословія? Вы правду говорили, докторъ: доброе фламандское воспитаніе сдѣлало бы Франциску смышленною женою и хорошею хозяйкою. Она знала бы вещи полезнѣе тѣхъ, которыми ее научили, осталась бы набожною и скромною. Но нѣтъ! Надобно было ей идти въ пансіонъ и научиться французскому языку! Но что-же, наконецъ, дѣлать, докторъ? Мы всегда заднимъ умомъ крѣпки, и, какъ вы говорите, всегда имѣемъ время раскаяться.

—

V.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

Съ первыхъ дней возвращенія въ отеческій домъ, Франциска начала осмѣивать все, что вокругъ нея говорилось или дѣлалось. Родители ея не могли сдѣлать ничего, чтобы въ ея глазахъ тотчасъ не показалось престолярнымъ, гадкимъ и неприличнымъ; притомъ чванная барышня, будучи въ тоже время хитра и умѣла такъ хорошо выполнять всѣ свои прихоти, вертѣла волею своихъ родителей и измѣла ее, какъ мягкій воскъ, по своему произволу.

Боже упаси, еслибы стали принуждать ее садиться за обѣдъ раньше трехъ часовъ!—Мужицкій развѣ у нея желудокъ? Слыша объ этой новой прихоти, отецъ разсердился въ-самомъ-дѣлѣ; мать, съ своей стороны, не безъ горести видѣла желаніе измѣнить часть, въ которой привыкла обѣдать съ-тѣхъ-поръ, какъ живетъ на свѣтѣ, и тѣмъ больше пугалась этой переменны, что она должна будетъ у нея перепутать всѣ другія занятія. Тутъ Франциска начала дуться и говорить колкости, но немного однако успѣла, — отецъ крѣпко стоялъ на своемъ и показалъ непреклонность. Послѣ этого она прибѣгнула къ слезамъ и горько плакала. — Но и это тоже было напрасно, хотя материнская слабость наконецъ и сдалась. Послѣднее

средство, остававшееся Францискѣ, было упасть въ обморокъ. Начались судорги, и она умѣла такъ притвориться, что судя по лицу, можно было подумать, что ей осталось жить только нѣсколько минутъ. Какой-то модный докторъ, совершенно опытный въ этихъ причудливыхъ болѣзняхъ, такъ кстати рассказалъ столько ужасныхъ послѣдствій отъ раздраженія нервовъ, что добрые родители, не на шутку испуганные, рѣшились наконецъ отложить часть обѣда до трехъ часовъ. Какъ ни бурлило отъ голода у нихъ въ желудкѣ, но имъ пришлось покориться воздержанію отъ пищи, несмотря на то, что были на ногахъ съ четырехъ часовъ утра. Беззаботная же Франциска нѣжилась въ своей постелѣ до девяти часовъ.

— И какой столъ! какой жалкій столъ!—безпрестанно картофель, савойская или брюсельская капуста, то вареная, то жареная говядина; все одно и тоже!—Франциска была такъ слаба и нездорова!... Ей непременно нужно было къ столу или молодого голубя, или какую-нибудь дворовую птицу. Только это одно могло ей возратить аппетитъ, и немного укрѣпить силы. Ея карманы были всегда набиты мятными и лимонными лепешками, конечно не изъ жадности къ лакомствамъ.—У бѣдной дѣвушки было столько болѣзней: боли въ желудкѣ, біенія сердца, мигрени, судорги. Чѣмъ только не страдала она? — Истинно достойная сожалѣнія дѣвушка!

Трудно повѣрить, но Франциска добилась наконецъ до того, что заставила мать замѣнить ея кружевной чепецъ шелковою шляпою и обуваться въ шнурованныя ботинки, безъ чего ей было совершенно невозможно показываться въ публику. Представьте же себѣ, какъ была жалка старуха ван-Рузмаль! Отъ шляпки не было покоя ея ушамъ, вовсе непривыкшимъ къ такому жестокому тренію; ногамъ не было житья отъ ботинковыхъ шнурковъ, и не могла она сдѣлать трехъ шаговъ, не подумавъ какъ ступить ногой, ну точно шла по дырявому ковру или встрѣчала вѣчныя кочки. Несчастливая женщина! Сосѣди, не остерегаясь, смѣялись прямо ей въ глаза, а съ нея катился крупный потъ отъ этого несподручнаго наряда; отъ стыда, она спотыкалась на каждомъ шагу. Но чего бы не перенесла она изъ любви къ своей дочери? Какъ же послѣ этого удивляться, что она безропотно переносила такую пытку и униженіе?

Что касается до самого ван-Рузмаль, то поведение причудливой его дочери огорчало его уже не на-шутку. Всегда онъ былъ господиномъ въ своемъ домѣ, и до-тѣхъ-поръ велъ онъ свои дѣла съ такимъ благоразуміемъ, какого достаточно бѣ было, чтобъ не допустить ихъ до разстройства; но теперь онъ видѣлъ, что клубокъ, разматываясь со дня на день, запутывался ужасно, и все шло вкривь. Все, что ему казалось хорошимъ, тотчасъ охуждалось дочерью; она даже не боялась иногда дать ему замѣтить, что разсуждать, какъ онъ, можетъ только человѣкъ ограниченный. Пытался ли добрякъ сердиться не на-шутку, такъ въ домѣ поднималось смятеніе и крики; съ одной стороны бранился онъ, съ другой Франциска, подкрѣпляемая матерью. Очень-хорошо извѣстно, что во всѣхъ этихъ семейныхъ спорахъ и смутахъ мужчины не что-иное, какъ дѣти, въ сравненіи съ женщинами. Въ нихъ, какъ говорится, разливается желчь—они стучатъ кулакомъ по столамъ, скрипятъ зубами и проч.; но оставалось ли когда-нибудь за ними послѣднее слово! Увы, нѣтъ!—Вся ихъ ярость ни къ чему не служитъ. Женщины надъ ней только смѣются, или говорятъ тишкомъ: изволь, любезный мужъ, покрѣпче стучи, мечись хорошенько, истощай всѣ силы, но все это не поведетъ тебя къ большому: не по твоему, а по моему сбудется.

Доктору Цельмансу тоже такъ надоѣло видѣть всѣ эти происшествія у лавочника, что ему опротивилъ этотъ домъ, и онъ почти не ступалъ туда ногой.

Отецъ ван-Рузмаль былъ выращенъ не среди раздоровъ и домашнихъ ссоръ, онъ считалъ тихую дружбу величайшимъ счастіемъ на землѣ; потому-то часто, во избѣжаніе бесполезныхъ распрей, онъ махалъ на все рукою. Однако эта непрерывная борьба и неожиданныя перемѣны, свершившіяся въ его домѣ, погружали его со дня на день въ глубокую кручину, и ужъ нерѣдко бывало, сосѣди подходили къ нему съ слѣдующими словами:

— Да что это, другъ ван-Рузмаль, отчего ты этакъ хуль-ешь? Неужели ты болѣнь?

Въ одномъ только нашъ добрякъ доселѣ крѣпился еще довольно твердо, или такъ счастливо, что оно оставалось за нимъ. Этотъ послѣдній шансъ была его лавка, на которую Франциска

устремляла теперь свои нападки. Однако достиженіе этой цѣли, должно полагать, требовало большихъ трудовъ; обыкновенныя хитрости были недостаточны. За этой почтенной стойкой ван-Рузмаль взрость; кресло, на которомъ покойница мать кормила его, и теперь еще стояло на томъ же мѣстѣ.—Этимъ бочкамъ и боченкамъ онъ посылалъ улыбку, когда еще не могъ говорить;—на нихъ не было ни знака, ни щели, которыя бы не служили ему для какого-нибудь воспоминанія; по-случаю этой фарфоровой вазы съ трещиной отецъ его, въ самый день своей смерти, слѣлалъ ему такое трогательное увѣщаніе насчетъ бережливости, что каждое его слово осталось неизгладимо впечатлѣно въ его памяти. Эти черныя пятна на боченкахъ, выкрашенныхъ зеленою краскою, были тѣ самыя, которыя онъ нарисовалъ еще дѣтскою рукою—это было очень давно! тогда еще, когда его мать иногда брала оттуда кусочекъ сахару и давала ему, отъ чего этотъ дорогой боченокъ слѣлался предметомъ его нескромной любви.—Сзади этихъ полокъ уцѣлѣли двѣ вырѣзанныя буквы: Г. Ф, начальныя буквы двухъ соединенныхъ именъ, Гансъ и Франциска,—простосердечный памятникъ его первой и единственной любви. Словомъ, эта лавка была для него отечествомъ, міромъ воспоминаній. Все заключавшееся въ ней составляло нѣкоторымъ образомъ часть его бытія, и укрѣпляло его жизнь.

Но кто могъ бы сказать, какихъ потоковъ слезъ стоило Францискѣ это послѣднее препятствіе; сколько разъ готова была она упасть въ обморокъ; съ какимъ упорствомъ отказывалась она отъ обыкновенной пищи; сколько корчей, сколько судорогъ умѣла употребить кстаті, чтобы переломить непреклонную волю отца!—Повѣрите ли, что все это продолжалось цѣлый годъ! Да, этимъ бѣднымъ родителямъ пришлось провести полныхъ двѣнадцать мѣсяцовъ въ спорахъ, домашнихъ буряхъ и огорченіяхъ, пока наконецъ старикъ ван-Рузмаль, какъ побѣжденный солдатъ, съ самоотреченіемъ опустилъ голову.

— Ну! дѣлайте какъ хотите, наконецъ произнесъ онъ.

Но это послѣднее слово пронзило ему сердце. Оно, какъ смертный приговоръ, однимъ ударомъ убило и духъ и плоть его. Съ этого дня онъ началъ чахнуть, терять силы и блѣд-

нѣтъ, какъ-будто какая то сокровенная боль нечувствительно вела его въ могилу. Часто виновная Франциска дрожала всѣмъ тѣломъ, когда глаза отца, блестя огнемъ меленной лихорадки, бросали ей обвинительный взоръ. — Но несчастный потерялъ бодрость; онъ не говорилъ, и только кидалъ блуждающій взоръ на мастеровыхъ, трудившихся поставить все вверхъ дномъ въ его лавкѣ; онъ видѣлъ, какъ истребляли одно за другимъ всѣ его драгоценнѣйшія воспоминанія, и по-мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе слѣды его прошедшаго исчезали подъ кистью маляра или подъ долотомъ столяра, — дыханіе его ослабѣвало, какъ-будто тѣмъ самымъ сокращали самую его жизнь.

Вскорѣ скромная лавка небольшого москатыльщика преобразовалась въ пышный магазинъ. Все блестѣло позолотою; богатая стойка была украшена фигурками, представляющими амуриковъ—одни мололи кофе, другіе курили или свертывали сигары; стекла выдавагося фонаря были величиною съ зеркальныя и всѣ исписаны французскими надписями. Все это освѣтилось газомъ. Молодая конторщица и мальчикъ, сложа руки, сидѣли по цѣлымъ днямъ за вышписанной великолѣпной мебелью, а сама Франциска, или лучше mademoiselle Eudoxie Rosemal возсѣдала въ высокомъ креслѣ возлѣ окна, читая какой-нибудь французскій романъ.

Къ большому огорченію изнеможеннаго старика отца, ван-Рузмая, дѣла постоянно шли въ этомъ порядкѣ. Но здоровье его было такъ жестоко убито, что наконецъ онъ на все смотрѣлъ равнодушно, даже на знаки дружбы Спиналя. Послѣдній, по совѣту ван-Рузмая, пустился въ торговлю кожами и шкурами всѣхъ родовъ, отъ которой въ короткое время нажилъ много денегъ, такъ, что въ скорости былъ уже въ состояніи отдать лавочнику тысячу флориновъ, которыми тотъ такъ великодушно помогъ ему, но ван-Рузмаль упорно отъ нихъ отказался. Чтò же касается до его дѣтей, то онъ не имѣлъ объ нихъ никакого извѣстія.

Между-тѣмъ какъ дѣла въ лавкѣ шли въ величайшемъ безпорядкѣ, отецъ ван-Рузмаль слегъ въ постель; онъ никогда не жаловался, и выказывалъ только малые признаки недуга, потому всѣ домашніе думали или, лучше сказать, не боялись ду-

мать, что онъ такъ только прихворнулъ, — хотя и ухаживали за нимъ внимательно и заботливо.

Въ одно утро онъ глубоко вздохнулъ и выразилъ желаніе, чтобъ къ нему позвали доктора Пелькманса и мастера Спиналя. Но послѣдній именно въ это время находился въ Кельнѣ, куда уѣхалъ по торговымъ дѣламъ.

Докторъ пришелъ тотъ же часъ, и долго оставался наединѣ съ больнымъ. Чтò между ними происходило и чтò они говорили между собою—этого никто никогда не зналъ. Наконецъ, черезъ часъ, кто-то сходилъ по лѣстницѣ, и—вдругъ докторъ появился въ лавкѣ. Лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца, и страшно обозначалось на черномъ воротникѣ его шинели. Глаза его сверкали изъ впадинъ, изрытыхъ годами, губы его судорожно дрожали, какъ у человѣка сильно-раздраженнаго. Сквозь шинель его можно было видѣть сжатые руки. При своемъ появленіи въ магазинъ, онъ кинулъ на Франциску ужасный взглядъ и подошелъ къ ней, какъ призракъ. Объятая ужасомъ и страхомъ, молодая дѣвушка протянула руки впередъ, какъ бы для того, чтобъ оттолкнуть отъ себя страшное видѣніе, но докторъ схватилъ ее за руку, и сильно сдавивъ ее, сказалъ ужаснымъ голосомъ:

— Отецъ твой умираетъ, безчувственная дочь!—и ты убила его.

Потомъ, оставя ее безъ чувствъ падающую на кресло, онъ поспѣшно вышелъ изъ дома, побѣжалъ къ священнику и не замедлилъ возвратиться со всею духовною помощію.

Послѣ соборованія масломъ и по удаленіи священника, больной посмотрѣлъ на доктора, испустивъ слабый стонъ.

— Дочь моя, моя Франциска! я хочу ее видѣть, докторъ; но прости! прости ей! не мучь ее грубыми словами.

— Я схожу за ней. Но нужно наказать ее. Надо, чтобъ ея сердце рвалось отъ горести; и быть-можетъ еще твоему взору возможно будетъ устремиться съ небесной высоты и снисходительно взглянуть на ея добродѣтель и раскаяніе.

Съ этими словами, докторъ вышелъ изъ комнаты и спустился въ кухню. Тамъ сидѣли мать и дочь, закрывъ лицо руками и заливаясь горькими слезами. Скорбь Франциски была такъ сильна, что тронула бы каменное сердце; она рыдала и въ то-

же время изъ груди ея вырывались стоны и вздохи—о! этотъ разъ ничего не было притворнаго въ ея отчаяніи! Страшныя слова, которыми докторъ поразилъ ея слухъ, какъ проклятіемъ прогнѣваннаго Бога, вдругъ сорвали съ глазъ ея покрывавшую ихъ завѣсу; имя отцеубійицы, всюду написанное теперь пламенными чертами, поражаело ее прямо въ сердце, подобно искрамъ того адекаго огня, который она заслужила.

Тяжелая поступь доктора заставила ее со страхомъ поднять голову; пронзительный взоръ его проникалъ въ самую глубь ея души; ей казалось, что отъ этого невыносимаго взгляда всѣ силы вдругъ ее оставили, и какой-то холодъ, пронзительный какъ сталь, останавливалъ кровь въ ея жилахъ.—Вдругъ, сильно преодолевъ себя, она наконецъ высвободилась изъ этого ужаса, обуздавшаго всѣ ея движенія, и кинувшись къ доктору, упала на колѣни, поднявъ къ нему умоляющія руки.

— Да, я заслуживаю весь вашъ гнѣвъ, вскричала она. Я — виновна. Но именемъ умирающаго отца умоляю васъ: сжалятесь! о сжалятесь надо мною!

Двѣ крупныя слезы покатались по щекѣ доктора. Съ лица его вдругъ исчезло гнѣвное выраженіе и видны были только одни знаки глубокой печали. Онъ подошелъ къ молодой заливающейся слезами дѣвушкѣ, взялъ ее за руку, и сказалъ, не помогая однако ей подняться изъ своего униженнаго положенія.

— Франциска, несчастное дитя! да, ты сдѣлала передъ Богомъ страшное преступленіе. Онъ говоритъ: чти отца и мать твою; а ты, что ты сдѣлала? Нѣтъ, нѣтъ, не трепещи! я не произнесу въ другой разъ этого страшнаго слова.—Но ты должна искупить это преступленіе. Есть еще средство примириться тебѣ съ Богомъ и съ отцомъ. Иди, повергнись у его постели. Его умирающій голосъ призываетъ тебя. Но помни эти слова: если онъ принужденъ будетъ оставить этотъ міръ, не получа достаточныхъ доказательствъ твоего обращенія и раскаянія, если рука смерти завладѣетъ имъ прежде, чѣмъ онъ получитъ послѣднее утѣшеніе — успокоиться на счетъ твоей участи и надежды на тебя, то это будетъ значить, что ты обрѣтаешься на землѣ въ числѣ душъ преступныхъ.

Какъ строги, какъ тягостны ни были эти слова, въ нихъ

Франциска, кажется, почерпнула мужество. Она съ жаромъ поцаловала руку доктора, и съ крикомъ кинулась къ комнатѣ отца.

— О! благодарю! благодарю! кричала она.

Должно ли мнѣ теперь вамъ описывать торжественную сцену между умирающимъ отцомъ и отчаянною дочерью? Должно ли мнѣ показывать вамъ Франциску, стелющую, съ распущенными волосами и терзающую свое лицо, облитое слезами? Нужно ли мнѣ вамъ говорить какія, въ своемъ помѣшателствѣ, дѣлаетъ она безразсудныя усилія, чтобъ уничтожить до послѣднихъ слѣды своей красоты, чтобъ изорвать и попать ногами свои одежды, главныхъ обвинителей роскоши и суетности.

Обратимъ наши взоры на отца.—Онъ умираетъ; но какое-то выраженіе тихаго блаженства озаряетъ его лицо. Глаза его, почти угасшіе, устремляютъ къ подножію кровати взоръ, полный надежды и утѣшенія: тамъ стоитъ на колѣняхъ Франциска, обѣими руками обнимающая мать, и осыпаетъ ее поцалуями, обликаетъ слезами и жалостно умоляетъ о прощеніи.— Стоящій у изголовья постели докторъ созерцаетъ эту сцену съ горестнымъ умилениемъ. Одинъ только умирающій смотритъ на нее тихимъ взоромъ. Въ послѣдній разъ поднимаетъ онъ свою слабую руку и опускаетъ ее на голову дочери, и въ ту самую минуту, когда довольная его душа, распуская крылья, улетаетъ далеко отъ земли,—онъ шепчетъ еще слова:

— Благословляю тебя! благословляю тебя! Франциска! дитя мое!

Столѣтняя лавка ван-Рузмалей нынѣ заперта. Мать и дочь еще и теперь въ какомъ-то неизвѣстномъ углу нашего города ведутъ жизнь уединенную и совершенно посвященную раскаянію. Онѣ только съ ужасомъ воспоминаютъ о всемъ томъ, что было причиной ихъ несчастія.

Я питаю нѣкоторую надежду, другъ читатель, что ты съ снисходительнымъ вниманіемъ слѣдилъ за рассказомъ этого истиннаго происшествія, и быть-можетъ, у тебя осталось еще столько любопытства, что ты захочешь знать, что случилось съ Франциской. Итакъ, если ты дѣйствительно этого желаешь, то сходи когда-нибудь въ пятницу поутру, около шести часовъ или близко къ этому, въ церковь Братьевъ-Грѣшниковъ; отвори

дверь направо, и ступай на старое кладбище, подь самые своды, въ склепъ, называемый Чистилищемъ; ты увидишь тамъ молодую женщину, преклонившую колѣна и всю совершенно закутанную въ мантию темнаго цвѣта; капюшонъ спадаетъ ей на лицо; если ты станешь внимательно прислушиваться, то уельшишь, какъ она перебираетъ руками свои четки и какъ по временамъ вылетаетъ изъ-подъ вуали вздохъ, подобный вздоху страждущей души. Но ты не увидишь въ ней никакого движенія, и въ мрачномъ полу-свѣтѣ, царствующемъ подь тѣми сводами, ты примешь эту женщину за какую-нибудь статую, поставленную тамъ какъ изображеніе молитвы. Если, наконецъ, ты увидишь, что послѣ продолжительнаго поцалуя, напечатлѣннаго крѣпко прильнувшими устами на холодной рукѣ фигуры изсѣченной въ стѣнѣ на камнѣ,—она встанетъ и медленно поидетъ изъ склепа, не обращая на тебя своихъ взоровъ, ты можешь смѣло сказать: я видѣлъ Франциску ван-Рузмаль.

Что же касается до дочери мастера Спиная, она погибла, какъ страшный примѣръ дурнаго воспитанія; а если хочешь знать, что стало съ его сыномъ, то получишь отъ меня въ отвѣтъ, что для негодяевъ и плутовъ во Франціи есть довольно тюремъ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ИСТОРІЯ ПАРОВОДА.

Передъ нашими глазами совершаются нововведенія, которыхъ возможность, за немногіе годы предъ симъ, самому просвѣщенному и самому безпристрастному уму показалась бы болѣе, нежели сомнительною. Въ наше время люди, живущіе на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, разговариваютъ между-собою также скоро и удобно, какъ и глазъ на глазъ; изъ кислой воды и угля дѣлаютъ свѣтъ, почти равный солнечному, и въ покойныхъ каретахъ переѣзжаютъ по сту пятидесяти верстъ въ часъ.

Но и кромѣ электрическихъ телеграфовъ, электрическаго свѣта и поспѣшныхъ по желѣзнымъ дорогамъ паровозовъ, этихъ истинныхъ чудесъ новѣйшей науки, намъ современны такія улучшения, которыя, несмотря на то, что перестали уже быть новостями, неменѣе заслуживаютъ удивленія, если внимательно посмотрѣть на нихъ въблизи. Газоосвѣщеніе, на примѣръ, столь теперь повсюду обыкновенное, далеко превосходитъ все, что

сдѣлали искусства въ-теченіе многихъ вѣковъ, отъ самаго ихъ возрожденія въ Европѣ.

Можно ли бы было повѣрить, что газопроводныя трубы отъ одного общаго источника пойдутъ подъ мостовою улицю на многіе десятки верстъ, во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, и что на такомъ протяженіи будутъ прочнымъ образомъ соединены такъ совершенно, что нигдѣ не окажется въ нихъ течи, несмотря на неизбежное ихъ растягиваніе и сжиманіе отъ переменъ тепла и холоду? Что свѣтовосный газъ по такому пространству разойдется вездѣ одинаково, и что наконецъ, при всѣхъ огромныхъ издержкахъ, съ такимъ устройствомъ сопряженныхъ, газовое освѣщеніе окажется на дѣлѣ выгоднымъ и въ торговомъ отношеніи?

Введеніе и усовершенствованіе пароходства имѣло послѣдствія столь огромныя и важныя для общественной жизни, что немудрено, если честь его присвоиваютъ себѣ многіе народы и многія лица. Предлагаемое здѣсь изложеніе начала и хода сего великаго дѣла, основанное на самыхъ благонадежныхъ современныхъ свѣдѣніяхъ, не можетъ быть не интересно для нашихъ читателей.

Около 1788 года, Фечъ и Ромзей (Fitch and Rumsay) въ Соединенныхъ-Американскихъ-Штатахъ и Серрати въ Италіи дѣлали по сему предмету нѣкоторые опыты. Но такъ какъ подробныхъ извѣстій о нихъ въ свое время не было, а заговорили о нихъ уже тогда, когда важность пароходства стала очевидна трудами другихъ, то далѣе и упоминать о нихъ нечего.

Гораздо болѣе, и почти въ то же самое время, сдѣлавъ соотечественникъ ихъ, Оливеръ Ивенсъ, котораго труды и успѣхи такъ важны, что нельзя сомнѣваться, что если бы денежные средства его были не такъ бѣдны, а поступки съ нимъ его согражданъ не такъ несправедливы, какъ они были, то практическое, полное введеніе пароходства, безспорно, принадлежало бы исключительно Сѣверной Америкѣ.

Въ томъ же году Миллеръ, помѣщикъ дальсвингтонскій въ Англіи, вздумалъ попробовать грести суда не веслами, а колесомъ. Для этого онъ построилъ двойную лодку въ 60 футовъ длины, и въ пустомъ промежуткѣ между лодками помѣстилъ та-

кое же колесо, какими теперь пароходы приводятся въ движеніе, и которое вертѣли люди.

Эта двойная лодка, вмѣстѣ съ другою равной величины, но движимой веслами, и одинакимъ числомъ людей, выѣхали въ море и пустились перегоняться.

Колесо опередило веслы, и стало ясно, что такимъ-образомъ двигать суда было бы выгодно, еслибы нашлась для того достаточная и удобопримѣняемая сила.

Жившій въ сосѣдствѣ Миллера учитель Тэйлоръ (Taylor) присовѣтовалъ уногребить для этого паровую машину, и чтобы привести мысль эту въ исполненіе, обратился къ Саймингтону (Symington), извѣстному въ то время практическому механику, который незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ модель, въ коей сила пара приспособлена была къ приведенію въ движеніе экипажей.

Саймингтонъ поставилъ на Миллерову двойную лодку маленькую паровую машину съ двумя четырехъ-дюймовыми цилиндрами, всего около двухъ лошадей силы, которая за рукоятки, къ оси гребнаго колеса прилѣпавшая, вертѣла его и подвигала судно четыре съ половиною версты въ часъ. Первый опытъ происходилъ въ половинѣ октября 1788 года, и съ-тѣхъ-поръ основательность дѣла была уже неподвержена сомнѣнію.

Другое судно, съ болѣе сильною паровою машиною, этими же господами въ 1789 сдѣланное, при опытѣ, 24-го декабря того года, на Клайдскомъ-каналѣ было еще успѣшнѣе, и скорость его достигала безъ малаго восьми верстъ въ часъ. Подробности этого опыта обнародованы въ едмбургскихъ современныхъ газетахъ, и рѣшительный успѣхъ сего втораго судна дальнѣйшія испытанія дѣлалъ ненужными, требуя только пракческаго въ большомъ видѣ введенія.

Саймингтонъ, Миллеръ и Тэйлоръ, передавъ такимъ-образомъ свѣту свое необычайное открытіе, не заблагоразсудили, однакоже, входить въ дальнѣйшіе труды и издержки, предвидя тѣ препятствія, которыя предразсудки людей обыкновенно ставятъ распространенію всякаго важнаго открытія, и предоставили это великое дѣло другимъ. Машина была снята, судно возвратилось на дальсвингтонское озеро служить попрежнему для катанья своимъ хозяевамъ; Миллеръ принялся за свое сель-

ское хозяйство, Тэйлоръ за учениковъ, а Саймингтонъ занялся своимъ механическимъ искусствомъ.

Тотъ же Ромзей, въ 1793 году, пытался двигать судно струею воды, выдавливаемую изъ кормы назадъ паровою машиною. Успѣха въ этомъ не было.

Въ 1795 году графъ Станопъ (Stanhope), извѣстный механическій геній, пробовалъ придѣлать къ бокамъ судна механизмъ наподобіе утиныхъ лапъ, а Смитъ хотѣлъ употребить на судахъ стариннаго устройства Ньюкоменову паровую машину. Изъ всего этого не вышло ничего.

Въ 1801 году, лордъ Дондасъ (Lord-Dundas), большой охотникъ до механики, заказалъ Саймингтону паровое судно, названное Шарлотта-Дондасъ, самое замѣчательное въ исторіи пароходства, потому-что отъ него собственно начинается эпоха практическаго введенія паровыхъ судовъ.

Это былъ первый пароходъ съ Уаттовой усовершенствованной паровою машиною. На Клайдскомъ-каналѣ онъ буксировалъ суда, но недолго, потому-что владѣльцы канала нашли, что гребныя колеса производили сильное волненіе воды, отъ котораго претерпѣвали берега канала.

Въ 1802 году Робертъ-Фультонъ (Robert Fulton), гражданинъ Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ, бывшій тогда въ Англіи, услышавъ объ успѣхѣ Саймингтонова судна, нарочно пріѣхалъ въ Шотландію, къ новому пароходу, и просилъ изобрѣтателя показать ему его дѣйствіе.

Саймингтонъ съ охотою удовлетворилъ его желаніе, много разъ ѣздилъ съ нимъ вверхъ и внизъ по каналу, и рассказывалъ и объяснилъ ему все подробности устройства. Фультонъ записывалъ все, говоря, что хотя по каналамъ и узкимъ рѣчкамъ Англіи вредное дѣйствіе на берега и составляетъ существенное неудобство, но что въ Америкѣ, на ея широкихъ и глубокихъ рѣкахъ и озерахъ, оно вовсе не имѣетъ мѣста, что тамъ пароходы будутъ истиннымъ благодѣяніемъ для государства и для частныхъ людей, и что онъ употребитъ все свои силы ввести ихъ тамъ.

Отсюда Фультонъ поѣхалъ во Францію, построилъ тамъ первое свое паровое судно, и сдѣлавъ ему въ Парижѣ, на Сенѣ,

испытаніе, въ 1803 году, немедленно отправился въ Америку.

Удивительное дѣло, что умный и дальновидный Наполеонъ, тогда Первый Консулъ, не умѣлъ оцѣнить достоинства такого изобрѣтенія и извлечь изъ него для Франціи пользу; но еще удивительнѣе то, что съ такимъ же пренебреженіемъ смотрѣли на него и въ Англіи, гдѣ великая важность паровой машины была уже давно всеми признана.

Одинъ Фультонъ, вполне убѣжденный въ непремѣнномъ успѣхѣ, и предвидя огромныя отъ него послѣдствія, принялся за дѣло съ неутомимымъ постоянствомъ и энергіею. Въ 1805 году заказалъ онъ въ Сого, у Болтона и Уатта, для преднамѣреннаго имъ американскаго парохода паровую машину; въ-слѣдующемъ году получилъ ее, а въ 1807 пароходъ его *Клермонтъ* (Clairmont) первый поплылъ по водамъ Америки, и прежде всего на Гудсоновой рѣкѣ (Hudson-River) со скоростію, непревышавшею, однакоже, восьми верстъ въ часъ.

Послѣ этого Фультонъ, съ другомъ своимъ Ливингстономъ, испросивъ отъ Штатовъ привилегію, съ совершеннымъ успѣхомъ продолжали строить пароходы, какъ для товаровъ, такъ и для пассажировъ, одинъ другаго сильнѣе, выписывая для нихъ изъ Англіи машины Болтона и Уатта.

Въ Англіи же, хотя и хорошо извѣстно было все, сдѣланное Фультономъ въ Америкѣ, все еще никто не обращалъ на дѣло это вниманія. По морю ходить на пароходахъ еще не смѣли и думать, а для рѣкъ и каналовъ, вредное ихъ дѣйствіе на берега казалось непреодолимымъ препятствіемъ.

Непрежде 1812 года, Генрихъ-Белль (Henry Belle), гражданинъ Глазго, рѣшился попробовать счастья на рѣкѣ Клайдѣ (Clyde). Первый пароходъ въ Великобританіи, начавшій возить пассажировъ и товары, былъ Комета, въ 40 футовъ длины, 14 футовъ ширины и съ машиною Уатта въ четыре лошадиныхъ силы.

Успѣхъ Кометы, хотя ходившей нескорѣе восьми верстъ въ часъ, былъ таковъ, что тотъ-же Белль началъ заводить и другія паровыя суда, одно другаго больше и съ сильнѣйшими машинами. Тогда принялись за дѣло и другіе, и въ 1813 и 1814 годахъ, уже многіе пароходы были въ дѣйствіи, и между-ни-

ми одинъ, построенный Уаттомъ, отличался тѣмъ, что на немъ въ первый разъ употреблены были двѣ паровыя машины, вращающія ручки, одна къ другой подъ прямымъ угломъ на оси гребныхъ колесъ утвержденныя.

Въ 1815 году небольшой пароходъ, въ Глазго устроенный Кукомъ (Cook), первый проплылъ изъ сего города моремъ въ Дублинъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ потомъ долго возилъ пассажировъ въ приморскій городъ Маргетъ (Margate).

Въ 1816 году явился и у насъ въ Россіи пароходъ, построенный въ Петербургѣ, по шотландскимъ моделямъ, Берломъ. Это была простая тихвинская барка, съ паровою машиною въ шестнадцать лошадей и котломъ, вмазаннымъ въ кирпичную печь.

Въ 1818 году учреждено первое постоянное пароходное сообщеніе моремъ между Гринокомъ въ Шотландіи и Бельфастомъ въ Ирландіи. Это былъ Робъ-Рой, въ 90 тоннъ грузу и съ машиною въ тридцать-лошадиныхъ силъ. Строитель его былъ извѣстный Давидъ Непиръ (David Napier). Съ этой поры морскіе пароходы стали размножаться необычайно.

Въ 1819 году Робъ-Рой служилъ постояннымъ сообщеніемъ Англійи съ Франціею, между Дувромъ и Кале, а Тальботъ, того же Непира, между Дублиномъ и Голигедомъ (Holyhead), то-есть между Англіею и Ирландіею.

Въ 1821 году учреждено регулярное пароходство изъ Лондона въ Литъ (Leith), служащій портомъ Едмбургу. Въ этомъ году отличались предъ всѣми два парохода, *Джемсъ-Уаттъ* и *Сою*, каждый съ машинами въ 120 лошадей. Они ходили со скоростію около 15 верстъ въ часъ, и считались лучшими судами. Что значить эта скорость съ быстротою новѣйшихъ пароходовъ, пробѣгающихъ въ часъ двадцать пять, тридцать и даже болѣе верстъ?

Орегонъ, напимѣръ, огромнѣйшій пароходъ Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ, проходитъ въ тихой водѣ, независимо отъ морскаго приливу, неменѣе тридцати двухъ верстъ въ часъ. Слѣдовательно быстрота его почти равняется обыкновенной ѣздѣ паровозовъ по Царскосельской желѣзвой дорогѣ.

Въ то же время англійскому адмиралтейству предложили употребить паръ для буксированія военныхъ кораблей въ га-

ванъ и въ море. Первый успѣшный для сего дѣла пароходъ былъ Комета, въ 115 футовъ длины, 21 футъ ширины, съ осадкою въ водѣ на 9 футовъ, и двумя машинами Болтона и Уатта, каждая въ сорокъ лошадей. Комета служитъ по-сѣ-время.

Въ 1825 года учреждена Джоллейфомъ (William Jolliffe) компанія всеобщаго пароходства, и два величайшіе того времени пароходы Георгъ IV и Герцогъ Йоркскій, по 60 тоннъ грузомъ и съ машинами въ сто-пятьдесятъ лошадиныхъ силъ, на счетъ компаніи построенные, въ 1827 году начали ходить, одинъ между Лондономъ и Кадиксомъ, въ Испаніи, другой между Лондономъ и Петербургомъ. Успѣхъ обоихъ былъ совершенный, несмотря на тяжкія бури, много разъ выдержанныя ими, какъ въ Бискайскомъ-Заливѣ, такъ и въ Балтійскомъ-Морѣ.

Но самое замѣчательное событіе морскаго пароходства, къ сему же времени принадлежащее, было первое путешествіе изъ Лондона въ столицу Восточной Индіи, Калькутту, вокругъ Мыса Доброй-Надежды, совершенное судномъ *Предпріятіе* (Entreprise), машины коего, въ 120 силъ, сдѣланы были на первокласномъ заведеніи Молзлей и Фильда.

Этимъ послѣднимъ опытомъ, превосходство пара и для рѣчнаго и для морскаго плаванія было рѣшительно доказано и всѣми признано, и съ этихъ поръ пароходы стали размножаться сотнями.

Молзлей и Фильдъ, по-сѣ-время знаменитѣйшіе строители машинъ въ Англійи, первые ввели употребленіе насосовъ и холодильниковъ, посредствомъ которыхъ морская вода въ паровыхъ котлахъ не можетъ сгуститься до такой степени, чтобы стала оседать на дно и трубы котла, и при томъ почти безъ всякой значительной потери топлива. Это было, для морскихъ судовъ, самое существенное улучшеніе.

Теперь оставалось только переѣхать чрезъ Атлантическій-Океанъ въ Америку. Какъ ни прельщала эта мысль многихъ предприимчивыхъ людей, но задача долго казалась неразрѣшимой. Здѣсь затрудненіе было совсѣмъ другаго рода. Назначенный на такое путешествіе пароходъ долженъ былъ не только имѣть довольно крѣпости въ своихъ частяхъ и движущей силы для преодоленія долговременныхъ и тяжкихъ бурь океана, но въ-

продолженіе всего путешествія нигдѣ не имѣя пристанища на случай пужды, долженъ былъ, кромѣ грузной машины, нести съ собою и полный запасъ топлива на весь поѣздъ.

Честь сего великаго предпріятія принадлежитъ бристольской пароходной компаніи, избравшей своимъ механикомъ славнаго Брюнеля.

Дѣло казалось до того сомнительнымъ, что сначала никто изъ заводчиковъ не рѣшался принять на себя устройство пригодныхъ для него паровыхъ машинъ. Наконецъ взялись за это Модслей и Фильдъ, и пароходъ, знаменитый *Great-Western*, построенный въ Бристоль Паттерсономъ, былъ оконченъ въ 1838 году. Въ мартѣ сего года, пробный рейсъ сдѣлалъ онъ по Темзѣ, и скорость его, въ стоячей водѣ, то есть независимо отъ теченія, оказалась 18 верстъ въ часъ. Какъ устройство судна, такъ и машины были превосходны.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нельзя сказать въ пользу *Великобританіи* (*Great-Britain*), огромнѣйшаго желѣзнаго парохода въ четыре тысячи тоннъ грузомъ, построеннаго въ 1844 году бристольской компаніею. Въ него пошло до восьмидесяти тысячъ пудовъ желѣза, и четыре машины его, каждая въ двѣсти-пятьдесятъ паровыхъ лошадиныхъ силъ, отличаются только величиной и недостатками. Послѣ громогласныхъ похвалъ во всѣхъ современныхъ журналахъ, этотъ великанъ сходилъ нѣсколько разъ въ Америку съ плохими для хозяевъ его барышами, и послѣ многихъ перемѣнъ и издивительныхъ исправленій, сѣлъ у англійскихъ береговъ на мель и продавался съ публичнаго торгу.

Таковы были недостатки громадной «Великобританіи», что и въ самомъ лучшемъ ея состояніи, трата топлива на ея машины была непомѣрная, а порча и остановка дѣйствія частыя и важныя.

«Великій-Западъ» (*Great-Western*, въ буквальномъ переводѣ Великій Западный) первый пароходъ, преодолевшій бури открытаго океана и достигшій Америки, имѣлъ 210 футовъ длины и 38 футовъ ширны, съ осадкою, при полномъ грузѣ, въ 15 футовъ. Онъ поднималъ 1240 тоннъ, или около восьмидесяти тысячъ пудовъ*. На немъ были двѣ паровыя машины, каждая въ 210

* Тоннъ значить 63 пуда русскихъ.

лошадиныхъ силъ. Всѣ обѣихъ машинъ, съ котлами, водою и гребными колесами, простирался до 420 тоннъ или почти двадцати семи тысячъ пудовъ, такъ что на каждую паровую лошадиную силу приходилось по 63 пуда. Машины были низкаго давленія и паръ въ котлахъ не выше 5 фунтовъ на квадратный дюймъ. Гребныя колеса оборачивались 15 разъ въ минуту.

Въ воскресенье 8 го апрѣля 1838 года, пароходъ подъ командою капитана Госкина (*Hosken*), съ семью пассажирами, пятидесятью тоннами всякаго товару и пятью стами тоннами каменнаго угля на топливо, пустился въ первое свое путешествіе, и въ понедѣльникъ 23 апрѣля былъ уже въ Нью-Йоркѣ, пройдя четыре тысячи пять сотъ верстъ въ тринадцать дней и десять часовъ.

Появленіе его въ столицѣ Сѣверной Америки возбудило величайшій восторгъ. Пристань и набережныя были наполнены зрителями, привѣтствовавшими безстрашныхъ и предприимчивыхъ плавателей, восторжествовавшихъ надъ безднами и вихрями океана и приблизившихъ Новый-Свѣтъ къ Старому на немногіе дни пути. «Великій-Западъ» выѣхалъ изъ Нью-Йорка 7 мая съ семидесятью пассажирами, и возвратился въ Бристоль 23, употребивъ на обратный переѣздъ 15 дней.

Такой необычайный, всѣ ожиданія превзошедшій успѣхъ предпріятія, открылъ пароходству почти безпредѣльный кругъ дѣятельности. Огромные пароходы, одинъ другаго больше и сильнѣе, *Королева Великобританская* (*British Queen*) въ 500 лошадей, *Ливерпуль*, тоже и *Президентъ* въ 600 лошадей, появились почти въ одно время. Гибель сего послѣдняго, отъ причинъ, доселѣ неразгаданныхъ, однакоже на нѣсколько времени охладила спекуляціи. Несмотря на то, заведены четыре большіе почтовые парохода между Ливерпулемъ и Бостономъ въ Америкѣ, и двѣнадцать такихъ же для постояннаго сообщенія Англии съ Антильскими островами.

Но какъ ни велика была польза и важность сихъ нововведеній, однакоже торговая отъ нихъ прибыль очень много претерпѣвала, отъ невозможности возить на нихъ, вмѣстѣ съ пассажирами, и значительный грузъ товаровъ. А это происходило отъ тяжести самихъ машинъ и необходимаго для нихъ топлива.

Отсюда произошли устройства совсѣмъ другаго рода и боль-

шія усовершенствованія. Во-первыхъ братья Снуардъ (Seaward) на военномъ пароходѣ *Горгона* ввели *прямой напоръ пара* (direct action), то есть заставили паровой поршень вертѣть валъ съ гребными колесами безъ посредства многихъ промежуточныхъ, доселѣ употребительныхъ рычаговъ. Миллеръ особенно усилъ въ этомъ улучшеніи. Потомъ явились машины съ качающимися какъ маятникъ цилиндрами (Vibrating engines), теперь входящими во всеобщее употребленіе и для судовъ имѣющія многія и важныя предъ всеми другими преимущества *.

Съ тою же цѣлю облегченія судовъ, Модзлей и Фильдъ начали дѣлать машины съ двойными цилиндрами и чугуны замѣнять кованнымъ желѣзомъ. Неменѣе содѣйствовало сему и введеніе котловъ съ внутренними небольшого діаметра нагрѣвательными трубами, или такъ-называемыхъ котловъ двухъ-ярусныхъ (double-storied), коихъ объемъ и вѣсъ гораздо менѣе, а паръ производящая сила гораздо болѣе, нежели въ употребительныхъ прежде.

Всѣ эти усовершенствованія имѣли слѣдствіемъ, что въ наше время, машины пароходовъ, при одинаковой силѣ со старыми, почти вдвое ихъ легче, или, говоря другими словами, при равномъ вѣсѣ, нынѣшнія машины вдвое сильнѣе.

Теперь всего желательнѣе было уменьшить количество сгораемаго матеріала, который занимаетъ на пароходахъ огромное помѣщеніе, и составляетъ болѣе трети всего ихъ груза, по крайней-мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоящее имъ путешествіе продолжительно. Стали доводить паръ до гораздо большаго давленія противъ прежняго и употребили въ дѣло его растяжимость, то-есть, наполнивъ паромъ только нѣкоторую часть вмѣстимости цилиндра, сообщеніе между имъ и паровымъ котломъ прерывать, заставляя вдушенный уже паръ догонять поршень до конца цилиндра его растяжительною силою.

Изъ этого существеннаго усовершенствованія, вмѣстѣ съ разумною и внимательною тонкою, произошло, что на новѣйшихъ пароходахъ топлива идетъ вдвое меньше, нежели сколько сго-

* Въ Петербургѣ такая машина находится въ дѣйствиіи на галвано-пластическомъ заведеніи Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго, близъ Триумфальныхъ воротъ, по Петергофской дорогѣ.

рало на прежнихъ, именно отъ шести до семи фунтовъ въ часъ и даже менѣе, на каждую силу лошади.

Соразмѣрно съ успѣхами постройки и управленія паровыхъ судовъ распространялись и размѣры ихъ и употребленіе въ англійскомъ флотѣ. Въ 1822 году самое большое судно имѣло силу восьмидесяти лошадей; въ 1827 уже ста шестидесяти; въ слѣдующемъ году двѣсти; въ 1830 двѣсти двадцати; въ 1838 четыреста сорока лошадей, а въ 1845 году явились военные пароходы *Возмездіе* и *Ужасный* (Retribution and Terrible), имѣющіе каждый машины почти въ тысячу лошадиныхъ силъ; и за всѣмъ этимъ можно ожидать еще большаго. Уже въ 1847 году, общая сложность лошадиныхъ силъ на всѣхъ англійскихъ военныхъ судахъ простиралась до тридцати пяти тысячъ.

Въ торговомъ мореплаваніи, размноженіе пароходовъ было еще гораздо значительнѣе, и дѣло растетъ и улучшается во всякомъ отношеніи съ великою быстротою. Въ началѣ пароходства, были довольны когда безъ вѣтру и теченія могли ходить по 9 верстѣ въ часъ; теперь ходятъ слишкомъ по двадцати-пяти, и хотятъ еще больше.

Говоря объ успѣхахъ пароходства, справедливость требуетъ упомянуть особенно о томъ пароходѣ, который первый обошелъ земной шаръ. Это былъ военный англійскій шлюпъ *Возница* (Driver).

Онъ пошелъ изъ Англій марта 16 1842 года, подъ командою капитана Хермера (Harmer), по смерти котораго, въ Китаѣ, находился, до возвращенія въ Европу, подъ управленіемъ капитана Хеса (Hayes).

Путь его былъ слѣдующій: изъ Англій дошелъ онъ безъ остановки до Мыса-Доброй-Надежды, потомъ былъ въ Иль-де-Франсѣ, Сингапорѣ, и въ началѣ августа пришелъ въ Гонгъ-Конгъ, въ Китаѣ. Съ 5-го августа 1842 года до 9-го іюня 1845, онъ служилъ сообщеніемъ между разными китайскими портами, а потомъ выступилъ въ дальнѣйшій путь. Остановливался на островахъ Борнео и Цейланѣ, былъ въ Бомбаѣ, Манилѣ на Филиппинскихъ Островахъ, и пришелъ обратно въ Китай. Отсюда пошелъ въ Новую-Зеландію, стараясь пробраться туда новымъ путемъ; но отъ страшной бури, при которой въ котлахъ его оказалась течь, а снасти были переломаны, принужденъ былъ воротиться въ Китай.

По исправленіи починокъ, пошелъ къ Лебединой-Рѣкѣ, въ Новой-Голландіи, посѣтилъ тамъ Гобартъ-Тоунъ Сидней, и прибылъ въ Новую-Зеландію, гдѣ опять въ-теченіе цѣлаго года, по 18 января 1847 года, служилъ перевознымъ судномъ между разными портами.

Наконецъ, отправясь въ обратный путь, 28 января, чрезъ пятьдесятъ одинъ день пришелъ въ Рио-Жанейро, столицу Бразиліи, откуда, послѣ сорока-восьми дневнаго плаванія, возвратился въ Англію. Всего плаванія его было 75696 миль или почти сто четырнадцать тысячъ верстъ.

Еслибы, послѣ уже сорока-лѣтняго опыта, нужно было новое доказательство всемогущества на моряхъ пару, то этого примѣра лучше и рѣшительнѣе, разумѣется, придумать невозможно.

Болѣе пяти лѣтъ Driver боролся съ бурями Великаго Океана и пройдя путь, болѣе нежели втрое превосходящій окружность земнаго-шара, съ побѣдою возвратился въ свое отечество.

Какъ ни велики были доселѣ успѣхи пароходства, однакоже оно далеко было до совершенства. Важный и коренной недостатокъ былъ въ гребныхъ колесахъ, посредствомъ которыхъ паровая сила приводила суда въ движеніе, и съ которыми неразлучны слѣдующія неудобства:

1-е. Большое волненіе воды, имя производимое, дѣлало паровыя суда вовсе непригодными къ плаванію по каналамъ и узкимъ рѣкамъ, по причинѣ размыванія и расчи береговъ, оттого происходящихъ.

2-е. Ширина и вышина гребныхъ колесъ, при противномъ вѣтрѣ, много отнимали скорости судна, а по каналамъ въ большей части шлюзовъ и проходить было нельзя.

3-е. На большихъ водахъ и въ открытомъ морѣ, при сильной качкѣ, одно колесо глубоко погружалось въ воду, а другое вовсе изъ воды выходило и оставалось недействительно и подвержено всему напору противнаго вѣтра.

4-е. Паруса на пароходахъ могли служить только при самомъ благопріятномъ вѣтрѣ, а лавированіе было крайне затруднительно.

5-е. Значительный грузъ гребныхъ колесъ и положеніе его гораздо выше центра тяжести судна, вмѣстѣ съ ударами колесъ на воду при погруженіи въ нее, производили для пассажи-

ровъ крайне непріятное, а для прочности судна вредное дрожаніе.

6-е. Военныя паровыя суда подвергались уничтоженію всей ихъ дѣйствительности отъ перваго удачно попавшаго въ колеса ядра, чему открытое колесо положеніе очень способствовало.

7-е. Дѣйствіе гребныхъ колесъ неизбежно сопряжено было съ потерей, и очень немаловажною, силы паровой машины, потому-что при погруженіи въ воду и при выходѣ изъ нея, они встрѣчали сопротивленіе не въ пользу скорости хода, а противное ей. И хотя этому можно помочь особеннымъ, на многихъ судахъ уже употребительнымъ механизмомъ, посредствомъ котораго гребущія весла всегда остаются въ вертикальномъ положеніи, однакоже опытъ показалъ, что сложность устройства такого рода колесъ несовмѣстна съ благонадежною ихъ прочностію.

Всѣ эти важныя неудобства съ давняго времени заставляли строителей помышлять о замѣненіи гребныхъ колесъ какими-нибудь другими, совершеннѣйшими средствами.

Отсюда произошелъ подводный винтъ, современное намъ нововведеніе, въ послѣднія десять лѣтъ распространяющееся съ каждымъ годомъ повсюду, и безспорно, составляющее исполнскій шагъ, если не къ совершенству, то, по-крайней-мѣрѣ, къ великому усугубленію общепольности пароходства.

Болѣе или менѣе успѣшныя догадки и посылки предшествуютъ обыкновенно всякому изобрѣтенію. Такъ было и съ приспособленіемъ винта къ движенію судовъ паровою силою. Въ 1785 году Брама, въ 1795 Литтлтонъ, получили привиллегіи, относящіяся къ этому дѣлу; но первый съ истиннымъ успѣхомъ трудившійся на новомъ поприщѣ, былъ Шортеръ (Shor-ter), еще въ 1800 году устроившій винтъ, которымъ два года позже, въ гибралтарской гавани, линейный корабль Сюпербъ, ручною работою былъ приводимъ въ движеніе. Смерть воспрепятствовала Шортеру осуществить свои открытія; но найденныя послѣ него модели и планы заключаютъ почти все существенное, что послѣ вошло въ употребленіе въ разныхъ видахъ и присвоено разными лицами.

Ивану Эриксону, шведскому уроженцу, принадлежитъ честь перваго пароваго судна съ винтомъ вмѣсто гребныхъ колесъ,

которое не только рѣшительно доказало на самомъ дѣлѣ практическое достоинство сего устройства, но которое и по сіе время оказывается наилучшимъ.

Отъ природы одаренный величайшими дарованіями и влекомый врожденною склонностію къ механическимъ занятіямъ, Эриксонъ переселился въ Лондонъ, и 13-го іюля 1836 г. получилъ привилегію на свои винтообразные двигатели пароходовъ.

Ему посчастливилось познакомиться съ Францисомъ Огденомъ, бывшимъ долгое время въ Ливерпулѣ консуломъ Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ. Имя Огдена знаменито въ исторіи механическихъ искусствъ, особенно по части пароходства. Онъ первый ввелъ въ практику употребленіе преважнаго свойства паровъ—дѣйствовать растяженіемъ, равно какъ и двойныя рукоятки, посаженные на оси гребныхъ колесъ подъ прямыми одна къ другой углами.

Этотъ достопамятный мужъ такъ хорошо оцѣнилъ достоинство Эриксонова изобрѣтенія, что оказалъ ему самое дѣйствительное пособіе въ устройствѣ перваго съ винтомъ парохода, въ честь ему благодарнымъ Шведомъ названнаго Францисомъ Огденомъ.

Новое судно имѣло сорокъ футовъ длины, восемь футовъ ширины, съ двумя винтами, каждый въ пять футовъ и три дюйма въ поперечникѣ.

При самомъ первомъ опытѣ, это судно не только пошло со скоростью пятнадцати верстъ въ часъ, но въ состояніи было буксировать суда съ грузомъ почти въ девять тысячъ пудовъ, и со скоростью десяти верстъ въ часъ.

Послѣ такого рѣшительнаго успѣха, Эриксонъ не сомнѣвался, что англійское правительство воспользуется. Вышло совсѣмъ напротивъ. Хотя первые лорды адмиралтейства, вмѣстѣ съ главнымъ инспекторомъ корабельныхъ работъ, Саймондомъ (Symonds) и многими отличными по этой части учеными, и согласились проѣхать на суднѣ, буксируемомъ Эриксоновымъ пароходомъ, но однакоже, несмотря на очевидность его достоинства и пользы и на совершенный успѣхъ не только не отдали ему справедливости, но и явно отозвались о немъ дурно, приводя тому причину самую нелѣпую, а имен-

но, что такъ какъ двигатель помѣщенъ за кормою, то рулемъ управлять будетъ невозможно.

Въ то время находился въ Лондонѣ Американецъ, капитанъ Робертъ Стоктонъ, человекъ знающій и предприимчивый. Съ перваго взгляда на новое паровое устройство, онъ увидѣлъ великую его для военныхъ кораблей пользу, и не только немедленно заказалъ Эриксону, собственно для себя, два съ винтами парохода, столь унижаемые Англичанами, но и рѣшительно взялся ввести ихъ въ употребленіе въ своемъ отечествѣ, Америкѣ.

Теперь, между Филадельфіею и Балтиморомъ почти всѣ товары перевозятся на Эриксоновыхъ винтовыхъ пароходахъ, равно какъ и всѣ почти произведенія богатыхъ рудниковъ Пенсильваніи.

Такимъ-образомъ, Эриксонъ сдѣлалъ въ Америкѣ тоже самое съ подводными винтообразными двигателями, что Фултонъ съ гребными колесами: онъ далъ имъ полезное практическое существованіе.

Въ Америкѣ винтовые пароходы отменно полезны и тѣмъ еще, что буксируютъ суда въ то время, когда идетъ ледъ, и когда гребныя колеса почти недѣйствительны.

Уже въ 1847 году тамъ было ихъ болѣе ста пятидесяти. Что они выгоднѣе прежнихъ пароходовъ съ гребными колесами, очевидно изъ того, что, напримѣръ, на озерѣ Онтарио изъ двадцати двухъ постоянно плавающихъ пароходовъ, тринадцать устроены по системѣ Эриксона.

Но этого мало: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки новые пароходы нанесли величайшій ущербъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, чтобы при ихъ совмѣстничествѣ удержаться, принуждены были уменьшить свои цѣны за провозъ на половину.

Въ тоже время, какъ дурной и несправедливый Англичанами приѣмъ Эриксона заставилъ его отправиться въ Америку, винтовые пароходы стали показываться въ Англій. Томасъ Смитъ первый удачно устроилъ Архимеда, который сталъ ходить въ 1840 году; Архимедъ имѣлъ 125 футовъ длины, 21 футъ ширины, отъ 9 до 10 футовъ осадки въ водѣ, и имѣлъ восемьдесятъ паровыхъ лошадиныхъ силъ. Въ стоячей водѣ скорость

его была около 14 верстъ въ часъ. Въ томъ же году инженерами Ренни построены для англійскаго флота Карликъ (Dwarf), оказавшійся отличнымъ мореходнымъ судномъ, и достигавшій скорости 19 верстъ въ часъ.

Какъ эти, такъ и многіе другіе пароходы съ подводными винтами, далеко превзошла *Волшебница* (The Fairy) паровая яхта Англійской Королевы. Она ходитъ почти по двадцати-шести верстъ въ часъ.

Важнѣйшее неудобство, сопряженное съ употребленіемъ вмѣсто гребныхъ колесъ винта, есть большое затрудненіе въ передачѣ ему силы паровой машины. Положимъ, что средняя окружность винтообразныхъ крыльевъ, къ которой можно отнести общій напоръ ихъ на воду, равняется двѣнадцати футамъ. Чтобы пароходъ, приводимый винтомъ въ движеніе, могъ идти двадцать верстъ въ часъ, средняя окружность винта должна въ это время пробѣгать двадцать четыре версты или почти двадцать четыре фута въ секунду. Слѣдовательно, валъ, на который насаженъ винтъ, долженъ дѣлать два оборота въ секунду или сто двадцать оборотовъ въ минуту. Но паровая машина такихъ размѣровъ, при которыхъ она въ состояніи двигать большое судно съ такою скоростію, болѣе тридцати двойныхъ ударовъ поршня, безъ значительной потери силы и вредныхъ сотрясеній дѣлать не можетъ. Стало-быть необходимо, чтобы при каждомъ оборотѣ рабочаго вала машины валъ съ винтомъ оборачивался четыре раза. И въ этомъ то состоитъ практическое затрудненіе, котораго и по-сѣ-время удовлетворительнымъ образомъ одолѣть не успѣли. Зубчатые колеса сложны, подвержены ломкѣ и производятъ дрожаніе, а ремни перетираются, лопаются и вытягиваются.

Изъ всѣхъ доселѣ построенныхъ большихъ пароходовъ съ подводнымъ винтомъ, безспорно, самый совершенный есть сѣверо-американскій военный паровой фрегатъ Принстонъ, въ которомъ механизмъ, весь устроенный славнымъ Эриксономъ, соединяетъ величайшія достоинства съ оригинальнію.

На немъ паровая машина не дѣйствуетъ прямо на винтъ, а приводитъ въ движеніе водяные насосы, которыми вода сильно давливается въ особеннаго устройства барабанъ, укрѣпленный

на валу винта, и напирая на устроенныя внутри его перегородки, заставляетъ его быстро вертѣться, а съ нимъ и винтъ.

Цилиндры паровыхъ машинъ и водяныхъ насосовъ имѣютъ горизонтальное положеніе, и все устройство лежитъ гораздо ниже ватеръ-линій, и слѣдовательно, въ защитѣ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Паровой котель Принстона также отличается остроумнымъ и новымъ расположеніемъ. Въ немъ дымовая труба служитъ только для отклоненія отъ находящихся на палубѣ людей дыму и газовъ, отдѣляемыхъ горящимъ топливомъ, а дувъ или притокъ на топливо нужнаго для горѣнія воздуха производится искусственнымъ образомъ, посредствомъ вѣтрогона или вентилятора, какіе теперь во всеобщемъ употребленіи на литейныхъ и въ кузницахъ. Самый винтъ можетъ легко и въ весьма короткое время изъ воды быть поднятъ и тогда судно дѣйствуетъ парусами совершенно также, какъ и всякое другое парусное судно, или опущенъ опять въ воду, когда безвѣтріе или послѣдствіе заставляютъ употребить паровую силу. Ненужно упоминать, какъ много этимъ устройствомъ облегчается осмотръ и, въ случаѣ надобности, исправленіе винта.

Какъ мореходное судно, Принстонъ оказался на дѣлѣ соединяющимъ превосходнѣйшія качества, а превосходство работы и великое сбереженіе топлива на его машины дѣлаютъ его однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній новѣйшаго искусства.

Здѣсь мѣсто говорить объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нововведеній по части пароконства, именно о замѣнѣ въ судостроеніи дерева желѣзомъ. Это теперь въ модѣ, по милости Англичанъ, громко провозглашающихъ несравненныя качества желѣзныхъ судовъ. Только врядъ ли съ нимъ безусловно согласны будутъ тѣ, особливо мы Русскіе, которые заблагоразсудятъ обратить вниманіе на слѣдующіе факты, никакому сомнѣнію неподверженные, и на предлагаемыя указанія и выводы безпристрастныхъ знатоковъ дѣла.

Въ 1844 году правительство Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ поручило особенной комиссіи подробно обсудить и представить мнѣніе о сравнительныхъ достоинствахъ судовъ желѣзныхъ и деревянныхъ.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, сущность отзыва комиссiи:

1) Хотя отъ введенiя желѣзныхъ мореходныхъ судовъ прошло немного лѣтъ, но уже и теперь они оказываются далеко не такъ прочны, какъ ожидали.

За два года передъ симъ, говоритъ одинъ изъ членовъ комиссiи, докторъ Юнiусъ Смитъ, Монтезума и Гвадалупа, два желѣзные судна, построенныя въ Англiи, близъ Ливерпуля, пришли въ Нью-Йоркъ для починки. Монтезума не служилъ еще и трехъ лѣтъ. Когда, по введенiи въ сухой докъ, я сталъ осматривать его, то увидѣлъ, что во всю длину грузовой линiи то-есть той, по которую судно сидитъ въ водѣ, отъ кормы до носа, желѣзо въ стѣнахъ было вытравлено ржавчиною, на глубину отъ одной шестнадцатой до одной осьмой части дюйма, и походило видомъ на пчелиныя сотовыя ячейки.

Причина этого очевидна: судно на ходу то выходитъ изъ воды, то въ нее опускается, и приставшая къ стѣнамъ морская вода, дѣйствию солнечныхъ лучей подверженная, разлагается, оставляя на желѣзѣ всю свою соль, имѣющую на него сильное химическое влiяние, и очень скоро его разрушающую.

2) Какъ ни хорошо теперь повсюду вводимое гальванизированiе желѣза, и какъ ни очевидна его польза для недопущенiя ржавчины въ желѣзныхъ издѣлiяхъ на открытомъ, даже самомъ сыромъ воздухѣ или въ прѣсной водѣ; но при соленой морской водѣ надежда на него плохая. Да и какъ быть увѣрену въ предохранительномъ его влiянii при многихъ тысячахъ диръ и всегда болѣе или менѣе неплотно пропущенныхъ въ нихъ закленокъ, отъ коихъ зависитъ вся связь частей, составляющихъ судно? Особливо же когда довольно завестись ржавчинѣ только въ нѣсколькихъ непримѣтныхъ мѣстахъ, чтобы быстро распространиться повсюду.

3) Тѣ же самыя заклепки, держась въ диряхъ своихъ безъ всякаго промежуточнаго упругаго тѣла, которое бы при напорѣ на стѣны судна вѣтра и волнъ, могло нѣсколько подаваться и уступать, а потомъ опять занимать прежнее свое мѣсто, непременно должны производить чрезъ самое скорое время течь, и такую, что мѣсто происхожденiя ея найти очень трудно, а исправить почти невозможно.

Прошлаго года, продолжаетъ докторъ Смитъ, осматривалъ я

одно американское таможенное желѣзное судно. Течь въ немъ была страшная. На килѣ желѣзные листы разворотило, по крайней-мѣрѣ, на полдюйма, и такiя ужасныя щели были между каждыми двумя рядами листовъ и почти во всю длину судна, отъ кормы до носу. При мнѣ мастеровые заливали эти щели свинцомъ. Бѣдное средство: очевидно, что отъ различной растяжимости желѣза и свинца, течь должна была скоро вновь показаться и даже увеличиться.

Какая разница съ деревяннымъ судномъ! Тамъ, между спаями деревянной обшивки плотно забитая конопатка вся имѣетъ составляетъ упругое тѣло значительнаго объема, которое непримѣтно уступаетъ натугѣ корабельныхъ стѣнъ, не производя щелей и не пропуская воды.

Да еслибы и оказалась течь, то подновить конопатку есть дѣло самое простое и удобное.

Всѣ возможныя исправки въ деревянномъ суднѣ менѣе затруднительны, гораздо дешевле и благонадежнѣе, нежели въ суднѣ желѣзномъ.

Притомъ же немного найдешь искусныхъ работниковъ желѣза, тогда какъ почти всякой управится съ деревомъ.

Тѣ, которые воображаютъ, что желѣзному судну вѣка не будетъ и что поправки въ немъ никогда не понадобятся, жестоко ошибаются.

Безпрестанное и неотвратимое образованiе тонкаго слоя ржавчины на листовомъ желѣзѣ дѣйствиемъ морской воды всего лучше бываетъ очевидно, когда его вновь выкрасятъ масляною краскою. Масло, высыхая, размягчаетъ и отдѣляетъ ржавчину, которая, отпадая, обнажаетъ желѣзо, чрезъ нѣсколько часовъ по окраскѣ, подвергая его наросту новаго ржаваго слоя, и чрезъ то новому ущербу въ крѣпости.

Вотъ что говорятъ просвѣщенные и опытные Американцы. Мы, съ своей стороны, прибавимъ слѣдующее:

Что касается до крѣпости стѣнъ судовъ, деревянныхъ и желѣзныхъ, то между ними не можетъ быть никакого сравненiя. Дерево имѣетъ тутъ великое и давно признанное превосходство. Если въ желѣзномъ суднѣ толщина стѣнъ будетъ въ одинъ дюймъ, а въ деревянномъ, точно такой же величины въ двѣнадцать дюймовъ или одинъ футъ, то тяжесть обоеихъ

судовъ, и, слѣдовательно, осадка ихъ въ водѣ будетъ одинаковая, но деревянное судно будетъ почти въ пять разъ крѣпче желѣзнаго.

Много превозносимое качество желѣзныхъ судовъ въ отношеніи совершенной ихъ безопасности отъ огня есть также предубѣжденіе, неизмѣняющее никакаго основанія. На судахъ случаются пожары и гибель не отъ того, что загорѣлись стѣны, а отъ того, что загорѣлась поклажа, скарбъ матросовъ и пассажировъ, всякіе запасы и товары, а все это на обою рода судахъ бываетъ одно и тоже.

Можетъ ли намъ, Русскимъ, войти въ мысль предпочтеніе желѣза дереву, не только для морскихъ, но и для рѣчныхъ судовъ, когда мы знаемъ, что наши лодейнопольскіе Олончане топоромъ и пилою строятъ суда, выдерживающія съ грузомъ многіе рейсы въ Америку, и что постройка мореходныхъ желѣзныхъ судовъ и по-сіе-время составляетъ въ Англіи исключительное занятіе богатѣйшихъ заводчиковъ, имѣющихъ въ изобиліи подъ рукой всѣ наилучшіе матеріалы и машины, всѣ пособія новѣйшихъ механическихъ искусствъ.

Въ наше время Англичане даютъ желѣзу, матеріалу у нихъ истинно національному и котораго выдѣлка во всѣхъ возможныхъ видахъ доведена у нихъ до степени совершенства, такія приложенія, какія въ Россіи многіе могутъ показаться невѣроятными. Они дѣлаютъ изъ него не только военные корабли, но и цѣлые трехъ-этажные дома, башни для маяковъ и даже пространные базары. Таково было зданіе, сдѣланное въ Лондонѣ въ 1847 году, все изъ чугуна и желѣза, и отправленное въ Сан-Фернандо, на Антильскихъ-островахъ.

Прибавимъ къ этому, что въ Англіи дерево, привозимое изъ-за моря и обложенное тяжелою пошлиною, очень дорого, тогда какъ желѣзо дешевле, нежели гдѣ-либо на земномъ шарѣ, и мы должны будемъ согласиться, что хорошее и выгодное для Англіи можетъ быть совсѣмъ нетаково въ другихъ земляхъ.

Въ заключеніе, мы должны однакоже замѣтить, что несмотря на чудесные успѣхи пароходства, для Россіи оно въ теперешнемъ своемъ состояніи не можетъ принести и сотою части той пользы, какую наше отечество выравъ отъ него ожидать для важнѣйшей своей потребности—внутренняго судоходства.

Вся Европейская Россія покрыта необъятною сѣтью водныхъ сообщеній; но всеобщее свойство ея тысячи рѣкъ есть великое изобиліе воды весною, при таяніи снѣговъ, на короткое время, и великій недостатокъ воды почти во все остальное время, до самаго замерзанія. Самая наша великая мать Волга, принимающая произведенія болѣе нежели двадцати богатѣйшихъ губерній, между Рыбинскомъ и Тверью мелководна такъ, что осадка проходящихъ здѣсь грузовыхъ судовъ закономъ опредѣлена быть не болѣе, какъ отъ 10 до 14 вершковъ. Наибольшая же часть другихъ судоходныхъ рѣкъ лѣтомъ допускаютъ немногимъ болѣе половины сего груза.

По такимъ водамъ пароходы, ни съ гребными колесами, ни съ подводными винтами, проходить не могутъ. Здѣсь паровая сила должна быть приспособлена совсѣмъ другимъ образомъ, которому доселѣ дѣлаются только попытки. Успѣшное разрѣшеніе этой задачи, безъ сомнѣнія, ни одному государству на свѣтѣ не принесетъ такихъ огромныхъ выгодъ, какъ Россіи.

Для мелководныхъ и извилистыхъ рѣкъ много обѣщаетъ большая змѣеобразная ладья, еще въ 1786 году устроенная у насъ на Днѣпрѣ славнымъ Бенгетомъ, во-время путешествія въ Южную Россію блаженныя памяти Императрицы Екатерины II.

ВАСИЛІЙ КАРЕЛИНЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ПО ФИНЛЯНДИИ.

II.

Водопадъ Аніяло.—Станція Ньюбу, Віелактисъ —Озеро Велись —Историческое извѣстіе о военномъ подвигѣ Петра В. въ Финляндіи. — Живописный хребетъ Конгосола. — Городокъ Таммерфорсъ. — Фабрика Нотбека, его семейство и занятія. — Гора Пюникъ и замѣчательная въ ней пещера Линда.—Историческое озеро Пюхи.—Водопадъ Туро.—Городъ Тавастгусъ.—Гельсингфорсъ.—Мнимо-дешевыя цѣны.—Хозяева квартиръ.—Извозчики.—Або.—Университетъ.—Церемонія при его основаніи.

Переправясь черезъ Кюмень, я спустился внизъ къ морскому берегу, въ имѣніе, извѣстное по своему водопаду Аніяло. Къ старинному двухъ-этажному дому помѣщика вы приближаетесь по удивительной березовой аллеѣ, простирающейся на нѣсколько верстъ, посреди зеленѣющихъ и хорошо обработанныхъ полей. Съ лѣвой стороны правильно и широко течетъ Кюмень. Сзади дома фруктовой садъ и надъ нимъ поразительной красоты высокія скалы, вершина которыхъ покрыта деревьями, передъ домомъ небольшой паркъ, а немного влѣво мельница и водопадъ; меня провели къ самому углу мельницы, посмотрѣть поближе на Аніяло. И въ-самомъ-дѣлѣ зрѣлище поразительное! Вы окружены водою, она шумитъ кругомъ васъ, страшаетъ залить, унести васъ въ свое лоно! Сзади или, лучше сказать, подъ ногами, бьетъ водопадъ, который, повернувъ колесо мельницы, шумно выражаетъ свою радость, вырвавшись на свободу. Передъ вами красуется во всю ширину и на довольно значи-

тельную длину рѣка Кюмень, которая, круто поворачивъ у противоположнаго берега, надувается, растетъ, ропщетъ и мечется, готовая броситься на васъ, окружаетъ васъ своею влажностію, засыпаетъ милліонами брызгъ, и въ нѣсколькихъ шагахъ круто низвергается съ высоты 32 футъ, и тутъ является ужасная и восхитительная картина борьбы воды, встрѣчающейся съ острыми утесами; волны горами падаютъ, отступаютъ, вновь являются изъ глубины, а между-тѣмъ величественная и спокойная рѣка, какъ идеаль въчности, бросаетъ съ высоты неистощимый свой запасъ! Дотогу увлекаешься и сочувствуешь этому непрерывно-шумному движенію водопада, находясь отъ него много если въ трехъ шагахъ, что кажется, какъ-будто соединяешься съ нимъ, принимаешь эти вѣшнія впечатлѣнія, какъ бы за нѣчто внутри себя происходящее, тѣмъ болѣе, что глазъ слѣдитъ не только за каждымъ изгибомъ,—очеркомъ волнъ, но видитъ въ капляхъ стремящуюся передъ вами массу.

Въ 3-хъ верстахъ отъ станціи, при поворотѣ образуется превосходное ущелье изъ высокихъ крутыхъ скалъ, покрытыхъ лѣсомъ, это Сексъ-Ярви. Путь вашъ все идетъ послѣдовательно въ гору, пока вы не достигнете большой дороги. За четыре версты до станціи Ньюбу (Nyby) влѣво открывается обширная панорама лежащихъ въ долинѣ лѣсовъ; на пространствѣ, по крайней-мѣрѣ, въ 60 верстъ, очень мало луговъ и пажитей, но вдали горы замыкаютъ горизонтъ, и разступаясь, они синеватою далью даютъ мѣсто вводнымъ ландшафтамъ, и весь этотъ безконечный лѣсъ подъ вашими ногами. Это дикій, но чудесный ландшафтъ Финляндіи.

Передъ станціею Віелактисъ поражаетъ совсѣмъ другой видъ. Передъ вами селеніе, но группы домовъ расположены безъ правильности, не примыкая и не вытягиваясь по большой дорогѣ; за селеніемъ зеленѣющія поля ржи; далеко, далеко за ними горы покрыты лѣсомъ, который раздвинувшись, открываетъ обширное озеро Велись, съ живописными лѣсистыми островками; оно покойно и величественно выглядываетъ на землю окружающаго, покрытое глянцовитою оболочкою. Видъ этого озера, съ роскошною и густою зеленою пахатныхъ полей, долго сопровождаетъ васъ! Отъ станціи Лахтисъ версты за двѣ, поздно вечеромъ любовался я этимъ озеромъ съ горы; внизу и

кругомъ мрачный лѣсъ, озеро тихо, и сверкая отражаетъ звѣзды въ ночномъ сумракѣ; мрачными силуэтами обрисовываются его рамки, и отражаясь въ водѣ, вычерчиваютъ на ней тоны и полутоны; дотога кругомъ тихо, что можно слышать каждый шелестъ листовъ, каждый взмахъ внезапно пробудившейся птички, жужжаніе насѣкомыхъ. Въ эти минуты чувствуешь не тѣлу, а душѣ и сердцу, которыя возпроизводятъ молитву и вдохновеніе.

За 3 версты до станціи Хаанголы, дорога пролегаетъ по обрыву высокой горы, сверху гранитъ, покрытый лѣсомъ, внизу пронасть и тоже лѣсъ.

Черезъ 8-мь верстѣ открывается озеро, какъ море, и кругомъ самый оживленный пейзажъ, уже не лѣсовъ, а полей и селеній.

Въ 1713 году Петръ Великій, изъ Борго отправился съ войскомъ на сѣверъ, и переправясь на лодкахъ черезъ обширное озеро Пелкененепъ-Весеп, попалъ на Шведовъ подлѣ станціи Онкола, у церкви. Эта церковь, въ самомъ простомъ старинномъ стилѣ, выстроена на небольшомъ возвышеніи, примыкающемъ къ озеру, и до-сихъ-поръ, по неровной мѣстности, покрытой густою зеленью, можно увидать укрѣпленія Шведовъ. Разбивъ здѣсь непріятеля, Петръ преслѣдовалъ его до кирхшиля Сторъ-Тюра въ Остроботніи, гдѣ нанесъ рѣшительный ударъ графу Армфельду и кавалерійскому генералу Делабаръ. Въ это время Голицынъ занялъ Або, и такимъ-образомъ, по отступленіи Шведовъ въ свое отечество, въ первый разъ Русскими была занята Финляндія.

Между станціями Онкола и Гутъярви пролегаетъ высокий и самый живописный хребетъ Финляндіи *Копгосала*, раздѣляющій озеро Виллико и Ройне. Я шелъ, не придерживаясь большой дороги, лѣсомъ, по вершинѣ хребта, временемъ собирая попадавшіеся цвѣты, изъ которыхъ меня поразили бѣлые съ сильнымъ запахомъ ландыши, но только вмѣсто круглыхъ шапочекъ, они имѣли восьмиугольный видъ, и въ каждой отдѣльной шапочкѣ былъ особенно длинный язычокъ или стержень, близко подходящій съ виду къ Фукціямъ. Густая трава хрустѣла подъ моими ногами, между частыхъ деревьевъ мелькали, то вправо, то влѣво, воды и отрывки ландшафтовъ. Спустился съ хребта передъ Гутъярви, я увидать впереди селеніе, сира-

ва озеро Ройне окаймленное песчаными утесами, а влѣво въ обширнѣйшей долинѣ, посрединѣ озеро Виллики и къ нему примыкающія деревни, лѣса, поля, въ отдаленіи горы; стада и лошади паслись по всему пространству. Я вдругъ могъ видѣть самую разнообразную сельскую жизнь на огромномъ пространствѣ, какъ бы соединенную въ одну точку зрѣнія, при ярномъ освѣщеніи солнца. И внезапно отдаленныя горы покрылись синеватостію, густой туманъ началъ полосами спускаться въ долину; въ нѣсколько минутъ забушевала буря, стада бросились укрываться въ лѣса, озеро вспѣнилось волнами, солнце задернулось облаками, но я не чувствовалъ еще дождя, и когда мнѣ надоѣдало смотрѣть на бурю, я смотрѣлъ вправо на озеро Ройне, видѣлъ спокойную лазурь его водъ и блиставшее на немъ солнце. Эта картина дотога меня поразила своею смежностію и противоположноствію, что я остановилъ въ это время проѣзжающаго своего мальчика, и показалъ ему изумительную картину, которой даже удивился Флегматическій извозчикъ. Да, чтобы увидать подобную вещь, можно было отправиться въ путешествіе.

Здѣсь уже не встрѣчаются голыя скалы; вездѣ чернозѣмъ и чудная растительность; даже туземцы предпочитаютъ въ одеждѣ зеленый цвѣтъ, не такъ какъ въ двухъ кирхшиляхъ, прилегающихъ къ Иматрѣ; тамъ одѣваются въ черный; бѣлая рубашка вышивается красными узорами и полосками, и сверхъ того женщины надѣваютъ кусокъ сукна на тесьмахъ, въ родѣ тоги, которую носятъ съ боку или откидываютъ за плечи; говорятъ, что это затѣмъ, чтобы прикрывать подъ мышками носимую пищу во-время отправленія въ церковь, куда они каждое воскресенье приходятъ изъ отдаленныхъ деревень.

Я начиналъ уже чувствовать страшную усталость, тѣмъ болѣе, что пройдя въ этотъ день тридцать-двѣ версты, я не видалъ передъ собою конца путешествію, такъ-какъ все еще не видалъ города Таммерфорса, до котораго, по моему расчету, оставалось съ версту. Но вотъ еще нѣсколько шаговъ въ гору, дорога вдругъ круто поворотила, и я, въ полномъ смыслѣ пораженный, остановился; забывъ усталость, началъ разсматривать небольшой городокъ, по всей длинѣ котораго, широкій какъ рѣка, падаетъ водопадъ, прядая черезъ гряды высокихъ утес-

совъ, и соединяя два огромныя озера, Несси-ярви и Пюльхо-ярви, первое возвышается надъ вторымъ на 101 футъ. Кульневъ извѣстный герой, въ 1809 году со своимъ летучимъ отрядомъ перешелъ черезъ озеро Пюльхо по льду, и занялъ Таммерфорсъ. По обимъ берегамъ водопада устроены фабрики, надъ которыми господствуетъ шести-этажная бумагопрядильня, принадлежащая Нотбеку-Рауху подъ фирмою Финлейзена это крайняя съ лѣвой стороны; рядомъ съ нею бумажная фабрика; потомъ идутъ деревянныя строенія разныхъ фабрикъ, между которыми черезъ водопадъ пролегаетъ каменный, хорошо выстроенный мостъ; по эту сторону большое каменное строеніе, — это чугунная фабрика.

Отсюда съ горы однимъ взглядомъ вы можете видѣть озера, водопадъ, церковь съ башнею, планъ который начертилъ самъ Императоръ Александръ въ германскомъ стилѣ, самый городъ, состоящій изъ 179 домовъ съ безчисленными выѣсками, расположенный въ долинѣ; между домовъ проглядываютъ деревья садовъ и какъ-бы смыкаются съ зеленою предмѣстій и окружающихъ его горъ. Вступая на мостъ, вы оглушены шумомъ водопада и фабричныхъ колесъ, но войдя въ городъ уже теряется очарованіе. Правда дома, болѣею частію деревянные, расположены въ довольно широкихъ улицахъ, есть и площадь, но на немощенныхъ улицахъ страшная грязь; такъ-какъ городъ расположенъ въ долинѣ, между озерами, то окружающія его горы привлекаютъ водяныя испаренія, и для города не проходитъ ни дня безъ дождя. На станціи, которая служитъ и клубомъ, отвели мнѣ, за самую дешевую цѣну, очень хорошенькую комнату окнами въ садъ. Кстати замѣчу, по всей Финляндіи, вы можете найти необыкновенно чистую комнату и чистое бѣлье для ночлега. Поны въ комнатахъ усыпаны можжевеловымъ. Желая освѣжиться, я потребовалъ ванну, и меня провели черезъ грязь по всему городу, на самый конепъ водопада, гдѣ, на выдавшихся скалахъ г. Линдебергомъ выстроено особенное заведеніе по методу Присница, которому Линдебергъ обязанъ своимъ излеченіемъ. Здѣсь души падаютъ съ высоты 20 футъ, и, кромѣ-того, огромный бассейнъ, въ которомъ вода очищается безпрерывною прибылью новой воды. Вообще все устройство прочно изящно и непремѣнно принесетъ пользу тѣмъ,

кто захочетъ серьезно лечиться, не быть развлекаемымъ необходимостію приличій въ мѣстахъ, пользующихся модною славою, и истратитъ мало денегъ.

По просьбѣ иностранца Финлейзена о дозволеніи въ Таммерфорсѣ устроить фабрику, съ привилегією на 20 лѣтъ, выдано займообразно 30 тыс. ас. и позволеніе на отведенной землѣ строить храмы и всякія строенія, мастерскимъ отправлять свободно богослуженіе; отдано было ему 184,000 квадр. фута земли. Вотъ начало теперешняго благосостоянія фабрики, которая при прежнемъ владѣтелѣ шла вяло и дурно; на ней сначала приготовляли разныя машины и орудія для земледѣлія, наконецъ, проданная теперешнимъ владѣтелямъ, пришла въ блистательное положеніе, и не только снабжаетъ почти всю Финляндію бумажными издѣліями, но пользуясь позволеніемъ правительства, отправляетъ ежегодно въ Петербургъ до 9 тысячъ пудовъ выдѣланнаго матеріала, преимущественно къ Битенажу, у котораго уже производится окраска и распродажа ситца и шертинга.

Подходя къ фабрикѣ Нотбека, вы чувствуете и видите во всемъ объемѣ ея благосостояніе; за оградой съ лѣвой стороны необыкновенно чистый домъ въ готическомъ вкусѣ, влѣво деревянные строенія, принадлежащія къ фабрикѣ, какъ-то училище для дѣтей, общая столовая, магазинъ, въ которомъ продаются фабричныя издѣлія; промежуткомъ занятъ куртиною, полною цвѣтовъ, огородныхъ растений и фруктовыхъ деревъ, за куртиною оранжерея, а потомъ уже самая фабрика. По другую сторону дома небольшой, но восхитительный тѣнистый садъ, примыкающій къ озеру; изъ этого волшебнаго уголка видны все озеро и водопадъ, который даже частію пробѣгаетъ самый садъ, между двумя прилегающими островками, соединенными висячими мостами; на одномъ изъ нихъ бесѣдка окруженная цвѣтами, также какъ и главный домъ кругомъ въ цвѣтахъ; на другомъ, подъ раскидистою березою прибита чугунная доска съ надписью:

Alexander Rossiae Imperator Fenniae Magnus Dux
stans in hac rupe d. 10 m. Sept. a. p. ch. MDCCCXIX
primus jussit

ut undae spumantes hominibus succurrant
quae nunc diligenter constructa vides viator,
hominum permultorum in usum

Viva voce laudant memoriam patris patriae in coelum erecti.

Императоръ Александръ I и Великій Герцогъ Финляндскій стоялъ на этомъ утесѣ 10-го сентября 1819 года, и приказалъ этимъ бушующимъ волнамъ явиться на помощь человѣка. И ты видишь искусствомъ и трудолюбіемъ выстроенныя зданія для пользы общества. Славьте и благословляйте память отца Отечества, который теперь покоится въ небѣ.

И тѣмъ болѣе этотъ саль производитъ пріятныя впечатлѣнія, что на небольшомъ пространствѣ успѣли соединить все изобрѣтенія вкуса, выразивъ его куртинами, алеями изъ дубовыхъ и кленовыхъ деревьевъ, бесѣдками, а водонадъ окружилъ его вѣчными гармоническими своими звуками. Что можетъ быть очаровательнѣе и восхителнѣе этого мѣста въ знойный день!..

Владѣтель фабрики, Вильгельмъ Карловичъ Нотбекъ, типъ джентльмена въ полномъ смыслѣ этого слова; только здѣсь понималъ я, что можно извлекать собственную выгоду и быть не только полезнымъ, но необходимымъ большой массѣ народа. Онъ и главный директоръ, его прежній воспитатель, г. Улле, управляютъ фабрикою, ведутъ обширную переписку, сводятъ счета, слѣдятъ за нравственностію рабочихъ, на ихъ рукахъ все книги, и это исполняютъ только два человѣка, связанные дружбою и глубокимъ уваженіемъ; кромѣ этого при фабрикѣ одинъ бухгалтеръ на 800 рабочихъ. Меня до того заняло и удивило устройство, что я рѣшаюсь, не боясь надоесть читателямъ, познакомить ихъ съ малѣйшими подробностями. На счетъ фабрики есть училище для дѣтей отъ трехъ до 11-ти лѣтняго возраста, и не для однихъ фабричныхъ. Дѣтей учить по методѣ Ланкастера, одна выписанная изъ Стокгольма женщина, до такой степени умѣвшая привязать малютокъ, что во-время ея болѣзни дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія своихъ уроковъ, безпрестанно спрашивая о состояніи ея здоровья.

Рядомъ съ училищемъ домъ, и въ залѣ, за общимъ столомъ, каждый рабочій можетъ получать завтракъ, обѣдъ и ужинъ за 6 коп. сер., состоящіе изъ кислаго и простого молока, картофельнаго супу, каши и масла съ хлѣбомъ, т. е. кеске-бре, сушеннаго въ лепешкахъ. Устройвъ это самымъ дешевымъ образомъ, рассчитывали уничтожить частое кофепійство, сопровождавшее время роздыха. Но странный и глупый предразсудокъ—рабочіе считаютъ себя униженіемъ сидѣть за общимъ

столомъ, и только набралось 30 человѣкъ; остальные или берутъ на домъ, или ѣдутъ на улицѣ, или требуютъ болѣе дорогаго стола, въ 9 копѣекъ серебр.

Мѣсячная плата мужчинамъ 14 р. с., женщинамъ—6, дѣтямъ 3 р. Работаютъ съ промежутками 10 часовъ въ сутки. Разсчетъ еженедѣльный. Каждый можетъ при раздѣлѣ жалованья внести произвольную сумму въ кассу конторы и получаетъ 5%, если сумма превышаетъ 1 рубль серебр. Въ книгахъ у каждаго отмѣчаютъ внесенную имъ сумму, при ней приложена таблица разчета процентовъ. Много примѣровъ, что изъ этихъ вкладовъ накоплялись хорошія приданья для невѣстъ. Противу фабрики, мнѣ показывали довольно большой домъ, купленный за двѣ тысячи рублей двумя дѣвушками изъ такимъ образомъ сбереженныхъ денегъ. Каждаго работника хорошо знаютъ управляющіе фабрикою, потому-что слѣдятъ за ними съ дѣтскаго возраста, и если замѣчаютъ, что родители вредно пользуются на счетъ заработка своихъ дѣтей, то имъ платятъ одеждою и пищею. А потому трудно себя представить, какъ все опрятно на этой въ изыщномъ видѣ содержимой фабрикѣ. Наибольшаго наказанія рабочимъ состоитъ въ отказѣ отъ работы, и тогда они должны себя искать другое мѣсто, чтобы не попасть въ число бродягъ. А такъ-какъ все высокаго мнѣнія объ управленіи, то и считаютъ выбывшаго ежели не за преступника, то чѣмъ-нибудь, въ этомъ родѣ. Потому, несмотря на многочисленность рабочихъ, нравственность въ нихъ развита въ высшей степени. На фабрикѣ семь выбранныхъ старшинъ, которые, слѣдя за своими братьями рабочими, при малѣйшей ихъ несправности накладываютъ *штрафъ*, составляющій общій капиталъ, а потому за ними строго и безъ всякаго упущенія несутся сами мастеровые, строго присматривая другъ за другомъ. Кто опоздалъ пять минутъ послѣ звонка ко времени сбора — платитъ штрафъ. Кто пришелъ не въ трезвомъ видѣ—платитъ штрафъ. Кто что утратилъ, разбилъ или обозначилъ себя не въ благопристойномъ видѣ, — платитъ штрафъ. Былъ примѣръ, что дѣвушка, безъ позволенія отлучилась съ фабрики, за что была обязана заплатить штрафъ, но не желая его внести, совсѣмъ отошла отъ фабрики. Черезъ два года она снова явилась съ просьбою ее принять; владѣльцы

согласились было, но выборные возстали, и требовали, чтобы она прежде расплатилась за старый штрафъ. Такъ и было сдѣлано. Къ этимъ деньгамъ присоединяется вычетъ по 1 к. въ недѣлю съ дѣтей, по 2 съ большихъ, и по 3 к. съ болѣе взрослыхъ. Если въ больницѣ нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, за которыя постоянно платитъ фабрика, то по освидѣтельствованіи доктора и одного изъ 7-ми выборныхъ, больному даютъ вспомошествованіе изъ этихъ штрафныхъ денегъ, изъ которыхъ уже выдается и пансіонъ престарѣлымъ.

Фабрика же сама содержитъ доктора и платитъ въ аптеку за тѣхъ, которыхъ докторъ и одинъ изъ 7-ми выборныхъ найдутъ въ болѣзненномъ состояніи. При такомъ устройствѣ на фабрикѣ не боятся за утрату вещей и матеріаловъ, при нравственномъ вліяніи церкви, въ маленькомъ городѣ, населенномъ преимущественно фабричными, гдѣ все извѣстно другъ-другу, и значить пастору, притомъ же, такъ-какъ машины всѣ новѣйшаго устройства, и за послѣдовательнымъ усовершенствованіемъ которыхъ въ Европѣ на фабрикѣ слѣдятъ, здѣсь всѣ онѣ устроены съ регуляторами, по которымъ можно повѣрять и труды рабочихъ, и расходъ матеріаловъ. Здѣсь двѣ машины, одна въ 75, а другая въ 25 силъ. Машины всѣ откатываются и прикатываются сами. Если во-время тканья лопнетъ нитка, машина сейчасъ останавливается. До такой разумности они доведены. Фабрика освѣщена газомъ, воздухъ вездѣ чистый. Во-время ночи часовой, каждые $\frac{1}{4}$ часа, долженъ дергать за шнурокъ, проходящій къ часамъ, повѣшеннымъ въ конторѣ, отъ этого выскакиваетъ одна изъ 4-хъ часовыхъ спиць; если онъ опоздалъ, спица, не выскочивъ, обозначитъ его нерадѣніе или сонъ, и даже въ какое время ночи. Эти часы сами-собою поворачиваются, и днемъ вбираютъ въ себя спицы, выдвинутыя шнуркомъ ночью, и являются какъ-бы окруженныя небольшимъ сіяніемъ. Вещь чрезвычайно полезная на фабрикахъ, чтобы наблюдать за часовыми.

Къ числу фабричныхъ странностей и предразсудковъ, нужно отнести и слѣдующее: женщина съ фабрики, выходя замужъ, какъ бы ни была прибыльна ея работа и ничтожно собственное хозяйство, почитаетъ себя за безчестіе оставаться на фабрикѣ, и работаетъ уже на дому, лишаясь часто значительной

дневной платы. Фабрика, кромѣ оказываемыхъ разныхъ благодѣяній своимъ мастеровымъ, поддерживаесть нѣсколько престарѣлыхъ женщинъ, отпуская имъ въ кредитъ хлопчатую бумагу и принимая выработанную, выгодно вознаграждаетъ за труды.

Теперь, кромѣ производства бумажныхъ издѣлій, приступили къ совершенно новымъ опытамъ—разчесыванія пеньки; изъ этого стараются достигнуть тѣхъ же результатовъ, какъ изъ хлопчатой бумаги, но до-сихъ-поръ еще получали короткія нитки, которыя трудно ткать.

Чтобы показать, какъ фабрика поощраетъ своихъ мастеровыхъ, я приведу одинъ замѣчательный случай. Много лѣтъ назадъ поступилъ сюда сирота, безъ роду и племени, безъ куска хлѣба. Мальчика, по имени Петерсона, приняли, и замѣтя въ немъ склонность къ механикѣ, опредѣлили къ машинамъ и стали обучать англійскому языку; за хорошія способности и усердіе, его вскорѣ сдѣлали механикомъ, но фабрика не удовольствовалась своекорыстною цѣлю, и давъ свидѣтельство въ доброй нравственности и въ знаніи дѣла, ходатайствовала о выдачѣ заимообразно Петерсону $4\frac{1}{4}$ т. р. с., для устройства отдѣльной фабрики. Получивъ эти деньги и имѣя въ запасѣ отъ прежняго заработка, Петерсонъ выписалъ машину изъ Англій, самъ устроилъ привелъ ее въ движеніе и занимается расчисткою шерсти; это единственное заведеніе въ цѣлой Финляндіи. На будущій годъ, увеличивъ свою фабрику, Петерсонъ намѣренъ выдѣлывать фланель. Вотъ слѣды высокаго и нравственного управленія. Я приходилъ въ восторгъ, смотря на малочисленность жителей Таммерфорса, и на развитіе фабричности! Сюда нужно пріѣзжать учиться, какъ люди дорожатъ временемъ, и еслибы цѣлый городъ подвести подъ одну крышу, то это была бы одна фабрика съ разными отдѣленіями и съ необходимымъ подраздѣленіемъ фабричныхъ потребностей.

Въ городѣ 3,222 жителей, 31 купецъ, 17 красильцевъ, 19 кожевниковъ, 7 токарей, 6 большихъ фабрикъ, изъ которыхъ: 1) бумагопрядильная — подъ фирмою Финлейзена, имѣетъ оборотъ въ 200 т. р. сер. 2) бумажная Френкеля, отъ 35 до 40 т. 3) желѣзная и чугунная, 4) Петерсона, 5) чулочная, 6) добыванія растительнаго масла; 3 булочника, 5 шляпниковъ, 6 желѣзныхъ мастерствъ, 8 золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровыхъ, 3 переплетчика, 3 часовыхъ мастеровыхъ, 3 столяра, 7 портныхъ, 7 сѣдельниковъ, 3 жестяного мастерства, 11 сапожниковъ, 3 колеснаго мастерства, 3 столярнаго мастерства, 9 маляровъ, 1 стекольщикъ, 5 мѣдниковъ, 4 кузнеца, 5 фаянсоваго издѣлія, 4 купца, продающихъ жизненные припасы, 4 экипажныхъ мастеровыхъ, т. е. кабриолетовъ и колясокъ, 1 перчаточникъ, 2 мясныя лавки, 1 аптека, 3 мельницы.

Всѣхъ рабочихъ на большихъ фабрикахъ считается до 2,000 человекъ. Ярмарки бываютъ два раза въ годъ, въ сентябрѣ и декабрѣ.

Кромѣ-того въ Таммерфорсѣ есть училище на 45 человекъ, устроенное на капиталъ, завѣщанный однимъ изъ городскихъ жителей.

Пять дней провелъ я въ очаровательномъ обществѣ Нотбека, состоящемъ изъ его жены, ея сестры, графини Менгденъ, ихъ матери и г. Улле, брата бывшего прусскаго министра, который изъ любви къ семейству своего воспитанника, изъ христіанской привязанности къ рабочему классу, оставилъ свою родину и 15 лѣтъ почти безвыѣздно живетъ въ странѣ, приводя въ исполненіе всѣ благія намѣренія своей доброй души, всѣ разумныя влеченія своего сердца. Этотъ человекъ, въ скромной своей долѣ, достоинъ всякаго уваженія, это типъ высокаго нравственнаго совершенства, въ полномъ смыслѣ достойный воспитатель своего воспитанника, котораго дѣтей онъ любитъ какъ своихъ внучатъ.

Не однѣ фабричныя чудеса видѣлъ я: наканунѣ моего прибытія пріѣхала графиня Менгденъ, которая за три года подарила своей дочери свою воспитанницу, канарейку. Графиня, войдя въ комнату, гдѣ висѣла клетка съ отворенною дверцою, проговорила: Мими! Мими! И канарейка, услышавъ свое прозваніе, съ выраженіемъ живой радости прилетѣла на зовъ своей прежней госпожи. Я усомнился этому разсказу, и былъ очевидцемъ, какъ канарейка, по графининой кличкѣ Мими! прилетѣла, сѣла къ ней на грудь, и затрепетавъ крыльями, какъ-бы цаловала ее въ губы своимъ клювомъ, и жалобно пицала, когда я дотронулся до нея рукою, но не отлетала. Потомъ графиня, сказавъ ей, «пойдемъ гулять», отправилась въ садъ въ сопровожденіи своей летучей спутницы, которая, перелетая съ одного дерева на другое, при каждомъ зовѣ прилетая, садилась къ ней на руки и на плечи. И послѣ этого люди такъ высоко цѣнятъ благодарность, люди, воспитанные въ правилахъ религіи и нравственности, и готовые, за малѣйшую оплошность, изъ друзей сдѣлаться непримиримыми врагами.

Въ воскресенье, когда на фабрикѣ не производились работы, были произведены опыты надъ движеніемъ земли, по способу Фуко. Тяжесть была привѣшена на проволоку 170 ф. длины; ее отвели отъ горизонтальнаго положенія и дали движеніе отъ сѣвера къ югу; черезъ четыре минуты послѣдовательныхъ размаховъ, гири подвинулась къ О, на одинъ градусъ, черезъ 8° на 2° и Х. Опытъ конечно извѣстный, но въ то время занимавшій своею новизною. Болѣе, чѣмъ на производство опыта, смотрѣлъ я на г-на Улле; этотъ благороднѣйшій, чудеснѣйшій старичокъ такое принималъ въ немъ живое участіе, словно

отъ удачи и неудачи зависѣла его судьба. Онъ съ германскою аккуратностію принесъ и поставилъ никуда негодный, карманный компасъ; потомъ сопровождая движеніе руки ему только свойственными мягкими манерами, проговорилъ нѣжнымъ голосомъ: вотъ здѣсь приблизительно сѣверъ, а здѣсь югъ, и пустил маятникъ И потомъ каждое движеніе такъ его радовало, заставляя потирать руки и добродушно смѣяться.

Съ вершины горы Пюнике, лучшій видъ на городъ и его окрестности; въ одномъ изъ поворотовъ скалы есть ущелье, прилегающее къ озеру.

Въ разстояніи 45 верстъ отъ города на сѣверъ находится замѣчательный водопадъ Тчуро, (Куга-Косеу) едва ли по своей высотѣ не первый въ Финляндіи. Чтобы попасть на него, нужно своротить съ большой дороги и пройти слишкомъ двѣ версты густымъ и дикимъ лѣсомъ. Вода выпадаетъ, повидимому, изъ небольшого озера, кругомъ поросшаго чрезвычайно красивою елью. Озеро кажется такимъ спокойнымъ, такимъ самостоятельнымъ, и это впечатлѣніе удерживается, даже когда вы смотрите на голубую и спокойную вершину водопада, которая вдругъ съ огромной волной перпендикулярно низвергается съ высоты 60 футъ, потомъ, пробѣжавъ нѣкоторое пространство, снова второй разъ падаетъ съ высоты 30 футъ. Отъ брызговъ водопадъ покрытъ радугами, какъ сѣтью, подъ которою дотога сильно крутится вода, что брошенное 3-хъ-саженное бревно прежде три раза въ немъ перевернется, и потомъ уже выплыветъ разщепленнымъ. Съ правой стороны водопадъ упирается въ скалу, рветъ изъ себя огромнаго размѣра всплески, напираетъ на нее вновь подоспѣвшими волнами, силится сдвинуть съ мѣста высоко выступающій пирамидальный гранитъ, заливаешь его. Страшно и весело смотрѣть на этотъ оглушительный ревъ, на эту давку набѣгающихъ валовъ, на эти ничѣмъ невыразимые разнообразныя виды. Съ правой стороны водопадъ припадаетъ каскадами черезъ уступы скалистой стѣны. Лучшій видъ на водопадъ съ перекладинъ, набросанныхъ между первымъ и вторымъ паденіемъ. Проходя поэтому шаткому по мосту, невольно чувствуешь головокруженіе; когда сядешь или ляжешь, кажется, словно нижняя часть тѣла парализована и уносится быстрымъ теченіемъ. Кругомъ водопада нѣсколько мельницъ приводимыхъ въ движеніе паденіемъ воды, и двѣ или три избушки расположены на дикихъ лѣсистыхъ обрывахъ горъ.

Возвратясь съ водопада Тчуро, я считалъ уже свое путешествіе какъ-бы оконченнымъ, и отправился въ Гельсингфорсъ правою дорогою, чтобы полюбоваться окрестностями кирки Саксъ-Мейкіа, къ которой прилегаетъ огромное озеро, устѣянное лѣсистыми, небольшими и красивыхъ очертаній островками. Кругомъ него, на огромномъ пространствѣ, все поля, да нивы,

а на господствующъ горахъ селенія и домъ пастора. Это та- кой лѣтній, и такъ-сказать, землепашный пейзажъ. Въ Финлян- дии всѣми средствами стараются развивать земледѣліе.

Биргеръ Ярди де-Бельбо, регентъ Швеціи, въ концѣ XI-го сто- лѣтія, основалъ замокъ въ Тавастгузѣ, который до-сихъ-поръ сохранилъ свою прежнюю паружность; это большое четырехъ- угольное зданіе съ двумя низенькими башнями, съ остроуголь- ною крышею и ровомъ, какъ-бы слѣпленными другъ съ другомъ. Отсюда прекрасная и густая аллея ведетъ въ городъ Тавастгузъ, необыкновенно чистый, хорошо отстроенный; казенные дома болѣею частию каменные, и обывательскіе—деревянныя, вытя- нуты въ прямыхъ улицахъ отъ площадей.

Здѣсь до такой степени развита спокойная жизнь, что въ 9-ть часовъ городской барабанщикъ, надѣвъ на себя бара- банъ еще шведскихъ временъ, бьетъ что-то въ-родъ зори, обходя кругомъ единственную лютеранскую церковь въ го- родѣ. Это служитъ сигналомъ всѣмъ ложиться спать, и всякій, кто остался долѣ зори, этимъ сталъ бы жевировать хозяйку дома, такъ-что всѣ стараются уходить изъ гостей, по-крайней-мѣрѣ, за пять минутъ до 9 часовъ. За крѣпостію, т. е. за городомъ, огромную скалу обратили въ прекрасный до- вольно большой и густой паркъ; отсюда видѣнъ городъ и всѣ, болѣею частию плоскія, окрестности, исключая горъ за горо- домъ и нѣсколькихъ небольшихъ озеръ, кажущихся болотами, по ровной ихъ окружающей мѣстности.

Отсюда я прибылъ въ Гельсингфорсъ, и считаю излишнимъ его описывать; онъ уже такъ всѣмъ извѣстенъ.

Вообще все очень вздорожало въ Гельсингфорсѣ, исключая дамскихъ нарядовъ невысокаго достоинства. Въ томъ числѣ и квартиры, съ хозяевами которыхъ даже бываетъ затру- днительный расчетъ, потому-что въ контракты они помѣ- щаютъ штрафы за малѣйшій ущербъ. Одна дама нанимала за дорогую цѣну часть дома на водахъ. Наканунѣ отъ- ѣзда, она посылаетъ извѣстить о скоромъ отъѣздѣ. Хозя- инъ отвѣчаетъ, что такъ-какъ осталась цѣлая ночь, то онъ еще не можетъ обревизовать квартиры, потому-что послѣ ревизовки въ ней еще могутъ случиться поврежденія. На другой день, является его пріятель уполномоченнымъ. Оказалось нѣсколько

разбитой посуды, за которую, по условію контракта и по выстав- ленной въ немъ цѣнѣ, хотѣли заплатить. Но уполномоченный ото- звался, что не можетъ принять этой суммы, потому-что находитъ что нѣкоторыя стѣны обтерты стульями и обои повреждены, а потому и долженъ задержать съѣзжающихъ жильцовъ, покада не явится самъ хозяинъ. Но время приближалось къ от- плытію; испуганныя дамы, у которыхъ не было никакого про- водника, кромѣ слуги, пришли въ отчаяніе, боясь опоздать на пароходъ. Предлагаютъ заплатить, наконецъ садятся, уѣзжаютъ, предоставляя знакомымъ сосѣдямъ сдѣлать окончательный раз- счетъ.

Изъ Гельсингфорса, въ пріятномъ обществѣ дамъ, я отправилъ ся въ Або, на пароходъ Муртая. Капитанъ парохода славный морякъ, пріятный человекъ и такъ хорошо знаетъ свое дѣло и заботится о пассажирахъ, что многіе изъ пріѣзжихъ немнаге пускаются въ морское путешествіе, какъ съ нимъ. Говорятъ, что на этотъ годъ, пароходъ, приносившій значительныя выгоды, отдѣлаютъ на славу.

Подъ-вечеръ мы подошли къ Екнесу, миновавъ красивыя и живописныя шкеры.

Такъ-какъ самъ городъ малъ, состоитъ все изъ деревянныхъ строеній и не имѣетъ ничего замѣчательнаго, то мы и отпра- вились смотрѣть развалины замка Разборхъ, отстоящаго отъ города около 20 верстъ. Въ немъ жилъ изгнанный изъ Швеціи, Карлъ VIII. Замокъ выстроенъ на долинь. Обросшій деревья- ми, сквозь которыя видны разрушенныя стѣны бойницы съ круглою башнею, но безъ крыши, показался намъ при лунномъ освѣщеніи въ самомъ живописномъ положеніи; внутри его время развело цѣлый лѣсъ.

Описывать ли Або? Надоѣдать ли читателямъ повтореніемъ, что онъ расположенъ по рѣкѣ Аро, имѣетъ обсерваторію почти на неприступной высотѣ, мостовую, которой трудно найти подоб- ную, и чрезвычайно красивыя, большіе каменные дома, площа- ди, купеческую верфь, общественный садъ съ душами и ванна- ми, и ведетъ, по-видимому, самую скромную жизнь.

Въ двухъ верстахъ церковь, выстроенная Генрихомъ Свѣтымъ, первая по своему основанію и замѣчательная тѣмъ, что при

входѣ сдѣлана высѣченная изъ камня купель, временъ католическихъ.

Подъ кафедрою виситъ въ рамкахъ, на шведскомъ языкѣ, манифестъ при восшествіи Императора на престолъ.

Опустошительный пожаръ въ 1827 г. уничтожилъ университетъ въ Або, который и былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ; по этому случаю мы припомнимъ церемонію, сопровождавшую его первое основаніе въ 1640 году:

14-го іюля 1640 года, трубы и барабаны возвѣстили жителямъ Або, что готовится великолѣпная церемонія. На другой день, въ семь часовъ утра, епископъ, профессоръ и толпа молодыхъ людей помѣстились на баркахъ и поплыли по рѣкѣ Аура къ замку графа Брахе, финляндскаго генераль-губернатора, канцлера вновь открываемаго университета. Черезъ часъ весь этотъ поѣздъ воротился въ городъ. Впереди шли двѣнадцать глашатаыхъ, при звукахъ двухъ трубъ. Далѣе, въ главѣ всего собранія находился предводитель дворянства, въ сопровожденіи тридцати молодыхъ людей, шедшихъ попарно. За ними пять человѣкъ несли университетскіе значки: ключи, скипетръ, печать, списокъ студентовъ и ректорскій краснobarхатный плащъ, подбитый бѣлымъ атласомъ; потомъ слѣдовалъ самъ графъ съ двѣнадцатью тѣлохранителями; за нимъ епископъ и профессоръ; далѣе должностныя лица разныхъ классовъ; священники, учителя и студенты заключали шествіе. При пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и звукахъ музыки, они прошли весь городъ; по обѣимъ сторонамъ дороги стояли войска, созванныя на этотъ торжественный случай со всѣхъ частей Финляндіи. Университетское зданіе было украшено гирляндами изъ цвѣтовъ и зелени; внутреннія стѣны обиты обоями, скамьи устланы пурпуровымъ сукномъ. Графъ Брахе взошелъ на кафедру, объявилъ объ основаніи университета, и вручилъ епископу вице-канцлерскіе значки, сказавъ при этомъ привѣтствіе на латинскомъ языкѣ. Вице-канцлеръ, съ своей стороны, надѣлъ на одного изъ профессоровъ пурпуровый ректорскій плащъ. За этимъ все собраніе отправилось въ церковь. Епископъ произнесъ рѣчь, по окончаніи которой восторженная толпа огласила воздухъ такими радостными криками, что по словамъ очевидца, дрожали своды храма. Торжество окончилось большимъ обѣдомъ у губернатора, и представленіемъ одной нравоучительной комедіи, подъ названіемъ: *Студенты*.

Съ воспоминаніями объ Або соединяется душевная благодарность коменданту, его превосходительству г-ну Дершау, за ласковые, гостепріимные и необыкновенно любезные приемы, оказываемые всѣмъ путешественникамъ.

ВЛАДИМИРЪ ВОЙТЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1706 года.

71. ГОРОДСКОЕ ИЛИ СРЕДНЕЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО НАРОДА въ его историческомъ развитіи отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ Л. О. Плошинскаго. С.-Петербургъ, 1852 года.

Исторія состоянія (разумѣя подъ состояніемъ особый классъ народа съ отличительными отъ другихъ классовъ правами и обязанностями) должна объяснить происхожденіе даннаго состоянія, первоначальный его составъ, значеніе и постепенное развитіе его до настоящаго положенія.—Выполненіе этой главной цѣли, выражающейся въ общихъ словахъ, обусловливаетъ разрѣшеніе множества вопросовъ.—Состояніе, какъ классъ народа, есть часть общества, одинъ изъ составныхъ его элементовъ, который естественно развивается не иначе, какъ въ параллель развитію цѣлаго общества.— Съ другой стороны, чтобъ понять образованіе какой-нибудь части общественнаго устройства и слѣдить за дальнѣйшимъ ея развитіемъ, нужно объяснить происхожденіе этой части изъ соображенія положенія всего общества и значенія другихъ его частей; только черезъ взаимное соображеніе подобнаго рода, мы отыщемъ корень искомаго установленія. Кромѣ-того, при изслѣдованіяхъ о предметахъ относительныхъ подобнаго рода, относительныхъ потому, что мы не можемъ судить о нихъ однихъ, безъ постоян-

К. IX. — Отд. VI.

наго соображенія съ другими предметами, съ которыми они находятся въ связи, какъ части одного цѣлаго, изслѣдователь долженъ быть, какъ можно менѣе одностороннимъ, какъ можно менѣе подчинять факты заранее составленному взгляду.—Наконецъ, отъ изслѣдованія, объясняющаго намъ *состояніе* въ его историческомъ развитіи, мы, въ особенности, должны требовать самаго тщательнаго объясненія происхожденія этого состоянія, его отдѣленія отъ безразличной массы народа, живущаго патриархально, безъ раздѣленія еще на особые классы или состоянія. Такой вопросъ о происхожденіи состоянія есть вопросъ первой важности въ исторіи этого состоянія, потому-что, прежде чѣмъ писать исторію какого-нибудь состоянія, слѣдуетъ объяснить подробно и весьма отчетливо его происхожденіе.—Затѣмъ уже слѣдуетъ объяснять дальнѣйшее развитіе образовавшагося состоянія. Но и здѣсь, опредѣляя развитіе его, не терять изъ виду параллельное развитіе другихъ общественныхъ установленій, конечно въ той мѣрѣ только, въ какой они могли имѣть вліяніе на разсматриваемое состояніе.—Нарушеніе какого-либо изъ этихъ условій будетъ односторонностью въ томъ или другомъ значеніи.—Разберемъ теперь трудъ г. Плошинскаго.

Въ введеніи къ своему сочиненію, авторъ прежде всего объясняетъ значеніе состоянія городскихъ обывателей въ организмѣ государственно-гражданскаго общества, посредствомъ слѣдующихъ положеній.

«Обладаніе произведеніями царствъ природы составляетъ (стр. I) первый и необходимый элементъ, которымъ поддерживается матеріальная сторона существованія гражданско-государственнаго общества.—Но для того, чтобы произведенія царствъ природы могли сдѣлаться достояніемъ лицъ, составляющихъ общество гражданско-государственное, и образовать въ совокупности народный капиталъ, необходимо: 1) чтобы они были отняты у природы, отдѣлены отъ веществъ постороннихъ, собраны въ спеціальныя, однородныя массы; 2) чтобы, сообразно нуждамъ потребителей, были лишены первобытной своей грубости, преобразованы, облагорожены, облечены въ форму, соответствующую сущности будущаго, непосредственно-экономическаго ихъ употребленія; 3) чтобы отъ тѣхъ, которые занимаютъ отдѣленіемъ ихъ отъ природы или искусственнымъ ихъ

преобразованіемъ, были переданы тѣмъ, которые нуждаются въ нихъ для непосредственно-экономическаго употребленія. Эти три процесса, необходимые для перехода произведеній царствъ природы изъ сферы первобытнаго, естественнаго ихъ состоянія, въ обладаніе народа, составляютъ существенное основаніе троякаго рода промышленности: 1) добывающей или собирающей, 2) преобразующей или облагораживающей и 3) передающей или промѣнивающей.—Совокупность лицъ, которыя занимаютъ этою троякаго рода промышленностью, образуетъ два отдѣльные класса народа, называемые состояніями: одно изъ нихъ занимается по преимуществу промышленностью добывающею и обитаетъ обыкновенно немногочисленными, разбѣянными группами—селеніями; другое занимается преимущественно промышленностью преобразующею и промѣнивающей, и обитаетъ обыкновенно въ многосложныхъ, тѣсно соединенныхъ между собою массахъ—въ городахъ. Первое называется состояніемъ сельскихъ обывателей, второе состояніемъ городскихъ обывателей, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (§ 1 стр. V и VI).»

Такъ г. Плошинскій объясняетъ значеніе городского состоянія; но эти объясненія болѣе на своемъ мѣстѣ въ политической экономіи, чѣмъ здѣсь: сами по себѣ, какъ отвлеченныя начала теоріи, они не даютъ читателю яснаго понятія о необходимости и причинахъ различія городского состоянія отъ сельскаго.—Въ-самомъ-дѣлѣ, всякій можетъ сдѣлать слѣдующій выводъ изъ приведенныхъ положеній автора изслѣдованія о городскомъ состояніи: Если существенныя виды промышленности суть добываніе, преобразование и мѣна, то отчего же эта троякаго рода промышленность образуетъ существенно только два отдѣльные класса народа, а не три; если, какъ говоритъ далѣе авторъ, одинъ изъ этихъ классовъ занимается по преимуществу промышленностью добывающею, а другой преимущественно промышленностью преобразующею и промѣнивающей, то значитъ, строгаго раздѣленія занятій въ началѣ жизни какого-либо народа быть еще не можетъ, слѣдовательно, при началѣ общественной жизни народа, при патриархальномъ бытѣ его, нѣтъ еще причинъ, по которымъ бы жители занимались исключительно тѣмъ или другимъ родомъ промышленности, и по которымъ занимающіеся однимъ родомъ промышленности должны были имѣть необходимо

отдѣльные мѣста жительства отъ лицъ, занимавшихся другимъ видомъ промысла.—Отсюда прямой выводъ тотъ, что первоначально, при патріархальной жизни народа, жители, раздѣляясь на роды и семьи, живутъ на опредѣленныхъ участкахъ земель, воздѣлывая ихъ, добывая изъ нихъ произведенія природы, преобразуя ихъ сообразно своимъ неразвитымъ еще потребностямъ, и промѣнивая ихъ не только между собою, но и съ сосѣдними народами, на предметы взаимной необходимости.—Все эти три экономическія операціи не нуждаются здѣсь въ особомъ ихъ отдѣленіи особому классу народа, хотя, сами по себѣ, начала экономическихъ оборотовъ свойственны и присущи народу съ самаго младенческаго періода его жизни.—Итакъ вопросъ, къ чему авторъ на основаніи началъ экономическихъ старается объяснить образованіе городского состоянія, когда этотъ важный фактъ образованія въ обществѣ какого-нибудь отдѣльнаго состоянія народа—есть всегда слѣдствіе историческихъ и юридическихъ явленій, которыя не остаются конечно безъ вліянія началъ экономическихъ, но которыя имѣютъ свою собственную основу.—Между-тѣмъ взглядъ г. Плошискаго весьма односторонень; онъ выводитъ происхожденіе состоянія городскихъ обывателей чисто изъ однихъ началъ экономическихъ. Отъ того-то въ его книгѣ этотъ важный вопросъ о происхожденіи состоянія городскихъ обывателей весьма темно рѣшенъ. Напрасно мы искали подробныхъ изслѣдованій объ этомъ основномъ вопросѣ въ исторіи городскихъ обывателей;—мы не нашли ихъ.—Съ удовольствіемъ прочли мы прекрасную классификацію городовъ древней Руси (стр. 7) и территоріальную ихъ систему въ историческомъ развитіи, но касательно происхожденія городскихъ обывателей въ смыслѣ юридическомъ, какъ отдѣльнаго состоянія, мы нашли подробныя изслѣдованія объ отдѣльныхъ классахъ городского населенія (стр. 31) и только. Вопросъ о томъ, какъ произошло это состояніе, какъ отделилось оно отъ другихъ классовъ народа,—остался неразрѣшеннымъ. Съ удовольствіемъ бесѣдуемъ объ этомъ вопросѣ, который составляетъ, вообще какъ и вся исторія городскихъ обывателей, предметъ собственнаго нашего сочиненія, готовящагося къ появленію въ печати.

«Явленіе состоянія городскихъ обывателей, говоритъ г. Пло-

шинскій (стр. VI), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, основывается на различномъ распредѣленіи промышленныхъ или экономическихъ работъ между членами гражданского общества, *слѣдовательно*, оно составляетъ фактъ, *необходимо* вытекающій изъ *матеріальной стороны* жизни этого общества». Но гдѣ же эта необходимость отдѣльныхъ, особеннаго рода классовъ народа и мѣсть жительства при патріархальномъ бытѣ? Гдѣ же города, въ юридическомъ смыслѣ отличные отъ селеній, по всему пространству Руси, занятому племенами до призванія князей варяго-русскихъ, не говоря о Новгородѣ, который конечно, не походилъ на селеніе, но совершенно по особенной, мѣстной причинѣ. Но вотъ и слова автора, въ которыхъ есть сознаніе своей односторонности и при всемъ томъ желаніе придать ей силу основнаго камня всего собственнаго произведенія. «Промышленность преобразующая и промѣнивающая (стр. VII), изъ явленія которой въ гражданскомъ обществѣ возникаетъ явленіе городского состоянія, образуется и достигаетъ высшаго своего развитія не вдругъ, но постепенно, *совмѣстно съ развитіемъ прочихъ элементовъ общественной жизни народа*; слѣдовательно и развитіе состоянія городскихъ обывателей, какъ совокупности лицъ, по преимуществу занимающихся этого рода промышленностью, совершается не вдругъ, но въ известной послѣдовательности». Вотъ гдѣ односторонность: автору историко-юридическаго изслѣдованія необходимо на первомъ планѣ имѣть въ виду *развитіе общественной жизни, образованіе юридическихъ отношеній въ народѣ, появленіе закона, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ обществѣ, начало правительственныхъ мѣръ, измѣненія въ первобытномъ патріархальномъ положеніи племени*; тогда только изслѣдователь, сообразивъ все эти явленія исторической и юридической жизни народа, найдетъ исходную точку, какъ городского состоянія, такъ и всякаго другаго, и найдетъ въ то время, когда начала экономическія находятся еще въ самомъ слабомъ развитіи. Только съ соблюденіемъ этого правила можно избѣгнуть односторонняго убѣжденія, или взгляда, вредящаго часто цѣлому сочиненію.

Но оправдаемъ основаніе слѣдующаго нами упрека и рѣшимъ вопросъ о происхожденіи состоянія городскихъ обывателей въ Россіи, вопросъ, нерѣшенный г. Плошискимъ, а между-тѣмъ до-

того важный, что безъ тщательнаго объясненія его непонятно и дальнѣйшее развитіе состоянія, слѣдовательно и вся его исторія.

У г. Плошинскаго подъ вліяніемъ началъ экономическихъ, читаемъ слѣд. (стр. 3): «Въ эпоху призванія изъ-за моря князей варяго-русскихъ и непосредственно послѣ ихъ призванія, племена славянскія, обитавшія въ сѣверной и западной частяхъ нынѣшней европейской Россіи, составляли въ совокупности одинъ народъ, довольно-многочисленный, — народъ *Славяно-Русскій, дѣлившійся уже, нѣкоторымъ образомъ, на особенныя гражданскіе разряды или состоянія*». — Это такая гипотеза, что для опроверженія ея одной надо было бы войти въ долгиі диспутъ, еслибъ мы не имѣли намѣренія строго держаться одного предмета и не уклоняться отъ него. — «Каждое изъ этихъ состояній, продолжаетъ авторъ, имѣло опредѣленное мѣсто водворенія, опредѣленную сферу дѣятельности, которая хотя, конечно, и не была еще выражена никакими положительными законами, однако имѣла въ основаніи своемъ завѣты старины, обычай. Одно изъ этихъ состояній составлялось изъ совокупности лицъ, соединенныхъ между собою узамъ родового быта, жившихъ болѣе или менѣе значительными группами, и занимавшихся тою или другою изъ отраслей первообразной сельской промышленности; другое заключало въ составѣ своемъ нѣсколько отдѣльныхъ группъ народа, поселенныхъ въ незначительныхъ, искусственно укрѣпленныхъ мѣстахъ, и занималось нѣкоторыми изъ вѣтвей промышленности преобразующей, главнымъ образомъ ремеслами. — Первое составляло состояніе сельское, второе состояніе городское». До какой степени невѣрно начертана эта картина, читатель увидитъ изъ нижеслѣдующихъ нашихъ изслѣдованій:

Страна, въ предѣлахъ которой образовалось Русское Государство, во-время до призванія князей варяго-русскихъ была населена многими отдѣльными племенами. Лѣтопись Нестора сообщаетъ намъ извѣстія о мѣстахъ жительства племенъ, занятіяхъ ихъ и нравахъ, управленіи и существованіи городовъ у этихъ племенъ». Но изъ этого еще нельзя вывести, будто и въ это отдаленное время были у насъ города въ смыслѣ особыхъ промышленныхъ мѣстъ жительства, и особое городское состояніе народа. Между-тѣмъ именно эту гипотезу, ничѣмъ недоказан-

ную, и встрѣчаемъ у г. Плошинскаго, какъ это указано выше. Докажемъ теперь основаніе нашего мнѣнія, совершенно противоположнаго этому предположенію.

Обратимся къ лѣтописцу, — вотъ его повѣствованіе:

«Полянѣмъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ... И быша въ нихъ три брата, единому имя Кіи, а другому Щекъ, и третьему Хоривъ... И сѣдѣше Кіи на горѣ и бѣ съ родомъ своимъ и Щекъ сѣдѣше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековина, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоринца. И такъ себѣ створиша городокъ малъ во имя брата ихъ старѣйшаго, яко же и бысть и нарекоша его Кіевъ; и бѣше около города того лѣсъ и боръ великъ и бѣху ловящіе звѣри *. Идушу же ему (Кію) опять приде къ Дунаеву и возлюбилъ мѣсто и срубилъ городокъ малъ и хотѣше състи съ родомъ своимъ, и не даша ему живущи жити **.... Кривичи же сѣдѣху на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо сѣдѣху Кривичи, и пр. ***.

Итакъ племена, по повѣствованію лѣтописца, перестали уже кочевать и жили на опредѣленныхъ постоянныхъ мѣстахъ. Каждое племя и жило и управлялось отдѣльно и независимо отъ другаго, ибо упоминается, что Поляне имѣли свое княженіе, а Славяне свое въ Новгородѣ, и пр. ****. Сначала каждое изъ этихъ племенъ жило отдѣльно семействами, — каждое съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, а изъ примѣра Кіи видно, что нѣкоторые роды иногда переходили съ одного мѣста на другое, болѣе удобное. — Потомъ, отдѣльные роды, будучи или мирно или войною соединены, образовывали, подъ преобладаніемъ одного какого-либо рода, въ соединеніи своемъ, княженія, которыя поэтому были ничто иное, какъ соединенія многихъ родовъ подъ власть главы преобладающаго рода князя. Такъ о Полянахъ лѣтопись говоритъ, что они сначала *до сѣя братіи* (до Кіи и др.) живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, а потомъ *по сѣя братіи* почаша рода ихъ держати княженіе....

* Несторъ, объясн. Шлецеромъ. Часть I, стр. 174.

** Тамъ же, стр. 176.

*** Тамъ же, стр. 186.

**** Тамъ же, стр. 189.

По занятіямъ и правамъ жителей этого времени, можемъ судить о степени развитія промысловъ и ремеслъ, но каковы были они? Племя, переставшее кочевать, не ограничивается уже однимъ скотоводствомъ, исключительнымъ занятіемъ кочевыхъ народовъ, оно начинаетъ заниматься земледѣліемъ, и земледѣліе дѣлаетъ его осѣдлымъ. Кромѣ земледѣлія и скотоводства, звѣриная и рыбная ловля были промыслами славянскихъ племенъ. Земледѣльческая промышленность была совершенно развитою у этихъ племенъ, но ремесла еще не развивались;— въ этомъ убѣдимся, если выйдемъ въ значеніе городовъ, существовавшихъ у племенъ славянскихъ.

Несторъ упоминаетъ о существованіи городовъ у племенъ славянскихъ, и повѣствованіе его въ этомъ отношеніи очень важно. Такъ онъ повѣствуетъ о Кіевѣ, рассказывая происхожденіе его, упоминаетъ о городѣ Кривичей—Смоленскѣ, о Новгородѣ, и наконецъ прибавляетъ: «И суть города Полянъ, Древянъ, Сѣверянъ, Бужанъ, Радимичей, Вятичей, Хорватовъ, Лутичей, Тиверцовъ, и Волинцовъ и до сего дни». И такъ было много городовъ, но какъ понимать значеніе ихъ? Если мы примемъ въ соображеніе родовое устройство этихъ племенъ и родовъ, полуосѣдлый образъ жизни въ которыхъ изъ нихъ и отсутствіе всякой связи между племенами, кромѣ потребности общей защиты, то конечно будетъ очевидно, что города, упоминаемые лѣтописью, суть не болѣе какъ простыя укрѣпленныя мѣста, служащія оградой, убѣжищемъ и защитой для живущихъ около нихъ родовъ. Мѣста такихъ убѣжищъ избирались или на горахъ, или при рѣкахъ. То и другое, равно—какъ и самое происхожденіе такихъ укрѣпленій, видно изъ приведеннаго уже повѣствованія о началѣ города Кіева. Кій и его братья жили на горахъ, каждый съ родомъ своимъ; мѣсто ихъ жительства, такимъ-образомъ, было болѣе безопасно, чѣмъ въ долинѣ; сначала каждый родъ жилъ отдѣльно, но потомъ *створиша себѣ городокъ малъ*. И далѣе: «Идушу ему Кію опять приде къ Дунаеву и возлюби мѣсто и срубилъ городокъ малъ и хоташе съети съ родомъ своимъ. Къ первоначальнымъ жилищамъ съ умноженіемъ семействъ присоединялись новыя, мѣсто увеличивалось, общими

* Нест. Шлецер. ч. I, стр. 108.

силами значительнѣе укрѣплялось рвами, завалами, и изъ селенія возникалъ городъ. Въ Польшѣ, первоначально на холмахъ, возвышались укрѣпленные замки—*Grody*, города, впоследствии вокругъ этихъ замковъ раскидывались прочія жилища. Такъ строились и города прусскіе. Сооруженіе такого огражденнаго мѣста не могло произвести различія въ отношеніяхъ жителей его между собою: глава рода Кій и остался главою сооруженнаго укрѣпленія, онъ продолжалъ жить съ родомъ своимъ, жители занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, звѣриною и рыбною ловлею, на земляхъ, прилежащихъ къ городу, потому-что городъ сооруженъ только какъ убѣжище на случай нападенія; слѣдовательно въ мирное время весьма вѣроятно, что многіе земледѣльцы и не входили въ него, а жили на обрабатываемыхъ ими земляхъ. Такъ о Кіевѣ говорится: *и бѣше около града лѣсъ и боръ великъ и бѣху ловящіе звѣри*. Вотъ положеніе города,—вотъ и занятія его жителей.—Самая этимологія слова городъ, показываетъ такое постепенное его образованіе. *Градъ* первоначально на славянскомъ языкѣ означаетъ *огражденное*, т. е. укрѣпленное мѣсто. Но подъ этимъ словомъ должно разумѣть не одни только эти мѣста, но и зависящія отъ нихъ земли и угодья, также какъ и самыя укрѣпленія или огражденія извѣстнаго мѣста. Въ этомъ то смыслѣ *срубить городъ*, какъ это видно изъ лѣтописи, значило оградить извѣстное пространство земли рвомъ, валомъ или стѣною, чтобъ такимъ-образомъ оградить и самое мѣсто, внутри укрѣпленія заключающееся, какъ убѣжище на случай опасности, и прилежащія земли и угодья, на которыхъ обитало племя, въ жилищахъ, отдѣльно расположенныхъ на самыхъ поляхъ обрабатываемыхъ. Вотъ какъ должно понимать значеніе городовъ въ это время. При томъ замѣтимъ, что такое образованіе городовъ повсюду, у всѣхъ народовъ. Такъ образовывались города Славянъ Восточныхъ и Западныхъ; такъ же образованъ Римъ,—какъ нашъ Кіевъ. Факты *происхожденія* городовъ повсюду одинаковы; ибо всегда земледѣльческая жизнь предшествуетъ и производитъ уже изъ себя жизнь городскую; но конечно, имѣя тождественное происхожденіе, города, въ-послѣдствіи, отъ вліянія разныхъ причинъ, получаютъ различный видъ, различныя свойства и значеніе. Этимъ первоначальнымъ значеніемъ городовъ въ смыслѣ

укрѣпленій можетъ быть объяснено замѣчаніе Шлецера, что во всемъ русскомъ сѣверѣ, на всемъ его пространствѣ (за исключеніемъ Новгорода) не было ни одного города въ собственномъ (т. е. промышленномъ) значеніи этого слова. Дѣйствительно, могли ли существовать города въ истинномъ значеніи этого слова, внутри страны, населенной отдѣльными племенами, которыя не входили даже съ ближайшими своими соседями ни въ какія связи, если только не побуждались къ тому общественною необходимостью. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, необходимо доходимъ до убѣжденія въ томъ, что города, существовавшіе у славянскихъ племенъ задолго до прибытія къ нимъ князей варяго-русскихъ, суть не болѣе, какъ простыя укрѣпленія. Отношенія жителей городовъ между собою сначала чисто родственныя; занятія ихъ составляютъ земледѣліе, скотоводство, звѣриная и рыбная ловля. Городъ строится сначала для одного рода; овъ окруженъ полями, служитъ защитою отъ непріятеля, складочнымъ мѣстомъ земледѣльческихъ произведеній; слѣдовательно, въ городахъ этихъ нельзя еще себѣ представлять никакой *промышленной дѣятельности*. Города славянскіе *промышленные* являются перанѣе X вѣка, а Кіевъ славится своими восьмью рынками и богатствомъ товаровъ только въ XI вѣкѣ; русскіе торговцы посѣщаютъ Любекъ въ 1188 году; все это указываетъ настоящее время начала промышленности и торговыхъ сношеній съ Русію. Впрочемъ, представляя себѣ города славянскіе въ самыя отдаленныя времена, въ видѣ простыхъ укрѣпленій, мы изъ этого общаго положенія должны исключить Новгородъ, котораго время основанія неизвѣстно, и который, по своему положенію, благопріятному для торговли, развился въ промышленномъ отношеніи и раньше и болѣе другихъ русскихъ городовъ. Превосходство Новгорода предъ другими славянскими городами видно уже изъ того, что Новгородцы были въ состояніи платить Олегу дани 300 гривенъ, тогда какъ съ прочихъ городовъ Олегъ бралъ дань естественными произведеніями. Ясно, что въ Новгородѣ была развита уже промышленность торговая, а въ прочихъ городахъ былъ исключительнымъ сельскій промыселъ. Дѣятельная торговля съ Скандинавіею и съ сѣверными германскими городами была причиною богатства, болѣе образованности и особеннаго устройства Новгорода.

Теперь, объяснивъ значеніе древнихъ русскихъ городовъ, изслѣдуемъ происхожденіе городскихъ обывателей въ смыслѣ особаго состоянія. Чтобы понять причины, образовавшія на Руси особое состояніе городскихъ обывателей, отличное по своему составу, правамъ и обязанностямъ и порядку управленія отъ состоянія сельскихъ обывателей, нужно обратить вниманіе на основаніе Государства Русскаго варяго-русскими князьями, первыя дѣйствія которыхъ дали начало новому порядку вещей. Такимъ-образомъ причины образованія въ Россіи особаго городского состоянія имѣютъ посредственнымъ образомъ свое основаніе въ первыхъ началахъ, внесенныхъ Варягами въ первобытную жизнь Славянъ. Разсмотримъ этотъ важный предметъ.

Въ 859 году пришли изъ-за моря Варяги и наложили дань на славянскія племена; но въ 860 г. племена изгнали Варяговъ за море, не дали имъ дани, и, какъ выражается лѣтописецъ, «поча сами въ собѣ володѣти и *города ставити*». Эти новые города были такія же укрѣпленія, на случай обороны, какъ и тѣ, которыя мы видѣли прежде. Но не было правды у племенъ, начались междоусобія, и въ-слѣдствіе такихъ беспорядковъ отправлено посольство за море, къ Варяго-Руссамъ, съ призваніемъ ихъ княжить и владѣть землею Русскою. Три брата съ *роды своими* пришли къ племенамъ и начали надъ ними княжить. Не полагаясь сначала на преданность племенъ, они не помѣстившись въ готовыхъ уже укрѣпленіяхъ—городахъ славянскихъ, но срубили себѣ свое укрѣпленіе—*городъ Ладогу*. По смерти двухъ братьевъ, Рюрикъ прія всю власть единъ. Призванные и утвердившіеся князья варяго-русскіе, для собственной своей безопасности, желая привлечь къ себѣ своихъ сподвижниковъ, раздаютъ имъ въ покоренной странѣ области и города «И раздая земли и волости мужемъ и людемъ своимъ—*города рубити*, овому далъ Полтескъ, иному Ростовъ, и прочимъ раздая грады» (Нест. у Шлец. ч. 2 стр. 2 и 207). При воинственномъ Олегѣ подобная раздача прекратилась; будучи болѣе могущественнымъ, онъ ввелъ другой образъ управленія, болѣе согласный съ понятіями княжеской власти: въ покоренныхъ странахъ онъ началъ ставить своихъ намѣстниковъ и мужей. Въ мирное время, дружины князь размѣщаетъ по горо-

дамъ,—фактъ важный, послѣдствія котораго мы увидимъ при образованіи городского состоянія. Олегъ поставилъ такимъ-образомъ много городовъ. Преемники его распространяли его завоеванія, и въ покоряемыхъ странахъ ставили новые города. Число городовъ увеличилось, государство образовывалось; насталъ для него мирный періодъ благоустройства, и при Ярославѣ оно получило первый письменный законъ «Русскую Правду». Ничто столько не благопріятствуетъ процвѣтанію и развитію городовъ, какъ мирное время. И война и миръ содѣйствуютъ увеличенію числа городовъ, но война умножаетъ число городовъ укрѣпленныхъ, крѣпостей, а мирная эпоха превращаетъ постепенно простое огражденное мѣсто въ центръ развитія промысловъ, ремеслъ, искусствъ—на удовлетвореніе вновь возникающихъ потребностей жизни.

Какъ для завоеванія новыхъ племенъ и ихъ областей, такъ и для удержанія въ повиновеніи покоренныхъ, при обширности завоеваній Олега, необходима была многочисленная дружина, въ значеніи класса людей, содержимыхъ княземъ и обязанныхъ защищать его области и вообще его интересъ. Такимъ-образомъ дружина была необходима; она была связью и опорой возникавшаго государства, части котораго были еще весьма разъединены. Для содержанія ея было недостаточно собственныхъ средствъ князя; это уже не была дружина Рюрика, немногочисленная и притомъ утвердившаяся и пріобрѣтшая власть надъ Славянами болѣе по добровольному призванію и согласію ихъ, чѣмъ по своей силѣ. Дружина Олега, непріязненнаго завоевателя въ отношеніи непокорныхъ племенъ, должна быть многочисленнѣе и сильнѣе. Какъ для содержанія дружины, такъ и для поддержанія общественнаго порядка, она была размѣщена по городамъ, при намѣстникахъ, и ею-то держались окружающія города области въ повиновеніи. Для содержанія дружины отводится ей вокругъ города земля, обрабатываемая рабами, обращенными въ это состояніе изъ плѣнныхъ. Въ послѣдствіи дружина все болѣе и болѣе увеличивается, отъ раздробленія отцовской области между сыновьями князя; ибо каждому князю, по обычаю того времени, необходимо имѣть свою дружину; намѣстники князя въ различныхъ городахъ должны бы-

ли имѣть свою дружину, и образъ содержанія ея былъ одинаковъ.

Такъ какъ, по силѣ завоевателей, племена сдавались послѣ малаго сопротивленія, по слабой связи между отдѣльными родами и племенами, то не было причины побѣдителю обращать всѣхъ покоренныхъ въ плѣнники, и лишать владѣнія тѣми землями, на которыхъ они обитали. Отъ этого не всѣ земли покореннаго племени обращались въ собственность князя, или назначались на содержаніе дружины. Весьма значительная часть оставалась въ обладаніи свободныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ-образомъ существовалъ съ древнихъ временъ значительный классъ свободныхъ землевладѣльцевъ, и въ прибавленіяхъ дѣтей Ярослава къ «Русской Правдѣ» они названы огнищанами, т. е. имѣющими свое хозяйство, свой домъ, свое огнище. Но при завоеваніяхъ всегда встрѣчаются и исключенія: не всѣ обращены въ рабство, но и не всѣмъ оставлена въ обладаніе земля; однимъ-словомъ, есть люди бездомовные, безземельные, однако нелишенные лично свободы. Куда обратится дѣятельность такихъ людей? Они идутъ или въ дружину, или нанимаются обрабатывать земли княжескія или земли частныхъ землевладѣльцевъ, на условіяхъ, по ряду, по найму;—отсюда *рядовичи*, которые смотря потому, порядился ли онъ на работу князю или другому лицу, именовались княжескимъ рядовичемъ, просто рядовичемъ и даже *смердомъ*. Вотъ классы людей свободныхъ, въ первый разъ отдѣлившіеся изъ безразличной массы патриархальнаго быта племенъ, въ-слѣдствіе завоеваній и новаго порядка вещей во вновь-образованномъ государствѣ. Кромѣ ихъ, образовался классъ рабовъ,—необходимое слѣдствіе древнихъ войнъ,—назначеніе котораго состояло въ посвященіи всѣхъ своихъ силъ—побѣдителямъ.—Они обрабатывали земли князя, земли дружины, и иногда земли частныхъ лицъ, потому-что каждый свободный могъ имѣть рабовъ.

Сообразно измѣненію въ личномъ составѣ народа въ-слѣдствіе образованія новыхъ классовъ—самая земля пріобрѣла иное значеніе. Земля, прежде находившаяся въ общемъ владѣніи родовъ, представляется послѣ завоеваній князей въ слѣдующемъ раздѣленіи: а) земли княжескія, которыхъ часть была воздѣлана, частью же невоздѣлана, ибо князья всѣ та-

кія земли почитали своею собственностью, и изъ нихъ въ-послѣдствіи выдѣляли помѣстья вновь-образующемуся дворянству. Для полученія съ земель дохода, князья или образовывали на нихъ поселенія, селили своихъ плѣнныхъ рабовъ, или отдавали земли свои на откупъ смердамъ и рядовичамъ—людямъ неосѣдымъ въ противоположность землевладѣльцамъ, имѣвшимъ постоянное мѣсто жительства. Этимъ способомъ князь пріобрѣталъ людей, на которыхъ, за пользованіе его землею, налагалъ особенные сборы, повинности и доставленіе ему естественныхъ произведеній. Изъ потомковъ такихъ поселенцевъ произошелъ многочисленный классъ земледѣльцевъ, неимѣвшихъ собственныхъ земель. б) Земли частныхъ владѣльцевъ, —огнищавъ, которые или сами обрабатывали ихъ, или посредствомъ рабовъ и наемниковъ — рядовичей. в) Особенный видъ земель представляли земли пригородныя, назначаема, какъ выше было замѣчено,—на содержаніе дружины и обрабатываемыя рабами и рядовичами княжескими, ибо дружина, занятая воинскимъ дѣломъ, не воздѣлывала сама земель. г) Съ образованіемъ, при св. Владимірѣ, класса духовенства, особенно покровительствуемаго князьями, являются не только земли но и цѣлыя села, пожертвованныя отъ князей духовенству, монастырямъ и церквамъ. Такъ Ярополкъ подарилъ духовенству *земли и села съ челядью и пр.* Такъ какъ жители собственно княжескихъ земель были или лично-свободны или не пользовались этою свободою, то это же самое различіе существовало и въ населенныхъ земляхъ, жалуемыхъ какъ духовенству, такъ и боярамъ, намѣстникамъ и проч. высшимъ членамъ дружинъ.

Теперь, когда для насъ ясны и классы народа и раздѣленіе земель, коснемся ближе городовъ и городского населенія.

Выше мы указали, какъ Олегъ и слѣдовавшіе за нимъ князья, не довольствуясь числомъ городовъ, найденныхъ ими при покореніи племенъ, сами строили новые города, и отдавая области своимъ сподвижникамъ, включали имъ въ непремѣнную обязанность укрѣплять страну построеніемъ новыхъ городовъ—*города рубити*. Понятно и очевидно такое стремленіе. Для завоевателя, утверждающагося въ покоренной имъ странѣ, единственнымъ средствомъ поддержанія своей власти, послѣ войны,

представляются укрѣпленные города, какъ мѣста сосредоточенія ихъ силъ,—гдѣ живетъ дружина. По этому, чѣмъ болѣе такихъ укрѣпленій, чѣмъ далѣе и болѣе раскинуты города, тѣмъ надежнѣе опора власти, тѣмъ существеннѣе отпоръ сосѣднимъ враждебнымъ непріятелямъ. Съ раздѣленіемъ отцовской области, родоваго княженія, на части, удѣлы, та же причина заставляетъ воинственныхъ князей обезопаситься другъ отъ друга построеніемъ на границахъ своихъ удѣловъ—укрѣпленій, т. е. городовъ. Отсюда параллельно одному явленію возникаетъ другое. Съ одной стороны число удѣловъ умножается, Русь дробится послѣ Ярослава въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и чѣмъ далѣе идетъ дѣлеть, тѣмъ меньше становятся удѣлы; а съ другой стороны число городовъ все болѣе и болѣе увеличивается, потому-что чѣмъ меньше удѣлъ, тѣмъ болѣе необходимы ему искусственныя укрѣпленія.

И такъ, если сообразить это первоначальное назначеніе городовъ и существовавшіе въ это время классы народа, то должно будетъ принять, что города этого времени суть опять не иное что, какъ укрѣпленія, построенныя князьями съ цѣлію обезопасенія. Каково теперь населеніе этихъ городовъ? Составъ городскихъ жителей представляетъ дружину при намѣстникѣ или воеводѣ города, далѣе—свободныхъ землевладѣльцевъ, которые съ своими родами и семьями селились въ городахъ для болѣе безопасности, не переставая заниматься земледѣліемъ, какъ владѣльцы земли. Кромѣ ихъ, люди безземельные и бездомовные, неизбравшіе занятіемъ своимъ ни службу княжескую, ни обработываніе чужихъ земель, но знающіе какія-нибудь ремесла, естественно сначала самыя грубыя (напр. кованіе желѣза, выдѣлка оружія, всегда необходимаго для дружины), стекаются туда, гдѣ они могли-бы находить постоянное для себя занятіе ремесломъ своимъ, и гдѣ они, люди беззащитные и безъ собственныхъ средствъ, могли-бы жить подъ защитою сильныхъ людей безопасно. Куда-жъ идти имъ, какъ не въ города, въ эти укрѣпленія, гдѣ собралось и больше населенія, гдѣ есть дружина сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ нуждающаяся во всѣхъ видахъ услугъ, потому-что для нея, занятой благороднымъ ратнымъ дѣломъ, другая работа невозможна. И такъ сюда-то стекаются ремесленники, и бездомовные

рядовичи, и смерды, которымъ не удалось въ обработкѣ земель по найму. Они поселяются въ городѣ, основываютъ свои жилища и составляютъ также классъ городского населенія. Однако классъ такихъ поселенцевъ весьма малочисленъ, потому-что земли еще много и внѣ городовъ; пріобрѣтеніе ея несопряжено съ затрудненіями, такъ что большая часть немѣющихъ земель стараются пріобрѣтать ихъ, и дѣлаются землевладѣльцами. Каждый свободный, слѣдовательно, большею частію принадлежитъ или къ составу дружины, или къ земледѣльческому классу, и такіе люди (ремесленники, промышленники) пока еще рѣдкое исключеніе. Понятно, что нельзя назвать жителей городскихъ этого времени отдѣльнымъ состояніемъ городскихъ обывателей. Городъ представляетъ пока еще только соединеніе людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ народа, изъ которыхъ нѣтъ ни одного такого, для котораго городская жизнь была-бы и единственною средою, и необходимымъ условіемъ. Есть городское населеніе, но нѣтъ еще городскихъ обывателей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; нѣтъ еще, потому-что внутренняя промышленность еще не развилась, не образовалось еще постоянное сообщеніе торговое между селами и городами, въ силу котораго селяне сбывали-бы свои произведенія горожанамъ, занимающимся сельскимъ промысломъ, и взаменъ пріобрѣтали-бы издѣлія горожанъ. Нѣтъ еще этой внутренней промышленности, потому-что, какъ можно видѣть изъ состава городского населенія этого времени,—дружина хотя и не занимается сельскимъ промысломъ, однако у ней есть свои пригородныя земли, воздѣлываемыя рабами и рядовичами и она не нуждается въ подвозѣ произведеній изъ прочихъ селъ; живущіе въ городѣ землевладѣльцы имѣютъ также средства продовольствія изъ своихъ ближнихъ земель; притомъ же они и не живутъ постоянно въ городѣ, занятые дѣломъ собственнаго хозяйства на мѣстѣ; остается немногочисленный классъ ремесленниковъ; но ниже увидимъ мы, что первоначально всѣ ремесла обуславливались потребностями дружины, которая вознаграждала услуги, ей оказываемыя, изъ собственныхъ пригородныхъ земель. До такого яснаго сознанія неразвитія внутренней промышленности и малой связи торговой между селами и городами въ первоначальное разсматриваемое нами время, мы дошли предъидущимъ анализомъ. И такъ го-

родское населеніе представляетъ первоначально только соединеніе людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ народа, безъ исключительной принадлежности одного какого-либо класса городу, соединеніе, объясняемое тѣмъ, что всякій ищетъ безопаснаго мѣста жительства. Этимъ объясняется и то, что какъ краткая «Русская Правда», такъ и «Правда» пространной редакціи, не упоминаютъ о горожанахъ, какъ объ особомъ классѣ народа, что непременно должно бы было быть, еслибы классъ этотъ дѣйствительно существовалъ въ смыслѣ отдѣльнаго и отличнаго отъ другихъ классовъ народа, подобно огнищанину, рядовичу, смерду, боярину и даже купчину. Но какимъ же образомъ, при отсутствіи развитія внутренней торговли, при несуществованіи класса городскихъ обывателей, могло быть сословіе купцовъ? Это видимое противорѣчіе легко объяснимъ тѣмъ, что въ то время, когда внутренняя промышленность Руси была въ такомъ слабomъ еще началѣ, внѣшняя промышленность, гораздо ранѣе и весьма дѣятельно начавшаяся въ Руси, была уже въ значительной степени развитія. Фактъ новый и весьма поучительный. Доказательство ему, весьма наглядное, въ самыхъ главнѣйшихъ городахъ Руси,—и тотъ сдѣлалъ бы самую грубую ошибку, кто бы, найдя въ «Русской Правдѣ» слово купчину, счелъ бы за несомнѣнное существованіе подъ этимъ именемъ класса городскихъ обывателей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Посмотримъ на это нѣсколько ближе. Изъ того, что не было особеннаго состоянія городскихъ обывателей до времени удѣльной системы (какъ это мы, на основаніи вышеобъясненнаго анализа, утверждаемъ), нельзя никакъ предполагать, чтобы не было людей, занимавшихся внѣшнею торговлею и вообще оптовою. Напротивъ, зная, что Новгородъ значительнымъ своимъ богатствомъ уже при Олегѣ (ибо онъ могъ дать дани 300 гривенъ) обязанъ своимъ торговымъ сношеніямъ, зная, что Кіевъ уже въ X и XI вѣкахъ велъ также значительныя торговыя сношенія, и наконецъ, встрѣчая не только въ «Русской Правдѣ», но уже въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками, названія купчинъ и гостей,—должно положительно утверждать существованіе въ Руси, съ самаго перваго начала ея, торговыхъ городовъ, и слѣдовательно, лицъ, занимавшихся торговлею. Только многоли было такихъ городовъ? Новгородъ, да пригороды его. Въ-

самомъ-дѣлѣ, кромѣ Новгорода, торговыми городами этого времени (до развитія удѣльной системы) можно признать Кіевъ, потомъ Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ и Любечъ, потому что эти города только упоминаются въ договорахъ Олега и Игоря, какъ города, жители которыхъ, приходящіе въ Константинополь *по дѣламъ торговымъ*, получали мѣсячное содержаніе, сперва прибывшіе изъ Кіева, потомъ изъ Чернигова, Переяславля и т. д. Но при всемъ томъ города эти нельзя признать отличными, по какимъ-нибудь привилегіямъ, отъ прочихъ городовъ Руси, потому что Олегъ требовалъ для нихъ дани отъ Грековъ равно, «и *дати* на русскія грады, первое на Кіевъ, то-же на Черниговъ, на Переяславль, на Полтѣскъ, на Ростовъ, на Любечъ и на прочая грады. .. по тѣмъ бо городамъ съдяху велиции князи подъ Олегомъ сущи». И такъ это не была какая-нибудь выгода жителей сихъ городовъ, но выгода княжеская.

Замѣтимъ къ тому же, что названія купчины и гостя не показываютъ, на основаніи нашихъ юридическихъ памятниковъ, какихъ-либо особенныхъ правъ и преимуществъ ихъ предъ другими свободными *въ это время*, а только означаютъ чловѣка, занимающагося значительною оптовою торговлею, какимъ во время до удѣльной системы могъ быть всякій свободный чловѣкъ.

При отсутствіи всякихъ запрещеній въ выборѣ занятій каждаго свободнаго, когда онъ не только могъ вступать въ дружину, заниматься обработываніемъ земли своею, или идти въ рядовичи, но даже могъ обратить себя въ рабы, невозможно предположить существованіе запрещенія быть гостемъ или купчиною.

Князья, безъ сомнѣнія, понимали выгоды торговли, имѣя въ виду громадное различіе богатаго Новгорода и Кіева отъ бѣдныхъ городовъ, простыхъ укрѣпленій—прочихъ странъ своего государства. И такъ не только не было какихъ-либо препятствій гостямъ и купчинамъ, напротивъ они пользовались всевозможными преимуществами. Купецъ, говоритъ Эверсъ *, въ это время вездѣ считался чужимъ чловѣкомъ, гостемъ. Они

* Стр. 66 Древ. Рус. Право.

отправлялись въ путь большими обществами, товариществами, которыя, будучи подчинены одному лицу, избранному изъ среды ихъ, образовывали на время путешествія родъ братства. Если кто изъ нихъ умиралъ въ-продолженіе путешествія, тогда товарищество брало его оставшееся имущество, какъ имущество, принадлежащее братству, и обязывалось доставить его въ цѣлости сродникамъ умершаго, или его заимодавцамъ. Всякій могъ вступить въ число такихъ промышленниковъ, всякій могъ сдѣлаться купчиною или гостемъ, такъ что званія эти, составляя общую принадлежность, не составляли отдѣльнаго какого-либо класса исключительно изъ жителей городскихъ. Вотъ почему мы и не можемъ называть купчинъ и гостей исключительно городскими обывателями. Самое ясное доказательство этого, по моему мнѣнію, заключается въ самомъ договорѣ Олега съ Греками, гдѣ говорится вообще *о приходящихъ Руссахъ*, и объ нихъ говорится также вообще, что они могутъ отправлять *торгъ свободно*, не платя никакой пошлины; при этомъ не говорится, что этимъ пользуются одни только купчины или гости, что-бы указывало на исключительное преимущество ихъ по торговлѣ, но упомянуты вообще *Руссы*, такъ что каждый Русинъ могъ торговать. Еслибы это было иначе, то, безъ сомнѣнія, о такомъ важномъ предметѣ, каковъ беспошлинный торгъ, сказано бы было, что такъ торговать могутъ только известнаго сословія люди.

И такъ купчины и гости не были какимъ-нибудь особымъ сословіемъ лицъ въ то время, когда люди различались болѣе своими занятіями, слѣдовательно фактически, чѣмъ правами. Мы упомянули уже, что князья покровительствовали торговлѣ. Это покровительство выражалось тѣмъ, что торговля была совершенно свободнымъ промысломъ, и при томъ беспошлиннымъ, «да творятъ куплю, якоже имъ надобѣ, не платя мыта ни въ чемъ же» *, такъ же тѣмъ, что гости, приходящіе въ Константинополь по дѣламъ торговымъ, получали тамъ изъ греческой казны все содержаніе на 6 мѣсяцевъ, а при отпускѣ обратно въ Русь съѣстные припасы на дорогу, якоря, снасти и вообще все имъ необходимое для возвратнаго пути. Князья, вмѣсто того, чтобы

* См. Договоръ Олега.

снаряжать особия посольства, давали порученія отправлявшимся купцамъ и гостямъ, и почти ни одного поѣзда не совершалось безъ такихъ порученій. Купцы обыкновенно сами добывались такихъ порученій, потому-что дѣло общественное ограждало ихъ личную безопасность, а князья, не имѣя другихъ болѣе удобныхъ случаевъ къ взаимнымъ сношеніямъ и нерѣдко сами принимая участіе въ караванной торговлѣ, охотно давали имъ такія порученія. На пути своемъ въ Грецію они были сопровождаемы воинами, ихъ охранявшими; прибывъ въ Константинополь, они должны были жить въ особой части города, а въ самомъ Константинополѣ жить не могли. Царскіе чиновники записывали ихъ имена, и послѣ того отпускалось имъ мѣсячное содержаніе, смотря потому, изъ какого города они прибыли, въ порядкѣ, объ которомъ мы упомянули выше. Они должны были входить въ городъ одними только воротами, иначе какъ въ сопровожденіи греческаго чиновника, безоружные и не болѣе 50 человекъ за разъ. Жить могли въ Константинополѣ не болѣе 6 мѣсяцевъ, но на зиму оставаться не могли. Имъ дозволялось держать при себѣ невольниковъ. Остается объяснить различіе двухъ наименованій: *купчины* и *гостя*. Нигдѣ точно и положительно объ этомъ различіи не сказано, но если сравнимъ различныя названія и выраженія, встречаемыя въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками и въ «Русской Правдѣ», то можно утвердительно сказать, что купчиною называлось лицо, торгующее въ предѣлахъ государства, гостемъ же отправлявшійся по торговымъ дѣламъ въ иноземныя государства. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ договорахъ Олега и Игоря ни въ одной статьѣ мы не встрѣтимъ названія купчины, а только названіе гостя; наоборотъ въ краткой «Русской Правдѣ» не встречаемъ названія *гость*, а во многихъ статьяхъ названіе купчины. Этого нельзя иначе объяснить, какъ тѣмъ, что договоры Олега и Игоря, имѣя въ виду обезпеченіе внѣшнихъ торговыхъ сношеній, упоминаютъ только о лицахъ, производящихъ внѣшнюю, заграничную торговлю, и никакъ не имѣютъ въ виду промышляющихъ торговлю внутри Руси. Слѣдовательно, *гость* есть купецъ, производящій заграничную торговлю. Наоборотъ «Русская Правда»—первый письменный законъ государства, устрояющій его во внутреннемъ его быту, упоминаетъ только о тор-

гующихъ внутри государства, и по своей краткости, по необходимости ограничиться опредѣленіями наибаважнѣйшими, не постановляетъ ничего о гостяхъ, какъ о предметѣ, внѣшнемъ для государства. Въ пространной «Русской Правдѣ» находимъ постановленіе о купцахъ и гостяхъ; но въ то время значеніе этихъ наименованій нѣсколько измѣнилось, какъ увидимъ это ниже.

Теперь, разрѣшивъ всѣ предварительные вопросы, мы можемъ уже объяснить главный, т. е. образованіе *состоянія городскихъ обывателей* въ Россіи.

Раздѣленная между сыновьями Ярослава, Русь, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе дробится на удѣльныя княжества.—Удѣлы вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются все болѣе и болѣе независимыми, и наконецъ превращаются въ собственность княжескихъ домовъ, владѣвшихъ ими.—Князья почитаютъ себя въ-правѣ располагать ими, какъ своимъ наслѣдіемъ, и дѣлить ихъ. Удѣльныя князья въ своихъ удѣлахъ были неограниченными властителями; не завися болѣе отъ Великаго Князя, они взымали подати, отправляли правосудіе, и княжили надъ своими подданными съ властью, равной великокняжеской.

Мамо-по-малу дружина князя исчезаетъ, и съ усиленіемъ княжеской власти, съ развитіемъ подданническихъ обязанностей, образуется военное сословіе, котораго служебная обязанность утверждается раздачею помѣстныхъ окладовъ.—Обязанность служить перестаетъ быть общою, потому-что образуется исключительно-служебное сословіе—*дворянство*. Князья, желая имѣть постоянное и храброе войско, начинаютъ привязывать къ себѣ владѣльцевъ земли, отдавая имъ свои земли для пользованія, назначая жалованье, доходы, освобождая отъ податей и предоставляя имъ почетныя преимущества предъ прочими классами народа. Такимъ-образомъ, вмѣсто прежней добровольной военной службы, доступной каждому свободному, съ образованіемъ многочисленнаго класса дворянъ, наслѣдственное достоинство котораго и владѣніе помѣстьями устранило для князей необходимость принимать въ службу каждаго свободного,—военное искусство и служба сдѣлались исключительнымъ занятіемъ *дворянства*, какъ особеннаго состоянія въ государствѣ.

Образовавшееся духовенство, съ введеніемъ христіанской религіи,—надѣляемое отъ князей землями, доходами и разными

преимуществами,—получаетъ мало-по-малу власть и судъ надъ всѣми живущими на его земляхъ, въ селеніяхъ, слободахъ и посадахъ. Значеніе его было такъ важно, что оно имѣло судъ надъ своими жителями и даже право налагать на нихъ подати.

Въ то время, какъ два состоянія—дворянство и духовенство получаютъ твердое основаніе въ государствѣ по владѣнію ими землями,—когда съ раздробленіемъ удѣловъ, иногда ограничивавшихся весьма небольшимъ пространствомъ, земля въ нихъ принадлежала или князю, или дворянамъ, или духовенству, — тогда невладеющіе землею, однако сохранившіе свободу лично, представляютъ или поселянъ, обрабатывающихъ земли князя, дворянъ или духовенства,—или *горожанъ*, людей, занимающихся ремеслами или незначительною торговлею, которые ищутъ общежитія и безопаснаго мѣста жительства, и находятъ то и другое въ городахъ. Но такъ какъ городъ, находящійся на землѣ князя, построенный и укрѣпленный имъ, составляетъ полную его собственность, то подобно тому, какъ земледѣлецъ обязывается контрактомъ по найму земли, такъ и первоначальный горожанинъ, человекъ свободный, за пользованіе выгодами, получаемыми имъ отъ городской жизни, за то, что ему отводится здѣсь земля и, можетъ-быть, дается и самое жилище,—за все это налагаетъ на себя какія-либо обязанности въ отношеніи къ владѣльцу города,—князю. Вотъ первый источникъ податныхъ обязанностей горожанъ. Разсмотримъ теперь причины, побуждавшія князей привлекать къ себѣ въ города такихъ свободныхъ но безземельныхъ людей.

Сначала города, какъ уже сказано выше, представляютъ укрѣпленія, и цѣль ихъ построенія и поддержанія есть единственно—охраненіе. Когда воинственные времена первыхъ князей русскихъ прошли, и удѣльные князья мирными договорными грамотами между-собою стали образовывать союзы, не только на время мира, но и на случай войны; тогда и наступившая тишина и развивающееся довольство даетъ вообще жизни людей совершенно иной характеръ.—Для снабженія своего дворца или замка (кремля) удобствами, для укрѣпленія его и для разныхъ другихъ необходимыхъ потребностей, напр., снабженія войска княжескаго оружіемъ и пр., князья весьма дорожатъ людьми, свѣдущими и искус-

ными въ этихъ ремеслахъ, строеніи, кованиіи желѣза, литьѣ серебра и пр., и чтобъ привлечь такихъ людей, необходимыхъ во всякое время, князья поселяютъ ихъ вокругъ своего кремля, даютъ имъ дома и разныя другія льготы.—Съ другой стороны, люди эти дорожатъ безопаснымъ и выгоднымъ для нихъ образомъ жизни, и селятся въ городъ значительнымъ количествомъ. Взаимное ихъ соединеніе образуетъ новыхъ потребителей ихъ ремеслъ; увеличившееся народонаселеніе людей, занимающихся исключительно ремесленною промышленностью, порождаетъ запросъ на земледѣльческіе продукты, привлекаетъ селянъ въ городъ, для продажи произведеній земледѣльческихъ нуждающимся въ нихъ городскимъ жителямъ. — Происходятъ покупки, продажи, мѣна, торги, однимъ-словомъ *внутренняя* промышленность возникаетъ, дѣйствуетъ и порождаетъ и взаимныя потребности, и взаимныя выгоды—посредствомъ *торговли*. — Образуется городская жизнь въ настоящемъ ея значеніи, какъ жизнь экономическихъ сдѣлокъ и оборотовъ. Такъ видимъ это въ происхожденіи города *Холма*—«и сотвори ту градець малъ и Князь Данило, нача призывати прохожая Нѣмцы, Русь и иныя язычники Ляхи, бѣжаху изъ Татаръ сѣдельцы, лучницы, тульницы и кузницы желѣзу, мѣди и серебру, и бѣ жизнь и наполниша двory окрестъ града (т. е. кремля), поле *.

Не только князья, но также и высшее духовенство, богатые монастыри, по такимъ же причинамъ, вуждались и привлекали къ себѣ льготами разныхъ ремесленниковъ; по такимъ же причинамъ селились на ихъ земляхъ и образовывались вокругъ монастырей города и посады, надъ жителями которыхъ, съ развитіемъ церковной власти, духовенство получаетъ власть и судъ.—Кромѣ того, мы имѣемъ примѣры отдачи князьями городовъ частнымъ лицамъ въ пользованіе, вмѣсто помѣстья, — боярамъ и князьямъ невладетельнымъ, также для кормленія, назначаемого воеводамъ и намѣстникамъ, иногда наковецъ, для содержанія княгинь.

Съ бѣльшимъ раздробленіемъ Руси на удѣльные княжества, съ образованіемъ мелкихъ княжествъ, очевидныя причины побуждали князей договорными грамотами между-собою запре-

* Ист. Карам. IV, прим. 20.

щать низшему классу своих подданных переходить из одного владѣнія въ другое, потому-что чрезъ это они лишались подданных и податей, а низшій классъ черезъ переходъ отъ одного владѣльца къ другому лишался удобствъ къ жизни, нераздѣльных съ осѣдлою жизнью. — Потому, почти во всѣхъ договорныхъ грамотахъ князей удѣльных между-собою, они, выговаривая боярамъ и вольнымъ слугамъ свободный переходъ отъ одного князя къ другому, относительно горожанъ выговариваютъ: «а гости, суконниковъ и городскихъ людей блости ны съ единого и въ службу ихъ не принимать». Это конечно уже было ограничение безусловной свободы перехода изъ города въ городъ, тѣмъ-болѣе, что иногда самый удѣлъ ограничивался нѣсколькими городами. Одна личная свобода горожанъ не стѣнялась, потому-что выгоды самихъ князей требуютъ, чтобы жители городовъ не оставляли своихъ земель и жилищъ городскихъ. — Однако мало-по-малу князья, въ-слѣдствіе развивающейся торговли и довольства въ городахъ, приобрѣтаютъ въ нихъ важнѣйшую статью своего дохода, и этимъ направленіемъ—опредѣляются всѣ повинности жителей городовъ. — Дѣйствительно, если сообразить доходы князей удѣльных, то увидимъ, что земли ихъ, обрабатываемыя поселянами, доставляли имъ средства содержанія ихъ замка и двора, ихъ служителей; войско же содержалось особо отведенными ему землями. — И такъ большое количество земледѣльческихъ произведеній составляло, если можно такъ выразиться, ихъ отрицательное богатство, потому-что, имѣя для нихъ цѣнность по удовлетворенію необходимыхъ потребностей, оно, по обилію такихъ произведеній, не находило для себя сбыта, и слѣдовательно, положительно не обогащало князей. — Напротивъ того, въ городѣ, гдѣ стекается народъ, гдѣ торговля, ремесла, обогащаютъ жителей, князья всегда, по территориальнымъ своимъ понятіямъ о городѣ, видятъ справедливое основаніе тому, чтобы лица эти, обогащающіеся подъ условіемъ существованія города, въ которомъ находятъ и средства и защиту, платили-бы князю пошлины и несли разныя повинности. — Пошлины такія быстро умножаются, и князья берутъ ихъ и за продажу товара, за взвѣсъ его, за провозъ чрезъ городъ, чрезъ мостъ, и т. п. Увеличивающееся народонаселеніе города даетъ владѣльцамъ городовъ поводъ взять монополію въ продажѣ вина,

пива, меда и пр. — Обильный доходъ князей, почерпаемый ими изъ городовъ, перемѣняетъ значеніе городовъ. Князья не смотрятъ уже на города, какъ на укрѣпленія, необходимыя для ихъ защиты; — защита ихъ теперь въ войскѣ, благородномъ дворянствѣ. Теперь они умножаютъ число городовъ въ своихъ удѣлахъ собственно для цѣлей торговыхъ и финансовыхъ; они взаимно между-собою обезпечиваютъ права торгующихъ гостей,—и этимъ можно объяснить тотъ фактъ, почему во-время раздробленія Руси, несмотря на междоусобія князей удѣльных, число городовъ увеличилось, и города, не будучи нѣсколько раззоренными, напротивъ того представляли въ своемъ числѣ много уже замѣчательныхъ торговыхъ городовъ.

Перемѣняется также и взглядъ князей на жителей городскихъ. — Первоначально обязанности ихъ опредѣлялись только отношеніемъ ихъ ремеслъ и работъ къ дому и двору княжескому—они укрѣпляли городъ (городовое дѣло), сторожили его (сторожевое дѣло), строили (мостовое и кирпичное дѣло), что видно изъ грамотъ этого времени. — Все это составляло ихъ первоначальныя обязанности, объясняемыя тѣмъ, что таково было ихъ первоначальное назначеніе и призваніе. И въ-послѣдствіи у насъ князья постоянно отличаютъ городскихъ людей отъ купцовъ и гостей. Купцы и гости долгое время составляютъ особый, весьма отличный отъ прочихъ городскихъ тяглыхъ людей классъ, который включенъ въ составъ состоянія городскихъ обывателей гораздо позже, тогда какъ самое состояніе образовалось въ разсматриваемое нами время. Князья, понимая важность многолюдства города, какъ необходимаго условія успѣшной торговли, нарочно для этой цѣли поселяютъ нѣкоторыхъ своихъ поселянъ въ города, или обращаютъ иногда цѣлое селеніе въ городъ, и такимъ-образомъ, прекращая ихъ земледѣльческія занятія, направляютъ ихъ къ торговлѣ. — Вообще постоянные жители города необходимы для городской торговли, для которой недостаточно ни пребыванія дворянъ въ городѣ, ни пріѣзжихъ иноземцевъ и иногородцевъ; необходимы люди, постоянно занимающіеся торговлею или ремеслами. — Развившаяся власть князя на городъ, какъ на свою стѣпну или дѣдину, постигая эту необходимость, производитъ обязанность вообще для городскихъ и посадскихъ людей—не сходитъ съ го-

рода или посада и жить безвыходно въ нихъ. — Выгода князей отъ городовъ, доставлявшихъ имъ значительный доходъ, требуетъ такого различія между селянами, сохраняющими свободу перехода съ земли, и горожанами, отъ которыхъ они получаютъ подати, тягло, повинности, и свободный переходъ которыхъ оставилъ бы городъ безъ всякаго поддержанія. Дома и дворы такихъ *постоянныхъ* городскихъ обывателей облагаются податями, какъ стоящія на княжеской землѣ; они называются *тяглыми*, потому-что въ нихъ живутъ тяглецы, люди, обложенные тягломъ. — Князья все свои доходы съ города считаютъ по числу этихъ тяглыхъ домовъ и дворовъ. Отсюда въ общей массѣ городскихъ жителей различіе между черными домами и дворами и бѣломѣстцами, т. е. обитателями города, принадлежащими къ податному классу. Эти-то черные городскіе посадскіе и слободскіе тяглые люди и составляютъ особое состояніе *городскихъ обывателей*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ состоянія людей, совершенно отличныхъ по своимъ правамъ и обязанностямъ отъ людей прочихъ состояній въ государствѣ. — Теперь мы можемъ сказать, что образовалось состояніе городскихъ обывателей, потому-что въ средѣ цѣлаго городского населенія отличается классъ постоянныхъ тяглыхъ людей, составляющихъ принадлежность города. И тогда, какъ селяне сохраняли свободу перехода съ земли еще при Борисѣ Годуновѣ, городскіе, посадскіе и слободскіе тяглые люди уже при Иоаннѣ IV ограничены въ правѣ перехода въ сельское состояніе, каковой имъ запрещенъ Стоглавомъ главою 13. Такимъ-образомъ, въ-слѣдствіе понятія, что городъ есть собственность княжеская, родовая отчизна и дѣлина, съ развитіемъ власти княжеской въ раздробленныхъ частяхъ удѣловъ, образовалось податное состояніе городскихъ, посадскихъ и слободскихъ людей. Это вновь образовавшееся состояніе отличалось отъ дворянства невладѣніемъ помѣстьями, платежемъ податей и необязанностью воинской службы, но зато обязанное многими повинностями и городскими службами; состояніе, которое хотя сначала имѣло сходство съ селянами, когда совершенная свобода горожанъ дѣлала возможнымъ для нихъ и занятіе земледѣльческимъ промысломъ, когда земли было еще много и пріобрѣтеніе ея не представляло большихъ трудно-

стей; но въ-послѣдствіи, съ раздробленіемъ Руси, на мелкія владѣнія, естественнымъ образомъ, по причинѣ малости владѣній, и самыя земли пріобрѣли большую цѣнность, и прежнія неопредѣленныя отношенія разныхъ классовъ народа разграничиваются теперь точнымъ опредѣленіемъ подданическихъ обязанностей, которыя прежде всего опредѣляются въ отношеніи селянъ, потомъ на горожанахъ и дворянахъ, которые сперва имѣютъ свободу служить тому или другому удѣльному князю, но мало-по-малу, какъ уже замѣчено выше, — дѣлаются постояннымъ военнымъ сословіемъ, съ опредѣленнымъ мѣстомъ служенія, на основаніи полученныхъ помѣстій. Такимъ-образомъ, раздробленіе Руси, произведя многія мелкія владѣнія, въ каждомъ изъ нихъ представляло: а) дворянъ князя, б) сословіе духовенства, в) селянъ, обработывавшихъ княжескія земли, помѣстья дворянъ и собственные участки, и г) городскихъ, посадскихъ и слободскихъ людей.

Когда удѣлы мало-по-малу входятъ въ составъ возникающаго Московскаго Государства, то значеніе городскихъ обывателей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. городскихъ *тяглыхъ* людей, остается тоже, потому-что присоединеніе удѣловъ производило перемѣну власти, а внутреннее устройство всѣхъ княжествъ было одинаково. — Но когда, при Иоаннѣ IV, удѣловъ уже не существовало, когда единоедержавіе Иоанна IV вообще произвело значительныя перемѣны во всѣхъ государственныхъ отношеніяхъ, тогда и городское состояніе довершается въ своемъ образованіи. При Иоаннѣ IV оно рѣзко отдѣлено уже отъ состоянія селянъ запрещеніемъ перехода въ составъ этого послѣдняго. При немъ оно получаетъ новое устройство, свой судъ и расправу, ограждается отъ различныхъ притѣсеній, которыя привели города въ раззореніе, въ какомъ ихъ нашелъ Иоаннъ IV, и главнымъ-образомъ получило единообразіе въ своемъ составѣ, правахъ, обязанностяхъ и внутреннемъ устройствѣ, потому-что Иоаннъ IV ввелъ свои перемѣны *во всѣхъ городахъ*. — Такимъ-образомъ время Иоанна IV есть время полного образованія городского состоянія въ нашемъ отечествѣ, однако въ томъ смыслѣ, что состояніе, образовавшееся гораздо прежде его, во-времена удѣловъ, но сход-

ное отчасти въ своихъ обязанностяхъ съ селянами, при немъ рѣзко отдѣлилось отъ всѣхъ прочихъ состояній государетва.

Присоединеніе къ состоянію городскихъ обывателей лицъ, занимающихся значительною торговлею, — гостей, и вообще купечества произошло гораздо позже. Купечество въ древности, какъ уже замѣчено выше, не имѣло опредѣлительныхъ обязанностей; какъ и вообще всѣ классы народа, оно отличалось отъ другихъ только своимъ особеннымъ занятіемъ — торговлею. Во-времена удѣловъ, князья договорными грамотами обезпечивали между-собою безирепятственную торговлю: — «А межъ насъ людямъ нашимъ и гостямъ путь чистъ, безъ рубежа *»; можетъ-быть, по прежнему, гости, употреблялись для посольскихъ дѣлъ между князьями; во-всякомъ случаѣ гости, суконники, сурожане, должны были быть малочисленнымъ классомъ лицъ, потому-что опустошеніе Руси Татарами, бѣдственное состояніе ея долго спустя и нападенія враговъ, все это не могло содѣйствовать развитію внѣшнихъ торговыхъ сношеній. — Напротивъ того, при обращеніи Татарами въ пепель многихъ торговыхъ городовъ, при сборахъ съ городовъ тягостной ордынской дани, при отчужденіи Руси отъ Западной Европы, не могло быть значительныхъ торговыхъ сношеній съ Западомъ. — При Юаннѣ IV возникаютъ эти сношенія съ Англіею, Голландіею и прочими націями, и поддерживаются послѣ него Государями Русскими, до Петра Великаго, при которомъ получаютъ постоянное, твердое основаніе, какъ отъ преобразования вообще купеческаго сословія, такъ и отъ его государственныхъ учреждений съ цѣлью коммерческою.

Во-времена удѣловъ, гостями стали называть не только пріѣзжихъ иноземцевъ, но вообще каждаго торговца, пріѣзжавшаго изъ другаго удѣла и даже изъ другаго города. Притомъ названіе это не было исключительнымъ для торговцевъ только; гость могъ быть съ товаромъ и безъ товара, иначе бы не встрѣчалось точное выраженіе въ грамотахъ: гость съ товаромъ. — Точно также, названіе купца, купчины было столь же общимъ словомъ, какъ теперь покупатель; — всякой могъ быть купцомъ. — Конечно въ Новгородѣ, слово купецъ означало осо-

* См. древнія договорныя грамоты.

бый классъ людей: — грамоты новгородскія даются отъ бояръ, купцовъ, и пр.; но въ уставныхъ грамотахъ прочихъ городовъ, купцы не упоминаются, какъ особый классъ, а вездѣ говорится только о городскихъ, посадскихъ и слободскихъ людяхъ. Это доказываетъ высказанное положеніе — пока состоянія еще рѣзко не отдѣлились, то каждый могъ быть гостемъ, купчиною; но съ окончательнымъ отдѣленіемъ состояній, съ увеличеніемъ власти княжеской, съ ограниченіемъ перехода, число гостей и купцовъ, какъ вольныхъ людей, непринадлежащихъ ни къ какому опредѣленному состоянію, должно было уменьшиться, и только по особому дозволенію князя можно было переѣзжать изъ удѣла въ удѣлъ, для торговли. — Гости и во-времена удѣловъ были почетнымъ и богатымъ классомъ людей, такъ мы имѣемъ примѣръ, что въ 1371 году, одинъ изъ гостей Тарасъ Петровъ, пріѣхавъ въ Нижній-Новгородъ, выкупилъ изъ татарскаго плѣна, своими деньгами, множество всякаго званія людей, украсилъ городъ построеніемъ двухъ каменныхъ церквей, и купилъ у владѣтельнаго князя отчину, въ которой было 6 сель. — Такое значеніе гостей, даже во-время изнеможенія государетва, заставляетъ считать ихъ небольшимъ числомъ людей богатыхъ, почетныхъ владѣвшихъ деревнями; а слѣдовательно, между ними и городскими тяглыми людьми — очевидно огромное различіе и отсутствіе всякаго сходства. Должно прибавить, что въ древнихъ нашихъ памятникахъ, тамъ, гдѣ мы находимъ свѣдѣнія о правахъ и обязанностяхъ городскихъ людей, нигдѣ не упоминается о какой-нибудь обязанности гостя. Итакъ по всему этому должно признать, что званіе гостя — было личнымъ достоинствомъ, которымъ жалуемы были лица за какія-нибудь услуги, подобныя вышеприведенному примѣру, или за особое содѣйствіе внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ. — Молчаніе законовъ древняго времени о ихъ обязанностяхъ даетъ право думать, что званіе это было вполне привилегированнымъ, что оно служило наградой и избавляло отъ всякихъ податныхъ обязанностей. — На свое званіе гости получали жалованья грамоты. Это значеніе гости, гостинная и суконная сотни сохраняютъ и во-время единоподержавія. Они упоминаются только въ Москвѣ; въ другихъ городахъ, кромѣ Новгорода, ихъ нѣтъ. Права ихъ остаются тѣ же, — заграничная и внутренняя оптовая торговля ос-

тается всегдашнимъ ихъ занятіемъ; но кромѣ-того гостямъ, съ этого времени поручаются разнаго рода казенные сборы—откупные, пошлинные и т. п. Имъ поручается завѣдываніе таможенными и таможенными сборами; имъ сдаютъ въ Москвѣ, ежегодно, доходы и пошлины Государевы выборные отъ всѣхъ городовъ.—Гостямъ даже предоставляется право выбирать, по своему усмотрѣнію, въ прочихъ городахъ, въ должность головы по казеннымъ сборамъ—изъ посадскихъ людей и городскихъ тѣхъ городовъ людей благонадежныхъ, въ которыхъ бы они были увѣрены.

Такое значеніе торгово-служебное классъ этотъ, подъ именемъ гостей, гостинной и суконной сотень, сохраняетъ до Царя Алексѣя Михайловича, и при немъ онъ имѣлъ особія преимущества, особый судъ и вѣдомство, и будучи отличенъ отъ прочей массы городскихъ, посадскихъ и слободскихъ людей, какъ классъ мѣстный, привилегированный, — сохранялъ однако ту единственную связь, что гостинная и суконная сотни московскія пополнялись изъ лучшихъ городскихъ тяглыхъ людей прочихъ городовъ.—Причисленіе класса людей, занимающагося заграничною и оптовою торговлею, къ составу городскихъ обывателей, въ смыслѣ состоянія и съ тою переменною, что такіа лица могли находиться не только въ столицахъ, но во всѣхъ городахъ,—произошло при Петрѣ Великомъ, который возсоздалъ городское состояніе, раздѣливъ города, по обширности ихъ торговыхъ оборотовъ и по числу жителей, на 5 разрядовъ, учредивъ гильдіи, опредѣливъ образъ управленія, права и обязанности городскихъ обывателей, и включивъ въ ихъ составъ и классъ гостей, гостинной и суконной сотень, названіе которыхъ исчезаетъ въ новыхъ торговыхъ званіяхъ.

Итакъ выводы, которые можно представить на вопросъ о происхожденіи состоянія городскихъ, обывателей въ Россіи, таковы: городскіе жители вначалѣ представляютъ соединеніе людей, принадлежащихъ, по своимъ занятіямъ, къ различнымъ классамъ народа, живущимъ, для общей безопасности, вмѣстѣ, въ укрѣпленіяхъ—городахъ. Съ раздробленіемъ удѣловъ, съ развитіемъ особенныхъ состояній дворянства, духовенства и сельскихъ обывателей, образуется и классъ людей, занимающихся ремеслами и торговлею. Взаимныя выгоды князей и самыхъ ре-

месленниковъ побуждаютъ послѣднихъ жить около князя, его кремля, двора и дружины. — Князья даютъ различныя льготы такимъ поселенцамъ, съ цѣлью умноженія городского населенія. Отношенія ихъ къ князю долгое время основаніемъ своимъ имѣютъ взаимное отношеніе ремесла ихъ къ потребностямъ княжескаго дома. — Князья покровительствуютъ не только ремесламъ, но и развивающимся въ городѣ торговымъ отношеніямъ, обогащающимъ жителей города и приносящимъ доходъ князю, и утверждая права жителей, доставляя безопасность ихъ семейству и имуществу, — всѣмъ этимъ привлекаютъ къ городской жизни многихъ свободныхъ селянъ, которые имѣютъ случай ознакомиться съ выгодами городской жизни, привозя свои земледѣльческія произведенія для продажи въ городъ. — Образуется городъ; за городомъ новые желающіе удобствъ городской жизни образуютъ посады; за посадами точно также образуются слободы. При увеличившемся населеніи, при обогащеніи жителей, обязанности городскихъ жителей дѣлаются сложнѣе; онѣ опредѣляются двумя ихъ отношеніями: 1) къ городу и 2) къ князю. По отношенію къ городу, они обязываются укрѣплять его, поддерживать отъ разрушенія (городовое дѣло), сторожить его и защищать (сторожевое дѣло), дѣлать и починять мосты (мостовое дѣло). По отношенію къ князю, они платятъ ему подати (дань), содержатъ его намѣстниковъ (кормленіе), несутъ сборъ на содержаніе ямской гоньбы (ямскія деньги) и пр. Обязанности ихъ, въ отношеніи платежа мыта, явки, поворотнаго, свознаго, вѣсчего и многихъ другихъ пошлинныхъ сборовъ торговыхъ для нихъ общи съ людьми прочихъ состояній, потому-что всякой платилъ эти пошлины при проѣздѣ черезъ городъ, при продажѣ и взвѣсѣ товара, при покупкѣ его, и, какъ замѣчено уже, торговля не была исключительно принадлежностью какого-нибудь класса лицъ,—ею пользовались всѣ.—Но состояніе, образовавшееся такимъ-образомъ во-время удѣловъ, много терпѣло въ-послѣдствіи, отъ раздачи городовъ и волостей, князьями, въ кормленіе разнымъ должностнымъ лицамъ и отъ другихъ неурядицъ, изложенныхъ въ челобитной горожанъ Царю Іоанну IV; вотъ почему въ 1555 году повелѣно ввести во всѣхъ городахъ новый порядокъ управленія, при чемъ опредѣлены точнѣе составъ состоянія городскихъ обывателей и права и обязанности ихъ.

Разрѣшивъ важнѣйшій вопросъ, о которомъ въ сочиненіи г. Плошинскаго нѣтъ объясненій, мы не входимъ въ дальнѣйшія подробности, какъ потому что это было-бы несовмѣстно съ назначеніемъ журнальной статьи, такъ въ особенности потому-что предназначаемъ собственное наше сочиненіе объ *Исторіи городскихъ обывателей въ Россіи* напечатанію въ скоромъ времени.—Мы имѣли намѣреніе только пополнить пробѣлъ оставленный г. Плошинскимъ, и между-тѣмъ наиболѣе важный и интересный для всякаго желающаго познать историческое развитіе городского состоянія въ Россіи. Укажемъ однако нѣкоторыя неточности, которыя, кромѣ вышеобъясненной неполноты мы замѣтили въ книгѣ г. Плошинскаго:

На стр. IX читаемъ: «Состояніе городскихъ обывателей (до Петра Великаго) существуетъ и раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ классовъ,—но раздѣленіе это — *чисто-фактическое*, неимѣющее *вполнѣ* юридическаго значенія, такого значенія, которое бы прямо выражено было положительнымъ законодательствомъ». Но въ «Русской Правдѣ», и въ судебныхникахъ, во множествѣ уставныхъ и судебныхъ грамотъ и въ Уложеніи 1649 г. мы находимъ опредѣленіе состава состоянія городскихъ обывателей, способовъ пріобрѣтенія, сообщенія и прекращенія его, и самыя права и обязанности обозначены въ законахъ древняго періода, до Петра Великаго, весьма положительно и точно.—Какимъ-же образомъ—видѣть здѣсь только одно фактическое раздѣленіе и отсутствіе юридическаго значенія?

На той-же стр. IX. «Организмъ городского состоянія въ первомъ періодѣ, (съ древнихъ временъ до исхода XV столѣтія), не представляетъ еще никакой *очевидной и вполнѣ уразумительной классификаціи*; отсутствіе всякой *прямой законодательной дѣятельности по отношенію къ этому предмету*.»—Но предъидущимъ анализомъ мы достаточно объяснили, какъ очевиденъ составъ городского населенія въ самыя отдаленныя времена, и какъ потомъ, въ-слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ и отдѣленія прочихъ состояній, образовалось и состояніе городскихъ обывателей, организмъ котораго, при сообщеніи всѣхъ вышеназванныхъ изслѣдованій, дѣлается вполнѣ уразумительнымъ.—Мы видѣли также, что князья сами непосредственно и покровительствовали развитію городовъ, и опре-

дѣляли отношенія горожанъ къ себѣ и къ городу. Предполагать послѣ этого отсутствіе всякой прямой законодательной дѣятельности въ этомъ отношеніи невозможно.

На стр. 3—«Народъ Славяно-Русскій въ эпоху призванія изъ-за моря варяго-русскихъ князей дѣлился уже нѣкоторымъ образомъ на *особенные гражданскіе разряды или состоянія*, и каждое изъ этихъ состояній имѣло *опредѣленное мѣсто водворенія, опредѣленную сферу дѣятельности*.»

На стр. 4—городское состояніе существовало въ древней Руси *въ самыя отдаленнѣйшія времена ея общественнаго устройства(!)*.

На той же стр.—«Разсмотримъ во второмъ отдѣлѣ совокупность лицъ, составлявшихъ общее городское населеніе древней Руси, и въ-слѣдъ за тѣмъ отдѣлимъ, по возможности, отъ этой сплошной массы тѣхъ изъ горожанъ, которые, въ-послѣдствіи времени, образовали собою отдѣльные разряды, получившіе значеніе городскихъ обывателей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.»—Но выполненія этой задачи въ сочиненіи нѣтъ, какъ объ этомъ мы уже упомянули. Вмѣсто этого, мы нашли въ отдѣлѣ второмъ (см. стр. 28 и слѣд.) только изслѣдованія подробныя объ огнищанахъ, прекрасныя сами по себѣ, но мало объясняющія происхожденіе состоянія горожанъ; кромѣ-того нашли (стр. 32) ошибочное причисленіе купечества къ городскимъ разрядамъ древней Руси.

На стр. 7: «Происхожденіе слова *посадъ* объясняется слѣдующимъ образомъ: при сооруженіи укрѣпленій на мѣстѣ, гдѣ предположено было основаніе новаго города, жители окрестныхъ селеній или выходцы изъ другихъ мѣстъ поселялись или *осаждались* вокругъ вновь заложеннаго города, въ укрѣпленій, отчего околотокъ на которомъ они водворялись, получалъ названіе *посада*».—Намъ кажется, что не отъ собственнаго дѣйствія самихъ жителей, но отъ распоряженій князя или вообще владѣльца города, съ дозволенія котораго пришлецъ получалъ въ городѣ, или около его укрѣпленій, мѣсто для обстройки, а иногда и самый домъ; — должно производить этимологически это слово. Такъ *посадъ* будетъ означать мѣсто, гдѣ по распоряженію князя или владѣльца города водворены по-

сажены на мѣста постоянные жители; объясненіе это тѣмъ болѣе вѣрно, что и самые жители посада назывались посадскими или посаженными людьми (посадскіе или *посажане*).

На стр. 8, точно-такимъ же образомъ, не можемъ согласиться съ авторомъ, въ объясненіи слова *слобода*, который производитъ его отъ слова *свобода* (слобода) въ первообразномъ его смыслѣ, то-есть, въ смыслѣ чего-то безпренятственнаго, вольнаго.—«Первоначально», продолжаетъ авторъ, «именемъ слободъ могла быть называема совокупность населенныхъ мѣстъ внѣ города въ собственномъ смыслѣ, то-есть, внѣ городскихъ стѣнъ, и въ этомъ случаѣ названіе слободъ могло получить начало отъ того, что жители ихъ проживали на *свободѣ*, т. е., на просторѣ, внѣ города.» Мы несогласны съ этимъ объясненіемъ; по нашему мнѣнію, названіе слободы произошло отъ извѣстнаго числа льготныхъ годовъ.—Во-время льготныхъ годовъ, которыя обыкновенно жаловали князья при построеніи новой слободы, жители, т. е., новые поселенцы освобождались отъ всѣхъ повинностей городскихъ и посадскихъ людей; самое управленіе у нихъ было особое: сотскіе и десятскіе городскіе не могли ихъ тянуть ни въ какіе проторы и разметы (т. е. не могли требовать отъ нихъ выполнения городскихъ службъ и уплаты сборовъ, — отъ которыхъ они были свободны, *слободны*. Намѣстники ихъ не судили ни въ чемъ, кромѣ душегубства и татбы съ поличнымъ, и кормовъ своихъ не брали; также праветчики и доводчики (лица должностныя при намѣстникахъ) поборовъ своихъ не брали и не вѣзжали къ нимъ ни зачѣмъ до урочныхъ лѣтъ (до конца льготныхъ годовъ), а вѣдалъ и судилъ ихъ *слободчикъ*, который назначался по выбору изъ самихъ жителей, съ утвержденія князя.—Послѣ же льготныхъ лѣтъ, они совершенно причислялись къ городскимъ и посадскимъ людямъ во всѣхъ повинностяхъ и податахъ, дани, ямскихъ деньгахъ, посошныхъ деньгахъ, городовомъ и сторожевомъ дѣлѣ, намѣстничьемъ кормѣ, и пр. Они уже не управлялись, послѣ урочныхъ лѣтъ, *слободчикомъ*, а подчинялись общему управленію намѣстника города и подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ; тогда и слобода теряла свое названіе, входя въ составъ посада или самаго города. Урочные года давались съ тою цѣлью, чтобы новые поселенцы въ льготное отъ податей и повинностей время мог-

ли застроиться и обзавестись хозяйствомъ; число ихъ зависѣло отъ усмотрѣнія князя и соображалось съ мѣстностію. *

Ограничимся этими замѣчаніями при разборѣ книги г. Плошискаго, которая при всемъ томъ написана весьма добросовѣстно, т. е. съ знаніемъ источниковъ юридическихъ и съ надлежащею системою; повѣйшій періодъ обработанъ тщательно и гораздо основательнѣе древняго періода, гдѣ авторъ, кромѣ недостатка касательно происхожденія состоянія городскихъ обывателей, вообще нечуждъ погрѣшностей касательно управленія городовъ древней Руси и классовъ городскихъ обывателей.—Весьма основательно изложена политическая классификація городовъ древней Руси и территориальная ихъ система; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна особенная самостоятельность и любовь къ полнѣйшимъ изслѣдованіямъ, какъ напр. при объясненіи названія *огнищанъ* (стр. 33—44). Все это признаки способности къ историко-юридическимъ изслѣдованіямъ и извѣстной степени владѣнія историческимъ тактомъ, что подаетъ надежду видѣть въ г. Плошинскомъ автора будущихъ еще болѣе совершенныхъ изслѣдованій.

Профес. М. М. МИХАЙЛОВЪ.

72. FABLES DE HRYLOFF, traduits du russe par M-me P. de Mordvinoff. St. Peters., imprim. de Charles Gray. 1852 pages 17 in 8° (Басни Крылова, переведенныя съ русскаго г-жою Мордвиновою).

Въ нашемъ обществѣ проявляется черта весьма похвальная, выражающая благородную народную гордость. Мы не только стараемся обогатить свою собственную литературу переводами лучшихъ европейскихъ словесныхъ произведеній, но въ то же время взяли на себя обязанность знакомить иностранцевъ съ произведеніями русскихъ литературныхъ гениевъ и талантовъ. Эти труды намъ кажутся также замѣчательною заслугою передъ отечествомъ. Въ настоящее время многія изъ лучшихъ со-

* См. А. Ар. Эксп. Т. I. № 210.

чиненій нашей литературы переведены на французскій и нѣмецкій языки; переводчиками были наполовину Русскіе. Да и могли ли мы дожидаться того времени, когда самимъ иностранцамъ придетъ охота познакомиться съ русскою литературою? Мы знаемъ какъ имъ трудно изучить нашъ родной языкъ и понять его духъ. Могли ли же мы допустить, чтобы они, понимая нашихъ писателей только вполнину, передавали ихъ произведенія на своемъ языкѣ въ искаженномъ видѣ. Иностранцу вужно долго жить въ Россіи, изучать ея языкъ, прислушиваться къ народному говору, чтобы умѣть понимать все наши руссизмы, отличающіеся сжатостью и живописностью; чтобы не перевести красная дѣвица, словами *fille rouge*, какъ это недавно было переведено однимъ Французомъ. Нѣтъ, пусть не по такимъ переводамъ Европа судитъ о нашей литературѣ; теперь мы умѣемъ цѣнить и свое, и чужое, такъ кому же, какъ не намъ, познакомить чужихъ со своимъ. Повторяемъ еще разъ, что это важный трудъ, который долженъ дать иностранцамъ такое же высокое понятіе о нашихъ гениальныхъ писателяхъ, какое мы имѣемъ сами; онъ долженъ поддержать достоинство русскаго имени, долженъ довести иностранныхъ читателей до сознанія, что наша литература имѣетъ полное право занять видное мѣсто въ области общеевропейской литературы. Потому мы должны быть весьма осторожны и внимательны въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Мало того, что мы должны вчитаться въ произведенія нашихъ писателей, проникнуть въ ихъ духъ, понять силу каждаго выраженія, но въ то же время мы должны хорошо понимать духъ того языка, на который хотимъ переводить. Мы привыкли смѣяться надъ Тредьяковскимъ, а онъ часто говорилъ много дѣльнаго. Вотъ, между-прочимъ, его замѣчательное мнѣніе, какъ надобно переводить стихи съ одного языка на другой: «надобно, чтобъ переводчикъ изобразилъ весь разумъ, содержащійся въ каждомъ стихѣ, чтобы не опустилъ силы, находящіяся въ каждомъ же, чтобы тожь самое далъ движеніе переводному своему, какое въ подлинномъ, чтобъ сочинилъ оный въ подобной же ясности и способности, чтобъ слова были свойственны мыслямъ, чтобъ они не были барбаризмомъ спорочены, чтобъ грамматическое сочиненіе было исправное, безъ соленизмовъ, и какъ между идеями, такъ и между сло-

вами безъ прекословіи, чтобъ наконецъ составъ стиха во всемъ былъ правиленъ, такъ-называемыхъ затычекъ или пустыхъ бы добавокъ не было, гладкость бы вездѣ была, вольностей бы мало было, если возможно безъ нихъ обойтись; *впрочемъ къ сему не всеконечно требуется, чтобы въ переводъ быть тѣмъ же самымъ словамъ, и столькимъ же, но чтобъ были только равномерныя, и конечно съ тѣми точно самими идеями*». Почтенный Тредьяковскій хотѣлъ сказать, что нельзя переводить слово-въ-слово, потому-что въ этомъ случаѣ мы погрѣшимъ противъ духа языка, на который переводимъ, и красоты подлинника легко могутъ сдѣлаться безобразіемъ въ переводѣ; въ то же время мы не имѣемъ права удаляться отъ смысла подлинника, должны въ переводѣ сохранить всю его силу, не прибавляя ничего своего. Здѣсь все отбѣжки и изгибы мысли, все красоты слога должны выразиться точно такъ, какъ они созданы въ языкѣ поэта, и притомъ выразиться сообразно съ духомъ языка, на который переводится произведеніе. Конечно такіе переводы требуютъ большихъ трудовъ, особенно переводы произведеній чисто-народныхъ, гдѣ обороты рѣчи взяты изъ народнаго говора, гдѣ авторъ смотритъ на предметы съ той точки, съ которой смотритъ его народъ, и выражаетъ свое воззрѣніе въ тѣхъ же формахъ какъ и народъ, вѣками создавшій свой языкъ. Переводить все такія выраженія невозможно, потому-что на другомъ языкѣ онѣ будутъ непонятны и часто смѣшны: другой народъ смотритъ на многіе предметы съ другой точки; онъ развивался иначе, и выработалъ себѣ другое воззрѣніе. Жизнь народа, какъ нельзя лучше отражается въ его языкѣ. Какое огромное различіе въ жизни Европейцевъ и Азіатцевъ, такое же различіе и въ народныхъ краскахъ ихъ языковъ. Все эти восточныя выраженія, которыя намъ кажутся такъ вычурными и смѣшными, въ глазахъ восточнаго жителя не представляютъ никакой вычурности, они для него естественны и просты, потому-что образовались изъ его взгляда на жизнь и природу. Или, попробуйте перевести слово-въ-слово многія выраженія изъ нашихъ народныхъ пѣсенъ на какой-нибудь другой языкъ, и вы получите кое-что посмѣшнѣе *fille rouge*. Итакъ все эти выраженія мы должны замѣнять другими, но такъ, чтобы произведеніе вполнѣ сохранило и въ переводѣ

всю свою силу и свой характер; следовательно, прицканные выражения должны быть *равносильны*. Ихъ мы можемъ находить только тогда, когда сумѣемъ встать на точку воззрѣнія того народа, на языкъ котораго переводимъ произведеніе. Мы должны понимать жизнь обоихъ народовъ, чтобы угадать, какъ одинъ выразитъ то, что поразило взоръ другаго. Это не значитъ передѣлывать произведеніе на другіе нравы, но значитъ давать ему ту же силу и въ переводѣ, удерживая тотъ же смыслъ и то же значеніе.

Басни Крылова, одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя весьма трудно переводить на другіе языки такъ, чтобы переводъ, какъ въ правильномъ зеркалѣ, отражалъ подлинникъ. Гораздо легче перевести по-русски басни Лафонтена, чѣмъ по-французски басни Крылова; Лафонтена у насъ переводили и Дмитріевъ, и Крыловъ, и ихъ переводы ничѣмъ не уступаютъ подлиннику; но пусть кто-нибудь изъ насъ попробуетъ перевести какую-нибудь изъ пѣсней Бераже. Это будетъ такъ же трудно, какъ трудно перевести басни Крылова, пѣсни Кольцова, нѣкоторыя сочиненія Гоголя. Мы уважаемъ трудъ г-жи Мордвиновой, вполне сочувствуя ея благородной цѣли, но въ то же время должны сознаться, что ея переводы, сохранивъ смыслъ подлинника, не сохранили его силы. Не скажемъ, что сдѣлать это было совершенно невозможно, а замѣтимъ, что было очень и очень нелегко. По-крайней-мѣрѣ мы увѣрены, что ни одинъ Французъ не перевелъ бы лучше г-жи Мордвиновой. Изъ ея переводовъ все-таки можно судить объ изобрѣтательности и оригинальности ума Крылова; его талантъ долженъ быть признанъ и здѣсь. Двѣнадцать басенъ Крылова перевела г-жа Мордвинова: *Напраслина, Гуси, Свинья, Мухи, Музыканты, Ворона и Курица* (Le corbeau et le dindon?), *Ларчикъ, Лясъ и Огонь, Парнасъ, Оракулъ, Орелъ и Куры, Левъ и Комаръ*. Главный недостатокъ перевода г-жи Мордвиновой состоитъ въ томъ, что она вставила многія лишнія выраженія, которыхъ нѣтъ у Крылова; мѣстами сильный и краткій стихъ Крылова превратился въ длинныя французскіе стихи, въ которыхъ потерялась вся сила подлинника. Для доказательства приведемъ нѣкоторыя сравненія:

У Крылова:

« Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель,
Яичко съѣмъ таки я въ сласть».

Авъ тутъ тихонько шастъ
Къ Брамину въ келью надзиратель,
И видя грѣхъ такой,

Отвѣта требуетъ онъ грозно.

Улика налицо и заираться поздно!

— « Прости, отецъ святой!

« Прости мое ты прегрѣшенье»!

Такъ взмолился Браминъ сквозь слезъ.... (*Напраслина*).

У г-жи Мордвиновой:

Ah! cher ami à barbe grise,
Je satisfais ma gourmandise;
J'avalerai l'oeuf, ne t'en déplaise;
J'en ferai fête tout à mon aise:
Pour cette fois-ci je ne crains pas,
Que tu m'attrapes à mon repas»!

A peine eût-il fini ce gentil monologue,

Qu'il fut suivi d'un plaisant dialogue;

Le Supérieur étant entré tout doucement,

Surprit le Bramin en délit flagrant;

Et voyant un péché de cette importance,

Il en demanda compte, exigeant pénitence!

La preuve est là; de nier aucun moyen!

Il se jette donc à genoux devant son Doyen,

Et, d'un air pénitent,

Il lui dit en sanglotant:

Saint père! pardonnez moi ce péché!...

У Крылова:

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать,
 Но умыселъ другой тутъ былъ.
 Хозяинъ музыку любилъ,
 И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
 Зацѣли молодцы кто въ лѣсъ, кто подрова,
 И у кого что силы стало,
 Въ ухахъ у гостя затрещало,
 И закружилась голова.
 «Помилуй ты меня! сказалъ онъ съ удивленьемъ:
 «Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
 Горланить вздоръ».
 «То правда, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
 «Они немножечко деругъ
 «За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
 «И всѣ съ прекраснымъ поведенъемъ».

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
 Да дѣло разумѣй. (*Музыканты.*)

У г-жи Мордвиновой:

Un mélomane ardent invite son voisin
 A manger soupe chez lui à la fortune du pot;
 Lui cachant avec soin, qu'il avait le dessin,
 D'ajouter au régal un musical cadeau.
 Tandis qu'ils étaient paisiblement à table,
 A savourer les mets et causer politique,
 Le mélomane dit avec un air aimable:
 Ah ça, mon cher voisin, écoutons la musique,

Les chantres commencent de suite à s'egosiller.
 Sans aucun ensemble, et chacun sa partie;
 Bientôt les oreilles du voisin furent écorchées;
 La tête lui tourna à ce défaut d'harmonie.
 «Cher ami, s'écrie le voisin tout étonné,
 Quel agrément peut procurer cette barbarie?
 Ton méchant choeur est horriblement détonné;
 N'ai entendu de plus faux de toute ma vie!
 C'est vrai, réplique le mélomane, ils faussent un peu,
 Mais en revanche ils ne boivent pas une goutte de vin;
 Et ils n'ont jamais été du nombre de ceux,
 Dont la conduite ait pu me causer du chagrin. —

Quant à moi, je pense, que mieux il faut,
 Avoir parfois un petit défaut,
 Que d'être toujours un grand nigaud.

Расказано недурно, но тутъ многое не *Крыловское*. Надо сказать, что басня *Музыканты* потерпѣла едва ли неболѣе всѣхъ. Все это не значитъ замѣнять одни выраженія другими равносильными. Нѣкоторыя мѣста впрочемъ переведены весьма удачно.

Не знаемъ, съ какой цѣлью книжка перенумерована!

73. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПО МОСКОВСКОЙ И ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІЯМЪ, *Иосифа Бьлова*. Москва, въ типографіи А. Семена. 1852 г. стр. 117 въ 16-ю д. л.

74. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПО ЗАПАДНОЙ, СИБИРИ *Иосифа Бьлова*. Москва, въ типографіи А. Семена, 1852 г. стр. 105 въ 16-ю д. л.

75. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ и впечатлѣнія по восточной европейской Россіи, *Иосифа Бѣлова*. Москва, въ типографіи А. Семена, 1852 г. стр. 104 въ 16-ю д. л.

«Посвящая, говоритъ авторъ, благосклонной публикѣ мой трудъ, подъ заглавіемъ Путевыхъ замѣтокъ и впечатлѣній: по западной Сибири, восточной Россіи, Московскои и Тверскои губерніямъ, съ которыми мѣстами я имѣлъ въ виду короче познакомиться читателей; изъ нихъ одни могутъ припомнить и повѣрить мои очерки съ извѣстнымъ имъ уже предметомъ, другіе нестранствующие, подобно мнѣ, могутъ усвоить мой взглядъ....» Жаль будетъ, если кто-нибудь изъ читателей г. Бѣлова усвоитъ его взглядъ, потому-что этотъ взглядъ самый близорукій, взглядъ, который не доставляетъ никакой пищи уму, не производитъ никакого чувства въ сердцѣ, взглядъ, который только останавливается на ничтожныхъ мелочахъ, и не имѣетъ силы объять предметъ во всей цѣлости, понять его значеніе, найти въ немъ жизнь. Вѣроятно, не однихъ насъ обманули заманчивыя заглавія этихъ книжечекъ; мы съ жадностью хватаемъ за каждую книгу, которая обѣщаетъ насъ познакомить съ необъятнымъ нашимъ отечествомъ. Но изъ сочиненій г. Бѣлова, мы не узнаемъ своей Руси, узнаемъ только, что г. Бѣловъ путешествовалъ по какимъ-то странамъ, гдѣ есть и города, и села, и деревни, и монастыри; есть общества, въ которыхъ проводятъ время нескучно, и пр.; но мы съ трудомъ повѣримъ, что г. Бѣловъ проѣзжалъ черезъ города, села и деревни своего отечества, которое имѣетъ свою исторію, свою поэзію, свой особенный характеръ, хранитъ могилы многихъ славныхъ русскихъ людей, хранитъ памятники своего былаго; съ трудомъ повѣримъ, что русскій человѣкъ можетъ пропускать мимо глазъ такіе предметы, которые должны въ немъ возбудить самыя горячія чувства. Г. Бѣловъ подробно намъ рассказываетъ о томъ, что можетъ быть интересно только для него одного, потому-что относится къ одной его личности. Но что намъ за дѣло до этихъ ничтожныхъ случаевъ изъ вашего путешествія, помните ихъ для себя, а для насъ интересно наше отечество, его личность, его природа и все то, въ чемъ выразилась его жизнь. Неужели эти жалкія описанія нѣкоторыхъ городовъ могутъ удовлетворить кого-нибудь. А сколько у автора было случаевъ съ разныхъ сторонъ превра-

сно насъ познакомить съ нашимъ отечествомъ, возбудить въ насъ любовь къ своему родному, возбудить любопытство, заставить сердце биться сочувствіемъ. При всемъ этомъ сочиненія г. Бѣлова не отличаются и грамотностью; авторъ уже съ первыхъ строкъ выказываетъ незнаніе русскаго языка; для этого не будемъ приводить особыхъ доказательствъ, а указываемъ на тѣ строчки, которыя мы уже выписали изъ предисловія. Зачѣмъ же выпускать въ свѣтъ сочиненіе рѣшительно безъ всякихъ достоинствъ, не посоветовавшись прежде съ кѣмъ-нибудь изъ знающихъ людей? Напрасно авторъ думаетъ, что его книжки принесутъ пользу тѣмъ, которымъ вздумается путешествовать по описаннымъ имъ областямъ; нѣтъ, онѣ не могутъ быть даже и простымъ дорожникомъ, потому-что всякій сколько-нибудь наблюдательный путешественникъ безъ всякаго путеводаителя увидитъ гораздо болѣе того, что такъ жалко и безцвѣтно описано въ путевыхъ замѣткахъ и впечатлѣніяхъ г. Бѣлова. Отъ души желаемъ, чтобы г. Бѣловъ измѣнилъ свое намѣреніе: издать очерки *Москвы, полуденной Россіи, и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изъ городовъ, лежащихъ и по другимъ направленіямъ*, что онъ обѣщаетъ въ своемъ предисловіи. «Изъ описанныхъ, подобнымъ образомъ, различныхъ путей и мѣстъ, говоритъ онъ, легко судить и о прочихъ въ сосѣдствѣ съ ними находящихся, равно и нравахъ жителей обширной нашей монархіи». Если эти очерки будутъ сколько-нибудь похожи на *Путевыя замѣтки и впечатлѣнія*, то можемъ увѣрить г. Бѣлова, что немного найдется для нихъ читателей, потому-что любая географія насъ познакомитъ съ нашимъ отечествомъ гораздо лучше такихъ очерковъ.

76. ПОСЛѢДНЯЯ ГРИВНА. Приключенія уличнаго музыканта. Повѣсть для дѣтей. С.-Петербургъ. 1852 г., въ типографіи К. Крайя. стр. 72 въ 16 д. л.

Недавно мы читали прекрасный разсказъ для дѣтей: «Приключеніе Пони, эмскаго осла», Г-жи Ростовскои. Не знаемъ, какъ случилось, что *Послѣдняя гривна* много напоминаетъ собою объ этомъ разсказѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ разсказывається о бѣдныхъ мальчюгахъ, Тирольцахъ, которые,

придя въ Россію за кускомъ хлѣба, пашли здѣсь счастье и возвратились на родину. Но различіе между обоими рассказами заключается въ томъ, что Приключеніе Пони написано гораздо подробнѣе, и потому оно интереснѣе въ чтеніи; его языкъ легокъ и обработанъ. Этого достоинства нѣтъ въ Последней Гривнѣ, хотя содержаніе рассказа поучительнѣе перваго. Одинъ Малороссіянинъ, прочитавъ эту книжечку, разсердился, что тамъ малороссійскіе разговоры, по его словамъ, скорѣй похожи на нѣмецкіе: такъ у насъ не говорятъ, замѣтилъ онъ. Въ обоихъ рассказахъ есть картинки, можетъ-быть интересныя для дѣтей, но для насъ весьма неудовлетворительныя.

77. ГРАММАТИКА СТАРОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА, изданная *Петромъ Перевльскимъ*. С.-Петербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1852 г. стр. 64 въ 8-ю д. л.

Необходимость основательнаго изученія старославянскаго языка, говоритъ авторъ въ предисловіи, давно сознава всѣми преподавателями и распорядителями учебныхъ заведеній, но еще несознава учащимся юношествомъ и ихъ родителями; оттого основательное его изученіе все еще принадлежитъ *ad prae desideria*. При всей разумности и настоятельности требованія, дѣло не идетъ, какъ бы слѣдовало и желалось, а порою даже слышится странный вопросъ: на что намъ славянскій языкъ? Какъ на что? Славянскій языкъ, языкъ молитвы и Богослуженія. Многія темныя стороны нашего роднаго языка уясняются только съ помощію славянскаго; многіе трудные вопросы въ изслѣдованіи законовъ русскаго языка удовлетворительно разрѣшаются только знаніемъ свойствъ языка славянскаго; къ-тому же безъ него должна погибнуть для насъ вся масса драгоценныхъ памятниковъ древней нашей литературы и письменности.

Вотъ цѣль и настоящая причина заботливаго водворенія славянскаго языка въ кругъ нашего классическаго образованія. Непониманіе этой цѣли и причины породило въ молодомъ поколѣніи непростительное равнодушіе къ священному для насъ языку. Вотъ почему я рѣшился издать предлагаемый трудъ, хотя у насъ есть славянская грамматика Пенинскаго. Отъ этого намѣренія

не останавливается меня и новая грамматика славяноцерковнаго языка, изданная въ Вѣнѣ, въ нынѣшнемъ году, Евгеніемъ Іоанновичемъ; трудъ достоуважаемаго епископа Карловичскаго, замѣчательный по обилію примѣровъ изъ священнаго писанія, составленъ совсѣмъ съ другою цѣлю, и къ-сожалѣнію ничего не прибавляетъ въ научномъ отношеніи. Грамматика же Пенинскаго, имѣя неоспоримыя достоинства, какъ сокращеніе знаменитой грамматики Добровскаго, имѣетъ отъ того же самаго и свои недостатки. Странно же думать, что съ 1822 года—времени появленія «*Institutiones linguae Slavicae*»—по 1851 годъ не сдѣлано никакихъ дополненій и уясненій въ нашихъ понятіяхъ о составѣ и формахъ славянскаго языка. Неужели понапрасну трудились и ничего не добыли въ своихъ изслѣдованіяхъ ученые: Востоковъ, Буслевъ, Катковъ, Миклошичъ, Павскій, Срезневскій и другіе? Внести новыя изслѣдованія, разсѣянные тамъ-и-сямъ, между-прочимъ я предполагалъ себѣ задачею издаваемой теперь грамматики.

Грамматика г. Перевльскаго невелика по объему, но для учащихся, намъ кажется, она будетъ полезнѣе всѣхъ славянскихъ грамматикъ, донинѣ существовавшихъ. Уже давно у насъ чувствовалась потребность въ такой грамматикѣ, и мы смѣло можемъ ее рекомендовать всякому, кто желаетъ имѣть понятіе о старославянскомъ языкѣ. Знать этотъ языкъ, значитъ глубже и разумнѣе понимать грамматическую часть русскаго языка, а такое пониманіе конечно необходимо всякому образованному русскому человѣку. Въ пятнадцатомъ листѣ Извѣстій Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ напечатано мнѣніе г. Востокова, извѣстнаго знатока старославянскаго языка, о грамматикѣ г. Перевльскаго. Г. Востоковъ указываетъ на нѣкоторыя въ ней ошибки, но всѣ онѣ легко могутъ быть исправлены и не относятся къ числу тѣхъ, которыя дѣлаютъ руководство мало полезнымъ и часто никуда негоднымъ. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: Стр. 4: скоропись не изъ Польши перешла къ намъ, а составила и въ сѣверныхъ областяхъ Руси, и въ южныхъ, своеобразно, особенными почерками.... Черноризецъ Храбръ не могъ жить въ XIII вѣкѣ. Онъ жилъ въ IX или въ-началѣ X вѣка, когда самъ говоритъ: *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ* (Константина и Ме-

Фодія). Стр. 19: *есль былъ и есль видьлз* не есть условное наклоненіе, а только время прошедшее сложное, имѣющее одинъ смыслъ съ прошедшимъ простымъ *быхъ, видьхъ*, и не означающее никакого условія. Напротивъ того, *быхъ видьлз* и пр. есть прошедшее условное, такъ-какъ *буду видьлз* будущее условное... Мы выписали эти замѣчанія для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые захотятъ пополнить свою библіотеку прекрасною грамматикою г. Перевлѣскаго. Конечно и самъ авторъ при второмъ изданіи сдѣлаетъ исправленіе, но чтобы приступить ко второму изданію, нужно, чтобы разошлось въ публикѣ все первое, для чего необходимо время.

78. ПОУЧЕНІЯ КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ Протоіерея Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, села Благодати, *Іоанна Пискарева*, изданіе второе, исправленное. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Василія Теркова. 1852 г. стр. 55 въ 12 д. л. (Цѣна 40 к.)

Отъ души желаемъ, чтобы и второе изданіе этихъ поученій разошлось, какъ можно скорѣе по рукамъ русскихъ людей. Въ нихъ столько истинъ, изложенныхъ простымъ языкомъ, столько добраго, полезнаго и поучительнаго для русскаго крестьянина, что остается только желать, чтобы у насъ чаще являлись такія сочиненія для народнаго чтенія. Жаль только, что назначена цѣна совсѣмъ несообразная съ достоинствами того класса людей, для котораго напечатана книга.

СМѢСЬ.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ ШТАТЫ.

Недавно вышла въ Парижѣ весьма замѣчательная книга «Американскіе Соединенные Штаты». (Les Etats Unis d'Amérique). Она написана консуломъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Парижѣ Гудрихомъ (Goodrich) и заключаетъ въ себѣ обзоръ государства въ статистическомъ, географическомъ, промышленномъ и общественномъ отношеніи. Эта книга должна на себя обратить вниманіе всей Европы, которая уже давно слѣдитъ за быстрымъ развитіемъ Штатовъ. Авторъ сначала бросаетъ общій взглядъ на государство, потомъ разсматриваетъ отдѣльно каждый штатъ во всей подробности. Въ его книгѣ читатель найдетъ много любопытнаго и интереснаго. Здѣсь мы сдѣлаемъ только нѣкоторыя выписки для нашихъ читателей. Сравнительныя цифры заставляютъ удивляться, до какого развитія могли дойти Штаты въ теченіе 57 лѣтъ; тамъ все быстро возрастаетъ, начиная отъ народонаселенія; въ 1793 году оно простиралось до 3,929,328 человекъ, а въ 1851 было уже 23,267,499. Статистическія вычисленія показываютъ, что въ 25 лѣтъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ удваивается, слѣдственно, надо полагать, что къ XX столѣтію тамъ будетъ 100,000,000 жителей. Въ 1793 г. Штаты (въ числѣ пятнадцати) занимали земли 805,471 квад.

милю *; въ прошедшемъ же году они (въ числѣ 31) владѣли 3,314,365 мил. Годовой доходъ Штатовъ простирается до 43,774,848 долларовъ ** (въ 1793 до 5,720,623), а расходъ до 39,355,268 д. (въ 1793 г. было 7,529,575 д.); привозъ товаровъ на 178,138,318 д. (въ 1793 г. на 31,000,000), а вывозъ на 151,898,720 (въ 1793 на 26,109,000). Число челоуѣкъ постоянного войска доходитъ до 10,334 (въ 1793 г.—5,120 ч.) да милиціи до 2,006,454 чел., которые соединяются по первому зову правительства. Флотъ (1793 г. не было совсѣмъ) состоитъ изъ 11 линейн. кораблей, 12 первоклассныхъ фрегатовъ, 10 другихъ пароходовъ и пр. всего числомъ 74. Маяковъ 372, (въ 1793—12); протяженіе готовыхъ желѣзныхъ дорогъ на 10,814 миль, *** и въ постройкѣ на 10,899 м.; издержки на построеніе первыхъ простираются до 348,000,000 долларовъ, а для вторыхъ ассигновано 250,000,000 д.; линію всѣхъ каналовъ считаютъ на 5,000 м. Публичныхъ библиотекъ 794 (въ 1793 было 35) да училищныхъ 10,000; коллегій 121 (въ 1793 было 19). Число переселенцевъ изъ Европы въ 1851 г. было 315,333 (въ 1793 г.—10,000). Государственный долгъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1850 г. былъ въ 64,288,238 долларовъ. Послѣ Великобританіи Американскіе Штаты въ торговомъ отношеніи занимаютъ первое мѣсто; главные предметы вывоза слѣдующіе: хлопчатой бумаги на 100,000,000 дол., хлѣбныхъ растений на 30,000,000 д., быковъ, свиней, масла, сыру и т. п. на 13,000,000 д., табаку вюхального и курительнаго на 8,000,000 д., лѣснаго товару на 7,000,000 д., рыбы, китоваго жиру и т. п. на 2,500,000 д. Въ 1850 г. было построено 1,360 купеческихъ судовъ; всего же во всѣхъ портахъ Американскихъ Штатовъ число ихъ доходитъ до 18,195. Цѣнность бумажныхъ товаровъ, выдѣлываемыхъ на фабрикахъ, составляетъ число въ 62,000,000 д., шерстяныхъ издѣлій на 43,000,000 д.; мѣдныхъ на 50 м.; желѣзныхъ на 56 м., бумаги на 8½ м.; общее годовое мануфактурное производство простирается до 1,020,300,000 д., а употребляемый на это капиталъ состоитъ изъ 530 м. Минераловъ со всѣхъ рудоконцевъ государства добывается на 120 м. д.

За этимъ приведемъ нѣсколько любопытныхъ страницъ о нравахъ и обычаяхъ въ Американскихъ Штатахъ:

* Одна квадрат. миля 237 десятинъ.

** Долларъ равняется 1 руб. 33 коп. или 1½ руб.

*** Миля, какъ путевая мѣра, почти равна 1½ версты.

«Соединенные Штаты, образовавшіеся изъ англійскихъ колоній, должны были усвоить и англійскіе нравы. Въ постройкѣ домовъ, въ хозяйствѣ, въ общественности, въ нравственности и въ религіи, которыя составляютъ основаніе общества, Соединенные Штаты гораздо ближе къ Англій, чѣмъ къ Франціи.

Несмотря на то, вліяніе климата, смѣшеніе различныхъ народовъ, и потомъ новыя политическія учрежденія, весьма много измѣнили природный характеръ и общественныя отношенія народа. Нравы и обычаи несовсѣмъ одинаковы въ различныхъ частяхъ государства. Жители Новой-Англій вообще отличаются своимъ добрымъ воспитаніемъ, предприимчивымъ духомъ, остроуміемъ, точностью въ денежныхъ сдѣлкахъ, строгой нравственностью, соблюденіемъ воскресныхъ праздниковъ и постоянствомъ, съ какимъ они держатся убѣжденій, правилъ и нравовъ, въ которыхъ воспитаны. Ихъ обвиняютъ въ скупости, а между-тѣмъ извѣстно, что ни въ одной странѣ въ свѣтѣ не жертвуется по доброй волѣ столько денегъ на религіозныя обряды и на благотворительныя учрежденія. Жители центральныхъ странъ, хотя происхожденіемъ изъ разныхъ иностранныхъ земель, тѣсно связаны съ жителями Новой-Англій, и англійскіе нравы значительно на нихъ отпечатлѣлись. Конечно однородности въ этихъ Штатахъ менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Между-тѣмъ они умѣютъ цѣнить выгоды воспитанія, и сильное желаніе общественнаго развитія, чувство необходимости религіозныхъ учреждений, уваженіе къ воскреснымъ праздникамъ господствуютъ въ народной массѣ. Въ Нью-Йоркѣ большая часть народонаселенія владѣетъ большими богатствами, и множество домовъ въ этомъ городѣ отличается роскошью, которая соперничествуетъ съ домами высшей европейской аристократіи. Въ Южныхъ Штатахъ колонисты извѣстны своимъ добродушіемъ и гостепріимствомъ, равно какъ чувствомъ чести вмѣстѣ съ самостоятельностью и достоинствомъ характера. Въ нѣкоторыхъ участкахъ общественныя отношенія отличаются самой утонченной вѣжливостью. Что же касается до южныхъ женщинъ, то говорятъ, что онѣ въ граціи и вѣжности соперничаютъ съ Француженками. Жаркій климатъ ослабляетъ дѣятельность и энергію жителей, а доброе хозяйство, столь замѣчательное на сѣверѣ, уже не выказывается на югѣ; дома, мебель и земля, все обвиняетъ въ небрежности и въ забвеніи удобствъ жизни. Положеніе женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ указываетъ на общественное состояніе и характеръ нра-

вовъ. На улицахъ, въ публичныхъ собраніяхъ, въ театрѣ, въ церкви, въ вагонахъ, никогда не найдется ни одного человека, который бы не посторонился передъ женщиною или не далъ бы ей мѣста. Вездѣ женщина, замужняя или нѣтъ, можетъ путешествовать одна, хотя на тысячу миль, изъ конца въ конецъ государства, на пароходѣ или на паровозѣ, и никогда не потерпитъ ни оскорбленія, ни униженія. Должно замѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ, женщины проводятъ время гораздо болѣе въ своихъ домахъ, и принимаютъ участіе въ дѣлахъ домашнихъ гораздо менѣе, чѣмъ въ Европѣ. Американскія семейства обыкновенно сходятся къ столу три раза въ день: завтракать, обѣдать и ужинать. На мать возлагаются всѣ домашнія заботы; отецъ занимается дѣлами внѣ дома. Мать имѣетъ надзоръ за одеждою семейства, за кухней, за провизіею, которая обыкновенно запасается въ большомъ количествѣ. Мать печется о воспитаніи дѣтей, наблюдаетъ, чтобы они во-время уходили въ школу и дѣлали замѣтные успѣхи въ своихъ учебныхъ занятіяхъ. Нѣтъ заведенія, чтобы женщины когда-нибудь работали на фермѣ или въ полѣ; это случается только у эмигрантовъ которые принесли съ собою европейскіе обычаи. Въ семействахъ богобоязненныхъ людей, особенно въ сельскихъ, дѣнь всегда начинають чтеніемъ одной главы изъ Библіи и молитвой, которую читаетъ отецъ. Вечеромъ, передъ сномъ, слѣдуетъ другая молитва. Это соблюдается болѣе у туземцевъ, чѣмъ у европейскихъ выселенцевъ. Въ бѣдныхъ семействахъ дѣти пятнадцати-лѣтняго и меншаго возраста нѣдко ходятъ на нѣкоторую часть дня въ работу, помогая своимъ родителямъ содержать семью. Но законы нѣкоторыхъ Штатовъ запрещаютъ дѣтямъ работать на мануфактурахъ. Всѣ эти замѣчанія относятся къ селанамъ и горожанамъ. Впрочемъ въ большихъ городахъ нравы и обычаи похожи болѣе на столичныя европейскіе.... Супружескія обязанности рѣдко нарушаются, и нарушение никогда не остается ненаказаннымъ. Такъ какъ не представляется особенной трудности кормить семью собственнымъ трудомъ, то число холостяковъ весьма ограничено. Если мужъ умираетъ безъ завѣщанія, то изъ его собственности, вмѣстѣ съ *вдовыми деньгами*, отдается треть движимости его женѣ, а остальное дѣлится поровну между его дѣтьми. Собственность неженатаго обыкновенно дѣлится между его братьями, сестрами и ихъ наследниками. Въ нѣкоторыхъ Штатахъ за наследниковъ признаются и отецъ съ матерью. Вдовьи деньги обыкновенно составляютъ пожизненный доходъ, равный третнему доходу съ не-

движимости. Послѣ смерти вдовы это имѣніе дѣлится поровну между дѣтьми. У жителей Соединенныхъ Штатовъ гораздо менѣе общественныхъ забавъ, чѣмъ у жителей Европы, потому что они находятъ большой интересъ въ занятіяхъ важными дѣлами. Извѣстный въ Европѣ классъ охотниковъ до удовольствій въ Соединенныхъ Штатахъ едва извѣстенъ; но въ большихъ городахъ театры посѣщаются часто. Публичныя чтенія привлекаютъ весьма много слушателей въ городахъ и въ селахъ. Журналы составляютъ почти общее чтеніе, а разсужденіе объ общественныхъ дѣлахъ есть одно изъ величайшихъ удовольствій почти всѣхъ возрастовъ и сословій.

Дома въ большихъ городахъ строятся каменные, а въ деревняхъ вообще деревянные. Каждое семейство занимаетъ цѣлый домъ. Въ селахъ почти при всякомъ домѣ есть садъ. Пища у Американцевъ почти такая же, какъ и у всѣхъ образованныхъ народовъ, они особенно пристрастны къ говядинѣ. Большая часть любимыхъ блюдъ у нихъ приготовляются съ мясомъ, который умѣютъ готовить на разные манеры. Во внутренности страны много дичи, а по берегамъ морскихъ птицъ. Иностранцы замѣчаютъ, что жители отличаются болѣе обиліемъ, чѣмъ изящностью своей кухни. Соединенные Штаты получаютъ вино изъ другихъ земель, хотя на виноное производство въ послѣднее время они обратили особенное вниманіе. Изъ спиртовыхъ напитковъ водятся ромъ самаго дурнаго качества и *whisky*, часто превосходный. Центральные штаты составляютъ въ большомъ изобиліи *сидру*; также пьютъ довольно и пива.

Сами жители сознаются, что у нихъ невоздержность почти общая, и потому большое зло. Для искорененія этого порока основывались многочисленныя общества.

Моды на платье почти такія же, какъ и въ Парижѣ; ихъ перенимають граждане всѣхъ классовъ, лишь только онѣ войдутъ въ Нью-Йоркъ, Филадельфію, Бостонъ и другіе большіе города. Въ Нью-Йоркѣ есть магазины, затмѣвающие самую Европу своимъ разнообразіемъ, богатствомъ и обиліемъ товаровъ. Во всѣхъ большихъ городахъ есть заведенія, гдѣ предметы роскоши выставлены на большихъ лѣстницахъ. Нигдѣ провинціальныхъ одѣвий нѣтъ, нѣтъ и платья, отличающаго извѣстный классъ, или извѣстную должность; конечно изъ этого мы исключаемъ *сутанъ* (родъ полукафтаны) и стихарь, которые носятъ служители нѣкоторыхъ религіозныхъ общинъ, и также военную форму.

Жители всѣхъ классовъ одѣваются весьма прилично, и мода, почти общая у всѣхъ, даетъ однообразіе всей массѣ народа.

За этимъ познакомимъ читателей нѣсколько съ *золотой* Калифорніей, на которую еще лѣтъ за пять никто не обращалъ вниманія:

«Замѣчательныя горы въ этой странѣ — *Сіера-Невада*, или *Снѣжныя-горы*, названныя такъ потому, что ихъ вершины всегда покрыты снѣгомъ. Эта цѣпь состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ маленькихъ цѣпей, и составляетъ часть большой возвышенности, которая тянется отъ Калифорнскаго полуострова до оконечности русской Америки, на пространствѣ въ длину 3,000 миль. Она замѣчательна своею длиною и направлениемъ, совершенно параллельнымъ съ сосѣднимъ берегомъ, также своими многочисленными вулканическими пиками, вѣчными въ странѣ снѣговъ. Эти горы стоятъ отдѣльно, какъ пирамиды, посреди площадей, поросшихъ лѣсомъ; вышиною до 14 и 17,000 футовъ надъ моремъ, онѣ представляютъ видъ, какого больше не встрѣчается ни въ одномъ Штатѣ. Цѣпь Снѣжныхъ-Горъ въ Калифорніи удалена отъ моря на 100 миль; въ нее ударяютъ теплые вѣтры Тихаго-океана, Пары, которыми обильно насыщены эти вѣтры, еще на западной сторонѣ горъ охлаждаются, обращаясь въ снѣга и въ обильные дожди; отъ того на восточной тѣ же самые вѣтры дѣлаются холодными и сухими. Такимъ-образомъ обѣ страны представляютъ совершенную противоположность; въ западныхъ частяхъ — пріятный климатъ, сильная растительность, въ восточныхъ — сухость, холодъ, суровость.

Въ Калифорніи весьма много большихъ и замѣчательныхъ доливъ. Изъ рѣкъ главныя: *Сакраменто* и *Санъ-Юахимъ*. Первая вытекаетъ на сѣверѣ, изъ гористой страны, и течетъ на югъ на пространствѣ 300 миль. Вторая рождается въ юго-восточныхъ горахъ и течетъ на сѣверъ, почти на одинаковомъ пространствѣ съ первою. Обѣ онѣ принимаютъ съ горъ многочисленные водные потоки, изъ которыхъ нѣкоторые на маломъ пространствѣ судоходны. Озеръ маленькихъ очень много, но иные изъ нихъ въ жаркое время высыхаютъ. Естественныя произведенія весьма разнообразны. Въ долинахъ Сакраменто и Юахима растутъ дубъ и другія старолиственныя деревья. Кипарисы и постоянно зеленныя деревья встрѣчаются въ различныхъ частяхъ страны. Здѣсь же произрастаетъ все то, что и въ восточныхъ странахъ Америки, на той же географической широтѣ. Изъ животныхъ медвѣди, лавы, пантеры и множество другихъ мелкихъ четвероногихъ — обыкновенны. По берегамъ встрѣчается

также довольно водяныхъ птицъ. — Слова *лѣто* и *зима* въ томъ смыслѣ, какъ ихъ употребляемъ мы, едва ли можно приложить въ этой странѣ. Тамъ времена года совсѣмъ не различаются жаромъ и холодомъ, но сухостью и влажностью воздуха. Сухое время замѣняетъ то, которое мы зовемъ лѣтомъ, а дождливое замѣняетъ нашу зиму. Во-время засухи растительность останавливается, и вновь принимаетъ свои силы во влажные зимніе мѣсяцы.

Во все это время во многихъ долинахъ деревья сохраняютъ свою зелень, и всѣ растенія въ цвѣту; фермеръ въ теченіе цѣлаго года можетъ получать цѣлый рядъ жатвъ. Ночи бываютъ постоянно холодныя, даже и тогда, когда дни теплыя. Такая же умѣренность въ температурѣ существуетъ и въ сѣверныхъ возвышенныхъ земляхъ, хотя тамъ и выпадаетъ довольно снѣгу. Вообще страна довольно здорова для жизни, и чужда постоянно господствующихъ болѣзней. Въ физическомъ отношеніи Калифорнія много похожа на Италію.

Кое-какія земледѣльческія упражненія занимаютъ еще старыхъ испанскихъ колонистовъ; они особенно разводятъ скотъ. Рогатыя животныя и лошади нѣкогда тамъ были въ такомъ большомъ числѣ, что ихъ убивали единственно для кожи. Нѣкоторые изъ новыхъ колонистовъ также посвятили себя земледѣльческимъ занятіямъ. А между-тѣмъ прежде жители принуждены были ожидать значительной части продовольствія изъ Восточныхъ Штатовъ. Хлѣбъ доставлялся туда въ изобиліи моремъ изъ Чили и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ западнаго берега. Но въ настоящее время колонисты извлекаютъ значительныя выгоды изъ своихъ сельскихъ занятій. Обильныя жатвы вознаграждаютъ труды земледѣльца, а высокая цѣна на сѣбствыя припасы доставляетъ ему выгодъ болѣе, чѣмъ какому-нибудь золотопромышленнику. Одна ферма изъ 800 акръ * (329 десятинъ) въ долинѣ Санта Клара-дала въ 1851 г., за расходомъ 50,000 долларовъ, хлѣба на 200,000 д. Но преимущественное занятіе жителей — рудокопное. Золота ищутъ лопатами, пиками, ножами, желѣзными шестами и пр.; приведены въ дѣло и паровыя машины; рѣки отведены отъ ложъ; внутренности горъ просверлены. Добываютъ золотую пыль, промывая и просѣивая песокъ; находятъ большіе слитки въ трещинахъ скалъ, въ высохшихъ ложбинахъ потоковъ. Золото встрѣчается въ смѣси

* Акръ имѣетъ 889 рус. квадр. сажень или 0,3704 десятины.

съ кварцомъ, и такая руда весьма выгодна при помощи машинъ. Ею находятъ во многихъ рѣкахъ и горахъ, особенно въ Сакраменто, въ Санъ-Юахимъ и ихъ притокахъ. Въ Калифорніи вдругъ завелось множество мануфактуръ всякаго рода, и онѣ будутъ увеличиваться по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и нуждъ страны. Золото составляетъ главный предметъ вывоза. Самая бѣльшая часть отсылается въ другіе Штаты но оно идетъ и въ Мексику, и въ южную Америку, и въ Англію, и на Сандвичевы острова, и въ Китай, потому-что есть золотопромышленники, купцы, искатели приключеній и спекуляторы изъ всѣхъ этихъ странъ, и изъ многихъ другихъ. Долгое время привозилось въ Калифорнію почти все, что необходимо для жизни, начиная отъ инструментовъ для постройки домовъ и до общеполучимыхъ предметовъ. Цѣлые дома посылались моремъ изъ Европы и разныхъ частей Америки. Торговля при портѣ Санъ-Франциско теперь уже огромная: туда въ годъ пришло 1,743 корабля и ушло 1,461. Эта цифра представляетъ половину портоваго движенія Нью-Йорка, и превосходитъ Филадельфію и Новый-Орлеанъ. Желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы соединяютъ Калифорнію съ Атлантическими городами, и такимъ образомъ граждане Соединенныхъ Штатовъ будутъ имѣть прямое коммерческое сообщеніе съ кроткими, остроумными и промышленными жителями многолюдной Азіи.

Бѣльшую половину жителей Калифорніи составляютъ переселенцы изъ другихъ Штатовъ; остальная состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ испанскихъ колонистовъ въ старыхъ городахъ, нѣсколькихъ Индѣйцевъ и множества промышленниковъ изъ Мексики, Южной Америки, Китая и главныхъ европейскихъ странъ. Невозможно вообразить болѣе разнообразнаго населенія, вдругъ привлеченнаго общемою мыслию выгодъ и дѣйствующаго подъ вліяніемъ одного исключительнаго чувства.

За три года въ Санъ-Франциско едва ли было нѣсколько сотенъ жителей; теперь же въ немъ отъ 30 до 50,000. Онъ уже имѣетъ свои улицы, свои площади, свои гостиницы, банки и все, что составляетъ торговый городъ; въ его портъ встрѣчается въ одно и то же время до 600 кораблей. Одни пароходы соединяютъ его съ восточными Штатами, другіе устанавливаютъ сообщеніе съ Китаемъ и со многими азиатскими странами. Въ эти три послѣдніе года Санъ-Франциско шесть разъ былъ добычею пожаровъ, но всякій разъ онъ возставалъ изъ своего пепла съ новою жизнію. Теперь онъ представляетъ самый поразительный видъ. Люди изъ всѣхъ странъ, въ различныхъ костюмахъ, съ различными нравами, заселили его улицы. Тамъ только встрѣчаются разсчитливый купецъ, пылкій золотопромышленникъ, суровый барышникъ. Теперь Санъ-Франциско столица Калифорніи, но думаютъ ее перенести въ Санъ-Жозе, маленькій городокъ въ прекрасной долинѣ Санта-Клары.

ФИНЛЯНДІЯ.

Князь Емануиль Голицынъ издалъ въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, свое сочиненіе подъ заглавіемъ *La Finlande, notes recueillies en 1848 pendant une excursion de Saint-Petersbourg à Tornéo*. Онъ уже извѣстенъ во французской литературѣ своими переводами русскихъ замѣчательныхъ произведеній. Двѣ большія книги его новаго сочиненія составляютъ путевыя записки отъ станціи до станціи, начиная отъ Петербурга до Торнео и отъ Торнео до Петербурга. Здѣсь авторъ, описывая свое путешествіе, не владетъ ни въ какія ученые изслѣдованія, долго не останавливается ни передъ однимъ предметомъ, а всему дѣлаетъ только легкіе очерки. Его записки читаются весьма легко, и знакомятъ насъ со страной, которая еще мало намъ извѣстна, несмотря на то, что въ южныхъ ея частяхъ каждое лѣто раздается много русскихъ голосовъ. Конечно, легкіе очерки не могутъ намъ сообщить подробныхъ свѣденій, не могутъ познакомить со страной коротко во всѣхъ отношеніяхъ; но они имѣютъ ту выгоду, что занимаютъ не одинъ умъ, а также чувство и воображеніе. Во французской литературѣ есть другое замѣчательное сочиненіе*, которое насъ знакомитъ съ Финляндіей съ другой стороны, съ ея исторіей, мифологіей и эпической поэзіей. Его авторъ Леузонъ-ле-Дюкъ описываетъ Финляндію ученымъ образомъ, съ исторической

* *La Finlande, son histoire primitive, sa mythologie, sa poésie épique avec la traduction complète de sa grammaire, par Edouard Le Duc. 1845.*

точки зрѣнія, не касаясь описанія различныхъ мѣстностей, и описываетъ какъ Французъ, умѣющій всему придать живой интересъ.

У насъ много писали объ южной Финляндіи: о Выборгѣ, Гельсингфорсѣ, объ Иматрѣ и пр. Читатель, вѣроятно, съ удовольствіемъ прочитаетъ и въ этомъ № «Сына Отечества» занимательную статью г. Войта. Но очень немногіе намъ описывали сѣверную часть Финляндіи; немногіе доѣзжали до Торнео, до настоящихъ гипперборейцевъ — Лапландцевъ. Имѣя это въ виду, мы переводимъ нѣсколько страницъ изъ сочиненія князя Голицына; онѣ касаются описанія Торнео и его окрестностей:

Вотъ мы и въ Торнео, на границѣ обитаемаго міра, на рубежѣ ледяныхъ степеней Лапландіи. Но сначала нѣсколько словъ о дорогѣ, которую мы сдѣлали.

Когда я покидалъ, нынѣшнимъ утромъ, свою новую станцію, мой возница предупредилъ меня, что до прибытія въ городъ, намъ придется еще два раза переплывать рѣку. Несмотря на неудобство такихъ безпрестанныхъ перегрузокъ, мы начинали привыкать къ нимъ. По этому я безъ большой скуки увидѣлъ, что тарантасъ остановился у берега довольно узкой рѣчки, что, мимоходомъ сказать, составляетъ исключеніе въ этой странѣ, гдѣ всѣ рѣчки протекаютъ между обширными берегами. Многочисленная толпа ожидала своей очереди сѣсть на паромъ; сегодня воскресенье, и эти добрые малые шли праздновать святой день въ Торнео. Въ числѣ ихъ преобладали женщины, отличавшіяся не только опрятностью, но даже изысканностью своего костюма. Всѣ были одѣты одинаково въ спенсерѣ темнаго цвѣта, стянутомъ у талии, въ передникѣ небесно-голубаго цвѣта или пурпуроваго. Ярко-красный платокъ, обрамливая лицо, служилъ имъ головнымъ уборомъ.

Переѣхавши на паромѣ, мы прошли еще пять верстъ по лѣстничному лѣсу, прежде чѣмъ достигли берега значительной рѣчки, которая, протекая съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ Ботническій-Заливъ, возлѣ самого города Торнео. Это Торнеа. Городъ лежитъ на островѣ, который отдѣляется узкимъ каналомъ отъ шведскаго берега; тамъ находится новое мѣстечко Гаанаранта. Съ того берега, гдѣ мы находились, я видѣлъ передъ собою два эти города въ разстояніи четверти версты — такова ширина Торнеа при ея устьѣ — съ ихъ домами, выкрашенными красною краской, ихъ церквями и магазинами, на почвѣ весьма изменчивой. Между Торнео и Гаанаранта производится сообщеніе по-

средствомъ постоянного моста. Второй городъ считаетъ свое существованіе недалѣе какъ съ года присоединенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Имперіи Россійской. Нѣкоторое время было дозволено жителямъ Торнео удаляться въ Швецію, если хотятъ, и нѣсколько семействъ поселились на противоположномъ берегу Торнеа, и дали начало шведскому городу. Онъ сначала составилъ только изъ малаго числа отдѣльныхъ домовъ, но начиная съ 1815 года, новое мѣстечко приняло правильное развитіе, которому правительство шведское благопріятствовало.

Для избѣжанія безпрестанныхъ остановокъ, которымъ мы подвергались, при выгрузкѣ и нагрузкѣ тарантаса, мы взяли лодку. Лодочники, которые, по случаю воскресенья, совершили изобильныя возліанія, чуть-чуть насъ не опрокинули; обширное пространство воды, которое мы должны были проѣхать, дѣлало положеніе наше еще опаснѣе. Пріѣхавъ въ Торнео, мы нашли, что городъ имѣлъ воскресный видъ. Многочисленныя группы мужчинъ и женщинъ, къ которымъ присоединились еще нѣсколько офицеровъ, наполняли улицы. Нѣсколько далѣе, крестьяне, прибывшіе изъ окрестностей для слушанія проповѣди, готовились прогуливаться. Наконецъ, тамъ и сямъ видѣлись и казаки въ порядочномъ количествѣ, замѣчательные по своему доброму взгляду и характеристичному костюму; они безъ шума принимали участіе въ праздникѣ. Всѣ взоры обратились на насъ или, лучше сказать, на наши просторныя одежды путешественниковъ, между тѣмъ какъ мы шли пѣшкомъ по улицѣ, которую съ обѣихъ сторонъ окружаютъ маленькіе садки предъ фасадомъ каждаго дома. — Мы скоро нашли гостиницу, но мнѣ хотѣлось еще совершить поѣздку вдоль по лѣвому берегу Торнеа, до горы, которая, какъ говорили, пробита гротами весьма любопытными. Почему мы взяли двѣ почтовые телѣжки, изъ которыхъ одну для слуги, толмача и нѣкоторыя необходимыя вещи. Такъ какъ Торнео построено на островѣ, то намъ нужно было снова переѣхать Торнеа, чтобы выѣхать изъ города и достигнуть того мѣста берега, гдѣ мы приставали прежде, при вѣздѣ въ городъ. Тогда я пошелъ пѣшкомъ, и удалился на пятьдесятъ шаговъ отъ дороги, ожидая, пока телѣжки съѣдутся со мной. Съ послѣдней нашей станціи, виды по рѣкѣ какъ нельзя болѣе разнообразны; иногда даже откосы противоположнаго берега придаютъ утесистому бассейну Торнеа характеръ дикаго величія. Ложе гранитное, по которому она влечетъ свое

стремительное течение, дѣлается болѣе и болѣе шероховатымъ и ломанымъ, по мѣрѣ того, какъ мы продолжаемъ путь свой, и образуетъ здѣсь рядъ страшныхъ пороговъ, занимающихъ въ верховьяхъ рѣки большое пространство. Потокъ пробиваетъ себѣ дорожку между остроконечными скалами, метая во все стороны клочки льда; и съ шумомъ, подобнымъ грому. На лѣвомъ берегу, по которому мы ѣхали, точно также какъ и на берегу шведскомъ; возвышаются многочисленныя и чрезвычайно красивыя фермы. Онѣ болѣею частью окрашены красною или бѣлою краскою, такъ что нѣтъ никакого рѣзкаго различія между тѣми, которыя принадлежатъ Финляндіи, и тѣми, которыя принадлежатъ Швеціи. Меня увѣрили, что эти прекрасныя хейматы простираются по финляндскому берегу Торнео на протяженіи трехъ сотъ верстъ. Они оканчиваются въ деревнѣ Міоніоски, гдѣ кончается также дорога макъ-адамская. Я долженъ прибавить, что проведеніе дороги на финляндскомъ берегу рѣки произошло не далѣе какъ за тридцать съ небольшимъ лѣтъ; а до-тѣхъ-поръ существовала одна только проѣзжая дорога на правомъ берегу или на берегу шведскомъ. — Послѣ станціи Пинзуа, мы въ скоромъ времени прибыли къ Лісакка, рѣкѣ, впадающей въ Торнео. Хотя она и незначительна, однакожь слишкомъ расширяется недалеко отъ своего слиянія, и мы употребили добрыхъ четверть часа на переѣздъ ее въ суднѣ, замѣнившемъ паромъ. Я думалъ, что прибывши на станцію Тейно, мы достигли цѣли нашего путешествія; но смотритель сказалъ мнѣ, что до горы съ гротами еще двѣнадцать верстъ, не означивъ по какому направлению. Если свѣдѣнія наши не такъ точны, то этимъ мы обязаны, конечно, нашему слугѣ-переводчику и онъ уже не въ первый разъ изволилъ показывать такіе опыты. — Мы бы могли продолжать путь нашъ далѣе, но страшное движеніе нашего первобытнаго экипажа насъ изломало. Поэтому мы рѣшились провести ночь здѣсь. Единственная комната, предоставленная путешественникамъ, чрезвычайно мала; тѣмъ неменѣе намъ нашлись двѣ постели, которыя служанки дома покрыли хотя толстымъ холстомъ, но совершенно чистымъ. На другой день я хотѣлъ ѣхать рано утромъ, въ сопровожденіи хозяина дома и безотлучнаго переводчика. Намъ подали ужинъ, по какой ужинъ, увы! Онъ состоялъ изъ единственнаго блюда: мяса оленя, жесткаго, сухаго и дымящагося, испускающаго отвратительный запахъ и имѣющаго вполне видъ кусочковъ твердаго клея, который немногорастворили въ водѣ, чтобы придать ему уп-

ругость. Оленье мясо, такимъ образомъ приготовленное, считается однакожь здоровымъ кушаньемъ, но ужъ конечно не апѣтитнымъ. Для жителей страны это мясо имѣетъ огромную выгоду; потому-что можетъ сохраняться такимъ образомъ весьма долго; даже при температурѣ довольно жаркой.

Но зато я началъ на другія провизіи, которыми имѣлъ предосторожность записать въ Торнео. Надо также сказать, что мнѣ подали прекрасныхъ сливокъ къ ароматическому чаю, пріѣхавшему вмѣстѣ съ нами изъ Петербурга.

Часть шведскаго берега, простиравшагося передъ нами, болѣе возвышена и болѣе крута, нежели та, которую мы обогнули. Можно даже сказать, что здѣсь утесы дѣлаются настоящими горами, что при полусвѣтѣ сумеречнаго дня, который подъ этими широтами ночи еще сохраняютъ — мы увидѣли на темномъ фонѣ занавѣса горы гораздо болѣе отдаленныя и въ другихъ отношеніяхъ замѣчательныя — горы, отдѣляющія Норр-боттенъ отъ Нордманда.

Если берегъ финляндскій менѣе возвышенъ, чѣмъ другой, тѣмъ неменѣе онъ не представляетъ гладкой поверхности. Выходы и сходы тамъ безпрестанно слѣдуютъ другъ за другомъ; напримѣръ, мы взлѣзали на длинный косогоръ, съ вершинны котораго взоръ обнимаетъ обширное пространство страны, непрерывной во всехъ направленіяхъ цѣпями горъ, которыя непрерывно превращаются какъ волны бушующаго моря. При сходѣ съ этой горы, страна принимаетъ видъ безплодія, которое разнообразятъ одни только букеты сосны и лиственницы, въ соединеніи съ верескомъ, замѣчательнымъ по своему размѣру: онъ походитъ скорѣе на настоящее дерево, нежели на кустарникъ. Повсюду показывается гранитъ, какъ основная скала, и нерѣдко видишь сосну, растущую въ щеляхъ скалы.

Часы мои показывали семь, когда я сѣлъ въ телѣжку съ хозяиномъ дома, державшимъ возжи; слуга Финляндецъ помѣстился сзади. Мы продолжали слѣдовать тою же дорогою, которою пріѣхали сюда изъ Торнео. Вся эта страна зимою служитъ сборнымъ мѣстомъ для Лапландцевъ, которые помѣщаются здѣсь вплоть до весны, съ сотнями оленей. Далѣе на сѣверъ эти полезныя животныя уже не могутъ доставать себѣ мохъ; необходимый для ихъ пищи, по причинѣ накопленія снѣговъ; между-тѣмъ какъ здѣсь снѣгъ еще не такъ великъ и они могутъ разгребать его своими передними ногами, и такимъ образомъ обнажать землю. Первымъ дѣломъ Лапландцевъ, кто-

рые прибываютъ сюда въ-началѣ зимы — выкопать себѣ убѣжища, на которыя они ставятъ родъ крыши, обложенной землею, чтобы свардить себѣ временное помѣщеніе, сообразное съ ихъ обычаями. Они не удаляются изъ этой страны во всю зиму, и ихъ часто встрѣчаешь тогда на улицахъ Торнео, однихъ пѣшкомъ, другихъ въ саняхъ, запряженныхъ оленями.

Всего болѣе поразило меня при видѣ деревень, проѣзжаемыхъ нами, что я видѣлъ ячень, еще незрѣлый въ такое время года, которое считается подъ этими широтами довольно позднимъ. Причиною этого было лѣто, которое въ этотъ годъ было совершенно лишено теплыхъ дней. Это потерянная жатва, и жители уже располагаются косить свои ячменные поля, чтобы употребить ихъ произведеніе на пищу скота, вмѣсто сѣна. Эти бѣдные люди увѣряютъ, что если еще немного температура понизится, то чрезъ нѣсколько дней должно ожидать перваго снѣга. Замѣтите, что это было 2 августа. Сравнительно, климатъ Петербурга есть климатъ теплый.

Путь нашъ продолжался съ часъ; погода была ясная, но холодная. Такимъ-образомъ мы прибыли въ деревню Юрва, возлѣ которой находится прекрасная церковь Алкулы. Кучеръ остановился, давая мнѣ знать, что мы уже прибыли къ цѣли нашего путешествія. «Гдѣ же гора, пробитая гротами, которую я хочу посмотреть?» спросилъ я его. — Вотъ она, передъ вами-отвѣчалъ онъ, простирая руки къ гигантской скалѣ на противоположномъ берегу Торнеа. Замѣтите, что въ этомъ мѣстѣ потокъ долженъ имѣть неменѣе полуверсты въ ширину. Не выказывая своего удивленія, я велѣлъ переводчику освѣдомиться, какъ бы достать мнѣ судно. Съ флегмой, обычной финскому селянину, этотъ добрый человѣкъ ограничился тѣмъ отвѣтомъ, что я могу обратиться къ почтовому дому, возлѣ котораго мы находились, не предлагая однакожъ мнѣ своихъ услугъ.

Между-тѣмъ какъ слуга пошелъ отыскивать почтмейстера, я поспѣшилъ бросить взглядъ со стороны рѣки. Я увидѣлъ передъ собою, нѣсколько влѣво, деревню Ниemi. Сюда-то пристають жители Юрвы, когда они переѣзжаютъ Торнеа, что часто случается. Начиная отъ этой деревни и вправо вдоль шведскаго берега появляются возвышенія, то лѣсистыя, то скалистыя. Наконецъ, продолжая обращать свои взоры съ той же стороны, я узналъ огромную скалу, извѣстную подъ именемъ горы Люппарви, которая возноситъ надъ окружающими ее вершинами свою главу изъ голаго гранита. Склонъ ея, обращенной къ рѣ-

кѣ, высѣченъ почти отвѣсно, а верхняя часть горы показалась мнѣ стѣною розоваго цвѣта, вся наполненная извилинами и разсѣлинами.

Просьба морго посланнаго къ почтмейстеру была бесполезна; этотъ человѣкъ отвѣчалъ, что единственное судно, которымъ онъ можетъ располагать, не въ состояніи служить по своей ветхости, и онъ посылалъ меня къ пастору. Я самъ отправился къ послѣднему, но нашелъ тамъ только одну служанку. Она объявила мнѣ, что она не можетъ удовлетворить моему желанію, и я уже думалъ отказаться отъ этихъ неприступныхъ пещеръ, какъ вдругъ увидѣлъ какого-то человѣка, который освѣдомлялся у моего слуги, о чемъ мы хлопочемъ. Лишь только узналъ онъ, въ чемъ дѣло, какъ самъ предложилъ мнѣ съ готовностью доставить судно и двухъ добрыхъ гребцовъ, способныхъ бороться съ вѣтромъ, сдѣлавшимся весьма сильнымъ. Конечно, я съ радостью принялъ предложеніе, а услыхавъ, что этотъ человѣкъ уже нѣсколько разъ посѣщалъ гроты, я просилъ его сопровождать меня въ этой поѣздкѣ. Онъ тотчасъ же согласился.

Десять минутъ спустя, я уже садился въ телѣжку, и ведомый моимъ новымъ спутникомъ, я направился къ берегу чрезъ болотистое мѣсто, которое никакъ нельзя было пройти пѣшкомъ. Тамъ я нашелъ судно, которое уже ожидало меня, сильно качаемое отъ необыкновеннаго возмущенія воды. Я помѣстился тамъ вмѣстѣ съ моимъ путеводителемъ и переводчикомъ, и судовщики, взявъ въ руки весла, пустились къ деревнѣ Ниemi, пересѣкая вкось рѣку. Спустя три четверти часа, мы уже были на противоположномъ берегу Торнеа.

Первымъ дѣломъ моего путеводителя, ревности и благоразумію котораго мнѣ пріятно отдать справедливость, было сложить въ хижинѣ рыбаковъ, на берегу рѣки, подъ присмотръ жены одного изъ нихъ, всѣ вещи, какъ то пальто и зонтики, которые бы только мѣшали намъ въ путешествіи. Слуга Финляндецъ, который былъ необходимъ мнѣ какъ толмачъ, сопровождалъ насъ. Мы пошли пѣшкомъ, а трое гребцовъ открывали шествіе. Впродолженіе получаса мы шли такимъ-образомъ черезъ поля, имѣя Торнеа по правую сторону, въ разстояніи трехъ-сотъ шаговъ, и приближались болѣе и болѣе къ подошвѣ горы. Мы достигли ее такимъ-образомъ, и потомъ слѣдовали нѣкоторое время дорогою, которая простирается вдоль праваго берега рѣки. Прибывши къ одной изъ точекъ, гдѣ начинается спускъ горы, мы

рѣшились войти на нее съ южной стороны, гдѣ ее нижняя часть не представляла покатостей, слишкомъ крутыхъ. Я, однакожь, не терялъ изъ виду мою главную цѣль—положеніе пещеръ, и думая, что они должны находиться при самомъ основаніи горы, я просилъ путеводителя указать ихъ мнѣ пальцемъ. Какъ удивился я, когда онъ показалъ мнѣ на вершину Люпиарви, которая, говорятъ, возвышается болѣе, чѣмъ на полторы тысячи футовъ выше уровня Торнеа. Глазъ мой, слѣдуя за указаннымъ направлениемъ, замѣтилъ только сгроможденіе гранитныхъ скалъ съ перпендикулярными боками, куда, казалось, не ступала нога человѣка. Предпріятіе показалось мнѣ до такой степени выше моихъ силъ, что съ минуту я былъ какъ пораженный, не зная рѣшиться ли мнѣ на него или оставить его. Но самолюбіе поддерживало мою бодрость, а гребцы съ моимъ путеводителемъ продолжали идти, и я вооружился рѣшимостію на всякій случай имъ сопутствовать. Однакожь было слишкомъ ясно, судя по очертанію скалъ, составлявшихъ верхнюю часть горы, что я долженъ буду преодолѣть серьезныя трудности.

Почва, въ-самомъ-дѣлѣ вся усыпанная кусками гранита, спустившимися какъ лавины, и въ которыхъ росли отпрыски сосны, смѣшанной съ верескомъ и папоротникомъ, дѣлалась болѣе и болѣе крутою. Число этихъ массъ, отдѣлившись отъ горы, возрасло до такой степени, что намъ было чрезвычайно трудно проложить среди ихъ дорогу. Часто даже всякая дорога была прекращена намъ, и намъ надо было взлѣзать кое-какъ на обломки, наименѣе неприступные. Но эти первыя трудности были еще ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя ожидали насъ выше.

Онѣ начались тамъ, гдѣ исчезалъ всякій слѣдъ растительности,—на высотѣ около шести-сотъ футовъ,—и намъ нужно было взлѣзать на гранитныя скалы, совершенно голыя. Достигнувъ ихъ, и переходя отъ одной террасы къ другой, посредствомъ рядовъ камней, почти совершенно горизонтальныхъ, я созерцалъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ волненіемъ, эти гигантскія ступени страшной толщины. Многія изъ нихъ были какъ бы вырваны и разбиты, конечно вслѣдствіе подземныхъ потрясеній, которыя, какъ казалось, угрожали самой горѣ совершеннымъ переворотомъ. Вотъ почему огромные куски скалъ, отдѣлившіеся отъ массы, могли катиться по склону и свалиться даже въ долину, между-тѣмъ какъ другіе куски, на половину отдѣлившіеся, оставались повисшими надъ бездною. Я не могу

иначе объяснить себѣ поразительный переворотъ, какой представляетъ вершина этой гигантской гранитной скалы и это расположеніе ступенями, которое позволяетъ взбираться на нее.

Трое нашихъ гребцовъ доказали, въ этомъ трудномъ предпріятіи, силу и ловкость, мало обыкновенныя. Иногда намъ необходимо было перескакивать карнизы по отвѣсу, полъ которымъ сіяла пропасть, по-крайней-мѣрѣ въ тысячу футовъ. Мы встрѣчали также террасы, огромныя какъ бальная зала, и поверхность которыхъ была также гладка, какъ паркетъ.

Продолжая восхожденіе, я достигъ мѣста, гдѣ кучи, камней шириною отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ, встрѣтили край скалы, куда онѣ и скопились. Скопленіе ихъ, происшедшее отъ того въ этомъ мѣстѣ, и совершенно на оконечности пропасти, образовало здѣсь проходы, вполне правильные, которые можно сравнить съ корридорами, видъ конхъ они имѣютъ. Вотъ что здѣшніе жители не точно называютъ гротами. Гора Люпиарви, собственно говоря, не заключаетъ въ себѣ пещеръ, однакожь эти циклонскіе своды тѣмъ неменѣе необыкновенны и достойны самаго высокаго интереса. Когда путеводитель пригласилъ меня перейти проходъ, образованный огромной кучею, висѣвшей надъ моею головою, сердце мое невольно стѣснилось и я на минуту оставался въ нерѣшимости. При видѣ такого безпорядочнаго скопленія огромныхъ массъ гранита, казалось, что все обрушится при малѣйшемъ движеніи и увлечетъ насъ въ пропасть. Иллюзія была такъ велика, что я не осмѣливался уже возвысить голоса, какъ-будто одно потрясеніе воздуха могло разрушить равновѣсіе, которое прожило столько вѣковъ.

Съ высоты, которой мы достигли, Торнеа, въ глубинѣ долины, казалось намъ тонкою нитью серебра. Почти съ кружащею головою и истомленнымъ усталостію, я увѣрялъ путеводителя, что любопытство мое было вполне удовлетворено, и просилъ его возвратиться назадъ, не восходя на вершину горы. Обязательный менторъ не такъ думалъ; онъ смотрѣлъ на эту гору, какъ бы на свое владѣніе, и хотѣлъ угодить гостямъ вполне. Онъ заклиналъ меня продолжать нашъ путь, и я согласился.

Гребцы все-таки оставались въ главѣ каравана, и слѣдуя за ними, я мучилъ себя догадками, гдѣ выйдутъ они изъ террасы, которая, казалось, не имѣла конца, окруженная съ одной стороны перпендикулярными стѣнами гранита и оканчивавшаяся съ другой пропастью. Между-тѣмъ одинъ изъ гребцовъ почелъ

долгомъ взлѣсть на одну изъ этихъ стѣнъ, вышиною около пятнадцати футовъ, которая поддерживала другую террасу. Онъ достигъ этого, пользуясь щелями скалы и опираясь на плечо своего товарища. Съ площадки, на которую онъ такимъ-образомъ поднялся, онъ наклонился ко мнѣ и съ силою схватилъ меня лѣвою рукою, между-тѣмъ какъ другой гребецъ поддерживалъ меня на воздухѣ. Я съ своей стороны уперся въ извилины камня и карабкался какъ могъ къ человѣку, который притягивалъ меня къ себѣ; по силы мои уже истощились, и въ то время, когда я касался уже верхней закраины, я почувствовалъ, что я готовъ упасть, увлекаемая человѣка въ моемъ паденіи. Въ эту критическую минуту сверхъестественное усиліе спасло меня. Я прицѣпился къ скалѣ съ конвульсивной силой, и повинувшись, въ тоже время, влеченію гребца, я однимъ прыжкомъ былъ уже возлѣ него; но онъ упалъ отъ толчка и я самъ распростерся на камнѣ, который мелкій дождь, начинавшій падать, дѣлалъ скользкимъ и который, къ-счастью, не былъ слишкомъ наклоненъ. Иначе и я и гребецъ, мы погибли бы, мы упали бы оба на ступень, которую оставили за собою, откуда мы непременно свалились бы въ пропасть, и разбились на террасѣ, прислоненной къ сторонѣ скалы и совершенно неприступной, на нѣсколько сотенъ футовъ внизъ. Я всталъ, хотя ушибенный, но радостный, что дѣло кончилось такъ благополучно. Остальная компанія присоединилась къ намъ, и восхожденіе продолжалось.

Путеводитель, который, какъ я уже сказалъ, зналъ гору во всѣхъ ея подробностяхъ, заставилъ меня идти по карнизу, висѣвшему надъ пропастью, и который привелъ насъ къ второму своду, подобному тому, который я уже встрѣчалъ; онъ также называлъ его гротомъ. Мы перешли и этотъ сводъ гигантовъ, и достигли третьяго карниза, прислоненнаго къ боку горы отвѣсно. Глазъ, изъ этого страшнаго прохода, погружался въ пустоту, дно которой едва можно было видѣть. Продолжая слѣдовать по карнизу, мы скоро очутились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ скала, образуя уголъ, оставляетъ для прохода только пространство неболѣе двухъ футовъ. Признаюсь, въ глазахъ у меня помутилось, и я остановился въ нерѣшимости. Привыкнуши проходить страну скалъ, гребцы не понимали моего недоумѣнія. Тотъ, который былъ впереди меня, и который уже однимъ скачкомъ перепрыгнулъ страшный уголъ, схватилъ меня быстро за руку и привлекъ впередъ. Я повиновался машинально,

и вдругъ очутился на другой сторонѣ покатости. Къ моему величайшему удовольствію, я увидѣлъ, что карнизъ расширился въ просторную террасу, гдѣ я могъ нѣсколько минутъ отдохнуть спокойно.

Это былъ однакожь короткій отдыхъ. Скоро снова начались трудности и опасности. Терраса была заключена между двумя вертикальными сторонами, которыя не оставляли никакого видимаго выхода; но путеводитель зналъ въ основной стѣнѣ расщелину, расположенную вертикально и шириною въ три фута, черезъ которую не было невозможнымъ проложить себѣ дорогу, пользуясь обломками скалы, которыя образовали здѣсь крутой скатъ. Гребецъ первый пролѣзъ въ эту щель и я послѣдовалъ за нимъ, пользуясь, какъ и онъ, ногами и руками. Этимъ средствомъ мы могли съ успѣхомъ перелѣзть высоту шестидесяти футовъ. Это было послѣднимъ нашимъ *tour de force*. Оставалось только перейти нѣкоторыя округленные выпуклости скалы, образующей вершину горы, и мы находились на самой возвышенной точкѣ Люппіарви.

Эта точка представляется въ видѣ гранитной вершины выпуклой формы. Отсюда взглядъ мой обнималъ вокругъ меня безграничный горизонтъ. Едва могъ я различать дома деревни Юрвы, и колокольня церкви Алькула казалась мнѣ точкою краснаго цвѣта. Путеводитель предложилъ мнѣ присоединить мое имя къ двадцати другимъ именамъ, уже вырѣзаннымъ на скалѣ путешественниками, прежде меня здѣсь бывшими; но я не посчелъ нужнымъ принять предложеніе, хотя онъ приготовлялся исполнить его посредствомъ какого-то рѣзца, которымъ онъ запасся.

Я оставался здѣсь въ-продолженіе десяти минутъ, погруженный въ то безконечное созерцаніе, какое открываютъ нашимъ глазамъ и мысли подобныя виды. Но надо было подумать о возвращеніи. Путеводитель послалъ трехъ гребцовъ впередъ, и мы начали наше схождение. Оттого ли, что я приобрѣлъ нѣкоторый навыкъ проходить между скалами, или оттого, что схождение представляло меньше трудностей, чѣмъ восхожденіе, только мы употребили три четверти часа на достиженіе деревни Ніеми, гдѣ судно насъ ожидало. Это была половина времени, которое мы употребили на восхожденіе на гору. Между-тѣмъ во-время нашего воздушнаго путешествія, вѣтеръ утихъ въ долину, и рѣка сдѣлалась спокойною. Наше возвращеніе въ Юрву было настоя-

щею прогулкою, которой благопріятствовала самая прекрасная погода. Я созерцалъ съ судна этого гиганта Люпиарви съ гранитною главою и боками, ноги котораго покоятся на широкомъ коврѣ лѣса и папоротниковъ.

УДРЯКЪ-БАШЪ, ИЛИ 22 АВГУСТА ВЪ МЕЩЕРЯК-СКОМЪ КАНТОНѢ.

Четыре часа пробило на стѣнныхъ часахъ кантоннаго начальника, и красный флагъ развился на горѣ противу его оконъ, за рѣчкой Удрякъ-башъ. Толпы народа, бродившія дотолъ по улицамъ, въ какомъ-то смутномъ ожиданіи, съ громкимъ говоромъ свѣшили къ мѣсту открывшагося праздника, и кучи ребятишекъ, бойкихъ, рѣзвыхъ, шумныхъ, съ оглушительнымъ крикомъ бросились изъ улицы деревни, и какъ говорится, сломя голову, понесли на гору, къ развѣвающемуся флагу.— Но здѣсь, кажется, требуется небольшимъ отступленіемъ пояснить предметъ настоящаго разсказа.

Удрякъ-башъ есть довольно обширная мешчерякская деревня, лежащая въ 70 верстахъ отъ г. Уфы. Несмотря на сонную физиономію самой деревни, окрестности ея, во-время лѣта, очень привлекательны. Съ сѣвера и востока Удрякъ-башъ заслоненъ горами; на западной сторонѣ виднѣется густая полоса лѣсовъ, принадлежащихъ къ имѣнію помѣщика Языкова; съ юга разстилается обширная равнина, вся сплошь усеянная хлѣбами.

Въ верстѣ отсюда, при каменистой подошвѣ горы, окруженная небольшими группами высокихъ липъ, расположена небольшая деревня Шамѣва, и представляетъ довольно привлекательный видъ деревенскаго хутора; съ восточной стороны, близъ самой деревни, у склона горы, течетъ небольшая, но быстрая, свѣтлая рѣчка Удрякъ-башъ. Кромѣ ея, по самой деревнѣ, въ небольшихъ овражкахъ, протекаютъ два горные источника

съ свѣжей и здоровой водой, и при впаденіи своемъ въ рѣчку Удрякъ-башъ, образуютъ собою весьма опасную топь, покрытую мохомъ и травой самой блестящей зелени, которая, какъ бы нарочно, привлекая къ себѣ скотъ своею нарядною поверхностью, поглощаетъ его въ свои убійственныя нѣдра; но само собою разумѣется, что противу несчастныхъ случаевъ приняты свои мѣры предосторожности.

Характеръ здѣшняго народа (говоря вообще о Мещерякахъ), сколько я могъ извлечь изъ своихъ наблюденій, довольно кротокъ. Первая черта его, отпечатанная на физиономіи почти каждаго Мещеряка,—какая-то сонливость.

Источники для домашняго изобилія у Мещеряковъ имѣются въ большемъ размѣрѣ, но нѣтъ въ нихъ охоты къ разработкѣ этихъ вѣчно неиссякаемыхъ источниковъ. Мещерякъ, съѣтъ столько хлѣба, сколько, по соображенію его, требуется для прокормленія его семейства.

Горы, окружающія деревню Удрякъ-башъ, содержатъ въ себѣ алебастръ превосходнѣйшаго качества, но жители, пользуясь имъ для бѣлѣнія своихъ печей и чуваловъ, и любуясь ихъ ослѣпительною бѣлизной, нисколько не думаютъ, или думаютъ, но не хотятъ, этотъ видимый даръ природы обратить въ существенную свою пользу, посредствомъ разработки и продажи, — тѣмъ болѣе для нихъ удобной, что губернской городъ Уфа отъ нихъ только въ 70 верстахъ.

Во владѣніи Мещеряковъ есть много рѣкъ, какъ напр. Дема, изобилующихъ рыбою, есть півочныя озера, но ни одно изъ этихъ богатыхъ средствъ не привлекаетъ охоты Мещеряковъ къ своему благосостоянію. Къ числу источниковъ безбѣдной жизни могло бы быть присоединено также звѣроловство, но Мещеряки съ лѣнностію совмѣщаютъ еще отсутствіе всякой воинственной смѣлости. Въ такомъ дѣлѣ, гдѣ требуется физическая ловкость съ твердымъ присутствіемъ духа, съ отвагой бойца, Мещерякъ рѣдко имѣетъ охоту принять участіе. Съ наступленіемъ осени въ ихъ обширныхъ степяхъ появляется множество волковъ, свирѣпыхъ, жадныхъ, смѣлыхъ до невѣроятности, которые, не видя никакого страха со стороны людей, свободно рыщутъ по полямъ, гдѣ скотъ, шатающийся безъ всякаго призора, отданъ на полную волю ихъ лютости; а Мещерякъ.... ежедневно не досчитываясь въ своемъ стадѣ то овцы, то коровы, въ кротости духа охаетъ, сокрушается, но не предпринимаетъ никакихъ мѣръ противу своего свирѣпаго, но робкаго

рага. Смѣшно же было бы думать, что у Мещеряка недостаетъ эмпиричности и на столько, чтобы, по примѣру прочихъ домохозяевъ, ставить капканы, рыть ямы, и проч. и проч.; но такой родъ занятій вовсе не въ его характерѣ.

Несмотря на то, что Удрякъ-башъ лежитъ въ весьма незначительномъ разстояніи отъ губернскаго города, это однакожъ нисколько не измѣнило въ немъ общаго типа мещеряцкихъ деревень, расположенныхъ въ глуши и захолустьѣ. Туже патриархальную простоту въ образѣ жизни, и тоже любопытство при появленіи въ деревнѣ какого-нибудь порядочнаго экипажа, вы встрѣтите въ Удрякъ-башѣ, какъ и въ другихъ деревняхъ.

Теперь можете представить себѣ съ какою заботливостію спѣшилъ народъ къ развѣвающемуся флагу, который, какъ вещь небывалая и невиданная, внезапнымъ появленіемъ своимъ могъ много обѣщать; и вотъ чрезъ полчаса вся гора была усеяна народомъ, и шумный — глухой говоръ нѣсколькихъ сотъ голосовъ безпорядочною дробью гудѣлъ въ воздухѣ.

Немногимъ было извѣстно, что кантонный намѣренъ сдѣлать праздникъ; но еще менѣе было извѣстно, что за праздникъ это будетъ. Мещеряцкіе праздники вообще бѣдны и ничего не представляютъ любопытнаго для наблюденія; это ни болѣе, ни менѣе, какъ жирное угощеніе обѣдомъ, съ присовокупленіемъ къ нему большаго количества кислаго меду, отъ котораго охмѣлѣвшія головы поютъ свои родныя пѣсни; вотъ и все. Но настоящій праздникъ предсказывалъ что-то особенное; съѣздъ юртовыхъ старшинъ, припасенныя плошки и дехтярныя лагуны, около 20 приготовленныхъ на скачку лошадей, все это въ высочайшей степени занимало любопытство всего мирнаго удрякъ-башевскаго народонаселенія, и все оно, отъ мала до велика, сбѣжалось на завѣтную гору, и все оно говорило безъ умолку, и ждало, съ отраднымъ нетерпѣніемъ, что будетъ? Чѣмъ это кончится?

Наконецъ ворота растворились, и кантонный начальникъ, сопровождаемый старшинами, вышелъ изъ дому. При входѣ его на гору, говоръ нѣсколько стихъ; почетнѣйшіе изъ жителей, т. е. кто постарше и побогаче, пошли къ нему навстрѣчу, и началось обычное пожатіе рукъ, съ ласковымъ привѣтомъ: саллямъ маликумъ, хазретъ, исляммамъ хазретъ, и проч. и проч.

День вечерѣлъ, разливая въ воздухѣ пріятную прохладу, предвѣстницу приближающагося сумрака

Изнуренный тягостью жаркаго лѣтнаго дня, съ приближеніемъ

емъ вечера я отдохнулъ, и душа, неподдаваемая тѣлесною немощію, какъ бы проснулась для воспріятія всего, что только можетъ тѣшить ее въ земной оболочкѣ. Прохаживаясь по горѣ съ однимъ чиновникомъ, я уже весело смотрѣлъ на шумную, волнуемую толпу, и ея суетливость казалась мнѣ болѣе занимательною.

Толкаясь между народомъ, который, по направленію хода Кантоннаго, медленно подвигался къ югозападной оконечности горы, я вышелъ изъ толпы, и увидавъ въ отдаленіи сѣлаго старика, безмолвно сидящаго на отлогости горы, подошелъ къ нему и только было хотѣлъ вступитъ въ разговоръ, какъ вдругъ пронзительный, рѣзкій крикъ раздался назади меня, и вслѣдъ за нимъ оглушительный ревъ всего народа, ревъ неистовый, отчаянный, соединенный съ визгомъ и воплемъ, который много бы могъ дать понятія о минутѣ разрушенія цѣлой деревни, или о невозможномъ соединеніи всѣхъ сумасшедшихъ на одной аренѣ. Я съ изумленіемъ оглянулся назадъ, и по направленію сотни протянутыхъ рукъ, увидѣлъ вдали густыя облака пыли, закрывавшія весь западный небосклонъ, и въ нихъ какъ вихрь несущихся коней.

Съ любопытствомъ и удовольствіемъ смотрѣлъ я на эту ликую, воинственную картину народной потѣхи, и оглушительный крикъ народа уже не казался мнѣ тревожнымъ и безтолковымъ. И это шумное выраженіе ихъ душевнаго наслажденія одно уже можетъ показать, что нынѣшнее поколѣніе Мещеряковъ принадлежитъ народу, для котораго въ старину молодечество и отвага не были качествами недоступными, для котораго добрый конь былъ также безцѣннымъ другомъ и товарищемъ, былъ любимымъ существомъ

Съ приближеніемъ скачущихъ наѣздниковъ воли народа все болѣе и болѣе усиливались, и даже старикъ, къ которому я подошелъ, присоединялъ свой слабый крикъ, сопровождаемый страшными кривляніями, выказывающими всѣ признаки самаго уродливаго сумасшествія.

Кыргызъ, Кыргызъ!! кричалъ онъ, махая руками.

Кыргызъ, Кыргызъ!! гій!! гай!! ревла толпа съ пронзительнымъ воплемъ.

Въ полуверстѣ отъ горы уже ясно можно было различить счастливыхъ бѣгуновъ. Трое изъ нихъ, далеко оставивъ за собой скачущихъ соискателей славы, какъ говорится, въ нитку вытянувшись, почти въ рядъ неслись по дорогѣ, задыхаясь отъ

пыли и усталости, и вотъ наконецъ одинъ выдвинулся впередъ,—еще усиливъ,—два, три... и, какъ бы сознавая приобретаемую имъ славу, какъ бы чувствуя свой побѣдный триумфъ, собравъ воедино все остатки своихъ богатырскихъ силъ, подъ утроеннымъ ударомъ нагайки, киргизскій скакунъ стрѣлой полетѣлъ по отлогости горы къ развѣвающимся флагу. Все бросились къ счастливому бѣгуну, окружили его, осыпали самыми восторженными ласками; но болѣе всего трогательна была нѣжность знакомаго намъ старика, съ которою онъ обнималъ шею побѣдителя: конь былъ его.

Между-тѣмъ Кантонный снялъ красную шаль, висѣвшую на шеѣ, и своими руками обвязалъ шею скакуна. Второй и третьей лошади было роздано по нѣсколькимъ аршинѣмъ коленкора. Прочія уже не приближались къ этому мѣсту, къ этому капищу, гдѣ такъ торжественно вѣнчали ихъ счастливыхъ товарищей;—имъ было стыдно.

Послѣ того, какъ шумъ поутихъ и восторженные клики спустились къ тону обыкновеннаго татарскаго талалаканья, Кантонный сѣлъ на разостланную кошму; около него помѣстились сначала муллы, потомъ почетнѣйшіе изъ юртовыхъ старшинъ, далѣе прочіе сановники, приглашенные на праздникъ изъ соседнихъ деревень; такимъ-образомъ составился довольно обширный кругъ, за которымъ столпился весь народъ.

И вотъ изъ этой толпы вошелъ въ средину круга молодой Башкирецъ, довольно невидной фигуры, но плотно сложенный, съ широкимъ краснымъ лицомъ, съ смѣлымъ взглядомъ, и вообще съ позитурой человѣка, показывающаго самаго отчаяннаго бойца; онъ вышелъ въ одной рубахѣ, босикомъ, съ кушакомъ въ рукахъ, и сталъ вызывать джигитовъ (молодцовъ) на борьбу.

Какой-то ропотъ пробѣжалъ по толпѣ, когда на повторенный вызовъ бойца никто не являлся; честь Мещеряковъ видимо страдала. Но наконецъ вышелъ, или лучше сказать былъ вытолкнутъ въ средину круга также дюжій парень, высокій ростомъ, съ мускулистыми руками и съ вѣрными признаками силы.

Безъ всякихъ приготовленій, даже порядкомъ не взглянувъ другъ на друга, они бросились, схватились, и обвинивъ себя кушаками, начали кружиться ровно, медленно, стараясь между-тѣмъ притянуть себя другъ-къ-другу, чтобы, прихвативъ поясницу противника и поднявъ его на рукахъ, бросить на землю. Но въ настоящей борьбѣ это было почти невозможно: одинъ

былъ высокъ, другой гораздо ниже его, но оба равныхъ силъ. Долго они кружились, долго всеми средствами, всеми изворотами старались подавить другъ-друга; наконецъ Башкирецъ, отбросивъ кушакъ, быстро обхвативъ руками долговязый станъ своего противника, поднялъ на колѣно, и обернувъ раза три около себя, грянулъ объ землю, при оглушительномъ крикѣ всего народа. Побѣдитель, присѣвъ на корточки и отдуваясь, сталъ вызывать другихъ охотниковъ на единоборство.

Мнѣ не было охоты смотрѣть долѣе на этотъ родъ народной потѣхи. Мнѣ не нравилась эта позитуря борцовъ. По мнѣ, т. е. по моей теоріи о борьбѣ, если ужъ пришлось имѣть дѣло съ противникомъ, то, взвѣсивъ свои силы, по-русски, схватилъ его за шиворотъ, да и объ-полъ, а въ противномъ случаѣ.... мое почтеніе господу. Взявъ полъ руку своего пріятеля NN, я пошелъ съ нимъ бродить въ толпѣ, разспрашивая о мелочахъ семейнаго быта Башкирцевъ и о прочемъ.

Продолжая прогулку съ NN, я подошелъ къ знакомому уже мнѣ старику, который съ нѣсколькими сверстниками сидѣлъ на землѣ и съ видимымъ удовольствіемъ поглядывалъ на своего Кыргыза, щеголявшаго въ красной шали, на которомъ развѣжалъ мальчикъ лѣтъ 14.

— Славный у тебя конь, старикъ, сказалъ я, трепля его по плечу.

— Да хорошъ, отвѣчалъ онъ: но ужъ и стоить мнѣ Кыргызъ, прибавилъ старикъ, покачивая головой.

— Развѣ дорого онъ обошелся тебѣ? спросилъ я опять, стараясь завлечь его въ разговоръ на такомъ благопріятномъ предметѣ.

— Дорого, не дорого, да хлопотъ-то съ нимъ было втрое больше, что онъ стоить, отвѣчалъ старикъ, съ видимою охотою вступить въ объясненіе. Я купилъ его всего за 40 р. въ Оренбургѣ, на мѣновомъ дворѣ, у Киргиза. Привелъ домой, и зная ихъ степной характеръ, берегъ пуще глазу: четыре дня держалъ въ заперти съ другими лошадьми, чтобъ попривыкла. Однажды я сѣлъ на нее и погналъ поить лошадей. Лошадь, вижу присмирѣла; возвратившись съ водопоя, я скинулъ съ нея узда и пустилъ съ другими ходить по кардѣ. Едва только я отошелъ отъ нее, какъ вдругъ моя лошадка подняла голову, распустила хвостъ, раза два фыркнула и.... поминай какъ звала. Взвившись на дыбы, она въ моихъ глазахъ, какъ мячъ перелетѣла черезъ ограду, съ яру бросилась въ рѣку, и выскочивъ

на другой берегъ, обѣжала круга два, поднявъ голову и насто-
роживъ уши, какъ бы отыскивая свою родную сторону, и по-
томъ, брыкнувъ задними ногами, понеслась въ степь, по направ-
ленію къ Оренбургу. Я палъ на лошадь, сынъ мой на другую, и
погнались было за ней, но наши лошади не стояли и одного ко-
пыта моего Кыргыза: мы сначала вдаль видѣли одну только
пыль, а потомъ и ее не стало; мой Кыргызъ улетѣлъ въ свои
родныя степи.

— Можетъ ли быть? возразилъ я, увлеченный этимъ расска-
зомъ; до Оренбурга будетъ отсюда около 400 верстъ.

— По дорогамъ считать такъ будетъ, отвѣчалъ, смѣясь, ста-
рикъ, а у стрѣлы, у птицы, да у киргизской лошади свой трактъ;
послушай-ка. На другой годъ я поѣхалъ въ Оренбургъ. Зналъ,
что знакомецъ мой Кыргызъ добрый человѣкъ, и если лошадь
у него, то не покривитъ душой, отдастъ; и точно не ошибся:
лошадь была у него, и я снова привелъ бѣгляка въ деревню;
только ужъ не запералъ въ конюшню, а по совѣту хозяина
сталъ запрягать въ телѣгу; хотя и много этотъ пострѣлъ пе-
реломалъ у меня осей и колесъ, ну, да ужъ такъ и быть, за-
тѣмъ лошадь осталась при мнѣ и поубавила своей ордынской
спѣси; 7-й годъ служить мнѣ, какъ слѣдуетъ доброму коню.
Теперь ему 12 лѣтъ, прибавилъ старикъ, съ любовію поглядыва-
вая на своего Кыргыза, а посмотрите-ка....

— Да, да, славная лошадь, заговорили всѣ собесѣдники, якши,
бикъ-якши.

— Такія ли лошади были въ старину, заговорилъ опять старикъ,
видимо увлекаясь въ даль пріятнымъ для него разговоромъ. Чтò
выпѣшніа скачки, 12, 20 верстъ, а старики поразкажутъ: въ
ихъ молодую пору Башкирецъ бывало скачетъ сто, полтораста
верстъ почти безъ отдыха.

— О, о! подумалъ я, и напомнивъ старикамъ, что пора пить
чай, я пригласилъ ихъ въ мой бѣдный пріютъ.

Долго сидѣли у меня дорогіе гости. Солнце уже закатилось,
и съ этимъ временемъ приблизилось время пятого омовенія му-
сульманъ, пятой и послѣдней ихъ молитвы во дни Великому
Аллаху.

Старики распростились со мной. Я вышелъ на улицу п....
дивная картина, картина невиданная въ Удрякъ-башѣ, откры-
лась передъ моими глазами. На горѣ пылали дегтарные лагуны,
домъ и заборы кантоннаго начальника были усеяны плшками,
и на воротахъ горѣлъ вензель Государя Императора, съ татар-
скою надписью наверху:

«Падишахъ Русскій»; внизу «22 августа 1851 г.»

Бѣшеные вопли и крики народа, обезумѣвшаго отъ невидан-
наго дотоле радостнаго зрѣлища, почти оглушили меня. Я по-
спѣшилъ къ хозяину праздника. Здѣсь, въ обширной горницѣ,
устланной коврами, сидѣлъ онъ, окруженный друзьями, и среди
ихъ стояла огромная мѣдная ядова съ кислымъ медомъ; такъ
провели радостный день для Русскихъ въ отдаленныхъ пре-
дѣлахъ отечества,

В. З-Ф-Р-ВЪ.

ПЕРВОЕ КНИГОПЕЧАТАНІЕ.

(Изъ *Voleur—Cabinet de Lecture.*)

Послучаю многочисленныхъ работъ, производимыхъ повсе-
мѣстно въ Парижѣ, ежедневно находили много любопытныхъ
древностей, остатки уничтоженныхъ временемъ памятниковъ,
медали, надписи, а иногда и цѣлыя улицы, дотоле исчезнув-
шія въ грудѣ безобразныхъ строеній, что даже и именъ ихъ
никто не помнитъ. Одно только опасеніе лишиться собственно-
сти заставило владѣльцевъ и городскихъ архитекторовъ умал-
чивать объ ихъ существованіи.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій было слѣдую-
щее: Нѣсколько недѣль сряду разламывали груду строеній
напротивъ отеля Кливи, въ улицѣ *rue des Mathurins-Saint-Jac-*
ques. Тамъ, въ лабиринтѣ безобразныхъ строеній, темныхъ раз-
валинъ, образовавшихся въ-продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, гряз-
ныхъ и полуистлѣвшихъ жилищъ, среди закоптѣлыхъ, растре-
скавшихся и покрытыхъ плесенью стѣнъ, открыли сперва часть
монастыря *des Mathurins*, и именно капеллу съ окнами чисто-
готическаго стиля, съ прекрасными легкими зубцами и величе-
ственными сводами; потомъ часть улицы, извѣстной въ XV

вѣкъ подь названіемъ, Courre-Gueule. Эта улица въ-продолженіе 400 лѣтъ вела на одинъ внутренній дворъ, происхожденіе котораго совершенно забыто.—

Въ одномъ изъ домовъ этой улицы (нынѣ развалины), въ XV вѣкѣ произошло весьма замѣчательное событіе. Въ этомъ домѣ продавались первыя книги, напечатанныя въ Европѣ, и здѣсь начался первый процессъ книгопечатанія. Процессъ этотъ цѣлая драма, которую мы постараемся передать нашимъ читателямъ.

Въ 1440 году жилъ въ Майнцѣ нѣкто по имени Цумюнгенъ-Абенъ. * Онъ былъ сынъ знаменитаго серебряныхъ дѣлъ мастера въ Германіи, наслѣдовалъ отъ отца значительное состояніе и былъ надѣленъ отъ природы многими блестящими дарованіями: здравый смыслъ, терпѣніе производить всякаго рода опыты, благоразуміе и дѣятельность были его отличительными качествами. Этотъ Цумюнгенъ-Абенъ, болѣе извѣстный подь именемъ Гуттенберга (имя его матери), раздраженный трудностями приобрѣтать книги, рѣдкія въ то время, рѣшился найти средство умножать до безконечности извѣстныя тогда книги, и тѣмъ способствовать распространенію человѣческихъ знаній. Замыслить подобное, значило рѣшиться на такое нововведеніе, результаты котораго были бы неисчислимы, какъ со стороны политической и коммерческой, такъ и со стороны распространенія успѣховъ образованія; ибо книги тогда были такъ рѣдки, что о покупкѣ нѣсколько значительнаго сочиненія говорили, какъ о приобрѣтеніи недвижимой собственности **.

Послѣ многихъ разорительныхъ опытовъ, Гуттенбергъ дошелъ наконецъ до того, что могъ вырѣзывать на деревѣ выпуклыя буквы въ обратномъ видѣ, и такимъ-образомъ составлять цѣлыя страницы; потомъ составилъ клейкія и густыя

* По контрактамъ, заключеннымъ въ Страсбургѣ въ 1441 и 1442 годахъ, видно, что Гуттенберга называли Gensfleisch, alias nuncupetus Gultenberg de Magnutio. Изъ этихъ трехъ именъ: Zumjungen-Aben, Gensfleischu guttenberg последнее удержалось въ потомствѣ.

** Чтобы дать понятіе о цѣнѣ книгъ въ XV вѣкѣ, приведемъ контрактъ, заключенный между книгопродавцемъ Жофруа Серъ-Лане и Жераромъ де-Монтею, королевскимъ адвокатомъ въ Парламентѣ, и засвидѣтельствованный двумя парижскими нотаріусами. По силѣ этого контракта книгопродавецъ обязался, подь опасеніемъ потери имущества, доставить господнѣ Жерару де-Монтею, за сумму 400 парижскихъ ливровъ (болѣе 600 франковъ на нынѣшнія деньги), книгу: «Speculum historiale in consuetudines Parisienses», состоящую изъ 4 томовъ въ красномъ, кожаномъ переплетѣ.

чернила, которыхъ отпечатокъ выходилъ ясно на сыромъ пергаментѣ. Итакъ, печатая страницу за страницей, могъ онъ составлять книги, но въ то же время былъ совершенно разоренъ.

Чтобы продолжать свои опыты и достигнуть желаемыхъ результатовъ, онъ продалъ все свое имущество и терпѣлъ всевозможныя лишенія. Къ довершенію несчастія, вмѣстѣ съ разореніемъ, Гуттенбергъ услышалъ, что нѣкто изъ гарлемскихъ гражданъ, преслѣдуя ту же мысль, достигъ тѣхъ же результатовъ и что книга «Speculum humanae salvationis», напечатанная такимъ способомъ, обѣщала Лаврентію Костеру великую славу и неисчислимыя выгоды *.

Гуттенбергъ, видя, какъ рушились его блестящія и драгоценныя надежды, пришелъ въ отчаяніе и рассказалъ о своемъ несчастіи Фаусту, одному изъ согражданъ, человѣку весьма умному. Фаустъ умѣлъ поддержать упадающую въ немъ бодрость, и вскорѣ сдѣлался его товарищемъ.

Эти ревностные нововводители напечатали сперва азбуку, а потомъ латинскую грамматику, появленіе которой въ Германіи надѣлало много шума: спрашивали откуда взялось такое множество переносчиковъ. Но эти первыя книги были далеки отъ совершенства; гравированіе требовало много труда и времени, такъ-что выручка съ проданныхъ книгъ едва покрывала издержки на приготовленія. Тогда Фаустъ и Гуттенбергъ вознамѣрились приготовить буквы отдѣльно отъ доски, такъ-что онѣ по своей подвижности могли служить при печатаніи разныхъ сочиненій. Новое неудобство—отдѣльныя деревянныя буквы трудно соединялись и скоро портились. Истощивъ весь запасъ своего терпѣнія, истративъ напрасно такъ много трудовъ, бодрости и денегъ, товарищи пришли въ отчаяніе и готовы были отказаться отъ предпріятія.

У Фауста былъ ученикъ, по имени Шефферъ, человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ и пламеннымъ сердцемъ. Онъ страстно полюбилъ Бертю, дочь своего хозяина; но какъ бѣднякъ и сврота, онъ не надѣялся быть зятемъ Фауста, еслибы не былъ лю-

* «Speculum humanae salvationis» относится, безъ всякаго сомнѣнія къ 1439 40 или 41 году, т. е. ко времени пребыванія Гуттенберга въ Страсбургѣ гдѣ онъ искалъ акціонеровъ, и какъ сказано въ контрактѣ, имъ заключенномъ и донинѣ сохранившемся, «чтобы привести въ дѣйствіе удивительныя тайны, составляющія чудо». Лаврентія Костера въ этомъ случаѣ можно сравнить съ Христофоромъ Колумбомъ, его современникомъ; Гуттенберга же съ Америкомъ Веспучіемъ. благодаря гению Шеффера.

бимъ взаимно; это послѣднее поддерживало въ немъ бодрость и надежду на успѣхъ.—Шефферъ, какъ ученикъ, хотя и не былъ посвященъ въ тайны типографическихъ изслѣдованій своего хозяина, однако зналъ, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ: нѣсколько словъ, услышанныхъ мелькомъ, навели его на истинный путь. Когда же успѣлъ онъ проникнуть въ мастерскую, этотъ капернаумъ, куда Фаустъ и Гуттенбергъ уходили работать, а еще чаще сѣтовать на свои неудачи, то понялъ все, и еще болѣе. Только одна твердость воли и любовь къ Бертѣ дали ему возможность достигнуть того, надъ чѣмъ двое майнцскихъ гражданъ трудились въ продолженіе пяти лѣтъ почти безъ всякаго успѣха.

Между-тѣмъ Фаустъ сталъ помышлять о замужествѣ дочери. Онъ объявилъ Бертѣ, что отнынѣ будетъ посѣщать ихъ сынъ городничаго Ольбергенъ, на котораго она должна смотрѣть какъ на будущаго супруга.

Берта горько заплакала, услышавъ такую непріятную новость, и поспѣшила разказать Шефферу объ опасности, угрожающей ихъ любви.

— Берта, вскричалъ ученикъ, сжимая руки молодой дѣвушки: успокойся и положишься во всемъ на волю Божию, я, кажется, нашелъ сокровище!

— Да поможетъ намъ Матерь Божія! воскликнула молодая дѣвушка, педовѣрчиво улыбаясь.

— Я надѣюсь, продолжалъ съ полною увѣренностію влюбленный Шефферъ: нѣсколько дней, даже можетъ-быть, нѣсколько часовъ усиленной дѣятельности откроютъ нашей любви цѣлмй міръ блаженства, славы и счастья.

Съ этого дня Шефферъ спалъ не болѣе двухъ часовъ въ сутки. Комнату свою обратилъ онъ въ лабораторію, продалъ платье, бѣлье, однимъ словомъ все, что можно было продать, и на вырученныя деньги купилъ свинцу, мѣди и олова; а масла, угля и жиру тайно взялъ у хозяина. Каждую ночь до самой зори проводилъ Шефферъ за работою; рвеніе его возрастало все болѣе и болѣе, а надежда достигнуть двухъ цѣлей заразъ возбуждала въ немъ увѣренность и придавала ему мужества и терпѣнія. Однако расслабленіе тѣлесное иногда превозмогало его и онъ упадалъ духомъ.

Лицо его сдѣлалось блѣднымъ, а отъ чрезмѣрныхъ трудовъ члены до того ослабли, что отказывались служить; энергическая рѣшимость и твердая воля, хотя и превозмогали сла-

бость тѣла, по въ свою очередь были подавляемы трудно-стію предиріятія. Но достаточно было одного слова, даже взгляда Берты, чтобы возбудить снова упавшій духъ Шеффера, заставить его забыть усталость, и съ новымъ рвеніемъ приняться за выполненіе задуманнаго.

«Любовь, ты погубила Трою!» сказалъ нѣкогда баснописецъ, но взаимность того даровала намъ книгопечатаніе, и міръ не ропщетъ на это, ибо книгопечатаніе породило болѣе героевъ, чѣмъ сколько пало ихъ подъ стѣнами знаменитаго града Пріама.

Однажды утромъ Шефферъ раньше обыкновеннаго пришелъ въ мастерскую, за нужными ему инструментами. Тамъ онъ услышалъ изъ сосѣдней комнаты разговоръ Фауста съ его товарищемъ.

— Все потеряно, говорилъ Фаустъ съ выраженіемъ глубокой печали, а между-тѣмъ какая прекрасная будущность представлялась намъ!

— Я надѣюсь однакожъ, отвѣчалъ Гуттенбергъ, мрачный видъ котораго выражалъ совершенную безнадежность, что не мнѣ припишешь ты свое разореніе.

— Несчастіе часто дѣлаетъ насъ несправедливыми; но я чувствую, что ничто не можетъ поколебать любви моей къ тебѣ. Впрочемъ у меня одна только дочь, да и той нечего опасаться бѣдности: Ольбергенъ, здѣшній богатый горожанинъ, просилъ ея руки для своего сына; онъ очень хорошо знаетъ, что за нею теперь нѣтъ никакого приданнаго.

Шефферъ не хотѣлъ долѣе слушать: онъ побѣжалъ, какъ можно скорѣе, въ свою комнату, сложилъ въ простыню множество разныхъ вещей, между которыми преимущественно было много маленькихъ металлическихъ столбиковъ, высотой въ ширину пальца; одни изъ нихъ были изъ желѣза, другіе изъ мѣди, свинца, олова, а нѣкоторые даже изъ серебра, ибо, часто не имѣя денегъ на покупку свинца, Шефферъ скрывалъ остатки отъ вещей, которыя онъ работалъ. Положивъ все это на плечо, онъ возвратился въ мастерскую, и смѣло подоидя къ Фаусту, высыпалъ все къ ногамъ его, примолвивъ:

— Хозяинъ, вотъ приданое дорогой вашей дочери, Берты! Я люблю ее всею силою души моей и она меня неменьше; взгляните, можетъ ли это открытіе дать мнѣ право надѣяться получить руку вашей дочери!

Фаустъ подумалъ сначала, что его ученикъ или пьянъ, или сошелъ съ ума; и смотря на него съ ужасомъ, приготовился его

оттолкнуть, какъ вдругъ Гуттенбергъ, разсматривая разбросанные по полу кусочки, поднялъ сверкающій взоръ и вскричалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Мы спасены! найдено искусство книгопечатанія *!

— Что ты говоришь? воскликнулъ Фаустъ, голосомъ, исполненнымъ душевнаго безпокойства.

— Я говорю.... Посмотри и суди самъ!

Фаустъ, въ свою очередь, пришелъ въ изумленіе, когда Шефферъ объяснилъ ему весь процессъ своей работы, какимъ-образомъ онъ получилъ отдѣльныя буквы, изъ которыхъ можно собирать слова, фразы, страницы, наконецъ цѣлыя книги; эти буквы можно разнять, чтобы опять набрать новыя страницы, новыя книги.

Честный серебряникъ плакалъ отъ радости.

— Другъ, сказалъ онъ ученику: съ этого дня ты нашъ товарищъ, а черезъ нѣсколько дней будешь моимъ зятемъ!

Теперь, втроемъ они принялись за дѣло съ такимъ единодушіемъ и горячностію, что въ нѣсколько мѣсяцевъ отпечатали во множествѣ экземпляровъ латинскую библію, которая, если не превосходила, то и не уступала лучшимъ манускриптамъ того времени.

Но едва достигли они столь изумительныхъ результатовъ, какъ на бѣду ихъ Майнцъ, осажденный Адольфомъ, графомъ Нассаускимъ, былъ взятъ приступомъ, преданъ разграбленію и разрушенъ до основанія. Товарищи, храбро защищавшіе родной городъ нѣсколько дней, принуждены были бѣжать. Подобно другимъ, они скитались съ своими семействами по окрестностямъ; когда же истощились средства къ существованію, они рѣшились возвратиться въ Майнцъ. Фаустъ и Гуттенбергъ пришли въ уныніе, увидавъ, что домъ ихъ подобно другимъ былъ разграбленъ и разрушенъ. Но Шефферъ еще разъ является утѣшителемъ.

— Успокойся, хозяинъ, говоритъ онъ: я вышелъ послѣдній изъ города, и прежде чѣмъ оставилъ вашъ домъ, уже думалъ

* Отливка изъ металла и отдѣльность буквъ характеризуютъ книгопечатаніе! Гравированныя доски, извѣстныя Китайцамъ уже 500 лѣтъ, опыты Лаврентія Костера въ Гарлемѣ Ladisluas въ Кретгли Бредѣ, въ 1370 году, даже самыя замѣчательныя опыты Гуттенберга и Фауста не составляютъ книгопечатанія. Одному только Шефферу принадлежитъ честь этого чуднаго открытія, между-тѣмъ какъ всѣ приписываютъ ее, по какому-то непонятному ослѣпленію, Гуттенбергу.

о возвращеніи. Ободритесь; вы увидите, что не все расхищено!

Смятеніе утихло, когда они вошли въ городъ; но домъ ихъ былъ почти въ развалинахъ: три этажа его были такъ разрушены, что едва камень оставался на камнѣ.

Шефферъ, повидимому, необращавшій на это вниманія, повелъ своихъ товарищей къ погребу.

— Безразсудный, сказалъ ему Фаустъ, неужели ты думаешь, что грабители не умѣли проникнуть въ мой погребъ?

— Я нисколько не сомнѣваюсь, хозяинъ, что они выпили все, начиная съ вашего прекраснаго рейнвейна, который я нарочно поставилъ на видъ у дверей того секретнаго погреба, гдѣ вы его держали прежде; въ погребъ же спрятали я другую вещь и заложилъ отверзтіе. Не отчаивайтесь.

Когда они сошли въ подвалъ, предварительно очистивъ туда входъ, Шефферъ сильными ударами проломилъ стѣну, которую онъ самъ устроилъ съ такимъ искусствомъ, что она нисколько не отличалась отъ прочихъ, потомъ ударомъ заступа разбилъ одну изъ находившихся тамъ бочекъ.

— Вы видите, что не все потеряно, сказалъ онъ. И въ-самомъ-дѣлѣ эта бочка, какъ и всѣ другія, была наполнена прекрасными экземплярами библіи.

— Да! сказалъ Фаустъ: да, этимъ можно поправить наше состояніе! Но кому продать это драгоценное произведеніе нашихъ трудовъ, когда вся страна въ смятеніи?

— Нѣтъ, нездѣсь, отвѣчалъ Шефферъ, а въ Парижѣ, въ этомъ великолѣпномъ и просвѣщенномъ городѣ, гдѣ за нѣсколько экземпляровъ можно получить огромную сумму. На первый случай деньги нужны только для поѣздки, и всякій жидъ дастъ подъ залогъ одного экземпляра значительную сумму тому, кто отправится.

— Другъ, сказалъ Гуттенбергъ: ты началъ такъ прекрасно, ты же долженъ и покончить дѣло. Притомъ же въ насъ троихъ одинъ только ты говоришь по-французски. Поѣзжай въ Парижъ, и будь вторично нашимъ спасителемъ.

Въ скоромъ времени Шефферъ съ книгами библіи прибылъ въ столицу Франціи, и поселился въ Латинскомъ кварталѣ, на углу улицъ Матуриновъ и Courpe-Gueule, напротивъ отеля Клини.

На противоположной сторонѣ находилась улица des Trois-Maillets, часто посѣщаемая переписчиками, студентами и книгопродавцами. Между послѣдними былъ мессиръ Жакъ Рембольдъ,

преемникъ Ивана Куртилье, одинъ изъ четырехъ присяжныхъ книгопродавцевъ при университетѣ. Къ нему случайно обратился Шефферъ, отправившійся въ Таверну для освѣдомленій.

— Мессиръ, сказалъ путешественникъ послѣ обыкновеннаго привѣтствія: правда ли, какъ говорятъ, что Людовикъ XI не въ состояніи купить книги по ихъ настоящей цѣнѣ?

— Быть можетъ, отвѣчалъ Рембольдъ: еще недавно любезный король нашъ, желая прочесть книгу знаменитаго доктора Разе, былъ не въ состояніи представить въ залогъ, безъ котораго факультетъ не выдавалъ книги, требуемую сумму, а вмѣсто нея прислалъ часть серебряной посуды.

Это дѣйствительно было такъ; книги тогда были такъ рѣдки, что герцогиня Анжуйская за сочиненіе d'Homélie давала 200 овецъ, 20 овчинныхъ шкуръ, бочку пшеницы, бочку ржи и бочку проса.

— Если такъ, продолжалъ Шефферъ, то мнѣ не должно теперь слишкомъ беспокоиться.

И говоря это, онъ вынулъ изъ-подъ платья экземпляръ Библии.

Книгопродавецъ, осмотрѣвъ книгу, нашелъ, что текстъ выполненъ безошибочно.

— Если это продается, присовокупилъ онъ, я охотно даю 500 экю.

Торгъ былъ заключенъ къ полному удовольствію Рембольда, который, отдавая деньги, сказалъ:

— Если вы писецъ и это ваша работа, то мнѣ было бы пріятно, за такую же цѣну заказать вамъ подобную же книгу.

— Одну, двѣ, даже десять и болѣе, если онѣ вамъ такъ нравятся.

— О! возразилъ книгопродавецъ, подобный трудъ не будетъ конченъ и во сто лѣтъ!

— Назначьте время, мессиръ, какое вамъ заблагоразсудится.

— Слишкомъ много сказано, господинъ!

— Назначьте время и вы увидите, что я не шучу.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?! сказалъ Рембольдъ лукаво: въ одинъ годъ въ состояніи вы приготовить десять экземпляровъ?

— Я сдѣлаю больше; и если вы такъ же скоро будете платить, какъ говорите, то завтра же въ назначенный часъ представлю требуемыя книги.

Книгопродавецъ начиналъ думать, что его собесѣдникъ лишенъ здраваго смысла.

— А почемужь не тотчасъ? спросилъ онъ, презрительно пожимая плечами.

— Подождите, я схожу за ними, говорилъ Шефферъ, горячаясь и поспѣшно иди къ двери.

Рембольдъ его остановилъ.

— Послушайте, сказалъ онъ, смотря на него пристально: вы человекъ сверхъестественный.

— Не бойтесь, возразилъ Шефферъ. Я только самый проворный и трудолюбивый изъ писцовъ, и вы никогда не видѣли и не увидите лучшаго христіанина.

— И вы въ-самомъ-дѣлѣ обѣщаете представить 10 библий, подобныхъ этой.

— Да, обѣщаю, и нисколько не сержусь, что вы мнѣ не вѣрите, потому-что тотчасъ могу убѣдить васъ.

— А! вскричалъ Рембольдъ, ударивъ себя по лбу: вы, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ трюхъ, которые сдѣлали чудесное открытіе выдавать до безконечности экземпляры книги въ гораздо меньшее время, какое потребно для ея переписки.

Шефферъ нѣсколько испугался; ему показалось, что онъ вышелъ изъ предѣловъ благоразумія; а потому и сдѣлалъ видъ, какъ-будто не понялъ того, что говорилъ Рембольдъ.

— Не старайтесь скрывать, продолжалъ Рембольдъ: вашъ иностранный выговоръ давно изобличилъ васъ. Но такъ-какъ вы счастливѣе меня, и нашли то, чего я добивался напрасно, то заключимъ условіе, и вы наѣрное не будете раскаиваться. Кроме меня, никто изъ Парижанъ не слыхалъ объ этомъ открытіи, и я узналъ единственно потому, что получилъ письмо отъ ученаго доктора Георгія Тиферна, моего друга, который въ настоящее время путешествуетъ по Германіи. Присоедините меня, съ 50,000 ливровъ, къ вашему обществу, и мы вчетверомъ скоро стяжемъ богатство и славу, въ противномъ случаѣ, я вправѣ говорить, что я знаю, и никто не рѣшится купить ваши книги, сдѣланныя при помощи магіи.

Положеніе Шеффера требовало размышленія; ему казалось, что лучше нѣсколько повременить; поэтому онъ объявилъ Рембольду, что дѣйствительно въ Германіи имѣетъ двухъ сообщниковъ, заслуживающихъ уваженіе, но что ему поручено только продать книги, въ составленіи которыхъ онъ не принималъ ни малѣйшаго участія. Поэтому онъ убѣдительно проситъ позволить написать товарищамъ и сообщить имъ это предложеніе.

— Пишите, говорилъ Рембольдъ, и какъ можно скорѣе, ибо успѣхъ торговли много зависитъ отъ поспѣшности.

Присяжный книгопродавецъ, заключивши условіе съ Шефферомъ, началъ сбывать книги въ Парламентъ, Сорбоннѣ, въ судебныхныхъ мѣстахъ, между городскими обывателями и даже монахами, медленная и цѣнная промышленность которыхъ окончательно рушилась отъ книгопечатанія. Менѣе чѣмъ въ 6 недѣль были проданы почти всѣ библіи Шеффера, и онъ получилъ болѣе 60,000 ливровъ. Съ этого времени майнцское заведеніе, разоренное герцогомъ Нассаускимъ, быстро стало возобновляться на деньги добрыхъ Парижанъ.

(Окончаніе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ЖИЗНИ И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ

Ф. Н. МЕНЦОВА.

Нерѣдко забываются имена многихъ тружениковъ науки, имена, которыя должны-бы красоваться и блеснуть въ вѣнцѣ отечественныхъ дарованій! Имя Ф. Н. Менцова тѣмъ легче можетъ забыться, что оно являлось въ печати скромно, безъ похвалъ и лестныхъ эпитетовъ, не пестрѣло на журнальныхъ программахъ, и потому извѣстно однимъ только такъ-называемымъ *диллетантамъ* литературы; большинство же готово спросить: «кто былъ Ф. Н. Менцовъ, и *чѣмъ* онъ извѣстенъ»? Отвѣчаемъ: нашъ русскій поэтъ и ученый; извѣстенъ преимущественно, какъ *поэтъ*; а какъ велика его потеря для нашей ученой и такъ называемой изящной литературы, предоставляемъ судить самимъ читателямъ: усиливъ нѣсколько воображеніе, имъ не трудно будетъ представить себѣ даже все теченіе неслыханно бурной жизни поэта, по слѣдующимъ даннымъ.

Коллежскій ассесоръ Федоръ Николаевичъ Менцовъ, сынъ небогатаго титулярнаго совѣтника, родился въ С.-Петербургѣ 10-го февраля 1818 года. Девяти лѣтъ (1-го іюня 1827 г.) онъ

поступилъ на службу въ почтовый департаментъ *кописистомъ*; въ 1828 году сталъ посѣщать классы здѣшней 2-й гимназій, и въ этотъ же самый лучший для всѣхъ періодъ жизни, участвовалъ въ почтовомъ церковномъ хорѣ.—Тутъ въ гимназій, приготавливаясь къ изученію поэтовъ классической древности, Менцовъ написалъ *первое* стихотвореніе: *Солдатъ* (помѣщенное потомъ въ журналѣ «Чтеніе для солдатъ» 1847 г.). Какъ *первый опытъ* юноши въ 14 лѣтъ, стихотвореніе это очень замѣчательно. Въ немъ молодой авторъ изобразилъ, можно сказать, цѣлую жизнь русскаго солдата, въ три важнѣйшіе ея момента: 1) когда любовь матери борется съ гордымъ энтузіазмомъ, влекущимъ ея сына на поле битвы; 2) Когда онъ идетъ навстрѣчу врагу не съ одною вѣрою въ силу русскаго оружія, но съ вѣрою въ Провидѣніе, съ благословеніемъ матери и *угодника Николая*; и 3) когда, гордясь полученною въ битвѣ съ супостатомъ ранюю, спѣшитъ *домой*, въ теплыя объятія своей *родной*, которая, увы! не дождалась его возвращенія....

При переходѣ, въ 1834 году, изъ 6-го въ 7-й классъ гимназій, Менцовъ оставилъ ее и вступилъ въ число студентовъ с.-петербургскаго университета, избравъ факультетъ филологическій и преимущественно посвятивъ себя изученію восточныхъ языковъ. И здѣсь, въ этомъ вышемъ училищѣ, Менцовъ учился также хорошо; «профессоры не могли нахвалиться его стараніемъ и смѣтливостью, и съ каждымъ годомъ усиливалась къ нему ихъ привязанность. Пользуясь любовью почтенныхъ профессоровъ, Менцовъ въ то же время былъ любимъ и своими товарищами за привѣтливость и ласковый нравъ; не будучи гордецомъ, онъ никому изъ товарищей не отказывалъ въ лестномъ для нихъ знакомствѣ съ нимъ; а тѣ изъ нихъ, которые обратили на себя его вниманіе, какъ *славные парни*, безъ труда завладѣли и его сердцемъ»*. — Дѣля съ ними время и удовольствія, онъ помогалъ имъ, объясняя—превратно, ошибочно или вовсе непонятое ими въ аудиторіи профессора, и тѣмъ заставлялъ ихъ еще больше уважать его, предпочитая, впрочемъ, прямую и теплую дружбу чувству холоднаго уваженія. — Незамѣтно протекли обычные года въ университетѣ, и совѣтомъ его конференціи, въ 1838 году, Менцовъ былъ признанъ *кандидатомъ восточной филологіи*. Тутъ собственно начинается его

* Слова изъ некролога Ф. Н. Менцова, нами же написаннаго и помѣщеннаго въ фельетонѣ Полн. Газ. 9-го марта 1848 г. (№ 54).

учено-литературная дѣятельность, хотя, впрочемъ, къ этому времени онъ уже успѣлъ приобрести себѣ извѣстность поэта, помѣтивъ порядочное количество очень хорошихъ стихотвореній въ Литерат. Прибав. къ Русс. Инв. за 18³⁴/₃₇ года.

Понимая свое благородное призваніе, Ф. Н. Менцовъ, по выходѣ изъ университета, прежде всего озаботился согласить требованія просвѣщеннаго ума съ обязанностями службы, и 5-го мая 1839 г. онъ поступилъ въ редакцію Жур. Мин. Нар. Просв. а 17-го июня 1843 г. опредѣленъ чиновникомъ Археографической Комиссіи при Департ. Нар. Просв., съ оставленіемъ при означенной редакціи. О неутомимой дѣятельности его по редакціи Ж. М. Н. П. краснорѣчиво свидѣлствуютъ книжки этого журнала, въ которыхъ онъ оставилъ *восемь* прекрасно обработанныхъ ученыхъ статей и многое множество рецензій. Энциклопедическій Лексиконъ, Б. Д. Чт. и другіе журналы тоже немало были обязаны, въ свое время, участію Менцова. Сообщимъ списокъ всѣмъ учено-литературнымъ статьямъ Ф. Н. Менцова, подъ которыми было означено его имя вполнѣ или сокращенно.

I. Въ Жур. Мин. Н. П. 1838 года (мартъ мѣсяць) Зездежердъ III, Шахъ Персидскій (последній до покоренія Персіи Аравитянами); (апрѣль мѣсяць) Взглядъ на литературу, науки и искусства Гиндусовъ, (статья первая; продолженія не было, да его и не обѣщаль авторъ); 1839 г. (май мѣсяць) Ученыя открытія въ 1838 году; 1840 (мартъ) О состояніи первоначальнаго обученія въ Китаѣ *; 1842 г. а, (январь) Жизнь и труды Лейбница, и б, (декабрь) Законодательство и судопроизводство въ Индіи, (очень обширная статья); 1843 г. (январь) Аристотель; 1845 г. (августъ) Баронъ Кювье, (статья доктора Паризѣ).

II. Въ Б. Д. Чт. 1839 г. (Т. XXXII) Науки и искусства въ древней Индіи.

III. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ а, томъ IX, Веда или Ведамъ (такъ называются древнѣйшія священныя книги Индовъ, служащія для нихъ нѣкоторымъ закономъ, — довольно обширная статья); Бедаги (шесть книгъ, которыя могутъ быть названы комментаріями къ Ведамъ); Веданта (индѣйское богословіе); Веданты (одна изъ древнѣйшихъ индѣйскихъ религіозно-философскихъ сектъ); Ведера (индѣйская религіозная секта) Вешинава (см. Вишну; статья эта впрочемъ неподписана); Вен-

* Статья эта составлена изъ разныхъ NN. Chinese Repository, мая 1834 и мая 1836 г. и изъ статей молодого, но уже извѣстнаго французскаго ориенталиста Эдуарда-Бю: Details sur l'état de l'instruction primaire en Chine. Прим. Ф. М.

дидатъ-саде (священныя книги древнихъ Персовъ или Парсовъ, содержащія въ себѣ духовныя и гражданскія ихъ узаконенія); Верага-аватура (3-е воплощеніе иплусскаго божества Вишну); б, томъ X, Веталапангависати (названіе санскритскаго сочиненія, которое заключаетъ въ себѣ 25 сказокъ, рассказанныхъ будто-бы демономъ Ветала царю индѣйскому, Викрамадтитю); Вигеадешми (индѣйское празднество), Викрамадтитя (знаменитый царь древней Индіи); Вина или Вине (индѣйскій музыкальный инструментъ), Вирапатринъ (индѣйскій богъ); Висидиры или Весидеры (земская должность въ Индостанѣ); Вишну (индѣйское божество, — очень любопытная статья); Вишау Сарма (имя индѣйскаго брамина, которому приписывали сочиненіе апологговъ, извѣстныхъ въ Европѣ подъ именемъ Басель-Бидная или Пильная; статья небольшая и неподписана); в, томъ XII, Вриметъ (теологъ и ориенталистъ XVIII в. Врихатъ-катча (самое богатое и знаменитое собраніе индѣйскихъ сказокъ); Вулгата (латинскій переводъ Библии, лучший изъ всѣхъ латинскихъ переводовъ и утвержденный для Западной Церкви на Тридентскомъ Соборѣ. — NB Смѣемъ замѣтить, что для полноты этой статьи недостаетъ одного свидѣнія о времени, когда былъ созванъ Тридентскій Соборъ); Вулканъ (богъ огня и кузнецовъ); Булгаковъ (Констант. Яковл.; бывший Директоръ Почтов. д-та и с.-петербургскій Почтдиректоръ, образовавшій въ С.-Петербургѣ городскую почту). Томъ XIII: Гайдеръ-али-ханъ (знаменитый султанъ Мисорскій, поэтъ Магомета, — большая статья); Геберъ (калькутскій епископъ); д, томъ XIV, Генрихъ IV, V и VIII (Короли Англии — три статьи); Генсен (Король въ англійскомъ Индостанѣ); Гераклиды (родоначальники царей Македоніи), Геродіанъ (греческій историкъ), Герельдъ (различное значеніе этого слова); Герулы (народъ, обитавшій искони на сѣверѣ Европы), Герципскіи лѣсъ (въ Германіи); Гёте (обширная для лексикона, и истинно прекрасная статья: смѣло рекомендуемъ ее всѣмъ любознательнымъ читателямъ); Гидрира (магометанская эра); Гипанисъ (названіе многихъ рѣкъ); Гиртъ (ориенталистъ XVIII в.); Гифазисъ (рѣка въ Индіи); Гианполисъ (два города въ древней Греціи); Гоа (португальское владѣніе на западномъ берегу Индіи); Гоа (городъ въ Индіи); Годавери (рѣка въ Индостанѣ); Годуновъ (Борисъ Федоровичъ; — обширная статья), Галиусъ (ориенталистъ XVII в.); Гомеръ (самый знаменитый изъ всѣхъ поэтовъ классической древности); Гораціи (римскій поэтъ); Гордіанъ I, II и III (три статьи); е, томъ XV, Гофманъ (французскій поэтъ, критикъ и журналистъ); Граціи (три сестры, греческія богини

красоты и прелести); Гретна-гринъ (деревня въ Шотландіи, замѣчательная тѣмъ, что здѣсь свободно могутъ обвѣнчаться любовники); Григоріи (16 римскихъ первосвященниковъ), Гумбольдтъ, (пруссійскій министръ); Гумбольдтъ (меньшой братъ предшествовавшаго, знаменитый ученый); Гуръ (разоренный городъ англійскаго Индостана); Густавъ I, II, III и IV (четыре статьи) Дабмелимъ (имя древняго Индѣйскаго царя); Давила (потомокъ древней благородной фамилии, краспорѣчивый историкъ Франціи XVI в.); Даву (маршалъ Наполеона—по словамъ Ф. Н. Менцова, *самый хищный и храбрый*), Дапанъ (арабскій грамматикъ и стихотворецъ VI стол. Гиджры), Дагонъ (народное божество Филистимлянъ); Дайръ-эль-камаръ (городъ въ Ливанскихъ горахъ); Дантіи (мрачныя испанскіе демоны индѣйской мифологіи); Дайчинъ (въ ламайской мифологіи богъ войны); Даламберъ (знаменитый математикъ XVIII в.); Даниекеръ (одинъ изъ знаменитыхъ новѣйшихъ скульпторовъ), Данте (знаменитый пѣвецъ «Рая и Ада,» — прекрасная статья); Гароембергъ (пруссійскій министръ), и ж.; томъ XVI, Debats (журналъ, библиографическая статья); Девадетъ (основатель особой магометанской секты); Дева-нагари (санскритская азбука); Дева-нагума (великій индѣйскій завоеватель); Деверна (предметъ изъ индѣйской мифологіи); Деветы (то же); Девигъ (значение этого слова); Дегинъ (извѣстѣйшій французскій ориенталистъ); Дезидерій (нѣсколько лицъ этого имени); Дей (титулъ алжирскаго владѣтеля); Деказь (герцогъ Глюкебургскій, перъ Франціи); Декандоль (ботаникъ); Дегуріи (наименованіе извѣстныхъ гражданскихъ раздѣленій Римлянъ); Делавинъ (французскій драматургъ); Деламбръ (французскій астрономъ); Дельта (часть Египта), Десятина (въ церковно-юридическомъ смыслѣ); Децебалъ (царь Даковъ); Джагатайскій языкъ; Джали (персидскій поэтъ); Джаннаби (нѣсколько замѣчательныхъ лицъ востока этого имени); Джебанъ (городъ въ Азіатской Турціи); Жевгеры (извѣстный арабскій лексикографъ), Желлалъ эдлинъ руми (одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ); Жемла (лицо очень извѣстное на политической и военной сценѣ Индіи); Жены (сектаторы индѣйскіе, противники браминистовъ); Жиггей (восточный ориенталистъ и докторъ богословіи); Жиридъ (арабское слово); Джонсонъ (четыре статьи, подписана только послѣдняя); Диктаторъ (очень извѣстное латинское слово); Димитрій (четыре статьи), Димитрій III, Димитрій Фалернскій, Димитрій Фаросскій, Димитрій Византійскій; Дитрихштейнъ (древнѣйшая нѣмецкая фамилія); Діана (божество Грековъ); Діодоръ Сицилійскій (греческій историкъ). Статья:

«Взглядъ на литературу, науки и искусства Гипдусовъ» заслуживаетъ особеннаго вниманія, сколько по увлекательному изложенію, столько же и по основательной обработкѣ взятаго предмета, и замѣтите, автору ея Ф. Н. Менцову въ то время было *всего 20 лѣтъ!* Явленіе весьма утѣшительное! Дѣльность статьи «О первоначальномъ обученіи въ Китаѣ», призналъ даже нашъ извѣстѣйшій синологъ, почтенный о. Іакинфъ (Бичуринъ); въ своихъ замѣткахъ на эту статью (см. Журн. М. Н. П. 1840 г. кн. 26) онъ отзывается объ ней такъ: «Въ русскихъ литературныхъ журналахъ и газетахъ изрѣдка встрѣчаются статьи, относящіяся къ Китаю; но *та, о которой я говорю, выходитъ изъ круга обыкновенныхъ статей. Она замѣчательна по своей дѣльности, въ отношеніи къ содержанію и къ переводу. Помѣщенные въ ней сужденія довольно основательны; но сочинитель, какъ видно изъ его сужденій, не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній о предметахъ, которыхъ онъ касался, и проч.* Статья «О Лейбницѣ» обратила особенное наше вниманіе и привостію, такъ-сказать, изложенія и полнотою фактовъ. Лейбницъ, «этотъ самый разнообразный гений, какого только производила природа», разсматривается Менцовымъ не только какъ «безсмертный патріархъ германской философіи», но и какъ математикъ, физикъ, правовѣдъ, историкъ и вмѣстѣ политикъ.

Въ параллель съ статьею о Лейбницѣ должны мы поставить статью объ Аристотелѣ, составленную, по-видимому, довольно поспѣшно. Доказательствомъ этой торопливости служатъ нѣкоторыя мѣста, на которыя мы позволяемъ себѣ представить свои возраженія.

(Стр. 2—3) «Надежды Филиппа» (которыя состояли въ томъ, что въ лицѣ его сына Александра Аристотель приготовитъ достойнаго царя Македоніи) «не были обмануты. Учитель сообщилъ ученику своему науки и познанія, какими онъ обладалъ, и особый родъ философіи, какъ говоритъ Плутархъ, что однако не даетъ выгоднаго понятія объ этой философіи, ибо истинный мудрецъ долженъ распространять познанія между другими. Нѣкоторые ученые полагали даже, что философія эта была не что-иное, какъ политика Макіавелли. Употребленіе, сдѣланное изъ нея Александромъ, подкрѣпляетъ это мнѣніе».

Мы думаемъ, что истинный мудрецъ долженъ распространять свои познанія между другими, соображаясь со степенью воспримчивости головы своихъ слушателей, но, главное, съ ихъ будущимъ назначеніемъ; и потому, къ-чему было Аристотелю читать для всѣхъ правила, какъ управлять государствомъ, какъ

развивать умственные и нравственные силы народа, направлять ихъ къ одной извѣстной цѣли, и самому быть душою всего гражданскаго общества? Въ своихъ слушателяхъ, какъ другъ чело- вѣчества, Аристотель долженъ былъ приготовить небольше какъ вѣрныхъ и полезныхъ гражданъ, возвысить, укрѣпить и облагородить въ нихъ чувства народности, и преподать совѣты къ управленію собою, а не царствомъ, судьбе которыхъ ввѣ- ряется Провидѣніемъ особеннымъ избранныкамъ, и блюдется не посредственно Имъ Самимъ!

(Стр. 4) «Жизнь Аристотеля незамѣчательна и не представ- ляетъ ничего важнаго или поучительнаго».

Смѣемъ думать, что съ какой бы точки не смотрѣть на жизнь философа, тѣмъ еще болѣе на царя философовъ (какъ прозвали Аристотеля), его жизнь не можетъ быть незанимательна, и въ назиданіе, она преподаетъ намъ, конечно, много полезныхъ уроковъ. Скажемъ болѣе: жизнь всякаго челоѣка занимательна и назидательна въ высшей степени: какъ изъ нестройныхъ, без- порядочно взятыхъ аккордовъ, эстетическій вкусъ композитора открываетъ новые законы разложенія звуковъ, сливаетъ ихъ въ одну общую гармонію, и ея, впоследствии, потрясаетъ наши сердца, такъ изъ жизни, челоѣкъ мѣлящій извлечетъ много и утѣшительныхъ, и горькихъ истинъ.

Не можемъ при этомъ не обратить вниманія читателей на слѣ- дующія слова (стр. 15): «Аристотель правъ, говоритъ Ф. Н. Менцовъ, разсматривая сіи обстоятельства (богатства, поче- сти, знатный родъ, красоту тѣла), какъ средства къ распро- страненію вліянія добродѣтельнаго челоѣка на другихъ; но справедливость требуетъ сказать, что добродѣтельный челоѣкъ обыкновенно въ сихъ же обстоятельствахъ находитъ сильнѣй- шія искушенія для собственной своей добродѣтели».

Печатаемая ученыя статьи, рецензіи и обзорныя журналовъ и газетъ, Ф. Н. Менцовъ въ то же время былъ усерднымъ чи- телемъ музъ. Нами собрано *сорокъ-пять* стихотвореній Ф. Н. Менцова *, и всѣ они носятъ на себѣ вѣрный признакъ дарова-

* Изъ нихъ *тринадцать* было помѣщено въ Б. Д. Чт., не считая стихо- творенія «Пѣвецъ къ Славянамъ, передъ отъѣздомъ на войну», перепеча- таннаго изъ Литер. Прибавленій къ Русс. Инв. за 1835 годъ; *тринадцать* въ Литер. Приб. къ Русс. Инв.; *десять* въ Лит. Газетъ; *шесть* въ Сынѣ Отечества, не считая помѣщеннаго въ апрѣльской книжкѣ С. О. за 1848 годъ стихотворенія «Пѣсня», безъ названія напечатаннаго первоначально въ Лит. Газетъ за 1847 годъ, одно «Солдаты», въ журн. Чтеніе для солдатъ, 1847

нія несомнѣннаго; нѣкоторыя изъ нихъ, именно тѣ, въ кото- рыхъ Ф. Н. Менцовъ говоритъ *про себя*, кромѣ общаго инте- реса, очень замѣчательны еще въ библиографическомъ отноше- нии: чувство особенной душевной теплоты, согрѣвающее эти стихотворенія, заставляетъ насъ вѣрить, что сожалѣнія поэта о его *печальной, промелькнувшей веснѣ* есть не пустая болтовня писавшагося ниты, а откровенная исповѣдь души благородной, *автобіографія* Менцова, вылившаяся сама-собою въ тѣ минуты, когда наше вниманіе исключительно бываетъ обращено на наше прошедшее; и потому, основываясь *на годъ*, выставленномъ подъ стихотвореніемъ Ф. Н. Менцова, мы можемъ сказать: *въ 1835 г.* онъ былъ влюбленъ:

«Въ безумномъ изступленіи
«Онъ отъ любви и плакалъ и стоналъ,
«Склонясь главою въ слезахъ, въ изнеможеніи,
«До утренней зари не засыпалъ!» и проч.
(См. стихотвореніе: «Была пора»).

Это была пора «роскошныхъ сновъ»....

Въ 1842 году, обманутыя мечты юности навѣяли на поэта грустное разочарованіе; любовь уже не жгла его сердца; въ его сочувствіи къ вещамъ и лицамъ уже не было прежняго жара;

г., одно: «Ночь поэта», въ Репертуарѣ, и одно: «Перелетныя птицы» въ Прибав., къ Ж. М. Н. Ц. за 1840 г.

Въ Б. Д. Чт. были помѣщены слѣдующія стихотворенія Менцова: 1835 г. Восторгъ (изъ В. Гюго); 1838 г. Последняя пѣснь, Девинъ (изъ В. Гюго), Утѣшеніе въ молитвѣ, Законъ судьбы, Отантинка, Покойникъ, День рожде- нія, Огонь Небесный, Тщетность Земнаго. Пѣснь Сатаніе я; 1839 г. Бываютъ часы, и Грусть Наши — Стихотвореніе Пѣвецъ къ Славянамъ передъ отъѣз- домъ на войну перепечатано въ Б. Д. Чт. 1839 г. изъ Литер. Прибавл. къ Русс. Инв. 1835 г. съ незначительными измѣненіями въ словахъ, и съ опу- щеніемъ слѣдующаго эпиграфа, изъ Козлова «На отъѣздъ»:

Какъ же сердцу не грустить,
Какъ не высказать печаль,
Когда отъ тѣхъ, съ кѣмъ мило жить,
Стремимся въ темнѣ дакъ!

Въ Литер. Прибавл. къ Р. И. были напечатаны слѣдующія произведенія Менцова: 1834 г. Старина, — 1835 г. Покрывало; Пѣвецъ къ Славянамъ пе- редъ отъѣздомъ на войну; Пѣснь разлуки; Последнее прости; Черныя и го- лубыя очи; Степная роза; Три возраста жизни (подражаніе арабскому); 1836г. Къ прелестницѣ; День разлуки; 1837 г. Прометей и В. А. Жуковскому, и 1838 г. Вечерняя заря. — Въ Литер. Газетъ: 1842 г. Аріэлю; Любимая султанша; 1843 г. Пиръ, и безъ названія; 1848 г. Романсъ; Пѣснь Луизы Орлеанской; Пѣтъ жизни; Осень. Въ Сынѣ Отечества: 1847 г. Была пора; Кто-то; Жизнь сердца; 1848 г. Двѣ силы; Воспоминанія, и люблю тебя.

его взглядъ, вообще, сталъ казаться сухимъ и холоднымъ; въ его жилы горькій опытъ жизни влилъ нѣсколько отравительныхъ капель егонизма, и его занимали уже не черныя и голубыя мазки, а преимущественно интересы науки; въ 1843 году ему уже страннымъ казался кипучій восторгъ юности (слова его собственнаго сознанія); въ 1847 году сердце его совсѣмъ остыло для поэзіи жизни.... Такою изображаетъ свою жизнь, въ стихотвореніяхъ, Ф. Н. Менцовъ, и такую она была на-самомъ-дѣлѣ!

Въ своемъ «Послѣднемъ Простѣ» (написанномъ одной, кажется, смоленской красавицѣ), въ 1855 году, поэтъ сказалъ:

*«Предчувствіе безвременной кончины
«Какъ тяжкій грѣхъ мнѣ душу бременитъ!»*

Слова Ф. Н. Менцова:

*«Людскихъ я не знаю обычныхъ уловокъ,
«Быть я отъ святскихъ цѣпей», и проч.*

(См. стихотв. Воспоминанія) также поразительно вѣрны; ибо, при многостороннемъ образованіи, Ф. Н. Менцовъ вовсе не походилъ на человѣка свѣтскаго — даже по своему изысканно неопрятному костюму. Не вправдѣ ли мы послѣ этого сказать, что, по выраженію Гёте, онъ *плѣлъ, какъ поетъ птица небесная*, по чистому внушенію сердца, и что отъ этого каждое его стихотвореніе, больше нежели кого другаго, носитъ на себѣ вѣрный отпечатокъ настроенности его духа въ извѣстныя минуты? А всматриваясь внимательно въ характеръ поэзіи Ф. Н. Менцова, мы узнаемъ, какъ тяжелъ и грустенъ былъ крестъ его непродолжительной жизни, хотя онъ провелъ ее подъ мирнымъ отеческимъ кровомъ, и хотя на его долю не выпало никакихъ особенныхъ страданій! Какъ грустно отзываются въ сердцѣ, на примѣръ, слѣдующія слова:

*«..... какъ будто бы въ изнаніи
«Ищу душой бывалыхъ я друзей!
«Живите же хоть вы, роскошныя мечтающа
«Всегда въ душѣ измученной моей!
«Во тмѣ блуждало я; но ночь воспоминанья
«Милые мнѣ, чѣмъ свѣтъ грядущихъ дней!»*

(См. стихотв. «Жизнь Сердца»). Но не всегда, впрочемъ, его поэзія имѣетъ такой скучный, мрачный колоритъ; порой она игрива, какъ юность, и вызываетъ невольно веселую улыбку. Въ подтвержденіе этого, выписываемъ слѣдующій очень миленькій, наивно-дѣвственный романсъ: «Онъ меня любитъ».

*Зачѣмъ со мной онъ такъ робѣетъ,
Зачѣмъ со мной онъ весь не тотъ,
И въ танцахъ часто такъ краснѣетъ,*

*Когда мнѣ руку подаетъ?
Въ кругу другихъ живой, игривый
Онъ веселъ, рѣзвъ, какъ дитя,
Со мной же тихій, молчаливый,
Ну, право любить онъ меня!*

*И для чего же взоръ свой нѣжный
Поконитъ часто онъ на мнѣ?
Вздыхаетъ точно безнадежный
И часто плачетъ въ тишинѣ;
Но слезъ, тоски его предметомъ,
Другая, можетъ-быть, не я:
Онъ не даритъ меня привѣтомъ,
Нѣтъ, право любить онъ меня!*

*Зарю, кто-то неизвѣстный
Недавно въ день рожденья мнѣ
Розъ бѣлоснѣжныхъ кустъ прелестный
Поставилъ тайно на окнѣ.
Онъ быстро удалился въ поле,
Когда въ окно взглянула я,
Но, можетъ-быть, гулялъ—не болѣ..
Нѣтъ, право любить онъ меня!...*

*Порою мимо насъ проходитъ,
Въ окнѣ кого-то ищетъ онъ,
Меня увидитъ, взоръ отводитъ,
И какъ-то сухъ его поклонъ,
Онъ полюбилъ уединенье,
Онъ полюбилъ лѣса, поля:
Въ нихъ ищетъ онъ успокоенья —
Навѣрно, любить онъ меня!*

Спрашиваемъ: можно ли естественнѣе изобразить состояніе молодой дѣвушки, незнающей всѣхъ тайнъ кокетства, когда путемъ сознанія она доходитъ до убѣжденія: *Онъ меня любитъ?!* Мы увѣрены, что мои читательницы (если онѣ будутъ у меня) непременно пожелаютъ видѣть переложеннымъ на музыку этотъ романсъ, написанный, повидимому, подъ диктовку женскаго сердца: каждое слово его такъ мѣтко и вѣрно истинѣ!

Не дѣлаемъ больше никакихъ выписокъ изъ стихотвореній Ф. Н. Менцова, и не произносимъ никакого приговора о его поэтическомъ талантѣ, потому-что дѣло біографіи — только указать талантъ и его полезную дѣятельность, а опредѣлять цѣну таланта, его развитіе, это дѣло—*критики*. Въ прозѣ, по части беллетристики, мы имѣемъ одинъ *разсказъ* Менцова изъ петербургской жизни: *Красотка*, помѣщенный въ Литер. Газетѣ 1848 г. № 2.

Кромѣ разобранныхъ нами трудовъ Ф. Н. Менцова и трудовъ по Археографической Коммиссіи, онъ, въ 1845 г. *по нѣскольку разъ* доставлялъ въ Отд. русс. языка нашей Академіи Наукъ

большія выписки словъ изъ разныхъ сочиненій, для Слова-
ря.

Затѣмъ, въ свободное время, Ф. Н. Менцовъ *приготавливалъ
бѣдныхъ молодыхъ людей въ разные учебныя заведенія, — и эта
черта дѣлаетъ особенную честь сердцу Менцова, — приготавливалъ
необыкновенно быстро, и приготовленные имъ поступали всегда
въ число первыхъ; это обстоятельство дѣлаетъ особенную честь
методу его педагогики.

Ф. Н. Менцовъ, какъ человекъ, имѣлъ, разумѣется, и свои
недостатки; но привычки находить корень зла, его источникъ,
мы не будемъ упрекать его за нихъ: они столь близки къ намъ
по природѣ. Но эта борьба добра и зла не могла заглу-
шить, однако, таинственного голоса, который продолжалъ
звать его въ другой міръ, и чѣмъ онъ ближе подходилъ къ его
роковому рубежу, тѣмъ голосъ внятнѣе говорилъ ему о тлѣнно-
сти земнаго; послѣднія стихотворенія Ф. Н. Менцова («Нѣтъ
жизни», — «Осень», — «Двѣ силы») точно какъ-будто служатъ
отголоскомъ этого таинственного зва: въ стихотвореніяхъ этихъ
вспыхнулъ, можно сказать, лучъ жизни для поэта, съ особен-
нымъ блескомъ, и тутъ же погасъ — навѣки!

Въ ночи съ 3 на 4 февраля 1848 г. смерть мгновенно прер-
вала нить жизни Ф. Н. Менцова. Похороны его на Смоленскомъ
кладбищѣ (7 февраля) представляли картину вполне семейную:
тутъ не было никого, нѣжная привязанность котораго къ по-
койному подлежала бы сомнѣнію; тутъ не было также ни од-
ного литератора или ученаго, привязанность которыхъ къ Ф. Н.
Менцову была больше умственная, нежели сердечная....

Признаемся, мы не испытали въ жизни впечатлѣнія тяжеле,
убійственнѣе того, какое неволью овладѣваетъ, когда хоронишь
талантъ, только-лишь распутившійся! Пробѣжите еще разъ на-
шу статью, и вспомните, что Ф. Н. Менцову было всего, *трид-
цать лѣтъ!*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Х.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1852.